МАРИЯ СЕМЁНОВА
АННА ГУРОВА
АРАТТА
Книга 2
ЗАТМЕНИЕ
АЗБУКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мир тысячелетия назад. Последние отступающие ледники, первые легендарные империи, мифические предки финнов и славян и чудом сохранившиеся реликты куда более древних эпох – все это мир великой Аратты и окружающих ее диких земель. Опасность угрожает живым богам Аратты, и самые отдаленные уголки обитаемого мира приходят в движение. Восстают племена, пробуждаются древние демоны, изгнанные столетия назад. Царевич Аюр возвращается в столицу с Великой Охоты. Ее нельзя назвать удачной – из всей многочисленной свиты уцелело лишь трое человек. Проклятие лесного оборотня преследует и самого царевича, и его спутников. Дома их встречают как врагов; всюду веет изменой. Одного вместо свадьбы ожидает смертельный бой, а другому предстоит столкнуться с темной магией северных бьяров. Каждому из героев уготована судьба, о которой он прежде помыслить не мог: потерять и найти себя; защитить свое доброе имя; выступить против всех, отстаивая право на любовь. Цикл «Аратта» – первый опыт сотрудничества создательницы знаменитого сериала о Волкодаве и талантливой петербургской писательницы Анны Гуровой, автора книжных сериалов «Князь тишины», «Лунный воин», «Книга огня» и других популярных произведений фэнтезийного жанра.

- Мария Семёнова, Анна Гурова
  -
  - Пролог. Айха на Ползучих горах
  - Часть 1. Опустевший трон
    - Глава 1. Ярость Тарэн
    - Глава 2. В тайном саду
    - Глава 3. Путевая вежа
    - Глава 4. Звереныш
    - Глава 5. Возвращение в столицу
    - Глава 6. Смертельная обида
    - Глава 7. Святое Пламя
    - Глава 8. Мятежник
    - Глава 9. Аоранг в темнице
    - Глава 10. Хаста и богиня
    - Глава 11. Долгожданная беседа
    - Глава 12. Побег
    - Глава 13. Конец договору
    - Глава 14. Три ножки трона

- Часть 2. Лес за кромкой
  - Глава 1. Дети Толмая
  - Глава 2. Похищенные
  - Глава 3. Голодные духи
  - Глава 4. Новый род
  - Глава 5. Утопленник
  - Глава 6. Врата Маны
  - Глава 7. Стрелы в ночи
  - Глава 8. Пустая лодка
  - Глава 9. Схватка у керемети
  - Глава 10. Новые порядки в Ингри-маа
  - Глава 11. Ловушка на кабана
  - Глава 12. На черных крыльях
  - Глава 13. Мать чудовищ
  - Глава 14. Бобровая хатка
  - Глава 15
- Часть 3. Рожденные заново
  - Глава 1.Длань Афайи
  - Глава 2. Аюр и невидимка
  - Глава 3. Стена колесниц
  - Глава 4. Девушка из леса
  - Глава 5. Пусть он умрет
  - Глава 6. Воля Исвархи
  - Глава 7. На чужих тропах
  - Глава 8. «Я сам его накажу»
  - Глава 9. Разговор с огнем
  - Глава 10. Золотое дитя
  - Глава 11. Город костей
  - Глава 12. Жертва Змею
  - Глава 13. Кольцо лучника
- Эпилог

Мария Семёнова, Анна Гурова
Аратта. Книга 2. Затмение

© М. Семёнова, А. Гурова, 2018
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог. Айха на Ползучих горах

Мамонт обвил хоботом невысокий кустик у самой земли, выдернул его с корнем и метко закинул за спину. Девушка поймала его и уткнулась лицом в мелкие лиловые соцветия, кистями украшающие мягкие ветки.

– Я уже не плачу, братец. Но мне очень грустно. Ты добрый и хороший.

Зверь согласно мотнул головой и протрубил, чтобы разогнать давящую тишину. Он не понимал, зачем его названой сестре эти цветы, если она их не ест, но чувствовал, что они дают ей утешение.

Путь, которым Айха и ее мамонт возвращались в родные края, обоим был хорошо знаком. Одна из тех неизменных троп, которыми люди Ползучих гор ходили из века в век, следуя за стадами быков, оленей и носорогов. Тем же путем вдоль реки уходили в низинные земли проводники охотников и наемные погонщики. Каждый камень тут был памятен Айхе с детства, и это хоть немного успокаивало ее. Мохначи никогда не кочуют поодиночке – а они с мамонтом были одни-одинешеньки. А с тех пор как под горами завелись огромные черви-землееды, ходить и вовсе стало опасно.

– Как здесь пусто, братец, как тоскливо, – пожаловалась девушка своему побратиму. – Звери ушли, и люди ушли. Хоть бы чей-то голос услышать!

Айхо фыркал и мотал хоботом, соглашаясь с ней. Он был тех же лет, что она, и тоже никуда не ходил прежде без сородичей.

Когда они вышли к знакомой реке, Айха немного приободрилась. Быстрая полноводная речушка, шумная и обжигающе холодная, бежала между тусклых пологих сопок по равнине, поросшей березовым стлаником. Она текла с полуночи на полдень, как и все реки на Ползучих горах. Девушка знала, что все они берут начало на белых вершинах гор, в земле долгой ночи и вечного льда, где обитают лишь аары и духи зверей. Туда же отправляются мертвые, чтобы встретить свою новую судьбу и родиться заново. Но Айха – не шаманка и не великий охотник, чтобы бросать вызов духам в их земле. Она просто хочет догнать свое племя – и ждать там Хасту…

«Айха, почему ты мало улыбаешься?» – услышала она вопрос побратима.

Девушка подняла голову, отвлекаясь от дум.

– Потому что мне грустно, братец. Но ты не тревожься. Это как когда охотники уходят на дальние плоскогорья добывать

косматых быков и все племя беспокоится о них и зовет домой. Не так, как если охотники вернулись, а твой муж или брат – нет…

Голос девушки дрогнул. Побратим бережно погладил ее хоботом по волосам – и не представить, что этим же хоботом он мог бы легко зашвырнуть ее на ближайшую сопку, если бы обезумел.

– Раньше-то я как думала? – заговорила Айха. – Так, как все девушки. Однажды встречу его и сразу пойму – вот он, лучший из молодых охотников! Он так красив – в мягкой одежде из пятнистой шкуры Прыгающего Сверху, на груди – бусы из его страшных клыков. У него волосы радостно золотятся, как первое теплое весеннее солнце. Его копье не ведает промаха, и он самый умелый целитель. Он – свирепый вождь в набеге на чужаков, надежный защитник детям и старикам своего рода в самую жестокую зиму. Со своим мамонтом они ближе, чем кровные братья, и готовы положить жизнь друг за друга…

Айха ненадолго задумалась, вспоминая последние дни своего путешествия с охотниками.

– Таким бы мог быть Аоранг. Он бы вырос вождем, если бы его ребенком не забрали и не искалечили люди Аратты. Они отняли у него род, имя, предков и память, они лишили его Огня Глаз и даже брата-мамонта! Они забрали все! А он и не понимает этого и считает, что очень хорошо живет у них. И еще сам пытался учить нас жить, как они, – когда тут впору броситься в ледяную трещину…

Она повздыхала над горькой судьбой Аоранга. Айхо кивнул и вздохнул вместе с ней, потому что понимал ее, как никто другой. Как можно вообще жить на Ползучих горах без побратима?!

– Мог ли ты подумать, что Айха выберет не охотника, а шамана? – Девушка вновь обратилась мыслями к тому, кто поймал ее душу, будто силками. – Как это страшно и чудесно! Все матери твердят дочкам: хочешь в жизни счастья – не бери в мужья ни шамана, ни его сына, ни внука, ни племянника! Никто не знает, когда его призовут духи. Шаман – не вполне человек, им владеют аары, а не ты. Каждый миг они могут навсегда забрать его у тебя… Но я ничего не боюсь! Ведь это Хаста…

И Айха снова погрузилась в свои мечты. То покачиваясь в вышине на холке мамонта, то неутомимо шагая рядом с ним, девушка представляла, как она встретит обожаемого ею араттского шамана на пороге своей котты, усадит его на шкуру подле очага, сама сядет рядом и назовет его своим мужем. От этих мыслей веснушки еще ярче проступали на ее бледных щеках, а обветренные губы растягивались в широкой улыбке. И белый мамонт радовался за нее. Лишь бы сестра была счастлива!

– Эй, эй, хватит! – время от времени одергивала себя Айха. – Недаром говорят: будешь на охоте мечтать о брачных утехах – или зверь уйдет, или лыжи сломаются. Вперед, Айхо, скорее домой!

К закату вдруг подул ветер с полуночи, и начало быстро холодать. В остывающем воздухе снова разлилось некое предчувствие скорой перемены. Айха выбрала место повыше и посуше, с привычной ловкостью устроила ночлег – нарвала сухой травы и веток, разожгла костер, бросила несколько комков сушеного мяса в подвешенное над углями кожаное ведро с водой… Мохначиха была крайне неприхотлива, но однообразная дорожная пища успела поднадоесть даже ей. Поглядев в сторону речки, Айха вспомнила, как Хаста ловил руками рыбу в ручье. Ах, если бы он был тут…

Солнце ушло за горы, и с темнеющего неба вдруг полетели, вспыхивая в отблесках костра, редкие снежинки. Первый снег! Айха обрадовалась невесть чему. А вот ее побратима, наоборот, что-то беспокоило. Девушка поняла это по его дыханию и пристальному взгляду, который он упорно обращал куда-то за реку, в сторону гряды низких сопок, хотя в темноте почти не видел. Она прислушалась и принюхалась, но за кругом света не было заметно ни звука, ни движения.

– Айхо, не бойся, – ласково сказала она. – Там никого нет. Это просто ветер.

Она подкинула веток в огонь, поглядела на кучу хвороста, чтобы убедиться, что ее хватит до утра. Не маловата ли куча? Ветки быстро прогорают…

Айхо переступал с ноги на ногу, фыркал, мотал головой и крутил хоботом.

– Перестань! Думаешь, мне не страшно? – хмурясь, проговорила Айха.

Она могла бы говорить с ним мысленно – побратим услышал бы ее. Но молодому мамонту хотелось слышать звук ее голоса, и она это тоже знала.

– Не тревожься, братец. Ты должен быть силен и спокоен. Ведь ты – хранитель моей души, а я твоей. Если мы не будем хранить друг друга, как мы доберемся до дому? – Айха подбросила в огонь сухую березовую ветку. – Хочешь, я расскажу тебе, как охотник искал солнце? Однажды, в самые первые времена, солнце закатилось и больше не вставало. Наступила долгая ночь. Люди очень испугались. И вот один охотник, самый смелый, сказал: я пойду в землю духов и найду солнце! Долго он шел во тьме на лыжах через снежные горы. Вдруг глядь – впереди яркий огонь. Подходит и видит большую котту, крытую шкурами

небесных оленей. А в нем в очаге вместо огня – солнце сияет! А возле очага сидит женщина-мамонтиха и греется. Она была очень красивая, вся с ног до головы покрытая мягкой длинной шерстью, с белоснежными бивнями. Увидел ее охотник и говорит: «Отдай мне солнце!» – «А как же я буду греться?» – спрашивает она. «Я буду тебя греть!» – ответил охотник. И он остался у нее и взял ее в жены…

Айха призадумалась и некоторое время сидела, опустив подбородок на руки, глядя в костер и улыбаясь.

– Слышишь, Айхо? Мы с тобой кровные родичи, ведь тот охотник был наш общий предок! – тряхнув головой, продолжала она. – А знаешь, что было потом? Охотник жил с мамонтихой счастливо в тепле и сытости, но со временем заскучал. Он все время думал о своем племени и тосковал по нему. И тогда он встал однажды ночью, пока его жена спала, древком копья выкатил из очага солнце… Что там?

Айхо опять смотрел в темноту.

– Там кто-то есть, – произнесла Айха, быстро протягивая руку к копью и уже не спрашивая, а утверждая.

Теперь она и сама в этом не сомневалась. Кто-то смотрел из темноты на мамонта. И взгляд этот… Нет, он не был враждебным. Разве враждебно смотрят на долгожданную сытную трапезу?

«Да, я тут. Мне нужно живое мясо», – услышала она.

Держа копье, Айха встала и низким, рычащим голосом начала говорить тому, кто смотрел на ее побратима алчущим взглядом:

– Пошел вон! Ищи еду в другом месте!

Она вложила в голос всю свирепость и угрожающе подняла копье.

Тот, кто смотрел из мрака, не сразу, но послушался. Ощущение голодного взгляда пропало. Айха так и не разглядела, кто это был, а его запах ветер сносил в другую сторону.

– Враг ушел, – сказала она, опуская копье. – Слышишь, Айхо? Я прогнала его.

Но мамонт так и простоял всю ночь в полудреме, настороженно развесив уши в сторону реки.

Айха проснулась на рассвете оттого, что у нее замерз кончик носа. Над сопками разливалось сияние, повсюду искрились застывшие капли воды. Распадок был покрыт слепящим белым снегом, который вскоре превратился в хрусткую ледяную корку. Когда солнце поднялось высоко, стало теплее, и корка растаяла. Но прежде чем она исчезла, Айха нашла следы на замерзшем снегу. Это были следы Прыгающего Сверху – зверя, которого охотники Аратты называли саблезубцем.

Тропа вела дальше в сопки, забиралась все выше. Река понемногу мелела, превращаясь в ручей, скачущий среди валунов и скал. Айха уже не мурлыкала себе под нос песни и не предавалась мечтам о Хасте. Всякий раз, как сопки сближались и тропа оказывалась зажата в ущелье, девушка стискивала в руке копье, вглядывалась в нависающие скалы, прислушиваясь и принюхиваясь. Она не сомневалась, что саблезубец их преследует. Или – саблезубцы?

Этот вопрос очень беспокоил ее. Одиночка или стая? Она чувствовала присутствие по крайней мере одного зверя. У саблезубцев все не как у людей. Человеческий род держится вокруг матери, а саблезубец обычно живет один. Но в плохие, голодные годы к нему порой присоединяются родичи – сыновья или младшие братья, которые пока не настолько сильны, чтобы бросить ему вызов. Тогда они охотятся стаей, и встретить их – беда. К счастью, такое бывает редко. У Прыгающего Сверху такой свирепый нрав, что он не выносит рядом с собой никого, кто ему не повинуется, и сам никому покоряться не желает.

Следы были огромные, отпечатки передних лап – больше задних. Однако других следов Айха не нашла. Стало быть, это самец-одиночка и он заприметил себе Айхо. Молодой мамонт, отставший от стада, – желанная добыча для матерого зверя. Приглядевшись к следам, она заметила еще кое-что. Отпечаток одной из лап был слабее прочих. Значит, зверь берег ее, старался не наступать. Это немного обнадежило Айху. С раненым зверем справиться легче. Ясно теперь, почему он не ушел вместе с прочими. Но как же он, должно быть, голоден!

Преследователь шел за ними весь день, обходя то с одной стороны, то с другой, но ни разу не показался. Когда начало вечереть, Айхе стало очень тревожно. Она вовсе перестала мечтать, как заживет с Хастой, и только вздрагивала от каждого шороха или порыва ветра. От постоянного ожидания нападения мохначка очень устала, но угроза никуда не делась, наоборот – все возрастала. Саблезубец как будто молча давил ей в спину тяжелым взглядом.

– Этот зверь очень ловкий охотник, Айхо. Он следит за нами весь день, но сам ни разу не показался, – сказала она побратиму, положив копье поперек коленей и отчаянно зевая. Ее клонило в сон, но спать было нельзя. – Он идет так, чтобы ветер сносил его запах. Ох, братец, смотри не подпускай его близко!

Следующей ночью, уже под утро, они его наконец увидели. Первым саблезубца заметил мамонт – громко всхрапнув, он попятился, едва не угодив задом в костер. Дремавшая вполглаза Айха вскочила на ноги, схватив копье. Прыгающий Сверху,

прихрамывая, медленно вышел из-за торчавшей поодаль скалы и остановился, не сводя глаз с мохнатой горы мяса перед собой. Взгляд его был совершенно неподвижен, а нижняя челюсть подрагивала от алчности. Это был уже стареющий, но все еще могучий зверь, с широкой грудью и огромными желтоватыми клыками. Видно было, что девушки он не особенно опасается, хоть и не упускает из виду ее копья. Саблезубцы сторонились людей, потому что не понимали их. Люди то и дело придумывали против них что-то новое и опасное.

Айха изо всех сил стиснула древко. Она могла бы метнуть его в зверя и, скорее всего, попала бы, но сомневалась, что сможет нанести ему смертельную рану.

– Уходи, старик! – хрипло крикнула Айха, делая решительный шаг и поднимая копье. – Я тебе его не отдам! Брат моей матери убил пятерых твоих родичей! Видишь это копье? Я воткну его тебе в брюхо!

Прыгающий Сверху скользнул по ней досадливым взглядом, чуть припал на передние лапы, опуская к земле голову, но не сводя глаз с мамонта, и начал медленно приближаться. Айху обожгло то ли страхом, то ли отчаянием. Этот зверь, даже раненый, чудовищно силен. Если он кинется на побратима, ей не остановить его…

– Может, я и не убью тебя, но искалечить сумею, – яростно заговорила она, отгоняя душевную слабость. – И куда ты дальше денешься? Будешь подыхать с голоду в сопках?

Саблезубец остановился, повернулся к ней и оскалился.

«Уходи, пока жива! Не мешай охотиться!»

Айха смотрела на его страшные клыки, подобные двум длинным костяным ножам, и ей хотелось плакать.

– Ждешь, когда я ослабну, да? Я из-за тебя не сплю уже вторую ночь. А когда я усну, нападешь?

«Не плачь, – запретила она себе. – Он того и хочет! Чтобы я злилась, начала метаться, бросилась в бегство… Стоять и ждать! А когда он кинется – шаг вперед, упасть на колено и ударить снизу в живот!»

Что хищник рано или поздно бросится, Айха уже не сомневалась. Она знала, как охотятся саблезубцы. Он может очень долго бродить вокруг да около, держась в безопасности и выжидая тот самый миг для единственного броска. Один точный удар клыками – а дальше можно отскочить и просто ждать, пока жертва истечет кровью.

Мамонт задрал хобот к сереющим небесам и громко затрубил, призывая сородичей. Но, кроме них с Айхой и

клыкастого хищника, выбирающего миг для броска, в округе никого не было. Мамонту было очень страшно. Айха чувствовала это. Этот страх пытался достучаться до ее сердца, но она помнила с детства: как только дрогнешь, хищник непременно прыгнет. «Надо напасть самой, – решила вдруг она. – Ни один зверь не любит, когда добыча сама начинает на него охотиться!»

Айха сузила глаза в едва заметные щелки, с шумом выдохнула, прыгнула вперед и сделала выпад копьем. Она видела, как напряженно и резко подрагивает куцый хвост саблезубца. Зверь отскочил на полшага, оскалился ей в лицо и зарычал.

«Сейчас», – подумала Айха и с силой ткнула копьем в распахнутую пасть. Бронзовый наконечник, выменянный у охотников, лязгнул, скользнул по чему-то твердому, явно не причинив саблезубцу особого вреда. Но тот вдруг обиженно взревел, отскочил за камни и будто растворился в предутреннем тумане.

«Он успел захлопнуть пасть. – Айха разочарованно проводила взглядом саблезубца и опустила копье. – Но все же я попала!»

Она наклонилась к земле – в сухой, уже пожухлой траве лежал окровавленный кривой зуб. Вот это да! От радости погонщица начала приплясывать на месте.

– Я его ранила и прогнала! – закричала она.

«Я возьму это с собой, повешу на шею, и когда Хаста придет – покажу ему! Конечно же, после такого он станет мне мужем, может, даже и не на одно время трав!

Она вдруг подумала – а если саблезубец вернется?

Но вокруг не было слышно ни звука. Девушка повернулась к своему побратиму.

– Видел? Он убежал! – радостно сообщила она. – Айха – сильная! Айха – храбрая! Айха будет хорошей женой!

Белый мамонт благодарно кивал и, выставив вперед согнутую ногу, предлагал ей взобраться ему на спину и продолжить путь.

– Айха победила саблезубца! – приплясывая, закричала девушка, и, обняв хобот своего любимца, прильнула к нему щекой. – Пойдем! Нам нужно спешить. Дома уже заждались!

Утром в разрывах серых туч проглянуло солнце, делая Ползучие горы не столь унылыми, какими они виделись перед рассветом. Словно желая вознаградить Айху за смелость, дневное светило начало ласково пригревать. Очень скоро покачивающаяся на спине мамонта девушка разморенно прикрыла глаза и, покрепче схватившись за длинную шерсть на загривке своего побратима, уткнулась в нее лицом. Пребывая то ли в сладкой

дремоте, то ли в мечтаниях о том дне, когда огневолосый Хаста обнимет ее и совершит то, о чем ей рассказывали мать и бабушка, Айха уже будто воочию видела, как все будет происходить, и улыбалась во сне.

Мамонт, послушный ее беззвучному приказу, шел неспешно, чтобы не трясти свою спасительницу. Она вдруг почувствовала, даже не успев это осознать, что Айхо замедлил шаг. Его тревога сразу передалась девушке. Она ощущала опасность, но не могла понять откуда.

– Что случилось? – спросила она, открывая глаза.

«Плохая земля, – отозвался побратим. – Под нами нет дна. А сверху…»

И в тот же миг мощная пятнистая туша с яростным ревом рухнула с уступа скалы, под которой они как раз остановились. Ударила плечом, сшибая девушку с холки мамонта. Айха взмахнула руками, но так и не успела поймать равновесие и с криком ужаса полетела наземь.

Саблезубец, напавший из засады, уже был на земле и готовился к следующему прыжку. Он невероятно широко распахнул пасть, чтобы ударить клыками мамонтову ногу под коленом – и отскочить, давая мохнатому великану упасть и больше не встать. Раскинув беспомощно руки, Айха падала, казалось, прямо на него. Ей казалось, что она уже чувствует спиной прикосновение клыков – но тут уютный надежный хобот подхватил ее в воздухе, высоко поднял и бережно поставил на тот самый уступ, с которого миг назад прыгнул саблезубец.

Все произошло так быстро, что Айха и понять толком ничего не успела. Удар, полет, рывок – и она уже стоит на скале, а у ее ног внизу белый мамонт жмется к скале и угрожающе размахивает хоботом, пытаясь не подпустить к себе голодного хищника. А тот кружится, стараясь зайти сбоку, отскакивает, рычит, готовясь вогнать клыки в сопротивляющуюся добычу.

– Уходи, уходи! Прочь!

Айха оглянулась, схватила лежащий поблизости увесистый камень и швырнула его вниз, стараясь попасть в саблезубца. Тот увернулся, но за первым камнем последовал еще один и еще…

Вдруг скала, мгновение назад казавшаяся нерушимой, с долгим ужасающим грохотом поползла вниз, заваливая обратную дорогу.

Воздух потемнел от каменной пыли. Перепуганный саблезубец нелепо мявкнул и опрометью помчался прочь от этого злого места. Айха вновь запрыгала, радостно выкрикивая обидные прозвища для удирающего хищника.

Но внезапно замерла – ей почудилось, что рядом с ней кто-то

есть.

Сквозь затихающий грохот осыпи, будто родник, пробивалась долгая, чистая, переливчатая трель.

Все волоски на коже Айхи встали дыбом.

Каменная пыль понемногу оседала, и вскоре мохначка разглядела на краю осыпи девочку-лесовичку. Ее сложно было не узнать – такие огненные волосы, похожие на пылающий костер, Айха в своей жизни встречала только у двух человек….

Девочка из леса стояла на камне, держа в руках большую, сделанную из полой кости дудку, и озиралась по сторонам. И все бы ничего, но за ее спиной, словно сами по себе, шевелились черные перепончатые крылья…

– Сгинь, нехороший дух! – испуганно вскрикнула Айха.

Услышав голос сестрицы, и без того встревоженный мамонт взревел и резко взмахнул хоботом, выбивая дудочку из призрачных, будто слепленных из тумана, пальцев рыжеволосого духа.

В тот же миг будто бы еще кто-то вмешался в их схватку. Небо внезапно словно заволокло черной тучей. Налетел, завыл ветер. Снова дрогнула земля. Воздух наполнился рокотом, покатились камни, поползла из-под ног земля… Испуганно затрубил Айхо, призывая названую сестру. Но мохначка не могла шевельнуться. Она вжалась в скалу и зажмурилась, мысленно призывая ааров своего рода себе на помощь.

Когда все утихло, Айха открыла глаза. Вокруг оседала пыль. Осталась груда камней, завалившая тропу, – и никаких следов девочки с черными крыльями.

Часть 1. Опустевший трон

Глава 1. Ярость Тарэн

– Смотрите! – закричал Аюр, указывая вдаль. – Вон там, за лесом, – видите, вспыхивает, словно звезда? Это же сияет купол главного храма Исвархи в Верхнем городе!

Дорога, которая с самого утра петляла среди перелесков и созревших полей, к полудню поднялась на высокий холм. С его голой, продуваемой ветром вершины открывался простор, на котором словно столкнулись в битве лес и степь. Справа до края земли, куда только падал взгляд, желтели травы; их пересекала нитка утоптанной дороги, по которой отряду предстояло ехать дальше. По левую руку на полночь уходил бескрайний хвойный лес.

Эта чащоба, длинным мысом врезавшаяся в поля, была самой южной оконечностью огромного лесного предела, который включал весь север Аратты и звался Бьярмой. Как будто огромный косматый зверь вытянул в сторону солнца зеленую лапу. Среди темной и мрачной зелени сосен, елей и лиственниц, словно вспышки пламени, золотились березы и багровели клены. В голубом небе, громоздясь, медленно плыли белые горы-облака. Когда они закрывали солнце, золотая искра в туманной дали за лесом исчезала. Когда солнце выходило – вспыхивала снова.

– Похоже, ты прав, – подтвердил Ширам, телохранитель царевича, а с недавних пор и его друг, ехавший с ним бок о бок.

– Неужели дом и впрямь так близок?

Аюр засмеялся от счастья.

Ширам неожиданно тепло улыбнулся подопечному. В душе он чувствовал почти то же, что и царевич. Наконец-то все позади! Охота Силы, пусть и омраченная гибелью почти всех ее участников, все же завершена. Пусть даже они возвращаются без славы и добычи… Но главное, царевич жив и здоров. Да и Аюр, изрядно повзрослевший в походе, уже больше не тот надменный и своенравный мальчишка, который покинул отцовский дом. Сейчас он гарцевал на буланом жеребце поблизости от накха, не скрывая обуревавшей его радости. Ширам старался сдерживать своего коня, чтобы не оказаться впереди наследника престола.

– Я расскажу отцу о том, сколько раз ты спасал меня! О том, как ты жертвовал ради меня жизнью на Змеином Языке и являл отвагу, равной которой не сыскать даже в легендах!

Ширам молча улыбался, слушая его слова. Они звучали искренне. Но из головы накха все же не шел давешний разговор с Аорангом. Почти семь десятков человек покинули столицу, отправляясь с царевичем на охоту, – а возвращаются лишь трое…

«Виноват ли я в этом? И что должен испытывать? – раздумывал он. – Но что и почему? Все сгинувшие в походе воины сами избрали свою судьбу. Смерть их была достойной мужчин…»

Получив от государя обещанную награду за сохранение жизни наследника, Ширам собирался непременно попросить его выделить отряд, чтобы вернуться и отомстить коварным ингри за подлую измену. Он вдруг припомнил чучело убитого на охоте чудовища. Сейчас бы оно не помешало… Но, увы, осталось в захваченном лесовиками лагере. Кстати, там тоже погибли люди, вспомнилось Шираму. Всякие слуги, брадобреи, повара… За них он тоже отомстит. Почему ж не отомстить?

– Хаста, – он развернулся в седле к едущему чуть в стороне жрецу, – весь поход ты вел записи…

– Да, маханвир, – становясь вновь безукоризненно почтительным, отозвался рыжий огнехранитель.

– Ты отдашь их государю?

– О нет. Когда мы войдем в ворота столицы, наши пути разойдутся. Вы пойдете ко двору государя, а меня там не ждут. Мы с Аорангом поедем в главный храм Исвархи.

– Но государь захочет узнать о походе во всех подробностях. Кто лучше тебя сможет рассказать?

– Он. – Хаста указал на царевича. – Ему всегда будет куда больше веры, чем мне и вам. Но я передам записи брату государя, святейшему Тулуму. А если государь пожелает объяснений, то немедленно приду на зов солнцеликого.

Ширам досадливо отвернулся. Конечно, наследник престола скажет о нем хорошие слова – однако лишь богам ведомо, какая чаша окажется весомее.

Тем временем Аюр похлопал коня ладонью по шее, успокаивая скакуна, и громко спросил, отыскивая взглядом главу следопытов:

– Аоранг, где ты? Сможем ли мы добраться до дому уже сегодня?

– Смотря какую дорогу выбрать, – ответил тот, подходя со стороны медленно ползущих возов.

Молодой мохнач вообще предпочитал идти пешком. Усталости он, кажется, не знал вовсе.

– Что значит «какую»? Самую короткую!

– Значит, надо ехать по старой, через лес, – чуть подумав, сказал Аоранг. – Если не будем мешкать – к полуночи можем быть у стен столицы.

– По лесной дороге? – озадаченно повторил Аюр. – Что-то я ее не помню. Кажется, из столицы мы по ней не ехали.

– Так и есть, господин, – раздался из-за спины мохнача голос

одного из следопытов. – Лесной дорогой нынче мало ходят, если острой нужды нет.

– Это еще почему?

Брови престолонаследника удивленно взметнулись. Он поглядел на колышущееся под горой зеленое с прожелтью море деревьев.

– Ведь так же куда быстрее, чем в объезд!

– И то верно, – согласился охотник. – Ежели кругом идти, так еще день пути будет. А если с грузом, то и все два. Так что с нашими-то волами еще не скоро доберемся.

– Ну вот, – подбоченился царевич. – К чему нам кружить? Пойдем напрямик, через лес!

– Можем и через лес, – согласился Аоранг, не меняясь в лице, – чего нельзя было сказать о его подчиненных-следопытах.

– Не надо бы туда ходить, господин! – воскликнул один из них, с раскосыми светлыми глазами. – Лес этот проклят! Там еще в прошлое царствование стояла кереметь Матери Тарэн, великой и свирепой госпожи бьяров…

– Что мне за дело до лесной нечисти? – сразу сообразив, в чем дело, недовольно ответил Аюр. – Или я должен бояться ложных богинь, как невежественные простолюдины? Да я теперь тем более туда поеду!

– Да и нет там больше керемети, – добавил Хаста, который тоже слыхал об этой истории. – Лет двадцать, как бьяров с их колдовством из леса прогнали…

– Только, уходя, они свой лес прокляли, – добавил неугомонный следопыт. – И теперь иной раз бывает: путник в лес-то вошел, а обратно не вышел!

– Разбойники? – предположил Ширам, окидывая пристальным взглядом чащу.

Царевич презрительно фыркнул:

– Нас тут пара дюжин вооруженных мужчин, да еще и Ширам, который один дюжины стоит! Уж как-нибудь от бьярских нечистых духов отобьемся!

– Как повелит светозарный, – обреченно вздохнул светлоглазый следопыт. – Одно только скажу: ежели этой дорогой идти, то никуда сходить с нее нельзя. Деревьев, кустов, даже чтобы обогреться, не рубить. И уж конечно, боги нас сохрани там заночевать!

– Там мы прямо сейчас и пойдем. Аоранг, что скажешь?

– Лесная нечисть – грязь перед ликом Исвархи, – спокойно подтвердил мохнач. – А дорога через чащу и впрямь короче, хоть и похуже, конечно. Что до разбойников, о них тут давно не слыхали.

– Тогда распорядись сворачивать под гору! До сумерек уже на новую дорогу выйдем, а оттуда и до столицы рукой подать.

Аоранг кивнул и отошел. Светлоглазый охотник последовал за ним, пробормотав себе под нос:

– А только кругом было бы куда спокойнее…

Возы медленно съехали под горку, и сразу же будто стемнело – сомкнулись над дорогой густые сосновые кроны, сдвинулись еловые стены. Все вокруг окуталось зеленым сумраком. Деревья, особенно раскидистые ели, росли тут так густо, что сойти с дороги и захочешь, не выйдет. Дорога, впрочем, была широкая, в две повозки, и прямая, как и все большие дороги Аратты, хоть и изрядно заросла. Запахло грибами и мхом. Люди невольно притихли, с опаской глядя по сторонам.

Жители южной Аратты лес не любили, относились к нему настороженно, в отличие от тех же бьяров, для которых он был родным домом. А это не просто лес, а обиталище духов, жаждущих отмщения. Кое-кто из следопытов, особенно из северян, тайком прикасался к обережным поясам, шепотом прося Мать Тарэн не гневаться и пропустить их невредимыми. Ибо сильнее и страшнее не было богини у бьяров.

Когда начало вечереть, стена елей вдруг расступилась, будто пропуская вперед кряжистый замшелый дуб. Огромное дерево стояло, ограждая чащу, растопырив во все стороны толстые корявые ветви. С иных все еще свисали жертвенные ленты, полинявшие от дождей и снегопадов. У корней, в сухой листве, белело что-то, весьма похожее на кости. Чьи – рассматривать никто не пожелал. Ведь для этого надо было сойти с дороги.

– Вот когда пришли кереметь разорять, – послышался за спиной Аюра громкий шепот, – глядь – в лесу дубы человеческими кожами увешаны! А вокруг черепа…

– Хватит врать-то! – со смехом перебил его товарищ.

Но его смех прозвучал одиноко и затих. Всем было жутковато перед этим деревом, которое, казалось, смотрело на них, изучая и запоминая каждого…

– Как тут тихо, – отчего-то шепотом произнес Аюр, когда отряд двинулся дальше.

Ширам кивнул.

– И птицы не поют…

– Не поют.

Лицо накха застыло. Он прислушивался к себе, пытаясь понять, что именно его тревожит. Нет, слежки вроде не было. Но что они в этом лесу не одни – в этом он не сомневался.

Аюр искоса поглядел на старшего товарища. Со стороны

Ширам выглядел, как и прежде, спокойным, погруженным в свои мысли. Но царевич уже знал, что скрывается за таким спокойствием.

– Что, следят? – еле слышно проговорил он, стараясь не привлекать внимания прочих.

– Не понимаю, – помедлив, ответил накх. – Но здесь кто-то есть.

Аюр не стал вертеть головой, как непременно сделал бы прежде, а тихо произнес:

– Может, какой-нибудь местный охотник на всякий случай ушел с дороги, завидев незнакомых всадников?

– Только безумец решит охотиться в заповедной чаще. Ты же слышал – сюда по своей воле никто не ходит.

Царевич, не удержавшись, быстро огляделся и на всякий случай поправил налуч. Но вокруг была все та же стена деревьев.

Аюру тоже стало не по себе. Ощущение непонятной угрозы разливалось в воздухе. Судя по беспокойству следопытов, его ощущали многие. Только Аоранг не проявлял никаких признаков страха. Однако и он, прищурившись, глядел поверх еловых лап, будто пытаясь высмотреть что-то среди хвои…

Ширам пытался уловить знакомое ему ощущение взгляда в спину, но его не было. Скорее, смутный, безотчетный ужас, которым веяло откуда-то из чащи. Этот лес пробуждал в саарсане давно забытые ощущения, жутковатые и волнующие одновременно. По рукам накха бегали мурашки, кровь шумела в ушах, но при этом он видел, слышал и обонял гораздо ярче, чем обычно. Нечто шевелилось в нем, медленно ворочаясь, и тоже прислушивалось – нечто древнее и куда большее, чем он сам.

– Кто-то там, в лесу, очень боится, – вдруг произнес он.

– Как ты это понимаешь? – спросил Аюр.

– Испуганный человек смотрит так… – Накх задумался, подбирая слова. – Его взгляд едва касается тебя. Скользит, точно слабое дуновение студеного ветерка…

– А как смотрит враг?

– Если бы глаза врага умели метать стрелы, его жертвы бы уже лежали на земле, утыканные древками, как ежи иголками…

– Расскажи, как ты это делаешь! – с завистью воскликнул царевич. – Я тоже хочу научиться.

– Этому учатся с раннего детства… Стой!

Ширам резко натянул поводья и повернул коня, закрывая царевича.

– Тревога!

Он не успел договорить. Из подлеска шагах в двадцати перед отрядом с треском и невнятным воплем вывалилось нечто

человекоподобное – с всклокоченными, черными как смоль волосами и бородой, заплетенной в три косы. В руках незнакомец держал короткое боевое копье с широким наконечником.

Наследник престола мгновенно вскинул лук:

– Ага! Получай!

Коротко ударила тетива, оперенное древко свистнуло над головой накха, и в следующий миг чернобородый, выпучив глаза, рухнул наземь. В горле его торчала стрела. Одной рукой он пытался выдернуть ее, вторая уже скребла землю в предсмертных судорогах.

Все на миг застыли, а потом быстро окружили царевича, хватаясь за оружие. Но вокруг снова стало тихо. Никто больше не ломился сквозь лес, никто не трещал ветками в чащобе.

– Зачем? – страдальчески проговорил Ширам.

– Что «зачем»? – удивился царевич, опуская лук.

– Зачем ты его убил?

– Но… Он же напал на нас!

Аюр смутился – он-то был доволен своим метким выстрелом и ожидал, что наставник похвалит его.

– Я бы взял его живым, – объяснил накх. – А теперь поди пойми, чего он хотел…

– Как – чего? Разве это не разбойник?

– Ширам, не ответив, спрыгнул с коня, прошел вперед и склонился над распластанным на тропе человеком. Тот был уже мертв – стрела вонзилась ему прямо в гортань. Накх покачал головой и принялся разглядывать бездыханное тело. Убитый не был ни арием, ни вурсом, ни бьяром. Здешние жители не носят таких черных, заплетенных тремя косами бород.

Ширам повернул к себе ладони мертвеца – да, этот человек никогда в жизни не держался за рукоятки плуга. Но ладонь крепкая. Скорее всего, дротики он при жизни метал отменно. Накх бросил взгляд на нож, искривленный, будто длинный клык, привешенный сбоку к поясу убитого. Кроме него и короткого копья, другого оружия при нем не было. Однако подобные ножи Ширам встречал не раз – у него и у самого был такой же.

Он достал из-под наруча один из клинков и начал вспарывать рубаху у незнакомца на груди.

– Что ты делаешь? – спросил царевич, подходя к нему.

– Тут должен быть знак. Они ставят его в юности, проходя мужское посвящение, – делают надрезы на груди и втирают туда пепел из кузнечного горна в знак родства со священным огнем…

– Какой странный обычай! Я даже не слыхал о таком. Он принят у накхов?

– Нет… Вот, смотри. – Ширам указал на священные

надрезы. – Удивительно. Это сакон!

Аюр с любопытством уставился на мертвеца. Раньше он только слыхал о саконах, но никогда их не видел. Эти горцы из котловины хребта Менди-Саконы были ближайшими соседями накхов, но при этом умудрялись веками жить с ними в мире. Разгадка была проста – они славились по всей Аратте как непревзойденные кузнецы и оружейники. Саконы поклонялись богу грома, который именно им скинул с неба золотой молот и наковальню. Они никого не пускали к себе и не горели желанием выходить за пределы своих неприступных скал.

– Что человек из народа кузнецов делал в священном лесу бьяров? – проговорил крайне озадаченный Аюр.

– Вот именно, – кивнул Ширам. – Что заставило его покинуть свой род? Разве что месть – или попытка сбежать от мести…

– Почему же он на нас напал?

– Он и не нападал, – раздался голос подошедшего Аоранга.

– Что? – удивленно повернулся к нему Аюр.

– Бедняга нас даже не видел. Ты разве не заметил, царевич, что этот человек выскочил из чащи, не помня себя от страха?

Ширам нахмурился:

– Пожалуй, ты прав, следопыт. Он ломился через лес с таким шумом и треском, будто совсем потерял голову. А испугать сакона – дело непростое…

Все тут же обернулись в сторону деревьев.

– Что его так напугало? – озвучил общую мысль Аюр.

Лес, будто в ответ на его вопрос, совсем затих. Вдруг зашумели, заскрипели сосны, словно порыв ветра пробежал по верхушкам. Или это сама заповедная чаща издала тяжкий, долгий, нечеловеческий вздох?

Следопыты застыли, бледнея и шепотом взывая к Исвархе и семи Святым Огням. Руки потянулись у кого к оружию, у кого к оберегам. Аюр напрягся, чуя возрастающую опасность, но не понимая, откуда она приближается.

Чьи это взгляды? Кажется, будто деревья выжидающе смотрят на чужаков. Ветер остановил свой полет, опасаясь мешать тому, что должно свершиться. Земля проснулась и раскрыла жадную пасть, чтобы напиться свежей крови, которой ее так давно не поили в этом лесу…

Нечто – нет, не приближалось и не подкрадывалось. Оно словно возникло из пустоты прямо перед отрядом. И вслед за этим, будто отмахнув полог, выступило из кустов на опушку.

Невозможно было понять, человек это или зверь. Существо имело три мертвых безглазых лица, бурую мохнатую шкуру и длиннющие когти на лапах – или руках, – точь-в-точь как у

росомахи. При виде стоящих на дороге путников три лица существа даже не шевельнулись. Но откуда-то из его утробы раздался такой жуткий, надсадный вой, что видавшие виды охотники окаменели, не в силах не то что броситься наутек – даже отвести взор.

Не вымолвив ни слова, Ширам метнул в лесное страшилище кинжал, которым только что разрезал одежду убитого. Оружие свистнуло в воздухе и глубоко вонзилось в грудь хранителю чащи. Но тот даже не заметил его. Существо продолжало наступать, будто кинжал не вошел ему в грудь по самую рукоять.

Ширам уже был на ногах, и подвешенные за спиной мечи с быстрым шелестом покинули ножны. Удар – трехликое существо вскинуло когти, отражая выпад, и попыталось с размаха полоснуть накха по груди. Саарсан отскочил в сторону. Лапы неведомого врага одна за другой свистнули у него возле самых глаз. Накх снова ударил. Его клинок рассек мохнатую шкуру, но ни капли крови не выступило из раны!

– Ярость Тарэн! – завопил светлоглазый следопыт.

Словно пробужденные его воплем, следопыты побросали оружие и на подгибающихся ногах кинулись прочь. Некоторые из них упали в траву, да так и остались там лежать, что-то подвывая про Мать Зверей…

Рядом с Ширамом остался только ничего не понимающий Аюр.

Зачарованно глядя на страхолюдину, он с трудом нащупал торчащую из колчана стрелу и выпустил ее во врага. Стрела с сухим стуком воткнулась тому в лоб одного из трех лиц и закачалась, явно не причинив ни малейшего вреда. Царевич выстрелил второй раз, почти в упор, – и промахнулся…

Глядя на врага, который был уже в нескольких шагах, Ширам вдруг почувствовал, как в нем что-то развернулось и расправилось, как его змеиное знамя, наполненное ветром. С его губ сорвалось шипение. Он как будто стал выше; наполнявшая его первородная сила подняла его над землей, и он стал вровень с трехликим. Чудовище взвыло и ударило накха когтями прямо в лицо. Ширам отшатнулся всем телом, сам не поняв, как успел это сделать, и перекатился через спину назад. Но едва вскочил на ноги – лесной страж с рычанием кинулся на него.

– И-эх!

Совсем рядом послышался громкий выдох. Тело мертвого сакона вдруг взлетело в воздух, пролетело шагов десять и шлепнулось под ноги чудовищу. Трехликий, споткнувшись, ничком рухнул на дорогу. В тот же миг Ширам прыгнул ему на спину. Жестко, будто заколачивая бронзовый гвоздь, он опустил

рукоять меча на затылок неведомого существа. То рванулось, Ширам снова ударил. Послышался треск, как от раскалываемой доски.

– Э! – воскликнул саарсан. – Это не чудище! Тут личина!

Он ударил по трехликой голове еще раз, и та разлетелась на части.

Лесное диво дернулось и застыло. Пальцы с огромными когтями еще скребли по земле, загребая пыль, но уже без прежнего остервенения.

– Я его оглушил, – стаскивая с головы трехликого вырезанную из дубовой коры личину, довольно сообщил накх.

– Вовсе нет, – приближаясь, возразил Аоранг. – Он не оглушен – дух-покровитель оставил его тело.

– Как это? – наконец совладав с собой и с луком, хрипло спросил Аюр.

– После того как я сбил его с ног, – пояснил воспитанник Тулума, – а твой наставник чуть не вышиб из него все мозги, шаман перестал слышать голос своего незримого хозяина. Тогда злой дух ушел, и шаман потерял силу. Когда такие существа теряют ее, они засыпают так, будто не спали много дней.

Он указал на виновника переполоха. Под расколотой Ширамом личиной оказалась седая голова бьяра. Длинные всклокоченные волосы, заплетенные в жидкие косицы, спадали вдоль морщинистых щек. Плотно закрытые глаза и ровное дыхание подтверждали слова Аоранга.

– Да он совсем старик, – неприятно удивился Ширам.

– Так это еще хуже, – заметил Хаста, выныривая из-за спин опасливо приближающихся следопытов. – Чем старше шаман, тем он сильнее. Я слыхал байки о ветхой старушке, одержимой духом медведя-шатуна. Бабка сама едва доползала от лежанки до отхожего места. Но когда в нее входил зверь…

– У меня тут, если позволите, есть веревка, сплетенная из крапивы, – сообщил один из охотников. – Отличная веревка, крепкая! А главное – лучше ее нет против всяческой зловредной нечисти. Если надо кого связать и он попробует зверем оборотиться – от этой веревки ему не поздоровится. Будто огнем обожжет!

Прочие следопыты шумно поддержали его, глядя на мирно спящего старичка с откровенным ужасом. Слышались голоса, предлагающие оставить его на дороге и бежать из лесу без оглядки.

Между тем Ширам продолжал добывать нападавшего из его удивительной брони, будто мясо из рачьего хвоста. Хозяин одеяния оказался невысоким, щуплым и неказистым. Ширам

поморщился.

«Пожалуй, я мог бы сломать ему шею двумя пальцами! А вот теперь начнут рассказывать, как я бился с этим заморышем и едва спасся. Когда б не Аоранг…»

Саарсан невольно метнул недобрый взгляд на улыбающегося мохнача. И зачем только он влез?

– Ты бы собрал своих охотников, а то они уже, верно, до опушки добежали. И уйми их, не то еще подобных лесных духов разбудят.

– Не разбудят. Таких тут поблизости больше нет. Я чую. – Аоранг шумно потянул воздух носом. – А вернуть надо, а то вдруг зашибся кто…

Мохнач собрался было идти, но вдруг повернулся, будто прочитав мысли Ширама:

– Только ты его не убивай. Нам с ним еще потолковать надо.

– Волки бы с ним лучше потолковали, – недовольно процедил Ширам. – И другим сородичам его острастка не помешала бы. Зачем нам этот старик? Ну да ладно, будь по-твоему. Ты его сбил – значит он твоя добыча. А я бы лучше побеседовал с саконом. Что же он все-таки делал в этом лесу, когда за ним погнался шаман-оборотень?

– Я думаю, он караулил дорогу, – сказал Аюр. – Уверен, это разбойник!

– Но почему сакон? Почему не бьяр, не арий?

– Так он, должно быть, и не слыхал, что здесь про́клятый лес, – разумно ответил царевич. – Он же чужак, откуда ему знать про кереметь?

– И верно, – кивнул Ширам, у которого в мыслях все сразу сложилось воедино. – Потому и пошел сюда, что не знал. Но кто-то же послал его сторожить эту дорогу. И уж точно их интересовали не здешние белки и барсуки…

Глава 2. В тайном саду

Ветви кустарника, щедро украшенные ярко-алыми цветами кровохлебки, тянулись к Аюне, будто желая обнять ее. Но царевна лишь осторожно поглаживала лепесток, вдыхая аромат и думая о своем. Несколько дней тому назад примчавшийся в столицу гонец сообщил радостную весть – ее любимый младший брат Аюр избежал всех опасностей и благополучно возвращается в отчий дом. И, о радость! – царевича нашел и спас Аоранг. С трудно скрываемой гордостью она выслушивала рассказ гонца о том, как воспитанник Тулума лично вытащил наследника престола из ужасной расщелины.

Но следующее известие вдруг болезненно обожгло ее. Из всего отряда, отправившегося на Великую Охоту вместе с ее братом, уцелели только какой-то пронырливый жрец – и ее нареченный Ширам. Когда его имя прозвучало в зале, где они вместе с отцом слушали вестника, у нее вдруг тоскливо заныло сердце. Нет, она не хотела саарсану смерти – она просто желала, чтобы он не возвращался. Чтоб исчез, сгинул, чтобы того обручения и вовсе не было! В тот миг Аюна ясно поняла, что не желает становиться женой саарсана накхов. Ни за что!

«Может, пойти к отцу и все рассказать?» – подумала она.

Конечно же, он будет злиться, но все же наверняка простит ее.

«Я дочь Солнца – а Ширам пусть и ловкий воин, но все равно чужак и мне не ровня. Какой-то там накх…»

Царская дочь отлично понимала, что глава двенадцати великих родов Накхарана – вовсе не какой-то накх и что если отец решил выдать ее замуж, не спросив ее согласия, то у него были на то веские причины. Но все внутри ее бунтовало против отцовского выбора. И сейчас в ней нарастала решимость бороться за право следовать зову сердца.

До недавнего времени она и сама не знала, как назвать то, что она чувствует к Аорангу. Праздное любопытство к ученому мохначу быстро переросло в задушевную дружбу – как ей до недавнего времени казалось. Но после того как вместе им довелось спасти маленького саблезубца и потом, когда Аоранг чудом вернул ей воспоминания, изгнанные давними страхами, – Аюна почувствовала, что между ними возникло нечто куда более сильное, глубокое и значительное, чем просто взаимная приязнь. Каким-то непостижимым образом удивительный мохнач стал ей ближе всех родных, и после его отъезда на Змеиный Язык все ее мысли были только о нем.

Только бы вернулся скорее! А что будет дальше, Аюна не загадывала. В конце концов, она царевна, а он пусть и воспитанник верховного жреца, пусть и путешествовал во всех пределах Аратты, пусть лучше многих знает Ясна-Веду, но все же человек без роду и племени. Ученый и разумный – но лишь дикарь… «Нет, он не таков», – одернула она себя. Скорее уж Ширама с его накхами можно назвать дикарями. Люди, которые поклоняются змеям и сжигают женщин живьем на погребальных кострах… Она содрогнулась.

Ах, если бы Аоранг был арием – все было бы куда проще! Но тогда он не был бы собой…

– Что ты здесь делаешь, дорогая сестрица? – послышалось совсем рядом.

Аюна оглянулась и увидела Джаяли. Старшая сестра стояла позади на садовой дорожке и глядела на нее внимательно, даже будто бы недоумевающе.

– Прости, я не слышала, как ты подошла.

– Я уже давно сюда подошла, – ответила та. – Ты стоишь, уткнувшись лицом в куст, без движения. Уж не спишь ли ты стоя, будто лошадка?

Джаяли рассмеялась собственной шутке.

– О нет. – Аюна с досадой отступила от цветущего куста. – Просто наш травник рассказывал, что из кровохлебки, если смешать ее сушеные лепестки с молоком и маслом, можно сделать отличное лекарство от кашля…

– Лекарство от кашля? – переспросила старшая сестра, подняв бровь. – Ах вот оно что. А я уж было подумала, что наш травник поведал тебе, будто кровохлебка отгоняет нелюбимых мужчин!

Аюна невольно отвела глаза. Сестра будто случайно прикоснулась прямо к ее тайне.

– Вижу, так и есть, – нежно промурлыкала Джаяли. – Неужели возвращение саарсана не радует тебя?

– Я терпеть его не могу! – не в силах больше держать в себе чувства, выпалила Аюна. – Как подумаю, что он станет прикасаться ко мне, – как будто змея проползает по коже! Брр!

Она гневно топнула ногой и сжала кулаки.

– Я пойду к отцу и скажу ему, что не желаю этого брака.

– Иди-иди, – насмешливо отозвалась Джаяли. – Только сейчас его нет во дворце. Он отправился куда-то вместе с дядей Тулумом. И похоже, был чем-то сильно огорчен.

– Чем же? – обеспокоилась Аюна.

– Уж точно не возвращением нашего брата.

Джаяли обняла сестру за плечи.

– Ты сама-то не знаешь, чем он так раздосадован последние дни?

Аюна мотнула головой.

– Ты говоришь о мятеже?

– О нет. Мятеж вызывает у него ярость, а не досаду.

– Тогда не знаю.

– Странно. А я-то думала, что это твои похождения не дают ему покоя.

– Какие еще похождения?

– Сестрица, ты не умеешь врать. Весь Лазурный дворец судачит о тебе и мохначе. Говорят, до его отъезда вы не расставались целыми днями. Я слышала, он затащил тебя с собой даже в клетку к саблезубцу! Ты что же, влюбилась в него?

– Это мое дело! – вспыхнула Аюна.

– Но это глупо. Родная, если отец и впрямь об этом узнал, твой этот… как там его… – старшая царевна презрительно скривила лицо, – исчезнет бесследно в тот же день, как вернется в столицу.

– Его зовут Аоранг, – мрачно сказала ее сестра. – И это очень красивое имя.

– Даже если от звука его имени будут расцветать розы и птицы станут распевать его, сидя на ветвях, это вам ничем не поможет. Подобное существо рядом с царевной арьев…

– Он не существо! Он человек, и получше прочих!

Джаяли удрученно вздохнула:

– Но этот мохнач – он никто. Он живет из милости у нашего дяди. Он его игрушка, прихоть…

– Ах так? Тогда… я сама пойду к дяде Тулуму, паду ему в ноги и буду умолять его усыновить Аоранга. Дядя же все равно считает его своим названым сыном, я знаю! Может, тогда отец смирится? Ведь смирился же он с твоим Кираном!

– Замолчи! – Старшая сестра гневно оттолкнула Аюну. – Как ты смеешь сравнивать?! Мой супруг, хотя и прибыл с дальних рубежей Аратты, того же рода, что и мы! Да, отдаленная ветвь, но он из повелителей арьев. Не его вина, что волны пожрали бóльшую часть его владений…

– И все же, – не унималась Аюна, – когда отец называл тебе имена тех, за кого он желал отдать тебя замуж, имени Кирана среди них не прозвучало, не так ли? А мне он вообще не предлагал выбирать. Призвал и сообщил мою участь. И моим супругом будет накх. А я не желаю этого!

– Кто это тут почем зря поминает имя Кирана? – раздался голос неподалеку, и из-за кустов кровохлебки показался изящный придворный. Его алый плащ был расшит золотыми вепрями. Лицо

супруга старшей царевны, с подведенными бровями, удивленно взлетавшими над медового цвета глазами, казалось тонким, почти девичьим. Однако было в государевом зяте нечто такое, что заставляло женщин глядеть не отрываясь и слушать, восторженно открыв рот. – Я приветствую повелительницу моей души и тебя, милая сестрица. Хорошо, что я услышал ваш разговор. По саду Возвышенных Раздумий можно бродить день напролет и заснуть под кустом, не найдя выхода. – Царедворец говорил, а его взгляд скользил по лицу Аюны, словно пытаясь прочитать ее мысли. – Я ищу благословенного Ардвана, да продлит Исварха его дни. Во дворце сказали, что он где-то здесь…

– Он был здесь недавно с дядей, любимый, – ответила Джаяли. – Я их слышала – они прошли мимо рука об руку, вспоминая детство…

– Как это трогательно, – вздохнул Киран, – когда люди столь зрелого возраста проносят братскую привязанность через всю жизнь и со временем она лишь крепнет! Но что они ушли невесть куда, это плохо. У меня добрые вести. Дальние заставы сообщили, что отряд вашего брата приближается к столице. И твой жених очень скоро заключит тебя в свои объятия! – лучезарно улыбаясь, объявил он Аюне.

– Вот еще! – возмутилась та.

– Представляешь, – Джаяли, будто ища поддержки, посмотрела на мужа, – то, о чем шепчутся во дворце, оказалось правдой! Малышка Аюна влюбилась в мохнача и не желает ничего слышать.

– Аюна, милая сестрица! – взмахнул широкими рукавами Киран. – Поверь, мы с Джаяли желаем тебе только добра. Вчера в Нижнем городе мои люди уже схватили пару-тройку уличных лицедеев, распевавших непристойные песенки о тебе и мохначе. Но переловить их всех никому не по силам. Если у этого Аоранга есть хоть капля разума, он не вернется в столицу…

– Я все равно не пойду замуж за Ширама! – уже не тая гнева, закричала Аюна.

– Тише, зачем так орать? Мы здесь и слышим тебя. Может, ты и права…

– Что? – осеклась Аюна, во все глаза глядя на зятя.

– Как мне представляется, – негромко сказал Киран, – могуществу накхов приходит конец. Все меняется, и если сегодня государь отдаст дочь за саарсана, то уже завтра может пожалеть об этом… Конечно, я нахожу твою необъяснимую привязанность к мохначу удивительной и предосудительной. Однако, если ты пойдешь к отцу и наотрез откажешься от брака с накхом, возможно, ты окажешь ему куда большую услугу, чем

предполагаешь.

Аюна смотрела на мужа сестры, затаив дыхание. Она и не чаяла найти в нем союзника!

– Вот найдем государя, и ты все ему расскажешь. Весть о возвращении наследника настроит его на добрый лад.

– Спасибо, спасибо, дорогой Киран!

Первый красавец столицы величественно склонил голову:

– Всегда рад помочь, дорогая сестрица.

* * *

Тем же днем, но несколько раньше жезлоносцы подняли свое оружие и почтительно склонили голову, пропуская Тулума, верховного жреца Исвархи, в сад Возвышенных Раздумий. Здесь, в самом скрытом и священном месте дворца, Тулуму не требовался провожатый. Он шел, с улыбкой разглядывая знакомые кусты, усеянные багровыми цветами, наполняющими воздух пьянящим ароматом. Он свернул на одну из тропинок, что вились между кустов, и очень скоро оказался в потайной беседке, увитой цветущими лозами.

– Проходи, проходи, братец, – послышалось изнутри. – А я хотел посмотреть, догадаешься ли ты, где меня искать, или, как все прочие, пойдешь прямо, к колоннаде. Но ты помнишь наше тайное местечко…

Ардван, государь и живой бог Аратты, сделал пару шагов навстречу верховному жрецу.

– Конечно помню, – с улыбкой подтвердил Тулум. – Но к колоннаде нам тогда ходить запрещали, чтобы не мешать размышлениям отца.

– А покойная матушка повсюду тут прятала для нас маленькие подарочки. И мы их разыскивали, радуясь, когда удавалось найти ту или иную безделицу…

– Я помню, брат, – произнес Тулум. – Ты пригласил меня для того, чтобы предаться воспоминаниям?

Ардван, широко улыбаясь, потрепал его по плечу:

– Представь себе, да! Последнее время я часто вспоминал и тебя, и прочих друзей наших детских игр…

– Что же заставило тебя возвращаться мыслями сюда, к нашим детским играм?

– Да вот как-то само на ум пришло. Представляешь, не идет из головы воспоминание – вы с Артанаком убегаете, а я вас ловлю! И все это так весело, так весело…

Тулум не отрываясь глядел на старшего брата. Тот, хоть и

лучился дружелюбием, вблизи выглядел очень усталым – глаза запали, лицо осунулось, будто государь не спал много ночей подряд. Верховный жрец посочувствовал бы брату, если бы жесткая складка его губ не подсказывала, что за показной душевностью правителя Аратты таится что-то очень недоброе.

– До меня доходили слухи, что ты приказал схватить Артанака… – рискнул сказать Тулум.

– Да.

Глаза Ардвана вдруг вспыхнули, и голос зазвучал жестко, как удар палицей о бронзовый щит.

– И не его одного. И потому хотел бы знать, мой дорогой брат, – голос государя вновь стал мягким, – отчего же ты не пришел ко мне и не рассказал, что Артанак замыслил лишить меня власти?

Тулум поглядел на старшего брата, и по его телу пробежала дрожь. Ардван вдруг показался ему похожим на изготовившегося к прыжку саблезубца.

– Хранитель Покоя в самом деле приходил ко мне, – сказал он, обдумывая каждое слово. – Но он не упоминал о заговоре. Он на все лады толковал о том, что в бедах Аратты виновны накхи и ты совершаешь ошибку, приближая их к себе. Я оборвал его речи и не пожелал их выслушивать.

– Ты должен был немедля известить меня!

Верховный жрец поглядел на брата с невольным холодком:

– Разве ты – Господь Солнце? Разве тебе я что-то должен?

– Нет, я не Господь Солнце!

Ардван шагнул вперед и с силой схватил брата за руку:

– Идем!

– Куда?

– В место, куда менее приятное, чем это.

Государь, не оборачиваясь, зашагал по садовой тропинке, почти волоча за собой верховного жреца.

– Скажи, – через плечо бросил он, – ты знал, что Аюр жив? Твой воспитанник Аоранг отыскал его на Змеином Языке. Сейчас наследник возвращается в столицу.

– Хвала Исвархе, если это так! Но клянусь, я слышу об этом впервые от тебя!

– Странно… Все это очень странно… Разве ты не получал писем?

– Каких писем?

– Тех, что тебе посылали твой воспитанник Аоранг и молодой жрец Хаста?

– Нет…

Тулум напрягся, но постарался не подавать виду. То, что имя

незначительного жреца Хасты известно государю, почему-то показалось ему очень плохим знаком.

– Вот как… – Ардван хмыкнул. – Что ж… ты сказал, я услышал!

Дальше они шли молча – через тайный сад, через колоннаду, затем долгим и извилистым каменным коридором, который внезапно закончился окованной железом дверью. За пару шагов перед ними государь остановился и указал на голубой лоскут неба в узком зарешетчатом оконце:

– Дивный сегодня день! В небе ни облачка. И в то же время солнце не палит, а лишь согревает, радуя всякого смертного, живущего под ним…

Великий жрец с недоумением глянул на государя. Тот подошел к тяжелой двери и ударил в нее кулаком. Едва она приоткрылась, навстречу повелителю вырвался вопль, полный боли. Вопль оборвался, а вскоре наружу выскочил какой-то человечек в кожаном переднике, заляпанном кровью. Низко кланяясь, он начал скороговоркой что-то рассказывать Ардвану. Тулум лишь краем уха слышал его негромкую речь.

– Умер, сердце разорвалось… Не выдержал…

– Мрази! Я же сказал, он должен быть жив! – прорычал Ардван.

Человечек в фартуке начал пятиться, мелко кланяясь.

– Труп обезглавить, голову сами знаете куда.

– Да-да, конечно! Мы не хотели… Так-то и не особо, только два раза повернули, а он вдруг захрипел, забился, и вот…

– Прости, Тулум, – обернулся к оцепеневшему брату государь. – Хотел, чтобы мы втроем с Артанаком прошлое вспомнили, но теперь не получится. Однако не огорчайся. У меня есть еще человек – не такой знатный, но, думаю, тебе его будет тоже любопытно повидать…

Государь шагнул на лестницу, ведущую вниз, в смрадный, освещенный лишь факелами сумрак подземелья.

– Давай не отставай.

Тулум, стараясь не меняться в лице, последовал за ним. Ардван спускался быстро, нимало не смущаясь плохим освещением, как будто каждый камень здесь был ему знаком.

– Так, говоришь, о возвращении Аюра тебе ничего не известно? – чуть задыхаясь, спросил он на ходу.

– Ничего, – угрюмо подтвердил Тулум.

– Жаль. Но я тебе расскажу вкратце. Когда твой воспитанник очень быстро, будто зная, где искать, нашел Аюра, с ним были лишь двое. Двое уцелели из семидесяти! Знаешь, кто были эти двое? Живой и невредимый Хаста, твой жрец, и глава Великой

Охоты, Ширам. Ну да с накхом понятно: с ним как со змеей – пока убьешь, девять шкур снимешь. Но Хаста? Мой сын ранен, Ширам еле жив – а Хаста? Какой-то ничтожный жрец оказался ловчее всех? – Ардван внезапно остановился под факелом, развернулся и уставился брату в лицо. – Итак, из всей Великой Охоты, как ты уже понял, вернулись лишь трое. За все время существования державы такого не бывало – и мне это кажется очень странным. Мне бы хотелось, чтобы ты помог мне найти ответы на эти вопросы.

– Сюда, солнцеликий! – раздался подобострастный голос.

Человечек в кожаном фартуке, сняв со стены смоляной факел, остановился возле одной из дверей и отодвинул тяжелый засов. Дверь отворилась, открывая путь в каморку столь узкую, что широкоплечий мужчина едва мог бы в нее протиснуться. Из-за приоткрывшейся двери густо запахло нечистотами, блевотиной и въевшимся в стены запахом ужаса.

У дальней стенки, сжавшись, полулежало на соломе существо, в котором с трудом угадывался человек. Лицо его являло собой кровавую маску, беззубый рот открыт в немом крике. Заметив человека в фартуке, существо сделало попытку вжаться в стену.

– Не спрашиваю тебя, узнаёшь ли ты, кто перед тобой. Когда он носил одежду, это был плащ младшего жреца в главном храме Солнца. – Государь склонился над истерзанным узником. – Так?

– Да, – невнятно прохрипел тот.

– Ты можешь говорить?

– Только не бейте! Я все скажу!

– Говори правду, и тебя не будут больше бить.

– Все, что знаю!

– Ты получил послания, написанные Хастой и Аорангом?

– Я…

– И что ты сделал с ними дальше?

– Передал Хранителю Покоя… Он говорил, что так нужно ради безопасности царевича…

– Ты опять за свое? Мне приказать, чтобы он взялся за кнут?

– Нет, нет! Я отдал письма Хранителю Покоя, тот прочитал их и вернул…

– Что было дальше?

– Был еще один жрец, в храме, – я не видел его лица. Я лишь оставил письма там, где мне приказали, а он забрал их.

– Ты его видел?

– Лишь со спины…

– Повернись, братец. Похож ли этот жрец на того?

– Нет, нет!

– Ты врешь, мразь!

– Тот был другой! Совсем не похож!

– Ну хорошо. Покуда я тебе поверю. И что же ты сделал потом?

– Хранитель Покоя велел мне прийти к нему под утро. Он сказал, что даст мне поручение. Он велел мне отыскать на закатной дороге один постоялый двор. Там бы меня ждали люди…

– Какие люди?

– Я не знаю! Они сами должны были меня найти. Я лишь должен был отдать им посох…

– Вот тут ты говоришь правду, – удовлетворенно сказал Ардван, поворачиваясь к брату. – Когда Жезлоносцы Полуночи схватили этого мальчишку возле особняка Артанака, при нем был дорожный посох – обычный, даже кора не везде очищена. Но мои люди отчистили эту кору. Она, видишь ли, была сперва снята, а потом надета снова. А там, под снятой корой, мы нашли срез не длиннее указательного пальца. Отрезанная часть была приклеена рыбьим клеем. Мои умельцы ухитрились растопить клей. Так вот, на срезе имелась надпись – совсем небольшая, в пару слов. Но едва ли то была молитва Исвархе.

– Что же там было? – бесстрастно спросил Тулум.

– Тут я хотел попросить твоей помощи, братец. Надпись сделана тайнописью – а ты большой любитель таких забав…

Ардван выжидательно посмотрел в лицо брата.

– Ты хочешь меня в чем-то обвинить? – напрямую спросил верховный жрец.

– Вовсе нет! – Правитель Аратты положил руку на плечо верховному жрецу. – Ничего на свете я так не желал, как убедиться, что мой любимый младший братец непричастен к злодейству! Прости, что отвлек тебя от размышлений…

– Я могу идти? – сумрачно спросил верховный жрец.

– Подожди меня наверху, в саду. Мы продолжим беседу.

Он подал знак, и карауливший выход стражник почтительно распахнул дверь перед верховным жрецом.

Когда она затворилась за спиной Тулума, повелитель Аратты бросил презрительный взгляд на исполосованное кнутом тело:

– Ты что же, несчастный, совсем утратил разум?

– Увы, нет, – прошептал тот. – Хотя и желал этого больше всего на свете…

– Пустое! Ты мог сказать правду и спастись. Но предпочитаешь врать и запираться. Зачем тебе это?

– Я сказал правду…

– Нет! – оборвал его Ардван. – Тулум, несомненно, замешан

во всем этом. Но ты для него – пустое место. Сам видел, он не пожелал спасать тебя. Зачем же ты его выгораживаешь?

– И для меня Тулум – пустое место, – прошептал истерзанный жрец. – Но сейчас я слишком близко к престолу Исвархи, он слышит мои слова… И мне уже не важно, слышишь ли их ты. Я сказал тебе правду – делай с ней что пожелаешь…

Государь стоял, сложив руки перед грудью и покусывая нижнюю губу. Наконец он прервал затянувшееся молчание:

– Он будет жить?

Кнутобоец, к которому были обращены эти слова, молча покачал головой.

– Тогда ускорь его встречу с Исвархой.

Глава 3. Путевая вежа

Поход через заповедный лес продолжался до самого заката. Теперь все были настороже – шли медленно, будто крадучись, оборачиваясь на каждый шорох, держа луки под рукой, чтобы не пропустить засаду. Казалось, в любой миг из чащи вылетит стрела или, того хуже, еще одно страшилище… Однако больше путешественники никого не встретили – ни человека, ни зверя. Захваченный бьяр, который, по убеждению следопытов, равно относился и к тем и к другим, спал беспробудным сном, надежно привязанный крапивной веревкой к борту телеги. На другой воз положили мертвого сакона.

Ширам неспешно ехал впереди отряда, погруженный в собственные мысли. Откуда взялся в лесу сакон? Предположение Аюра о том, что чужак попросту не знал, что здесь проклятое место, казалось убедительным. Или он полагал, что Небесный Кузнец защитит его? Пусть так – но все же что он там делал у дороги? Как здесь оказался и кого выслеживал?

Если это соглядатай разбойников, то почему он таился здесь, а не на большаке?

«Может, и там тоже сторожили, – подумалось накху. – Но если засады стоят так плотно – неужели ждут именно нас?»

Ширам сдвинул брови. Еще на Змеином Языке Аоранг послал человека с письмом к Тулуму. Сам он тоже отправил гонца из первой же приграничной крепости. Может, одного из них – а то и обоих – перехватили разбойники?

Саарсан бросил взгляд на воз, где мертвым сном спал шаман-оборотень.

«Да еще и это диво лесное… Неужели бьяры вернулись в свое разрушенное святилище и снова приносят человеческие жертвы? Нет уж, пусть с этим разбираются жрецы Исвархи…»

Чаща между тем понемногу светлела. Еловая корба сменилась прозрачным березняком, неподалеку зашумела вода. Деревья расступились, и отряд вышел на берег быстрой лесной речки. Дорога дальше вела к броду, который, как водится, охраняла маленькая крепость. Замшелые бревна частокола торчали из зарослей отцветающей огонь-травы и малины, окружая жилую хоромину с покосившейся дозорной башенкой и дворовые постройки. Ворота крепостицы были гостеприимно распахнуты, по двору вперевалку бродили гуси и утки. Из волоковых окон тянуло запахами дыма и печеного мяса с приправами, от которого у всех сразу рот наполнился слюной.

– Что это за место? – спросил Аюр, с удовольствием

принюхиваясь. – Я его не помню. Крепость – не крепость…

– Мы ехали другой дорогой, – объяснил Ширам. – Это старая путевая вежа. Раньше она охраняла переправу через реку. Сейчас тут, похоже, постоялый двор.

Подобные путевые вежи накх видал не раз. В давние времена, когда предок нынешнего государя только осваивал эти земли, идя в поход, он возводил их по пути следования войска. Уходя дальше, государь оставлял в таких местах нескольких бывалых вояк, нуждавшихся в отдыхе, приказывая поддерживать крепость в порядке и быть готовым принять здесь новый отряд. Ставили их в землях подвластных племен, на распутьях, волоках и переправах, и еще долго они были единственной защитой от разбойников или местных обитателей, которые решительно не понимали, почему бы им не грабить всех проходящих через их земли купцов. Теперь же, когда в Аратте царил мир, многие из них были просто заброшены или, как эта, превратились в постоялые дворы.

– Уже вечереет, – сказал Ширам, поглядев на небо. – Думаю, здесь мы и заночуем.

– Мы еще можем ехать дальше, – проговорил Аюр, впрочем не очень уверенно – уж очень манящим был запах еды.

Его наставник покачал головой:

– Мы задержались в лесу. Не стоит нам теперь ехать ночью. Эй, Аоранг! Скажи своим людям, мы остановимся тут!

Старик – содержатель постоялого двора, чуть прихрамывая, как раз спешил навстречу гостям. В руке у него был топор, которым он, должно быть, только что рубил дрова. Но по тому, как он держал его, было заметно, что в прежние дни ему доводилось управляться с совсем иным оружием. В дверях промелькнула, сверкнув полными любопытства глазами, стройная светловолосая девушка.

Ширам начал с того, что лично, вместе с хозяином, обошел все хозяйство – дом, двор и прилегающие к нему угодья. Он тщательно осмотрел просторную кухню, опочивальни для гостей, кладовые; проверил, заперты ли засовы на дверях, ведущих на задний двор, заглянул даже в хлев с дойной лосихой. Все надежно и добротно, как и положено, в пусть небольшой, но все же крепости. У навеса конюшни перед накхом низко склонились двое немолодых слуг, видно тоже из прежних вояк.

Бывшая опочивальня военачальника предназначалась теперь царевичу. Перина, набитая лебяжьим пухом, покрывала низкое ложе; на окнах – крепкие ставни. Все вымыто и выскоблено. Без роскоши, но достойно, как и подобает воину в походе. Особенно после ночевок под сумрачным и не всегда теплым небом диких

земель. Перина так и тянула к себе – Ширам нестерпимо захотелось рухнуть на спину, блаженно вытянуться и не размыкать глаз как можно дольше. Накх мотнул головой, отгоняя заманчивый морок.

– Тебе не нравится, маханвир? – тут же с тревогой спросил хозяин. – Это лучшее, что есть!

– Все хорошо, – успокоил его накх. – Меня сейчас больше занимает соглядатай, которого царевич подстрелил в лесу. Не беспокоят ли вас разбойники?

– О разбойниках давно не слыхали! А вот мятежники…

– Мятежники?

– А вы не знаете? В столице был мятеж против государя. Слава Солнцу, его подавили. Теперь повсюду носятся разъезды, ловят недобитков – их тут по окрестностям столицы столько разбежалось….

– Так вот оно что, – пробормотал Ширам.

Да, это многое объясняло! И сакон с оружием там, где ему совершенно нечего делать; и то, что их никто не встретил, несмотря на давно отправленных гонцов. Скорее всего, те просто не доехали. Значит, мятежники знают, что царевич возвращается с Великой Охоты и что с ним мало людей… А вот мятежников вполне может оказаться много, и они, конечно, не упустят такой возможности поквитаться за поражение…

Ширам похвалил себя за правильное решение остановиться в лесной крепостице. Даже если мятежники все-таки выследили их и вздумают напасть ночью – под защитой высоких стен сторожевой вежи царевичу куда безопасней, чем в шатре среди леса.

– Аоранг! – Саарсан высунулся в оконце опочивальни, высматривая главу следопытов. – Поставь ночную охрану из своих людей. Дозорных за ночь меняем трижды, чтобы они каждый миг оставались настороже.

– Зачем? – удивился мохнач, помогавший внизу распрягать волов. – Закроем ворота, и достаточно…

– Делай, как я сказал! – резко отозвался накх. Аоранг молча повернулся к своим волам. – В округе мятежники, – скрипнув зубами, объяснил Ширам. – Если они узнают, что здесь царевич…

Аоранг глянул на него с неудовольствием, явно находя такие предосторожности лишними, но все же кивнул.

* * *

Радушный хозяин, слуги и девушка-стряпуха сбились с ног,

стараясь напоить, накормить и обустроить отряд царевича. Следопыты, поставленные с луками на стенах, ворчали, что не их дело торчать в дозоре ночь напролет. Однако сейчас даже Аоранг не стал спорить с накхом.

Остальные путешественники с удовольствием предались отдыху и сытной трапезе. Правда, запеченной с травами оленины, заманчивый аромат которой разливался вокруг вежи, на всех не хватило. Зато прислуживала высоким гостям за столом та девица, которую прежде они видели лишь мельком. Иные, разглядев ее толком, и про оленину забыли. Стройная, гибкая, хотя и не столь высокая, как женщины арьев, она постоянно улыбалась, и ямочки на ее щеках так и манили изголодавшихся по женскому вниманию мужчин. Аюр пришел в восторг от ее ярких зеленых глаз, пшенично-русой косы и необыкновенно тонкого стана, по бьярскому обычаю стянутого кожаным ремнем, расшитым обережными медными птичками.

– Погляди, экая лесная красавица, – прошептал он своему старшему товарищу. – А как смотрит на меня!

– Ничего удивительного в этом нет, – буркнул Ширам. – Наследники престола заезжают сюда не часто.

Хотя, по правде сказать, на красавчика-царевича девица взглянула лишь пару раз. Зато с мрачного накха она просто глаз не сводила.

– Девушка, налей-ка нам вина! – приказал Аюр, желая заодно рассмотреть ее поближе.

– Вина? – Та оторвала взгляд от Ширама и звонко рассмеялась, подхватывая с полки кувшин. – Да откуда у нас вино в лесу, светозарный господин? Столица вроде и недалеко, но все равно что на другом краю земли – никто в нашу глухомань не ездит! А вот у нас есть стоялый мед, на диво удался – только попробуйте…

Очарованный ее смехом и лукавым взглядом, Аюр протянул к ней руки, но лесовичка ловко уклонилась и налила ему полную кружку хмельного питья. Она попробовала и перед накхом игриво склониться, но Ширам молча накрыл свою кружку ладонью и коротко приказал налить ему ключевой воды.

– Что ты так смотришь на маханвира? – насмешливо спросил Аюр. – Он тебя не съест – если, конечно, накормишь его как следует!

Девица улыбнулась и ответила почтительно, но довольно смело:

– Прости, солнцеликий, но не часто к нам заезжают высокородные накхи. Когда они проезжают мимо по большаку на своих вороных конях, в черных одеяниях, с закрытыми лицами,

кажется, что это не мужчины, а страшные призраки из сказаний древности…

И она снова уставилась на Ширама, словно ее тянула к нему неведомая сила.

– Кажется, что им чуждо все человеческое…

– Ты бы хотела самолично это проверить? – развеселился Аюр.

– Ступай, ступай! – крикнул ей седобородый хозяин постоялого двора. – Вы уж не серчайте, благородные господа. Тоскливо ей тут. – Он вздохнул. – Вся в мать пошла.

– А кто была мать? – стараясь понять, какая кровь намешана в жилах бойкой девицы, спросил Ширам.

– Мать ее покойницу я в былые времена из дальнего похода в земли вендов привез. Уж как я ее горемычную ни холил, а все ж от тоски померла…

Старик махнул рукой и прикрикнул на дочь, которая стояла рядом:

– Что здесь толчешься, принеси воду господину, и кыш отсюда!

Девица с разочарованным видом развернулась и бросила на маханвира проникновенный взгляд через плечо, но тот словно не заметил его.

Наконец, когда за окнами уже совсем стемнело и хозяин постоялого двора во всех подробностях пересказал гостям все слухи и сплетни о мятеже в столице и его героическом подавлении, Ширам предложил царевичу идти спать. Несколько перебравший Аюр не стал спорить, кивнул и послушно отправился в опочивальню, нахваливая оленину, мед, любезного хозяина и его красавицу-дочь, которой он сулил по возвращении в столицу немедленно перевезти к себе во дворец. Он и сейчас был весьма расположен остаться с ней наедине, но глаза его слипались и ноги едва слушались. Словно вся усталость этого похода внезапно обрушилась на него. Аюр и не подозревал, что настолько нуждается в отдыхе.

– Отдыхай, светозарный. Доброй тебе ночи. Ложись спать, я проверю дозоры и вернусь.

– Не о чем беспокоиться! И скорее вели привести эту красотку прямо сюда…

Царевич взмахнул рукой и, увлекаемый этим движением, рухнул на кровать, не снимая сапог.

– Уже бегу, – пробормотал накх и, закрыв дверь, поглядел вниз, где за освободившимся столом о чем-то между собой оживленно беседовали огнехранитель и Аоранг.

– Хаста! – окликнул его саарсан. – Ступай к царевичу.

Хмельное ударило ему в голову. Надо разуть его и снять одежду. Я скоро вернусь.

* * *

– …А я ничуть не удивлен, – произнес Хаста, рассеянно отщипывая кусочки от ячменной лепешки. – Сам знаешь, мы в храме не любим об этом говорить. Делаем вид, что ничего такого нет. Но поверь человеку, который много лет прожил на севере: бьяры повсеместно поклоняются своим богам и даже не особенно таятся. Самое большее, они добавляют к ним господа Исварху. И лучше даже не вникать, в качестве кого. Вон, погляди, у этого тоже висит, видишь? – Рыжий жрец показал на хищную птицу с женским лицом на груди, вырезанную на осевом столбе. – Где у нас священный знак Солнцеворота – у этих то Небесный Лось, то Близнецы, то Тарэн, которую они кровью поят, а то и сам Первородный Змей, не к ночи будь помянут…

– И это в дневном переходе от столицы, – покачал головой Аоранг. Он слушал вполуха – был занят оленьей ногой, которую предусмотрительно попросил отложить для него еще до ужина. – Экое чучело изловили!

Хасту передернуло:

– Скажешь тоже, чучело! Хуже бьяра-оборотня и представить ничего нельзя. У нас на севере ими детей пугают. Таких, как он, кроме огня, ничего не берет…

– Как видишь, берет.

– Ты о Шираме? Тут о чем говорить, ему сражаться – как дышать. Но без твоей подмоги, кто знает, справился бы?

– Оборотень был обуян звериным духом, – ответил Аоранг. – А я со зверями хорошо лажу.

– Ну да, конечно, – не без досады отозвался жрец, – вы, мохначи, умеете обмениваться мыслями и разговариваете со зверями. Могу поклясться, ваши шаманы не слишком отличаются от бьярских.

Аоранг покачал головой:

– Мохначи водятся только с мамонтами, своей родней. Эти же шаманы обращаются к ужасным сущностям… Бьяр носил личину одной из них. Она дала ему силу призвать дух той росомахи…

Он помолчал, глядя прямо перед собой, и вдруг добавил:

– Почти уверен, что при жизни росомаха была бешеной.

У Хасты от его слов неведомо почему мурашки пробежали по спине.

– Мать Тарэн в огненном обличье – богиня войны и

безумия, – произнес он. – Зверей-людоедов, одержимых злым духом, медведей-шатунов, убив, сжигают перед ее идолом вместе с костями. Этот обряд называется «отдать Тарэн». Он означает, что в нашем мире для них рождений больше не будет. Кстати, и с людьми время от времени так поступают…

Аоранг содрогнулся:

– Что же надо сделать – или кем надо быть! – чтобы лишить душу возрождения?

– Что бы ты сделал с теми, кто убил твою семью? – вопросом на вопрос ответил Хаста. – Кто живьем скормил Змею твоих детей? Знаешь, что делают поморяне-виндры, когда в их сети долго не идет рыба? Дожидаются отлива, выбирают ребенка, привязывают к скале…

– Ты видел это сам? – нахмурился мохнач.

– Нет, хвала Солнцу! – замотал головой Хаста, косясь на резное изображение в углу комнаты. – Но слухи ходят…

– Надеюсь, это лишь слухи. И что, эта нечисть, Тарэн, так почитаема в народе?

– Даже не представляешь как!

Хаста вновь кинул взгляд на жутковатую птичью личину и спросил то ли в шутку, то ли нет:

– Не боишься, что она затаит злобу против нас?

– Конечно нет! А ты что, боишься?

Огнехранитель рассмеялся:

– Отличный разговор двух жрецов Исвархи. Только не пересказывай моих слов святейшему! – Хаста внезапно оборвал смех, умолк и почему-то заметно смутился. – Ты, наверно, как и все, задаешься вопросом, почему я там, в лесу, не отогнал оборотня именем Исвархи?

Аоранг удивленно взглянул на него:

– И в мыслях не было! Знаешь ли, сложно на миг не ошалеть, встретив такое…

– Но я ведь жрец, – уныло ответил Хаста. – Я не должен был прятаться за спинами воинов. Не то чтобы я боялся бьярской нечисти… Но когда трехликий кинулся на нас из чащи – признаться, я испугался. Не смог даже призвать Святое Солнце, потому что язык примерз к гортани. И какой я после этого посвященный огнехранитель? Такого никудышного жреца свет не видывал…

Аоранг, слушая его, и сам начал краснеть. Он отложил оленью ногу и запустил руку в волосы, будто его мучила какая-то тяжелая мысль.

– Ты прав, – вздыхая, проговорил он. – А я-то хорош! Вместо того чтобы, как ты верно говоришь, взывать к силе Исвархи, что я

сделал? Принялся швырять мертвые тела, будто дикий мохнач с ледяных пустошей! Что бы сказал на это мой наставник, святейший Тулум?

– Сказал бы тебе спасибо за спасение царевича и нас всех, – хмыкнул Хаста.

Распахнулась дверь, пахнуло холодом – с улицы вошел Ширам. Он бросил неприязненный взгляд на мохнача, как будто не понимая, что тот делает за господским столом, и изумленно воззрился на Хасту:

– Почему ты здесь? Я же попросил тебя быть наверху, с царевичем!

– Ты попросил снять с него сапоги и одежду, – уточнил Хаста. – Я это сделал. Царевич спит. Даже сказку на ночь ему можно не рассказывать.

– Его что, никто не сторожит?!

– А зачем его сторожить? Он же спит!

Саарсан дернул щекой, закатил глаза и быстро направился к лестнице.

Аоранг проводил его равнодушным взглядом и вдруг на миг замер.

– Что такое? – насторожился Хаста. – Ты что-то услышал?

– Да так, ерунда. – Мохнач вернулся к своей трапезе. – Мне на миг почудилось, что там наверху – не один накх, а два…

* * *

Ширам взбежал на несколько ступенек, когда из-под лестницы его тихо окликнули:

– Почтенный маханвир, можно тебя спросить?

– Что надо? – огрызнулся Ширам и невольно одернул себя. Голос принадлежал дочери хозяина постоялого двора. И пусть даже она не была ему ровней по происхождению, из почтения к молоку собственной матери с ней следовало говорить пусть сдержанно, но приветливо. – Что ты хочешь узнать, девушка?

– Я сейчас поднимусь и спрошу! – таинственным голосом сообщила девица и, не дожидаясь соизволения, быстро взбежала по лестнице, оказавшись прямо рядом с ним.

– Так-то удобнее…

– Что ты хотела узнать? – устало повторил Ширам.

– Мне вот рассказывали, что у накхов есть обычай. Когда парень с девицей женятся, то их в храме вместе связывают крепко-накрепко и так целую ночь они возносят моления Ночному Оку… – нежно касаясь руки накха, прошептала

лесовичка. – И говорят, они при этом совсем голые!

– Нет, – с некоторой неохотой отстраняясь от привлекательной девицы, покачал головой Ширам. – Я знаю, о чем ты говоришь, но все проходит не так.

– А как? Ты мне покажешь, доблестный маханвир?

Зеленые глаза оказались совсем близко. В голосе девушки полыхнула жаркая страсть, от которой у Ширама стало горячо в груди. Дочь хозяина вплотную придвинулась к воину, вновь ласково взяла его за руку, потянула к себе…

В этот миг из опочивальни царевича донесся глухой звук удара.

Ширам резко оттолкнул девушку и метнулся к двери опочивальни. Но отчего-то его движение ушло в пустоту, едва коснувшись большеглазой чаровницы. Почувствовать это Ширам успел, а осознать – нет. А уже в следующий миг покрытая узлами веревка захлестнула его шею и рывком затянулась.

Накх прижал подбородок к груди, пытаясь перехватить запястье руки, держащей веревку. Краем глаза он заметил, как дочь хозяина резко упала на колено, чтобы своей тяжестью удавить пойманную жертву. Он с усилием развернулся, и узлы с вплетенными для верности острыми камешками вспороли ему щеку. Боли он не почувствовал, скорее удивление. Но и для того времени не было.

Лесовичка снова была на ногах, и удавка в ее руке немедля превратилась в плеть. Стремительный удар хлестнул саарсана по глазам. Ширам успел подставить наруч и перехватил узловатую веревку. Рывок! Он готов был поклясться, что всякий, будь то арий, венд или какой иной житель державы, постарается удержать свое оружие. Но девушка тут же уступила его противнику. Вместо того чтобы тягаться с ним силой, она отскочила назад и переворотом ушла в сторону лестницы, ударив при этом пяткой Ширама в живот. С тем же успехом можно было пытаться проломить ногой стену, однако накх сбился с шага, чуть замешкался и не успел схватить не в меру быструю девицу.

– Хаста, задержи ее! – крикнул он, понимая, что сделать это рыжему жрецу вряд ли удастся.

Самому Шираму было не до того. Он ринулся к двери опочивальни царевича, рывком выдирая запертую щеколду, распахнул ее. Краем уха он услышал снизу удар и звук падающего тела. «Только бы не убила!» – подумал саарсан, врываясь в комнату.

На ложе никого не было. Рядом с кроватью лежала свернутая перина, перемотанная веревками, будто копченый окорок. Накх кинулся к ней, перерезал веревки, развернул ее и обнаружил

внутри мирно спящего Аюра, целого и невредимого. Он быстро огляделся – стены целы, ставни по-прежнему надежно заперты изнутри, вот только на потолке зияло прямоугольное отверстие тайного лаза…

* * *

Едва рассвело, но в ветхой крепостице на опушке священного леса никто не спал. Ширам, клокоча от ярости, сидел за столом и вертел в руках веревку с узлами – все, что осталось на память от коварной лесовички. За всю ночь он, как и прочие, не сомкнул глаз. Да уж, отдых под крышей удался!

Хозяин постоялого двора и его сотоварищи, разумеется, сбежали в суматохе через тайный ход, ведущий с кухни прямо в лес. Отменная засада! Еще немного, и у них бы получилось. У Ширама волосы шевелились на затылке при мысли, что пожелай они убить Аюра – ничто бы им не помешало. Видимо, услышав шаги на лестнице и разговор с девицей, они начали торопиться и уронили сверток – иначе бесследно исчез бы и царевич… Ширам заскрипел зубами. Как он мог просмотреть лаз! Он приказал Аорангу разослать всех своих следопытов искать беглецов, но понимал, что, скорее всего, те ушли по реке, а стало быть, это бесполезно.

Одно хорошо – все остались живы, даже Хаста. Молодой жрец сидел рядом с ним за столом и, потирая живот, оживленно рассказывал, как кинулся ловить шуструю девицу и ни с того ни с сего получил самый жестокий удар под дых в своей жизни.

– У меня свело все нутро! Клянусь Солнцем, я думал, что больше никогда не смогу глотнуть воздуха… Ты слушаешь меня, Ширам? Кажется, тебя совсем не занимает то, что я говорю! А я едва жив остался!

– Если бы она хотела тебя убить, то непременно бы убила, – не глядя на друга, заметил Ширам. – Но убить она хотела меня…

– Ну конечно, – почти обиделся жрец. – Кроме тебя, здесь уже и убивать некого!

– Смотри, – оборвал его накх. – Вот это – хаташ. Такие веревки с петлями и узлами есть только у накхов. Для удушения с его помощью существует сорок различных способов. И десятки способов для того, чтобы ломать врагу руки, ноги, а также бить, как плетью…

– То-то я смотрю, у тебя на лице свежий рубец! Давай я его…

– Замолчи и слушай. Я готов поспорить, что сегодня ночью хаташ не случайно оказался в руках этой… – Он замялся,

подыскивая слово, не оскорбляющее приютившего их дома: –… этой крысы в человеческом облике.

Он помолчал и яростно добавил:

– Знаешь, что хуже всего? Кто-то ведь ее научил управляться с ним. Кто-то из накхов! Но такого не было прежде никогда. Никто из наших под страхом смерти не станет учить воинским искусствам чужака…

Он вдруг резко обернулся:

– Где Аюр? Он только что был здесь!

– Гм… Кажется, я недавно видел его во дворе.

Ширам тут же вскочил из-за стола:

– Пошли. Пока я не передам его отцу, нельзя спускать с него глаз!

* * *

Аюр, зевая, прохаживался по двору. Утро было таким сырым и неприветливым, что царевичу хотелось лишь одного – снова забраться в постель и проспать до полудня. И зачем Ширам поднял его в такую рань? Следопытов было не видать – то ли спали, то ли куда-то уже ушли… Проходя мимо воза с телами, Аюр окинул его сонным взглядом, но тут же встрепенулся. Одно тело лежало по-прежнему тихо, зато другое, привязанное к стенкам воза веревками из крапивы, ерзало и крутило головой.

Ага! Бьяр очнулся!

Царевич подошел поближе и принялся с любопытством рассматривать диковинного старика. Тот встретил его взгляд и с ненавистью проскрежетал:

– Мать Зверей найдет каждого из вас! Познайте ее месть и ярость! Особенно ты!

– Я? – удивился и даже обиделся Аюр. – Но почему я? Я-то ничего тебе не сделал!

– Вы, арьи, оскорбили Мать Тарэн. Вы разорили ее дом и прогнали ее детей! Вы гоните и преследуете нас по всей Бьярме! Вы – дети ложного солнца! Его именем вы изгнали древних богов – но скоро они отомстят…

Старик дико расхохотался и посулил ошеломленному царевичу:

– Да попадешь ты в руки Тарэн, сын лжи! Да опутает она тебя своей черной паутиной и утащит под землю к своему мужу, ядовитому Хулу!

– Чтоб у тебя язык отсох! – возмущенно отозвался Аюр. – Чтоб тебя Исварха разразил и эту твою Тарэн вместе со всем ее

гнусным семейством!

– О чем ругань? – раздалось позади.

К возу подошли Ширам и Хаста. Аюр поглядел на угрюмого накха с рассеченным лицом, на бледного Хасту, еще державшегося за живот, и с ухмылкой сказал:

– Вижу, ночью здесь была славная гулянка!

– Да, светозарный, ты проспал все самое интересное, – подтвердил Хаста, скривившись от приступа боли. – Что, бьяр очнулся?

– Да, и, кажется, проклял меня.

– Проклял? – прошипел Ширам. – Дайте-ка я поговорю с ним. Стало быть, ты не только оборотень, но и бунтовщик?

– А, это ты, змея, которая жалит по приказу хозяина? – осклабился бьяр. – Да не будет тебе ни в чем удачи!

Ширам, не расположенный в то утро к сдержанности, молча врезал ему по зубам.

– Кто бы говорил, – добавил Хаста, на всякий случай держась подальше от воза. – Тот, кто свою удачу в лесу растерял!

– Будьте прокляты вы все! – Бьяр выплюнул выбитый зуб. В углу его рта выступила кровь, но он лишь облизнулся, будто радуясь ее вкусу. – Еще не слезет мясо с моих костей, как вы начнете убивать друг друга!

Старик с усилием приподнял голову повыше, мотнул ею и поймал губами одну из бусин, вплетенных в седые косы. В тот же миг он захрипел, по бороде потекла зеленоватая пена…

Ширам быстро шагнул вперед, желая разжать ему челюсти, но на его руке повис Хаста.

– Нет! – закричал он. – Это гадючья поганка, ее даже трогать нельзя! Умрешь, противоядия нет!

Старый бьяр, подтверждая его слова, с глухим стуком уронил голову на дно воза. Его тело еще дергалось, но лицо уже застыло, и дыхание остановилось.

– Она высушенная не опасна, – запинаясь, договорил Хаста. – Но хоть капля воды или слюны попадет – все…

– Все, – подтвердил Ширам и стиснул зубы, глядя на мертвого оборотня. Ну вот и этот от него ускользнул! Что же за невезение такое? Неужели уже начало сбываться проклятие?

– Он посулил, что я попаду в руки какой-то Тарэн, – сказал царевич. – Кто-нибудь понимает, о чем речь?

Ширам пожал плечами. Хаста побледнел еще сильнее и промолчал.

Глава 4. Звереныш

Аюна, в праздничном наряде, увешанная драгоценными украшениями, словно статуя в храме, стояла на стене Верхнего города. Ее расшитое золотой нитью и самоцветами парчовое платье было таким тяжелым, что даже резкий ветер на огромной высоте почти не шевелил его. Позади нее почтительно застыли две служанки: одна держала в руках теплый плащ, на случай если дочь живого бога озябнет, другая – солнечник из пышных перьев, чтобы укрыть в тени нежное лицо царевны, если вдруг начнет припекать солнце. За ними расположились четверо воинов ее охраны. Иными словами, царевна стояла на городской стене все равно что одна.

Погруженная в свои мысли, она глядела вниз, на лоскутное одеяло Нижнего города с извилистой сеткой улиц. Сегодня столица была охвачена суетой, делающей ее похожей на растревоженный муравейник. Аюна знала, в чем дело. Хоть эту новость и не объявляли глашатаи, но город был взбудоражен: царевич Аюр возвращается с Великой Охоты! Дорога от ворот к Лазурному дворцу была расчищена, вдоль улиц стояли стражи. Однако власти старательно делали вид, будто ничего особенного не происходит и никакого празднества определенно не намечалось.

Встреча Великой Охоты была бы несравнимо торжественнее, если бы не прискорбные обстоятельства ее возвращения. Мало того что наследник прибыл без добычи, он еще и соратников своих потерял. А ведь среди них были сыновья старейших родов Аратты! Тут впору устраивать погребальное шествие с плакальщицами, а не праздник. Главе охоты, Ширaму, еще предстоит дать отчет в смерти каждого знатного ария, бесследно сгинувшего в диких землях…

«Скоро они будут здесь…»

Мысли Аюны метались. Она вдруг вспомнила, как вчера Джаяли и ее муж Киран уходили из сада под руку, словно пара птичек-неразлучников, которые и дня не могут прожить друг без друга.

«Какое это счастье – быть всегда рядом с любимым, который во всем поддержит тебя, защитит и разделит твои мысли… Хотела бы я быть так же близка со своим супругом!»

Но ее собственное супружество будет подобно жертве. Раньше царевне казалось, что ради отца она была готова отдать все, что у нее есть. Она без колебаний пожертвовала для гадания свою кровь, чтобы попытаться отыскать след любимого брата Аюра. Но

теперь ее словно разрывало изнутри на части.

«Если только можно избежать этого брака! Моя сестра и Киран пошли против воли отца и победили. А все потому, что они были тверды, отважны и шли до конца…»

Она подняла руку к груди, нащупала среди золотых подвесок заветный оберег на цепочке и стиснула его в кулаке.

«У меня тоже есть откуда черпать решимость!»

Этим оберегом был острый и белый, как молоко, оправленный в золото звериный клык. Царевна уже ловила недоумевающие и насмешливые взгляды знатных женщин, но все равно носила его напоказ – в отличие от обручальных браслетов Ширама. Браслеты эти, холодные и тяжелые золотые змеи, оттягивали ей руки, будто оковы, ежечасно напоминая о ее долге. Клык, наоборот, наполнял Аюну гордостью – ведь это был знак ее личной отваги! Память о том дне, когда она преодолела страх и прикоснулась к самому опасному из зверей Аратты.

«Согласно поверьям моего народа, он дарует охотнику храбрость», – сказал тогда Аоранг, вручая ей этот клык. При мысли о мохначе у царевны стало тепло на сердце. Вот кто поистине беспредельно отважен – и при этом не сеет вокруг себя смерть, как ее постылый жених…

И Аюна вернулась мыслями в тот день, когда она привела Аоранга в тайный сад, и куда он потом повел ее, и чем все завершилось…

– Что с тобой? – спросила она тогда, искоса поглядывая на воспитанника Тулума, идущего рядом с ней по дорожке. – Ты невесел, молчалив и будто не рад меня видеть… Не так-то просто было привести тебя сюда! В сад Возвышенных Раздумий нельзя входить никому, кроме высших сановников, а ты даже не смотришь по сторонам. Я думала, тебе понравится. Говорят, тут собраны самые диковинные растения со всех концов мира. Неужели храмовый сад лучше? Да ты и не слушаешь меня!

– Прости, солнцеликая, – рассеянно отозвался мохнач. – Я задумался. Все мои мысли сейчас в зверинце.

– Что же там такого занимательного? – спросила царевна, уязвленная подобным предпочтением.

– Когда я уже собирался к тебе, смотритель хищников сообщил мне, что Рыкун заболел. Отказывается от пищи, никого к себе не подпускает… Прости, – повторил он еще раз, решительно останавливаясь. – Я должен быть там, а не здесь.

– Рыкун? – в замешательстве повторила Аюна. – Кто это?

– Редкостный звереныш, истинное украшение храмового зверинца, – заговорил Аоранг, сразу оживляясь. – Его привезли прошлой весной с Ползучих гор люди моего родного племени, и

то, что они довезли его живым, ничем, кроме особой милости Исвархи, объяснить нельзя – ведь всю дорогу Рыкун ничего не ел! Они, видишь ли, наткнулись на его погибшую мать – должно быть, она неудачно поохотилась и погибла от ран, – заметили, что ее сосцы полны молока, и неподалеку нашли еще живой выводок. Вот один из этих детенышей и есть Рыкун. Если бы ты знала, каких трудов мне стоило выкормить его!

– Поохотилась? – с недоумением повторила царевна. – Я думала, ты говоришь о мамонте.

– Нет – о саблезубце! Уже очень давно их не было в зверинцах Аратты – последний умер четверть века назад, и его чучело стоит в охотничьей палате Лазурного дворца. Не то чтобы я был очень рад увидеть детеныша саблезубца. Для мохначей и мамонтов эти пятнистые убийцы – прирожденные враги. Но они столь редко встречаются в зверинцах и никогда не приносят в неволе потомства, так что я просто не имел права дать ему погибнуть…

– Детеныш саблезубца, – повторила Аюна, и ее глаза вспыхнули от жадного любопытства. – Так пойдем вместе, Аоранг! Я хочу посмотреть на него!

Воспитанник Тулума глянул на нее с сомнением:

– Твоя воля, солнцеликая… Но храмовый зверинец едва ли приятное место для царевны. Он не для посетителей, там содержатся по большей части жертвенные животные, там воняет… И я буду лечить зверя, а что будешь делать ты?

– Помогу! – с жаром заявила девушка. – Я учусь целительству, ты же знаешь!

– Я даже близко не подпущу тебя к клеткам и ямам.

– Тогда я посмотрю, как ты это делаешь!

– Это может быть неприятно, а порой и опасно…

– Тогда я тем более пойду с тобой! – тряхнула головой Аюна. – И не отговаривай меня. Такова моя воля!

– Я повинуюсь, – с улыбкой ответил Аоранг, любуясь ею.

* * *

– Хвала Солнцу, ты пришел, Аоранг! – Навстречу им из смрадного сумрака зверинца выскочил служитель. – Рыкун совсем не в себе!

– Так и не поел? – нахмурился мохнач.

– Если бы только это! Забился в угол, рычит, огрызается, никого к себе не подпускает… Слюни текут, глаза горят! Взбесился, что ли?!

– С чего бы он взбесился? – с гневом спросил Аоранг, ускоряя

шаг.

Про Аюну он будто забыл, как вошел под каменные своды; она едва поспевала за ним, пробегая мимо клеток и загонов, даже не успевая заметить, кто в них заперт.

– Его разве кто-то укусил?

– Нет, но… Он явно страдает! Может, острая кость в каше попалась?

Аоранг резко остановился и схватил смотрителя за плечо.

– Рыкун ест молочную кашу с нарезанным мясом! – рявкнул он. – Откуда там кость, да еще острая? Смотри! Если туда попала кость, я не завидую тому, кто готовил ему пищу!

При виде разъяренного мохнача смотритель побледнел и принялся было оправдываться, но его торопливые слова заглушил жалобный и сердитый рев.

Аюна с трудом дышала – в этой части зверинца вонь была нестерпимой. Она поглядела туда, откуда донесся рев, и застыла на месте. С ее губ невольно сорвалось имя Исвархи. Когда Аоранг говорил о детеныше, она, сама того не сознавая, ожидала увидеть пушистого пятнистого котенка, пусть и большого, – но перед ней припал к полу, словно готовясь к прыжку, самый настоящий саблезубец. До взрослого хищника он еще не дорос, но уже был размером с теленка – большеголовый и большелапый, нескладный, некрасивый, покрытый клочковатой шерстью. Звереныш скорчился в дальнем углу клетки, прижав уши, и рычал, глядя по сторонам дикими желтыми глазами. Из его пасти обильно капала слюна.

– Этот зверь и в самом деле выглядит больным, – тихо сказала Аюна. – Может, лучше тебе…

Аоранг, не дослушав, откинул задвижку и вошел в клетку.

– Стой! – вырвалось у царевны, но ее друг даже не обернулся.

Он медленно пошел в сторону детеныша, опустился перед ним на корточки, не доходя нескольких шагов, протянул в его сторону руку и заговорил с ним на языке мохначей. Он говорил негромким ровным голосом, не обращая внимания на то, что зверь припал к земле и дергает куцым хвостом, всем своим видом предупреждая человека – еще шаг, и бросаюсь!

Аоранг не шевелился и не опускал руку, но продолжал ласково говорить. Наконец Аюна поняла, что зверь успокаивается. Его вздыбленная шерсть опустилась, рычание умолкло. Аоранг тут же придвинулся чуть ближе к нему и коснулся рукой шеи. Рыкун взвизгнул и отдернул голову. Мохнач убрал руку, подождал, пока рычание снова не умолкнет, и опять коснулся морды.

Это длилось, должно быть, очень долго, но для Аюны,

которая, затаив дыхание, не сводила глаз с мохнача, время пронеслось как один миг. Только когда Аоранг выпрямился, повернулся и заговорил со служителем на языке арьев, она разжала стиснутые кулаки и увидела красные полукружия на ладонях там, где ее ногти впивались в кожу.

– У него меняются зубы, – сказал Аоранг, поглаживая зверя и осторожно ощупывая ему горло. – На Ползучих горах подросшие детеныши в это время совсем беззащитны и жмутся к старшим или прячутся где-нибудь в скалах, а тут ему и спрятаться негде. Устройте ему тут логовище с низким входом, а соломенную лежанку выкиньте, она уже не годится… Ага, вот он…

– Что там? – вытянул шею служитель.

– Выпавший клык. Он его случайно проглотил, и клык застрял в горле. Перепугался, да и больно ему…

Руки Аоранга вдруг крепко взялись за могучие челюсти подрастающего саблезубца и разжали их. Рыкун заревел и начал вырываться. Аоранг напряг все силы, чтобы удержать его одной рукой, а вторую засунул ему в пасть, быстро нащупал и выдернул что-то белое. После этого он отпустил звереныша. Тот отскочил в угол клетки и лег там, облизываясь с таким видом, как будто сразу же забыл о том, что его так долго мучило.

Аоранг вышел из клетки. Царевна метнулась навстречу.

– Все хорошо, – улыбаясь, сказал ей мохнач. – Твоя помощь не понадобилась.

Из клетки донеслось резкое требовательное мяуканье – Рыкун подошел вплотную к прутьям и звал хозяина.

– Теперь можно погладить его.

Царевна глубоко вздохнула, чтобы скрыть невольный страх, просунула руку сквозь прутья, запустила пальцы в густую пятнистую шерсть саблезубца и принялась почесывать. Детеныш заурчал, словно огромный кот.

– На, возьми на память. – Аоранг протянул Аюне выпавший клык. – Можешь оправить в золото и носить на шее. Мохначи верят, что клык саблезубца делает человека бесстрашным.

– Тебе, чтобы быть бесстрашным, ничьих клыков не нужно, – проговорила Аюна, глядя на него с восхищением.

В этот миг он казался ей воплощением какого-то древнего бога.

Аоранг, стоя рядом, положил Аюне руку на плечо, и она не отстранилась. Служитель зверинца пристально посмотрел на них, однако ничего не сказал.

* * *

Когда они вышли из зверинца, оба были задумчивы.

– Мне нужно поменять одежду: я пахну диким зверем, – проговорила Аюна. – Хотя, знаешь, Аоранг, мне почему-то кажется, что этот запах теперь будет кружить мне голову, как вино…

Она чувствовала, что ее друг стал близок ей, как никогда прежде. Как будто пережитая вместе опасность смела последние преграды между ними. Аюна подняла на него взгляд, она смотрела с каким-то непонятным страхом, как будто, осознав свои чувства, сама испугалась их силы.

– Знаешь, что я подумала о тебе, Аоранг? – Она протянула руку и коснулась ладонью его груди. – Как ты могуч и как при этом добр и ласков! Разве такое возможно?

– Не так уж я добр, ты обо мне не все знаешь, – смутился Аоранг. – На Ползучих горах вообще слова «доброта» нет. Там есть понятие необходимости…

– Судя по твоим словам, жизнь там жестока. Но в ней есть что-то очень… настоящее.

Воспитанник жрецов смотрел на нее и не мог наглядеться.

– А ты – наоборот, – произнес он, не сводя с нее взора, – ты, царевна, с виду нежная, а внутри – твердая, как лучшая бронза. Я всегда это чувствовал, но сейчас увидел своими глазами.

Он отвел взгляд и отступил на шаг – так его волновала ее близость.

– Я ничего об этом не знаю, – радуясь и смущаясь его похвале, отозвалась Аюна. – У меня пока не было случая испытать себя. Мы с Аюром всю жизнь прожили в Лазурном дворце, как в волшебном саду. Вот он поехал на свою охоту, и я завидую ему. Он пройдет испытания и вернется мужчиной, а я?

– Твои испытания тебя найдут.

«Они уже начались, хоть ты и не думаешь об этом, – подумал Аоранг. – Хоть брат императора и зовет меня своим приемным сыном, но назовет ли он меня так, если узнает, что я полюбил его племянницу?»

Впрочем, что толку гадать. Аюна с явным удовольствием проводит с ним время, но едва ли сама отдает себе отчет в своих чувствах – она лишь следует своим желаниям, как делала всегда. Порой он мечтал – вот бы увезти ее на Ползучие горы, скрыться от всех в землях мохначей и жить так, как должно мужчине и женщине, которые раз и навсегда решили быть вместе.

Пустые мечты! Они не на Ползучих горах, а в благословенной Аратте. А кроме того, Аюна уже обручена. Хоть это и скрывалось, но о грядущей свадьбе дочери государя с саарсаном накхов в Верхнем городе не болтал только ленивый. Аоранг поглядел на

нее страстным и горестным взглядом. Что же делать?

«Я знаю, что ты меня полюбил, это ясно как восход солнца. Да иначе и быть не может – как можно меня не полюбить? – думала Аюна, глядя на страдающего юношу. – Так почему ты молчишь? Скажи, что любишь меня больше всего на свете, больше жизни! Скажи, что хочешь быть со мной, что никогда от меня не откажешься!»

Но он ничего такого не сказал. А вскоре и вовсе уехал. И вот теперь они возвращаются. Царевна помнила – сразу после возвращения охоты должен пройти главный свадебный обряд, после которого она станет женой Ширама. Нет, не бывать этому!

Аюна нахмурилась, отпустила кулон и обернулась к служанкам и страже:

– Следуйте за мной! Мы возвращаемся в Лазурный дворец.

* * *

С открытой галереи, увитой плющом, Аюна глядела на отца, неспешно поднимающегося по широкой лестнице. В полушаге за ним, почтительно склонив голову, следовал его зять Киран, что-то оживленно рассказывая повелителю. Тот кивал, в конце концов остановился, повернулся к слугам, что-то сказал – царевна не слышала что. Она только заметила, что напряженное лицо отца несколько прояснилось. Он улыбнулся зятю, и тот, быстро развернувшись, сбежал с лестницы. Ардван, продолжая улыбаться, сделал еще несколько шагов, и царевна наконец решилась выйти ему навстречу.

– Отец…

Она выступила из зелени широких листьев и склонила голову перед властителем Аратты, как того неукоснительно требовал придворный обычай.

– А вот и ты, милая! Я вижу, ты уже готова? Мне сообщили, твой брат уже у ворот Нижнего города. Скоро он будет здесь…

– Отец, я хотела поговорить с тобой… – Она сглотнула вставший в горле ком. – Это очень важно…

– Сейчас не время, – остановил было ее Ардван, но вдруг ощутил, что голос дочери совсем иной, нежели тот, каким она просила себе новые украшения или чужедальние диковины. – Что случилось? На тебе лица нет! Ты что, не рада возвращению брата?

– С ним вернулся Ширам, – тихо проговорила Аюна.

– Да, это так.

– Я не желаю выходить за него замуж.

Ардван замер, уставившись на дочь, как будто вместо юной

девицы перед ним вдруг появилось неведомое лесное диво. Затем крепко взял ее за запястье:

– Пойдем со мной!

Аюна безропотно повиновалась, но сердце ее колотилось за решеткой ребер, словно желая выскочить из груди.

Отец привел ее в скудно обставленную залу, вдоль стен которой на длинных полках громоздились тысячи исписанных свитков. Поглядев, плотно ли прикрыта дверь, он отпустил девушку и бросил:

– Ну, рассказывай, что ты там удумала. Что за блажь пришла тебе на ум?

– Я не выйду за Ширама, – срывающимся голосом, но оттого не менее уверенно объявила царевна.

– Отчего?

– Я не люблю его.

– Но вы обручены перед богом и людьми – а значит, ты должна.

– Можешь наказать меня как пожелаешь – я не сделаю этого.

Ардван упер в дочь тяжелый, испытующий взгляд:

– Неужели то, о чем судачат во дворце, правда? Я не желал верить в это, не желаю и сейчас. Ты и мохнач – ничего глупее и придумать нельзя!

– Да почему?! Он вовсе не такой уж…

– Замолчи! – прикрикнул властитель Аратты и обвел рукой зал, указывая на кипы свитков, громоздящиеся на полках вдоль стен. – Смотри, знаешь, что это такое?

– Нет…

– Вот это, кругом – признания заговорщиков, умышлявших погубить меня, а заодно и вас. Бóльшая часть людей, указанных в этих свитках, уже мертвы. Но скверна не искоренена. Она где-то совсем рядом! Даже среди накхов есть те, кто склонен к мятежу. И мне нужен вождь их народа. Он будет моей опорой…

Аюна нетерпеливо слушала его, едва сдерживаясь, чтобы не перебить и не воскликнуть: «Ты ошибаешься, отец!» Прежде она не посмела бы возражать Ардвану, когда речь шла о государственных делах. Если он утверждает, что накхи нужны ему, значит так оно и есть. Но Киран сказал, что все это вот-вот изменится и отец еще скажет ей спасибо за отказ…

– Увы, Охота Силы прошла из рук вон плохо, – продолжал государь Аратты. – Но твой брат жив, и, как сообщил гонец, Ширам не раз доказывал в походе свою верность и отвагу. Он заслужил награду…

– Пусть так, – холодно ответила Аюна. – Награди его, раз он того заслужил, – но только не мной!

– Выбрось из головы всю эту нелепую блажь!

– Только вместе с головой! – В глазах девушки вспыхнул огонь. – Я почитаю твою волю, отец. Но у меня лишь одна жизнь. Если хочешь, забери ее так же, как дал! Но если оставишь – дай мне жить по моему усмотрению. Я не желаю себе в мужья Ширама. Таково мое слово.

Ардван молча глядел на дочь, лишь перекатывались желваки на его скулах. Будь на месте Аюны кто-либо другой, он и впрямь бы не дожил до утра. Но сейчас, с трудом одолев гнев, повелитель Аратты процедил:

– Ступай к себе. И думай! Много думай! Я желаю, чтобы ты наконец поняла, что в этой жизни действительно важно. Так и быть, в ближайшие несколько дней Ширам не пойдет с тобой к огню Исвархи. Но если за это время ты не одумаешься, клянусь – я прикажу поженить тебя с этим нечесаным Аорангом и изгоню вас вместе в земли мохначей!

Угроза отца испугала Аюну куда меньше, чем он полагал. Впрочем, она в любом случае не собиралась сдаваться так легко. Она снова вспомнила про сестру и Кирана и решила сделать еще попытку.

– Скажи, отец, – тихо и задушевно произнесла она, – неужели на твоей памяти ни одна из женщин нашего рода не шла против твоей воли ради своего счастья? Неужели ни одна не полюбила всем сердцем мужчину из далеких чужих земель? Разве в этом есть что-то новое для тебя?

Ардван побелел и пошатнулся. Перепуганная Аюна кинулась к нему. Она не ожидала ничего подобного; ей показалось, что отца вот-вот хватит удар.

– Отец! Что с тобой? Вызвать лекаря?!

– Не трогай меня! – прорычал он. – Я велел тебе уйти! Так убирайся отсюда!

Аюна, всхлипывая, бегом бросилась прочь. Выскочив из палаты, она дала волю слезам. Святое Солнце, что же это творится?! Как он может так обращаться с ней! Она не рабыня, чтобы гнать ее за дверь, не желая выслушать. Нет, теперь она точно пойдет до конца!

Глава 5. Возвращение в столицу

Стражи у ворот Нижнего города преклонили колено, приветствуя возвращение наследника. За их спинами толпился народ, встречая всадников радостными криками. Сияющий Аюр, гарцуя, въехал под сень огромных врат. Вот они и дома!

«Оно и к лучшему, что государь не стал устраивать празднество в честь возвращения царевича», – думал Ширам, поглядывая по сторонам. Такой несчастливой Великой Охоты Аратта никогда не видывала – ни добычи, ни славы, да еще людей потеряли… Тут бы проскользнуть во дворец незаметно…

– Царевич Аюр! Царевич возвращается! – неслось повсюду.

С боковых улиц, узких и извилистых, как воловьи кишки, начинал сбегаться народ. Но конные следопыты ехали быстро. Они миновали Нижний город прежде, чем успела собраться толпа. Дорога пошла вверх, и вот уже над едущими нависла громада красной скалы, увенчанной золотыми крышами храмов и дворцов, украшенных лазурными изразцами.

– А знаешь, я доволен, что нас не встречают как подобает, – тихо сказал Аюр едущему рядом с ним Ширам. – Не хотел бы я сейчас встретить родственников всех тех, кто погиб на охоте! Наверняка во дворце уже ждет отец бедняги Аруна. Как бы то ни было, мне жаль его…

Ширам промолчал. Гибель этого мальчишки была жестокой необходимостью. И зря арьи полагали, что его казнь доставила маханвиру удовольствие.

«Все равно спросят не с тебя, а с меня, – подумал он. – И за ту казнь, и за потерю отряда, и за твою рану – хвала богам, что она зажила! – и за вчерашний ночлег тоже…»

Саарсан недовольно поджал губы. Враги сбежали, никого не удалось даже убить, не то что захватить живьем. Даже связанный по рукам и ногам бьяр умудрился покончить с собой!

Но особенно его беспокоила девушка. По виду она в самом деле походила на вендку, разве что те были более рослыми. Но как может вендка так хорошо владеть оружием и приемами накхов? Ширам, как ни тщился, не мог представить себе того, кто стал бы обучать высокому боевому искусству, тайны которого хранятся внутри рода и передаются от старших к младшим, девчонку-рабыню, да не просто из чужого – из враждебного народа. Немыслимо!

Наконец узкие улочки Нижнего города остались позади. Всадники приблизились к каменной стене «туннеля смерти», поднимавшегося вокруг скалы к единственным воротам цитадели.

Верхний город, расположенный на стесанной вершине красной гранитной скалы, сверху напоминал солнце. К дворцу государя вело двенадцать улиц, расходившихся в стороны подобно лучам. Одна из этих улиц вела к воротам, от которых и начинался перекрытый сверху деревянной галереей «туннель смерти».

Тем, для кого открывалась тяжелая решетка, приходилось ехать цепочкой по одному довольно круто вверх. Жители Верхнего города знали, что сверху и сбоку за всадниками следят бдительные лучники-арьи. Малейшее подозрение – и любой недруг окажется пронзенным стрелами, не имея никакой возможности защититься. Лишь время от времени на стене виднелись факелы, освещающие путь. Но даже при их зыбком свете разглядеть бойницы лучников было невозможно.

Зато сейчас они освещали иное. Уже в преддверии туннеля повеяло легким запахом тлена. Когда глаза путешественников привыкли к полутьме, их ждало устрашающее зрелище. По обе стороны каждого факела, насаженные на острые пики, торчали головы – судя по их виду, совсем недавно расставшиеся с телами.

Узнать лица несчастных не составляло труда. В сумраке послышались изумленные возгласы, сменившиеся тихими быстрыми перешептываниями. Только Ширам ехал молча, внимательно разглядывая искаженные смертной мукой лица, опасаясь узнать среди казненных кого-либо из друзей или родичей. Многие головы были ему знакомы. Здесь были царедворцы, судьи и даже военачальники – однако накхов среди них не оказалось.

– Да это же Артанак, Хранитель Покоя! – раздался рядом возбужденный голос Аюра. – Сколько тут знатнейших арьев! Неужели все они заговорщики?

– Ты спросишь об этом отца при встрече, – сухо отозвался Ширам, отворачиваясь от голов казненных.

Наконец впереди замаячили распахнутые ворота Верхнего города, и зловонный сумрак туннеля сменился радостным солнечным светом.

– Как хорошо вернуться домой! – провозгласил Аюр, щурясь от яркого солнца и с довольным видом оглядываясь по сторонам.

– Так и есть, – пытаясь выдавить улыбку, подтвердил Ширам.

– Идем со мной во дворец! Я расскажу отцу о твоей доблести…

– Я был бы рад последовать за тобой, но мне следует омыть пыль и грязь долгого пути, а заодно сменить одежду. Негоже появляться перед властителем в обносках. Тем более, – Ширам указал на мрачные, украшенные прорезями бойниц каменные здания по обе стороны дороги, направленных острым углом к

улице, – мои сородичи тоже наверняка будут рады узнать, что мы благополучно вернулись из столь непростого похода.

– Хорошо, – милостиво кивнул Аюр, глядя на ожидающий его у самых ворот отряд Жезлоносцев Полудня. – Я отпускаю тебя. Ступай. Но поспеши. Наверняка отец захочет увидеть и отблагодарить тебя. Не заставляй его ждать.

– Я появлюсь так быстро, что вы едва успеете заметить мое отсутствие.

* * *

Накхи неспроста ставили свои жилища углом к улице – так их было удобнее оборонять при случае нападения. Ширам эта и другие уловки были хорошо знакомы. Он спешился и, ведя коня в поводу, прошел мимо высоких расписных дубовых ворот, даже не сбавив шага. Это была нехитрая ловушка: приняв ворота за настоящий вход, неприятель попытался бы выломать их, чтобы ворваться внутрь дома-крепости, однако вместо этого оказывался в глухом дворике под прицелом лучников, точно кролик в садке.

Саарсан обошел мрачное снаружи здание и оказался там, где оно смыкалось с соседним, почти таким же. Но едва он поравнялся с башенкой на стыке двух стен, как из нее выдвинулся помост и с него наземь тут же опустились дощатые сходни. Оставив коня снаружи, Ширам направился по ним наверх. Ему было прекрасно известно, что слуги займутся его животным и что можно не беспокоиться – скакун не пропадет. Даже если никто не пожелал бы о нем позаботиться, среди накхов не было воровства. Каждый из них сызмальства знал, что убить врага – почетно, отнять у него все достояние, женщин и скот – тоже вполне достойно. Но тот, кто решится похитить хотя бы черенок ложки у собрата, должен быть убит.

Оскорбление каралось не так сурово. Приговоренного растягивали за руки и за ноги между двух столбов, и всякий проходящий мимо должен был огреть грубияна палкой. Если к ночи тот оставался жив, то считался искупившим вину и его отпускали на все четыре стороны. Правда, иногда он оставался лежать на месте, не в силах подняться, и умирал к утру, но до этого уже никому не было дела. Одно о накхах можно было сказать совершенно точно – они были исключительно вежливы. Разумеется, с теми, кого считали того достойными.

По приставной деревянной лестнице Ширам поднялся на башенку, вошел в открытую дверь на втором ярусе. Сходни вернулись в прежнее положение, и помост под шум зубчатых

воротов спрятался обратно в стену. Саарсан пригнул голову, прошел вперед по изгибающемуся дугой коридору и наконец оказался во внутреннем дворике городской крепости накхов. Здесь все было совершенно иначе, чем снаружи. Усыпанные цветами кусты и вьющиеся зеленые лозы ласкали глаз, посреди небольшого пруда журчал небольшой фонтан.

Там же в саду на высоком подножии из священного белого камня стояло изваяние двенадцатиглавого змея. Перед ним горел светильник и лежали свежие цветы. Такое изваяние можно было увидеть в любом накхском доме. Если же накхам пеняли, что оно весьма напоминает жертвенник, те возражали, что эта статуя – просто знак быть всегда настороже.

Внутренняя стража приветствовала вошедшего, подняв и резко опустив лунные косы. Красивый, одетый в чешуйчатую броню юноша радостно бросился навстречу Шираму, распахивая объятия:

– Брат!

На сердце Ширама потеплело. Он знал этого юношу с детства. Мармар, маханвир отряда Жезлоносцев Полуночи, приходился ему двоюродным братом и носил высокий, пусть и неофициальный титул саардаса. Он почитался восьмым в списке престолонаследия несуществующего престола накхов.

– Я ждал тебя! Мне сообщили, что ты с царевичем вернулся. Я приказал готовить празднество. Сегодня вечером все накхи, живущие в столице, соберутся здесь, чтобы восславить своего повелителя. Но до того, брат мой, я буду счастлив услышать твой рассказ о дальнем походе…

– Сначала – омовение и свежую одежду, – крепко обнимая родича, сказал Ширам. – А я хотел бы услышать от тебя рассказ о том, что значат головы, торчащие на пиках в «туннеле смерти». Когда я отправлялся с царевичем на Охоту Силы, эти люди не только были живы, но и почитались едва ли не главнейшими вельможами страны.

– Ты многое пропустил, братец, – отдав приказ подоспевшему слуге, вздохнул Мармар. – Все началось вскоре после вашего отъезда. Государь вызвал меня, приказал схватить Артанака и бросить его в темницу. Я сперва подумал, что ослышался, но не подал виду. Еще бы, Хранитель Покоя, член Тайного Совета…

– И арестовать такого человека Ардван поручил тебе?

– А кому же? Ведь государь – глава отряда Жезлоносцев Полуночи, пусть только и по имени. Я замещаю его, покуда он занят государственными делами. Кому, кроме нас, он мог довериться в столь щекотливом деле? Мы справились наилучшим образом, – гордо сказал Мармар. – А спустя пару дней Хранитель

Покоя признался в заговоре. Впрочем, там, в подземелье, такие мастера заплечных дел, что и вон его заставят говорить. – Юноша указал на свернувшегося кольцом двенадцатиглавого каменного змея.

Ширам перевел взгляд на изваяние и чуть заметно ухмыльнулся шутке сородича.

– А дальше мы только и успевали привозить во дворец новых и новых заговорщиков. Кого там только не было!

– Да, я обратил внимание, – хмыкнул саарсан, вспоминая искаженные лица казненных.

– Ладно, об этом потом. Что еще нового… Опять скверные вести с севера.

– Море наступает?

– Да. Затопило еще изрядный кусок побережья. – Мармар на миг задумался. – В столице появился новый проповедник. Здешние зеваки от него в восторге, он умеет увлечь и запугать толпу своими видениями гибели мира…

– Что нам до него?

– Только то, что по его словам выходит: в гибели мира, и вообще во всех бедах Аратты, виноваты накхи. Прямо, конечно, ни в чем нас не обвиняет – попробовал бы он, – но… Раньше в нашу часть города ходили торговцы, а сейчас на площади во всякий день можно устраивать конные учения…

– А сколько наших воинов сейчас в городе? – поинтересовался саарсан.

– В отряде Жезлоносцев – двенадцать дюжин, а всего в столице полтысячи человек, пожалуй, наберется.

Ширам кивнул.

– А еще, – добавил его брат, – Ардван расспрашивал, нет ли вестей от тебя. Он полагал, что мы, накхи, можем как-то обмениваться мыслями. Просил разведать, жив ли ты и что сталось с его сыном. Он ужасно переживал, что вы пропали бесследно, и обещал Исвархе небывалые дары, если они сотворят чудо и вернут вас живыми.

– Что ж, это дело государя и Исвархи, – устало бросил Ширам. – Нам и без того есть кого благодарить. – Он увидел спешащего к фонтану слугу. – О, а вот, кажется, и вода для омовения готова.

* * *

– Сласти из жарких южных пределов! – кричал торговец у распахнутых дверей лавки. – Слаще меда, слаще женской любви!

Взгляните на них, господа! Они подобны россыпи самоцветов! Их делают из прозрачного сока редчайшего алого клубня с юга Аратты, слаще которого нет ничего на свете!

Хаста едва глянул на торговца. Когда он отправлялся в путешествие, этой лавки здесь еще не было. Но, судя по чеканной диадеме над входом, крикун поставлял сласти прямо ко двору. Аоранг остановился перед входом, вспомнив свою первую встречу с царевной, и мечтательно улыбнулся:

– Знаешь что, ты пока иди к святейшему, а я тебя догоню. Только зайду сюда.

– Соскучился по сладкому? – ухмыльнулся Хаста.

– Это не мне… Иди, я догоню!

Хаста пожал плечами и направился к храму, размышляя о том, что мохначи, пусть даже самые умные и образованные, все же остаются дикарями. Так бы и сказал – хочу, мол, сладкого! Не ему, надо же! А кому, святейшему Тулуму?

Дорога была пустынна. Впрочем, улицы Верхнего города редко заполнялись народом. Обычно среди дня тут можно было увидеть трех-четырех слуг, спешащих по своим делам, или пышное шествие какого-нибудь вельможи, направляющегося ко двору повелителя, чтобы вечером с неменьшей торжественностью вернуться обратно. Тогда уж здесь были бы и скороходы, и рабы с опахалами, и стражи. Но в этот час вдоль улиц гулял ветер, вздымая утоптанную ногами и копытами пыль.

Ухватив поудобнее котомку с записями, Хаста легко шагал, радуясь скорой встрече со своим учителем и благодетелем Тулумом. Данное им поручение было выполнено безупречно. Еще бы – царевич жив, и во многом благодаря именно его усилиям; сам он побывал в столь дальних краях, о которых никто из жрецов и не слышал, и привез подробнейшие путевые заметки и зарисовки. По этим заметкам сможет пройти любой, кто последует за ним. А сколько описано примечательных мест, зверей, племен и их обычаев…

Тяжелая рука легла ему на плечо. Рыжий жрец повернулся. Позади него стояли двое рослых воинов городской стражи.

– Ты Хаста, человек Тулума? – спросил один из них, здоровенный полукровка, каких часто набирали в стражи порядка.

– Я – *жрец* Хаста. – Он попытался придать голосу высокомерное звучание и стряхнуть с плеча руку. – Ты не имеешь права…

Но воин лишь сильнее сжал пальцы:

– Начальник городской стражи велел доставить тебя, будь ты хоть хранитель алтаря в главном храме Солнца. Идем с нами. И

не вздумай сопротивляться, если не хочешь изведать вот этого!

Полукровка встряхнул висевшую у него на запястье граненую дубинку, усеянную рядами бронзовых шипов.

У Хасты чуть не подкосились ноги от ужаса. Он тут же вспомнил отрубленные головы в коридоре смерти. Многие лица ему доводилось видеть прежде. Неужели и святейший Тулум был среди них?! Нет, он не мог бы пропустить такое! А может, правитель не пожелал выставлять голову брата? Как иначе объяснить то, что с ним сейчас происходит?

– Идем, идем. – Старший из стражников потянул его за руку. – Не заставляй нас ждать!

«Меня казнят, – стремительно мелькали мысли в сознании у Хасты. – Но сначала будут пытать, иначе не стали бы вот так хватать посреди улицы. За что? Да, в сущности, какая разница за что!»

Ему припомнились давние годы, такие же городские стражи в далеком Майхоре, которые как-то излупили его за то, что он стащил лепешку с прилавка. Тогда он отлежался в высокой траве, скуля от боли и питаясь лишь росой. Больше городским стражам поймать его не удавалось… Словно проснувшись, в молодом жреце вдруг ожил тот голодный мальчишка.

– Ой я несчастный! – слезливо завопил он, извиваясь в руках стражей.

– Эй, уймись! – прикрикнул полукровка.

Но в этот самый момент зубы Хасты впились ему в большой палец. Стражник заорал от неожиданной боли и разжал руку. В тот же миг рыжий жрец боднул его головой в живот, опрометью бросился вперед, перемахнул через ограду какого-то сада и упал в кусты с другой стороны. В тот же миг он услышал за спиной гневный голос Аоранга:

– Что тут происходит? Как вы посмели поднять руку на жреца?

Мигом сообразив, что получил отсрочку, Хаста вскочил на ноги и быстро огляделся. Заметив перед собой резной садовый домик, он сквозь распахнутое окно проскользнул в него, подпрыгнул, ухватился за стропило и спустя мгновение притаился на нем в ожидании возможной погони. За оградой все еще раздавались резкие голоса мохнача и возгласы городской стражи.

– Уберите руки! – отчетливо слышался звучный голос Аоранга. – Я пойду сам. Мне бояться нечего, я ни в чем не виновен!

«Беги, глупец!» – хотел крикнуть ему Хаста, но страх за себя заставил его промолчать.

«Пусть разбираются, – мелькнуло в его голове. – А я пока схоронюсь. Ну а как все уляжется, тихо проберусь в храм… Может, все же повелитель не тронул святейшего Тулума? Тогда он непременно возьмет меня под свою защиту…»

Глава 6. Смертельная обида

Распорядитель сада Возвышенных Раздумий лично вышел приветствовать саарсана накхов и принять из его рук полагающиеся даже к парадному платью боевые мечи. Ширам отдавал их с неохотой. Он терпеть не мог расставаться с оружием. Но с другой стороны, распорядитель, хотя и поглядел изучающим взглядом на обернутый четырежды вокруг талии витой пояс, украшенный гранеными остриями из светлой бронзы, все же не сказал ни слова. А ведь, поди, знал, что в умелых руках накха такое оружие способно поразить на полном скаку всадника в доспехах.

Стражники почтительно распахнули ворота сада, и Ширам, гордо расправив плечи, направился вглубь сокровенного места уединения повелителя, где тот принимал лишь самых близких людей и обдумывал деяния, которые должны были прославить его и послужить укреплению державы. «Наверняка Аюр уже рассказал отцу о тех бедах и опасностях, которые нам довелось пережить вместе», – промелькнуло в голове саарсана. Нет, конечно же, он не станет просить себе какой-нибудь награды. Пожалуй, единственная просьба, с которой он обратится к Ардвану – если тот, конечно, изъявит желание выполнить ее, – дать ему отряд, чтобы вернуться и покарать ингри за измену. А заодно и захватить чучело чудовища, чтобы доказать всем доблесть царевича. Но все же наверняка по справедливости государь пожелает вознаградить своего будущего зятя. Ибо мудрость его может тягаться лишь с его бдительностью…

Ширам припомнил свои мысли тогда, после падения со скалы. Если в них и впрямь есть разумное зерно, то, быть может, следует предложить государю столь решительные преобразования и дать достойным простолюдинам возможность проявить себя? Это лишь укрепит державу…

Ардван поджидал его внутри резной мраморной колоннады в центре сада.

– Подойди ко мне! – довольно резко приказал государь.

Ширама озадачил этот тон, но он безропотно повиновался. И, взойдя по невысокой лестнице, замер, склонившись перед Ардваном.

– Ты не очень-то спешил предстать пред мои очи… Мне доложили, что ты уже побывал у сородичей.

– Прошу извинить мне эту вольность. Я был покрыт пылью и пропах своим и конским потом. К тому же мне следовало поменять одежду…

– Я не девица, меня не смущают ни пыль, ни пот, – раздраженно бросил государь. – Я думаю, ты послал вперед моего сына, чтобы тот замолвил за тебя слово. Что ж, он говорил много, и, не скрою, говорил хорошо. Но он еще юнец, которому легко затуманить разум. Ты же – взрослый муж, а потому я желаю говорить с тобой открыто. И от того, будешь ли ты со мной искренен или же попробуешь юлить, зависит как твоя участь, так и судьба твоих соплеменников.

– Я всегда был неуклонно верен тебе, мой государь, – разводя плечи, словно после удара по спине, произнес побледневший Ширам.

Слова и тон повелителя поразили его до глубины души.

– Опусти глаза! Не смей устремлять на меня взгляд! – выкрикнул Ардван, как будто один вид накха злил его. – Ты дерзаешь бросать мне вызов?

Саарсан поклонился. Мысли его заметались. Что случилось? Может, его оговорили? Но кто, когда?!

– Вот так-то лучше!

Ардван прошелся взад-вперед вдоль колоннады, словно стараясь унять гнев. Когда государь вновь обернулся к саарсану, он выглядел спокойнее. Но это застывшее лицо показалось Шираму еще более зловещим.

– Когда ты въезжал в город, наверняка видел головы заговорщиков?

– Видел.

– И каждый из них точно так же уверял, что неуклонно верен мне. Я доверял им много лет. Много лет они служили мне честно и преданно. Понимаешь, Ширам? Честно и преданно! Я был уверен в них, как в себе… И что же? В благодарность за все, что я им даровал, за власть и богатства, они задумали лишить меня власти, а может, и самой жизни!

– Я преклоняюсь перед твоей мудростью, мой повелитель…

– Все это лишь слова! – отмахнулся Ардван. – Если ты хочешь, чтобы я поверил тебе, отвечай без утайки. И знай: мне известно больше, чем ты можешь даже предположить. То, что кое-кто из тех, с кем ты был дружен и близок, хотели бы утаить… И если я сейчас спрашиваю тебя, то не затем, чтобы узнать их замыслы, а лишь для того, чтобы проверить твою искренность.

– Накхи не лгут, – глухо напомнил Ширам.

– Да, я помню, – насмешливо бросил Ардван. – Никогда не лгут тем, кого считают своими. У накхов даже слова «ложь» в языке не существует. Но есть понятие военной хитрости. И врагу они и дорогу в пасть к Первородному Змею могут описать, не смущаясь и без запинки.

– Но…

– С тобой был молодой жрец, – перебил его государь. – Его звали Хаста. Так ведь?

– Да, это так.

– Ты знаешь, кто он?

– Служитель в главном храме Исвархи.

– Точно, – довольно подтвердил Ардван. – Служитель в храме моего дорогого младшего брата Тулума. Его доверенное лицо. Умный, храбрый и ловкий, как мангуст… Ты знаешь сказки о мангустах – убийцах змей?

– Да… Они вступают с ними в схватку и порой побеждают…

– Хорошо, что ты помнишь об этом. А теперь ответь: о чем говорил с тобой в пути огнехранитель Хаста? Что предлагал? Кого упоминал в своих разговорах?

– Мы не так уж много беседовали с Хастой, – медленно ответил Ширам. – Всю дорогу он был углублен в свои изыскания, вел заметки о землях, через которые лежал наш путь, о людях, нами встреченных, и событиях, с нами приключившихся. Каждое мое слово легко проверить по его записям.

– Проверим, можешь не сомневаться. Хотя много ли в них правды, в тех записках? А вот то, что в твоих словах ее нет, мне кажется очевидным!

– Накхи не лгут! – вновь напомнил Ширам, едва сдерживаясь.

– Тогда как ты объяснишь, что в город вы въехали, едва не обнявшись?

– Это невозможно сделать при всем желании. В «туннеле смерти» всадники следуют по одному.

– Ты понимаешь, о чем я говорю! – рявкнул Ардван.

– В дороге Хаста показал себя лучше многих знатных арьев, – ответил Ширам значительно более резко, чем собирался. – Он неоднократно проявлял мудрость, знание наук, лекарское искусство и неподдельное благочестие. Если бы не он, я бы, вероятно, не стоял перед вами, а сложил бы голову на скалах Лосиных Рогов или дальше, когда на Змеином Языке на нас напали ингри…

– Так вот оно что! – хмыкнул повелитель, явно и прежде слышавший эту историю. – Что ж, я рад, что ты чистосердечно признал это.

– Признал что? – забывшись, гневно воскликнул Ширам.

– Ты злишься? Это хорошо. Значит, нарыв скоро прорвется…

– Я лишь сказал правду!

– Конечно. Ты признался, что обязан жизнью жрецу и потому его покрываешь.

– Об этом я не сказал ни слова!

Правитель Аратты расхохотался ему в лицо:

– Как хорошо, что вы, накхи, не просто не лжете, а не умеете лгать! Не сказал ни слова? Ты будто следишь за собой, не сболтнуть ли чего лишнего. Но тебе есть что сказать… Если не хочешь сознаваться в измене, ответь мне честно и без утайки: куда подевался отряд, сопровождавший царевича? Полторы дюжины знатнейших жезлоносцев? Десятки опытных охотников? Слуги? Где они?

Ширам сразу сник:

– Увы мне, государь, все они мертвы.

– Вот это – правда. Все они мертвы. Только, по моим записям, жалкие дикари ингри, на которых ты готов свалить вину, вряд ли смогли бы выставить против вас бойцов, способных разгромить свиту Аюра. Я уж не говорю о том, что при желании ты один смог бы перебить все их племя…

Государь принялся прохаживаться туда-сюда по колоннаде, не сводя с накха пристального взгляда.

– Итак, отвечай без утайки – кто виноват в гибели отряда? Ты? Или же… Хаста? Отвечай – и хорошенько подумай перед тем, как откроешь рот. Быть может, жрец Хаста, исполняя чужую волю, подстроил гибель наших воинов? Быть может, он хотел похитить Аюра и тем самым лишить державу наследника?

– В гибели отряда виноват я, мой государь, – мрачно ответил Ширам. – Я и злой рок. Жрец Хаста – спаситель наследника. И меня. Хотя, похоже, мне тоже стоило сгинуть в чужих землях с остальными, чтобы имя мое не марали подозрениями…

– Успеешь сгинуть, – недовольно бросил Ардван. – Ладно. Я верю тебе. Ступай. Я дам тебе отряд и отправлю управлять крепостью в степи Десятиградия. Но помни – твоя участь все же под вопросом.

– Государь… – с трудом выговорил Ширам. – Я исполню твою волю, какой бы она ни была. Но… Позволишь ли ты взять в полуденные степи и твою дочь, мою невесту?

– Помолвка будет расторгнута, – глядя в сторону, коротко объявил Ардван. – У меня и так хватает родичей, которым я не могу полностью доверять, зачем мне терпеть еще одного? Ты вернулся, сохранив мне сына, и я не стану подвергать тебя допросу и пытке, чтобы вытащить всю правду. Но большего ты не заслуживаешь.

И повелитель Аратты развернулся к накху спиной, показывая, что разговор окончен. Ширам, пятясь, отступил из колоннады и на негнущихся ногах удалился из сада, чувствуя себя совершенно растоптанным.

* * *

Стражники у ворот сада Возвышенных Раздумий раздвинули копья, пропуская саарсана. Тот прошагал мимо, не посмотрев ни как стоят воины, ни как скоро могут схватиться за оружие в случае необходимости. Такого с ним не случалось уже много лет.

В ту пору, когда Ширам жил в Накхаране, его, как и прочих юнцов, беспрерывно учили оценивать возможного врага и мгновенно отвечать на его действия. Унылый раб с заступом; торговец, нарезающий мясо; даже простая горожанка с кувшином воды – все могло таить опасность. Пока Ширам не свыкся с этой простой мыслью, он много раз получал внезапную и жестокую трепку. Конечно, убивать внука прежнего саарсана никто не стал бы, однако били, не смущаясь высоким происхождением. Шрам от расколотого о голову глиняного кувшина так и остался на лбу хорошим напоминанием о бдительности.

Но сейчас он будто забыл об усвоенных с детства уроках. Перед его глазами стояло только раздраженное лицо Ардвана. Будь на его месте кто-то другой, он бы умер, не успев договорить первую же оскорбительную фразу. Но перед Ширамом стоял солнцеликий повелитель Аратты!

Сердце воина рвалось на части от возмущения и несправедливости. Хуже всего была несправедливость. Как мог государь заподозрить его в заговоре, пусть даже в соучастии? Как мог обвинить его в том, что он покрывает преступника? Ведь любой накх, даже разбуженный среди ночи, скажет, что, обнаружив врага государя, он обязан сам незамедлительно его убить. Или же, если будет на то воля старших, привезет связанным по рукам и ногам ко двору повелителя. Как, как Ардван мог даже подумать, что вернейший из его воинов пал столь низко?!

Что значат это взбешенное лицо и надменный тон? Разве он не рисковал своей жизнью, чтобы спасти наследника престола? Разве мало сделал, чтобы Аюр вернулся под отчий кров возмужавшим и набравшимся опыта? Что произошло? Что вообще творится в столице?

Ширам брел между увитых виноградом колонн, пошатываясь, точно кто-то вновь огрел его по голове кувшином, как в тот злополучный день. Ему почему-то вспомнилась узкая пыльная улочка в родной крепости Афайя. Идущая навстречу девушка была прелестна, точно весенний рассвет. Глаза ее сияли, и на свежих губах играла завлекательная улыбка. Желая проявить изысканную вежливость, он тогда посторонился, отвел плечо, пропуская красавицу. Хотел сказать ей, сколь она хороша, и

только открыл рот, как эта фраваши в земном обличье змеей скользнула к нему и увесистый глиняный кувшин с силой опустился на голову юноши.

Пришел в себя он от звонких пощечин отца.

– Ну что, испил водицы?

– Испил, – ощупывая кровоточащую шишку на лбу, процедил Ширам.

– Тогда запомни. Слабость и красота – страшное оружие. Оно поражает даже тех, против кого не властны меч и отвага.

Сказав это, отец развернулся и ушел. Ему нужно было спешить – государь послал его бороться с наводнением в северные уделы. Так уж вышло, что это оказались его последние слова, услышанные сыном.

Как же так? Что случилось? Что заставило государя сменить прежнюю милость на гнев?

Ширам вдруг остановился. «А не повидаться ли с моей нареченной, царевной Аюной? – осенило его. – Кто, как не она, знает, что таится на душе у отца? Может, она разъяснит мне, в чем я провинился? Может, подскажет, как загладить неведомую оплошность?»

Ширам поднял глаза и окликнул идущего впереди слугу – распорядителя сада.

– Ступай! Предупреди мою невесту, царевну Аюну, что я во дворце и направляюсь к ней.

* * *

Слуга с поклоном удалился, а Ширам остался на месте, прислонился к колонне и начал придумывать слова, с которыми обратится к Аюне. Право слово, возвышенные речи не были его сильной стороной. Он умел изъясняться кратко и четко, однако беседовать со столь высокородными столичными дамами ему доводилось редко, да и особой охоты он к этому не испытывал. К этим, как он слышал, нужен особый подход, красивые слова…

Его внезапно одолела какая-то странная нерешительность. Ширам сердито тряхнул головой, будто отгоняя морок. В конце концов, их помолвка была лишь государственным делом. И если так, то сейчас он ищет не поддержку преданной и любящей жены, а союзника в борьбе против придворных интриг, в коих накх мало смыслил. Пусть она поможет ему во дворце – а он готов предоставить ей своих непревзойденных воинов и собственную доблесть. Да, вдвоем они будут огромной силой – лишь бы только Ардван сменил гнев на милость. А если еще прибавить дружеское

отношение Аюра…

Он не успел додумать пришедшую ему в голову мысль. Появившийся слуга, стараясь держаться подальше от саарсана, растерянно объявил:

– Солнцеликая Аюна не желает вас у себя видеть.

Ширам выпрямился так, что слуга отпрянул, выставляя перед собой руки и причитая:

– Я лишь передал ее слова! Дочь государя нынче совсем не в духе. Я лишь пересказал…

– Замолчи и веди меня к ней! – рявкнул саарсан.

– Но солнцеликая…

– Я приказал тебе замолчать!

Он сделал шаг, поймал слугу за плечо, резко повернул и толкнул вперед:

– Веди!

* * *

Стража покоев солнцеликой Аюны, увидев разгневанного саарсана, постаралась как можно меньше привлекать его внимания. В конце концов, спаситель государя, а теперь и его сына, был знатным вельможей и нареченным царевны. Так что, если жениху с невестой пришла в голову блажь хорошенько побраниться, охраны это не касается.

Аюна сидела перед серебряным зеркалом, неподвижно глядя на свое отражение, пока служанки расчесывали ее длинные волосы цвета меда. Лицо царевны было безмятежно, но то была лишь привычная маска, которая на сей раз давалась ей с большим трудом.

«И что саарсану вздумалось идти ко мне? – гадала она, сжимая влажные от волнения ладони. – Разве я не сказала отцу со всей твердостью, что не хочу этого брака? Разве Киран не намекал, что накхи нынче впали в немилость?»

«А может быть, отец его и послал сюда? – подумала вдруг она. – Да, очевидно, Ширам сейчас идет от государя и теперь потребует от меня объяснений…»

Может, отец желает, чтобы она сама, глядя в глаза, сказала накху, что не любит его и не хочет быть его женой? Так она не побоится и скажет!

«Пусть поймет, что он мне не мил, и уйдет сам. Я царевна. А он – всего лишь накх…»

Ширам вошел беззвучно и поклонился, однако ответа не дождался. Аюна даже не обернулась в его сторону.

– Я рад приветствовать мою невесту и госпожу, – стараясь погасить в душе негодование, повторил накх.

– А я не рада, – кинула царевна через плечо, глядя на отражение саарсана в зеркале серебряного диска. – Разве я сказала непонятно? Или же речь накхов так отличается от нашей, что маханвир не уразумел смысл моих слов? Если так, повторю их: достопочтенный саарсан, твое присутствие в моих покоях не радует меня. И потому я желаю, чтобы ты незамедлительно оставил их.

Ширам усилием воли подавил полыхнувший гнев и заговорил после маленькой паузы:

– Яснее не скажешь, солнцеликая Аюна. Однако смею тебе напомнить, что я не праздный гость, который навязывает тебе свое присутствие. Мы принесли клятвы перед огнем Исвархи, и эти клятвы священны. Ты носишь мои обручальные браслеты, а я твои. И близок день, когда в храме Солнца верховный жрец обведет нас вокруг священного неугасимого пламени. И наши народы, много лет лишь проживавшие бок о бок друг с другом, станут наконец единым целым – великим народом великой Аратты…

– Ширам, сын Гауранга! – Царевна встала и обернулась так резко, что ее волосы взметнулись золотистым вихрем. – Когда мой отец и повелитель счел правильным, чтобы я разделила с вами ложе и саму жизнь, я, как преданная дочь, не перечила ему. Но сегодня я говорила с ним и повторю тебе – я не желаю этого брака. Сделай же мне драгоценный подарок – избавь меня от своего присутствия! И что за нелепые речи о едином народе? Арьи всегда будут арьями, а накхи – всего лишь накхами, так же как Солнце никогда не станет Луной…

– К чему эти речи, царевна? Для чего ты унижаешь сейчас народ накхов, меня, да и себя заодно? – собрав всю свою почтительность, негромко произнес Ширам. – Я лишь хочу говорить с тобой. Мне это нужно!

– А мне нет. Я не хочу ни слышать, ни видеть тебя.

Царевна величественно указала рукой на дверь:

– Удались, саарсан. И более здесь не появляйся.

– Я ничем не заслужил подобного обращения! – В голосе Ширама прорвалось возмущение. – И никто не смеет говорить со мной таким образом!

Прекрасные глаза Аюны вспыхнули от ярости.

– Не смеет? Ты будешь указывать мне, что делать, а что нет?

– Да! – глядя ей в лицо, сказал Ширам. – Потому что ты произнесла священные слова перед ликом огня и надела обручальные браслеты. А значит, я буду говорить тебе, что

делать, а что нет!

– Ах ты, ядовитый накх!

Разгневанная царевна отскочила от столика, опрокинув кресло. Ее служанки, явно знавшие вспыльчивый нрав хозяйки, прыснули в стороны.

– Браслеты?! На, получи!

Она сорвала с запястья левой руки обвивающую его золотую эфу и швырнула Ширам. Тот молча поймал священный браслет на лету и сделал быстрый шаг в сторону царевны.

– Не приближайся! – в страхе крикнула она.

Не обращая внимания, саарсан шагнул еще раз.

– Стража! – завопила солнцеликая Аюна, и четверо воинов тут же ворвались в покои, повинуясь ее крику.

Удерживаемая до поры до времени боевая ярость заклокотала в груди саарсана. В отличие от охранников, в растерянности столпившихся у входа, Ширам не сомневался ни в едином движении. Ярость искала выхода и нашла его. Казалось, он только развернулся, и тут же отсеченная голова одного из воинов отлетела в сторону, а из разрубленной шеи другого ударила струя крови. Изогнутые парные клинки вновь блеснули, и прежде чем оставшиеся в живых стражники успели хоть что-то сделать, как присоединились к своим мертвым сотоварищам.

– Нет! – пятясь, бормотала дочь государя. – Нет, я не хочу… Не подходи!

Не говоря больше ни слова, Ширам подошел к ней, схватил за руку и с силой надвинул браслет на прежнее место.

– И никогда больше не смей его снимать! Даже когда ты будешь всходить на мой погребальный костер, ты должна быть в них!

– Нет…

– Да. – Он перехватил ее горло и легонько сжал.

До удушья было далеко, но царевна обмякла и лишилась чувств.

Ширам внезапно успокоился. Он осторожно положил Аюну на ковер, выпрямился и обвел взглядом место побоища. Четверо мертвых воинов-арьев – это плохо. Это очень плохо… Кому теперь расскажешь, что хотел всего лишь поговорить? Кто поверит?

Что ж, сделанного не воротишь. А значит, очень скоро ему придется умереть. Осталось лишь решить, как сделать это достойно.

– Мой господин…

Одна из служанок царевны выбралась из-за полупрозрачной занавеси в углу и преклонила перед ним колени.

– Прошу, не убивай нас, благородный Ширам! Мы почитаем

тебя как своего господина и никогда не желали тебе дурного. Не убивай нас, и я выведу тебя отсюда! Выведу тайным ходом…

– Что? Здесь есть тайный ход?

– Есть, через сад, я не вру!

– Что ж, веди, – раздался бесстрастный голос накха.

Ширам легко закинул на плечо бесчувственную царевну, обвел служанок мрачным взглядом, от которого у тех затряслись поджилки, и сказал негромко:

– Вы пойдете со мной до выхода. Если попробуете крикнуть или сбежать…

Объяснений не потребовалось – девушки были хорошо наслышаны о метательных шипах накхов.

– Ступайте вперед!

Глава 7. Святое Пламя

Хаста прильнул к балке так тесно, что, казалось, чувствовал вкус и запах влажной от утренней росы древесины. Сердце его колотилось, будто пытаясь вырваться из груди. С улицы доносились удаляющиеся голоса стражей и Аоранга. Стало быть, мохнач не стал сопротивляться и дал себя задержать. «Дуралей, раскидай их и беги, пока не поздно!» – мысленно воззвал к нему Хаста. Он был почти уверен, что больше никогда не увидит своего приятеля – если, конечно, его самого не поймают и он не окажется в том же подземелье с ним по соседству.

Аоранг, с младенчества росший под высоким покровительством святейшего Тулума, все еще верил в справедливость и опрометчиво полагался на свою невиновность. Как вчера родился! Хаста-то давно уже знал, что вина или ее отсутствие не имеют для тех, кто правит, никакого значения. Сама попытка стражей задержать служителей храма вопреки закону уже говорила о многом…

Не так, ох не так представлял он себе возвращение в столицу!

Конечно, ждать наград от государя не стоило – награды, если они и предполагались, достались бы Ширaму, как главе Великой Охоты. Но без ложной скромности Хаста сознавал, что порученное ему дело выполнил наилучшим образом. Он, несомненно, заслужил похвалу Тулума и впредь мог рассчитывать на особо важные и тайные задания.

И вдруг такое! Совсем недавно, если жрецу Исвархи доводилось в чем-то провиниться, его судьбу решал храмовый суд. И только если служители всесильного солнечного бога выносили приговор, отщепенца выкидывали из храма – безымянного и бесправного. Отныне никто не смел давать ему приюта и оказывать покровительство. Даже куска черствой лепешки ему бы не подали.

Теперь же вон как все изменилось: посреди бела дня городская стража хватает жреца, будто разбойника!

Хаста вытянулся вдоль балки и чуть расслабил сведенные руки, переводя дух. Кажется, стражи увели мохнача и погони пока нет. Что теперь предпринять?

«Надо пробраться к святейшему Тулуму, рассказать о том, что случилось с Аорангом, и попросить его о защите, – пришло ему на ум первым делом. – Уж точно повелитель не тронул родного брата!»

Но в голове молодого жреца тут же всплыло недавнее видение их въезда в Верхний город. Пожалуй, всех, чьи головы он

опознал, можно было назвать самыми ближними людьми государя. Неужели червоточина заговора проникла столько глубоко? Что, если и святейший Тулум схвачен?

Эта мысль показалась Хасте нелепой и кощунственной и оттого особенно страшной и правдоподобной. Он невольно крепко зажмурился, будто мир, недавно такой прочный и устойчивый, вдруг треснул и начал рассыпаться на части у него на глазах.

Хаста попытался прогнать от себя эту мысль, но она не отступала. Трещина, как там, в Ползучих горах, расколола Аратту. Пока он не видит ее краев, но каждый новый шаг грозит лютой гибелью. Когда разрушается привычный мир, один человек ничего с этим не сделает. Все, что он может, – только попытаться спасти себя самого.

«Бежать прочь отсюда, из столицы! – подумал он, чувствуя себя так, будто где-то вдалеке сквозь сплошные тучи проглянул край ясного неба. – И мне есть куда…»

Хаста поймал себя на том, что вслед за мохначами назвал Змеиный Язык Ползучими горами. Где-то там, за пределами страны, ждет его преданная и влюбленная Айха. Не настало ли время выполнить свою клятву? Царевич доставлен к отцу, дело сделано – а в землях мохначей беглого жреца уж точно искать никто не станет…

«Нет, так нельзя, – спохватился Хаста, чувствуя приступ стыда. – Для начала, по крайней мере, следует узнать, что с Тулумом. Когда-то он спас меня от меча – неужели сегодня я удеру, даже не позаботившись узнать, нужна ли ему моя помощь?»

Несколько мгновений он размышлял, причем и желание сбежать к мохначам, и намерение пробраться в храм казались ему и одинаково верными, и равно безумными.

«Но есть ведь еще один выход, – подумалось вдруг ему. – У самых ворот – крепость накхов! Уж наверняка Ширам примет меня. Он хоть и лютый зверь – если никого с утра не прикончил, считай, день пропал зря, – но в чувстве справедливости ему не откажешь. И уж точно саарсан не станет выдавать человека, спасшего ему жизнь. А если что, так с ним и его людьми и покинуть город, и к храму пройти будет куда как проще… Хорошая мысль! Да, так и сделаю!»

Хаста глубоко вздохнул, прислушался – с улицы ничего слышно не было. Тогда он пошевелился, намереваясь спрыгнуть. Но тут где-то поблизости, видимо в саду, раздался звук приближающихся шагов. «Двое, – на слух определил Хаста, вновь замирая на своем насесте. – Шаги тяжелые и твердые – значит

мужчины. Судя по звяканью украшений – скорее всего, арьи…»

Рассмотреть их было невозможно, да оно того и не стоило. Лучше не высовываться. Что бы им ни было нужно в садовом домике, потом они уйдут, и возможно, очень скоро.

Тем временем шаги раздались уже совсем близко. Затем послышался властный голос:

– Вытащи из ограды вон те два столбика!

– Да, мой господин.

– Один дай сюда. Вот видишь отверстие с другой стороны? Под столешницей такое же.

Хаста немедленно вспомнил резной столик, стоящий где-то внизу. За таким приятно вкушать сласти, любуясь закатом светила. Но тем, кто находился внизу, явно было не до угощений. Жрец услышал натужный скрип ворота, и тут часть пола сдвинулась, открывая взгляду идущую вниз лестницу.

– Учитель, – склонившись над лазом, почтительно окликнул кого-то неведомый вельможа, – вам нужно спешно сменить убежище!

– Что еще такое? – послышался снизу недовольный старческий голос.

– Там за воротами – дворцовая стража. Они ищут жреца и утверждают, что им доподлинно известно, что он прячется здесь.

– И что ж, ты не смог их выпроводить?

– О нет, я не пустил их. Но по велению государя после мятежа дворцовая стража имеет право досматривать любой дом.

– Даже твой? – ядовито спросил неведомый старец. – Вот уж не думал!

– Артанак, Хранитель Покоя, тоже не думал, что его посмеют схватить прямо в собственном саду, – вздохнул его собеседник. – Нам стоит поспешить, учитель. Я задержу стражу, а пока мой человек отведет тебя в безопасное место.

– Не ты ли утверждал, что безопаснее этого и быть не может? – сварливо ответил старец.

Из подземелья донесся медленный скрип ступеней. Хаста, затаив дыхание, глядел во все глаза, хоть и понимал, что куда разумнее было бы зажмуриться и заткнуть уши. Это что еще за обитатель подземелья, которого надо прятать от стражи?

– Я нашел убежище гораздо лучше, – поспешно говорил тем временем неведомый арий. – Если гнездо уже разорено, никто не будет искать там жертву…

– Хе-хе. Я тебя понял.

Старик поднялся наверх и теперь стоял, потирая поясницу. Но, кроме его обритой макушки и сутулой спины, покрытой простой бурой накидкой бедного жреца, Хаста ничего не мог

разглядеть.

– Когда ты уже начнешь? – раздраженно спросил старик. – Я устал прятаться, будто крыса!

– Уже скоро, учитель! Хранитель Покоя был напыщенным болваном, но своей смертью он принес нам больше пользы, чем жизнью. Теперь государь полагает, что под пыткой вытянул из него сведения о заговоре накхов…

– И Ардван ему поверил? – хмыкнул жрец.

– Мне только что доложили из дворца – саарсан был у государя. Выскочил оттуда как ошпаренный, чернее грозовой тучи. Что это значит?

– То, что время настало, глупец! Почему ты все еще заставляешь меня сидеть в этой норе?!

– Учитель, твоя беседа с народом на торжище в Нижнем городе была столь великолепна, что вся столица только о ней и твердит уж который день. – Кроткий упрек в голосе говорившего был едва ощутим. – Особенно красноречива была ее часть, посвященная накхам и их сношениям с Первородным Змеем….

Старый жрец расхохотался:

– Если я пожелал немного развлечься после долгого и скучного пути, что могло мне помешать?

– Ничто, учитель. Теперь тебя повсюду ищут дворцовая стража и храмовая стража Тулума, не говоря уже о накхах, – должно быть, твои слова чем-то огорчили их…

Старик снова беспечно рассмеялся и хотел что-то добавить. Но тут в саду зазвучали новые голоса, грубые и отрывистые, сопровождаемые лязгом оружия.

– Господин, они отказались меня слушать! Они оттолкнули меня и выбили дверь!

– Прочь с дороги! Нам доподлинно известно, что в этом саду скрывается жрец-мятежник!

– Да как вы посмели сюда вторгнуться?! – раздался яростный возглас вельможи, метнувшегося навстречу стражникам.

– Приказ государя, – услышал Хаста бесстрастный ответ. – Укрывшийся здесь заговорщик чрезвычайно опасен и должен быть немедленно препровожден в дворцовую тюрьму. А те, кто его прячет…

– Ты что, смеешь обвинять меня в укрывательстве?!

– …будут взяты под стражу вместе с ним. Парни, обыщите тут все!

Хаста сжался в комочек на своей балке, хоть и понимал, что снизу его не видно. У него голова шла кругом от услышанного. «Это я – чрезвычайно опасный заговорщик?! Приказ государя?! О Святое Солнце!»

Он так разволновался, что едва услышал внизу громкий голос старого жреца:

– Эй! Я здесь!

Внизу прогромыхали нестройные шаги подбегающих стражников, вмиг окруживших старика. Тот даже не шевельнулся – но, дождавшись, когда вокруг столпились воины, вскинул руки.

– Куда же вы, здесь все в огне! – воскликнул он странным голосом, болезненным эхом отозвавшимся в ушах Хасты. – Вы же сгорите!

Садовый домик мгновенно наполнился дикими криками, переходящими в хрипение. Воины один за другим попадали на пол. Кто-то катался, пытаясь сбить несуществующее пламя, кто-то корчился, как от боли. Искаженные лица, вытаращенные глаза, и более того – потрясенный Хаста со своего насеста увидел, как руки и лица стражников в самом деле покрываются пузырями ожогов.

Рыжий жрец прикусил себе кулак, чтобы не заорать и не привлечь к себе внимание страшного старца. Он и сам знал немало хитрых приемов, чтобы морочить головы простакам. Но он не видел, чтобы старец применил один из них. Старик ничего не бросал и не распылял, не было ни запаха, ни дыма.

«Он просто сказал им, что они в огне, – и они поверили… и сгорели! Ох, что-то и мне стало жарковато…»

Хасту замутило. Он только боялся, как бы не свалиться с балки прямо старцу под ноги. Чувства обманывали его; ему казалось, что садовый домик наполнен вонью обгорелой плоти и дымом. Он вскидывал голову и оглядывался, чтобы убедиться, что ничего вокруг не горит, и всякий раз его бросало в жар, но пламя, если и было, оставалось невидимым…

Старый жрец не шевельнулся, пока крики и стоны не затихли. Потом он вышел наружу. Хаста вновь услышал его голос – такой ровный, словно ничего особенного не произошло.

– Их поразило пламя Исвархи. Распорядись спрятать трупы, и пойдем в новое убежище. Надеюсь, там будет не так многолюдно, – ехидно добавил он. – Твой тайный сад напоминает проходной двор!

Вельможа ничего не ответил – должно быть, потерял дар речи.

В этот миг Хаста принял решение – немедленно отправиться к верховному жрецу и, буде он не в государевой тюрьме, подробно описать ему все случившееся. Святейший Тулум должен об этом узнать – и свидетель молчать не станет!

– Да, пойдемте, – еле слышно прозвучал голос вельможи. –

Обопритесь о мою руку, учитель…

– Вот это да, – чуть слышно прошептал Хаста, когда неведомый вельможа и оба его сопровождающих скрылись из садового домика. – Спасаясь от мух, я угодил прямо в осиное гнездо!

* * *

Шаги стихли. Хаста, рискуя быть замеченным, осторожно свесился с балки. Но сколько ни пытался он разглядеть уходящих, видны были только нижний край длинного, расшитого золотыми нитями плаща царедворца да простые кожаные сандалии жреца, привязанные парой длинных ремешков крест-накрест под самые колени. Такие обычно носили гонцы и военные слуги, следующие за знатными всадниками в бою.

Хаста жадно всматривался, стараясь запомнить каждую примету, что-то необычное, по чему можно будет потом опознать заговорщиков. Пожалуй, ни одной броской зацепки… Впрочем, нет – цвет жреческого одеяния! В столице никто, кроме последних нищих, не наденет накидку столь грубого оттенка – тусклого, почти бурого. Такую одежду обычно носят далеко от этих мест, на севере, – вываривают ее с луковой шелухой. А что делать, если красителя получше там не сыскать? Северяне всегда были небогаты, а в последние годы обнищали окончательно. По всему выходило, что старый жрец прибыл с севера. Да он и сам упомянул, что ехал через Бьярму. Откуда? Только из Белазоры, главного города полночных земель на берегу Змеева моря, где находится великий и древний, почитаемый всеми Северный храм – второй по значению в Аратте.

«Кто же, интересно знать, из моих земляков пожаловал сюда? Возможно ли поверить, что заговор против Ардвана зародился среди жрецов Полночного Солнца? Что могло подвигнуть северных служителей Исвархи, день и ночь занятых попытками вымолить у Господа милость к своей несчастной земле, поднять голову к небу и пожелать земному Солнцу затмения?»

Хаста снова вспомнил грубую накидку и усомнился в своей наблюдательности. Разве смог бы нищий жрец из земель, где собственный огород в сотню локтей уже считается поместьем, подняться до столичных дворцов? Да такого жалкого старичка из чужедальних мест, пусть даже и красноречивого, не пустили бы дальше ворот Верхнего города!

Огнехранитель вспомнил, как тот одним словом заставил стражей сгореть заживо, и содрогнулся. Кто знает, на что еще

способен этот страшный старец? Какие силы за ним стоят?

Как бы то ни было, следует поскорее сообщить святейшему Тулуму обо всем услышанном и увиденном.

Хаста выждал еще какое-то время, прислушался, не бродит ли кто-нибудь по саду, и, убедившись, что все тихо, быстро соскользнул с балки вниз.

* * *

Путь до ограды не занял у него много времени. Но едва Хаста приготовился подпрыгнуть и уцепиться за ее верхний край, как по ту сторону стены послышалось бряцание оружия и шаги нескольких человек.

«Должно быть, стража возвращается! Наверно, кто-то слышал крики и доложил, или те спохватились, что воины долго не возвращаются… Поспешил!»

Он не успел ничего придумать, как за стеной послышались голоса.

– Куда это вы? – спрашивал кто-то.

– К крепости накхов, – с неохотой отвечал ему собеседник. – Там накхи восстали.

– Что?! Как – восстали?

– Да кто их знает! Примчался гонец из дворца. Требует всех, кто имеет в городе боевых слуг, немедленно прислать их к воротам. Ну хозяин-то тоже не дурак – ежели накхи восстали, то смысла их из крепости выкуривать или выбивать никакого. Сказывают, они, пока там сидели, всю гору тайными ходами изрыли. Мы их туда ловить пойдем, а они откуда ни возьмись посреди нашего двора вылезут! Как же тут дом без охраны оставить? Вот хозяин нас четверых и послал – мол, сколько может, – а прочих дома оставил… Да и другие, я уверен, так же сделают. Ладно, время идти…

Хаста старался не дышать, чтобы не привлекать к себе внимания. Значит, вот как! Похоже, на Ширама сейчас надеяться не стоит. Ему самому готовы накинуть на горло петлю.

Да что же вообще происходит в столице?

Он прижался лбом к холодному камню стены, желая унять чересчур громко бьющееся сердце. В любом случае надо пробраться в храм. И сообщить Тулуму обо всем услышанном.

Дождавшись, когда шаги стихнут, Хаста перебрался через стену и перебежками, прячась за буйными зарослями винограда, увивавшими изгороди, направился в сторону величественного здания, блиставшего золотым куполом так, что было видно за

полдня пути.

За распахнутыми настежь высокими воротами взорам открывался почти нестерпимо великолепный главный вход в храм Солнца. Он должен был воплотить для верующих представление о Доме Песен – небесной обители Исвархи.

Наверху, над распахнутыми дверями храма, – золотой диск солнца, сияющий, словно царский венец с двенадцатью лучами, ибо именно в таком облике является простым людям господь Исварха, а прочего им знать незачем.

Чуть ниже изваяны в камне и ярко раскрашены Святые Огни – семь великих небесных сущностей, таких как Премудрость, Вера и другие непреложные истины.

Под ними статуи поменьше – Святые Искры, семьдесят семь праведных душ, что и после смерти продолжают творить добро во славу Исвархи.

Ниже ими попирается сам царь злых дивов Храваш и его храштры – всяческая нечисть, что любит вселяться в кусачих пауков, мух, ос, змей и многоножек.

Только прародитель всей этой нечисти, Первородный Змей, не удостоился чести быть вырезанным в камне на воротах храма. Лишь дважды в год, во время летнего и зимнего солнцеворота, его чучело торжественно сжигается на костре посреди просторной, вымощенной белым камнем площади.

Хаста радостно глядел на золотые врата, на раскрашенные фигуры Святых Огней и страшных многоножек. Вот он, родной дом! За свою жизнь у рыжего жреца были сотни случайных обиталищ, но лишь здесь о нем кто-то заботился, здесь он был кому-то нужен…

Он невольно ускорил шаг, устремляясь в крикливую толпу, которая невесть почему скопилась перед внешними вратами, ведущими в просторный внутренний двор. Врата эти охраняли огромные изваяния праведных дивов с огненными мечами, являя плохим, неправедным дивам пример того, что даже буйные дети дикого пламени могут не враждовать с Исвархой, а с радостью служить ему.

Но, протолкнувшись вперед, Хаста резко сбавил шаг, а потом и вовсе укрылся за чьей-то могучей спиной. Сегодня вход в храм охраняли не только дивы!

У ворот, внимательно вглядываясь в лица каждого, кто пытался пройти внутрь, прохаживались люди в доспехах. Хаста, как ни силился, не мог разглядеть знаков на их плащах. Но одно было ясно – это была не храмовая стража.

Глава 8. Мятежник

Всадник на караковом жеребце промчался по главной улице Верхнего города, заставляя прохожих шарахаться к стенам домов. И в обычное время никто особо не желал сталкиваться с накхом, а уж тем более с конным воином, летящим во весь опор. Не многие прохожие успели заметить замотанную в темный плащ ношу, перекинутую поперек седла знатного воина. Если бы у них было чуть больше времени, чтобы разглядеть его добычу, они, возможно, подняли бы крик. Но всадник мчался чересчур быстро, и никто из разбегавшихся прохожих не узнал младшую дочь солнцеликого государя.

Свернув в проулок, ведущий к входу в угловатый дом-крепость накхов, Ширам быстро спешился и, вскинув царевну на плечо, сделал знак караульным опустить мостки. Мармар встретил его у входа.

– Кто это, брат? – удивленно глядя на девушку, спросил он.

– Моя будущая жена.

Мармар вгляделся в лицо похищенной и отшатнулся.

– Царевна Аюна? – ошеломленно уточнил он.

– Да, она самая. Дочь повелителя, – с раздражением подтвердил Ширам. – Пропусти меня. Я намерен перенести ее в сад.

– Но почему… – недоуменно выдавил саардас. – Почему она здесь? Что ты с ней делаешь?

– Государь обещал мне ее. Значит, она моя. Я выполнил то, что он мне поручил! – Ширам возвысил голос. – Я рисковал жизнью столько раз, что в конце концов смерть уже просто отмахивалась от меня! И вот сегодня государь мне в глаза объявил, что я мятежник! Что я убил его людей и заодно с теми заговорщиками, головы которых скучают по своим телам там, внизу. – Он повел подбородком, указывая в сторону городских ворот.

Мармар побледнел:

– Но то, что ты делаешь сейчас, – и впрямь измена.

– Я забрал свое. – Саарсан шагнул вперед, мимо Мармара, который молча посторонился, и, не останавливаясь, прошел во внутренний сад крепости накхов. – В чем же ты тут увидел измену?

– Похищение дочери государя, по-твоему, не мятеж?

– Ну что ты, брат! Я лишь оправдываю ожидания повелителя, – съязвил Ширам. – И забираю свою законную собственность.

– Ты не смеешь этого делать! – Саардас нахмурился и заложил пальцы рук за широкий кушак с острыми бронзовыми наконечниками, свисавшими на длинных кистях.

– Да ну! Я уже сделал это. Но ты, брат, должно быть, забыл, – продолжал Ширам, поворачиваясь к нему, – что договор, который некогда заключили саары двенадцати великих родов с предком нынешнего государя, ясно гласил: верность и доблесть в обмен на справедливость и благоволение. И до сего дня никто не пытался нарушить этот уговор. Никогда и ни разу! А сегодня Ардван, должно быть упившись крови казненных заговорщиков, пожелал забыть о справедливости. Но я не пес, которого можно пнуть ногой, чтобы сорвать дурное настроение! Я – саарсан накхов! А поскольку палка всегда о двух концах, то я здесь. И она тоже здесь. – Ширам тряхнул замотанную в темный накхский плащ девушку и положил ее на каменную скамью на берегу рукотворного пруда.

– Что ты с ней сделал? – тихо, будто через силу, спросил Мармар.

– Ничего. Слегка придушил, чтобы не орала.

Мармар поглядел на него с ужасом.

– Ты понимаешь, что натворил? – все так же тихо проговорил он. – Теперь все накхи, что служат нашему повелителю, будут считаться мятежниками! Я дал тебе убежище, и наши законы не позволили бы тебя выдать, даже если бы ты был не саарсаном, а обычным гостем…

– Но я саарсан! – Ширам резко придвинулся к брату. – Я ваш правитель, если ты вдруг забыл. Если договор, соединявший наши народы, разорван по вине государя, то его больше нет. А значит, я твой повелитель, и никто другой!

– Да, это так, – глухо подтвердил молодой маханвир Полуночной стражи. – Ты глава всех двенадцати великих родов, и всякий накх обязан тебе повиноваться. Но что делать с клятвой верности, которую приносят воины личной стражи?

– Я освобождаю тебя от нее.

– Это невозможно, – темнея лицом, ответил Мармар. – Я давал ее государю Ардвану, и лишь он может освободить меня. По закону я должен заключить тебя под стражу и вернуть царевну во дворец.

Ширам сверкнул глазами и выпрямился:

– Что ж, поступай так, как тебе велит долг!

Тишина повисла в саду. Было лишь слышно сбивчивое дыхание людей да жужжание насекомых над благоухающими цветами. Царевна Аюна, которая уже пришла в себя и лишь притворялась беспамятной, а сама внимательно слушала разговор

двух накхов, приоткрыла глаза и с надеждой устремила взгляд на молодого воина. Неужели спасение близко?

– Позволь мне удалиться, – почти шепотом выдавил Мармар.

– Ты мне нужен здесь! – рявкнул Ширам.

– И все же мне нужно уйти.

– Хорошо, ступай, подумай. Но недолго. Я жду твоего возвращения.

– Благодарю тебя, мой повелитель.

Запинающимся шагом саардас направился к выходу из внутреннего сада. Едва он вышел, девушка распахнула глаза, рывком села на скамье и закричала не сдерживаясь:

– Ну что, увидел? Даже свои бросают тебя! Никто не даст тебе убежища! Сейчас он вернется со стражей. И солнце еще не взойдет, как твоя голова слетит в корзину палача! Ненавижу тебя!

Царевна запнулась, не зная, как побольнее уязвить мятежного накха. Никто в жизни так не пугал ее, как он сегодня, и никто еще не приводил ее в такую ярость. Да как он посмел похитить ее? Как он вообще посмел к ней прикоснуться без ее дозволения?! А то, что теперь он лишь молча смотрел на нее, словно не удостаивая ответом, злило еще сильнее.

– Думаешь взять меня в жены силой? Никогда! У меня уже есть возлюбленный! – выпалила она, пьянея от собственного бесстрашия. – Он оторвет тебе голову, когда узнает, что ты сделал!

– О ком ты говоришь? – изумленно спросил Ширам.

– Об Аоранге! – заявила царевна, любуясь выражением его лица. – И знаешь, хоть он и мохнач, но куда умнее, сильнее и храбрее тебя! А ты лишь двуногий змей, выродок и среди людей, и среди ползучих гадов…

За воротами сада послышался какой-то шум.

– Вот, слышишь? – обрадовалась царевна. – За тобой уже идут!

Ворота медленно раскрылись, и на тропинке, ведущей к скамье, появился накх. Он шел, опустив голову. На вытянутых руках его лежал свернутый плетеный кушак с бронзовыми остриями – знак власти маханвира Полуночной стражи.

– Повелитель… – чуть не плача, проговорил накх, склоняясь перед Ширамом. – Мы безропотно повинуемся тебе. Доблестный саардас Мармар, умирая, велел передать тебе знак своей власти.

– Умирая?!

– Да. Он убил себя. Веди нас, саарсан.

* * *

На челе государя Ардвана, властелина и живого бога Аратты, лежала туча мрачной задумчивости. Он глядел на любовно сделанный его мастерами сильно уменьшенный Верхний город. Дворец, вырезанный из мамонтовой кости, покрытый тонкими пластинами бирюзы и оттого напоминающий летнее небо; дома знатных арьев с колоннадами из красной яшмы, окруженные крошечными деревцами; и похожий на свернувшегося ежа квартал накхов. Куда бы государь ни кинул взгляд, вместо изящной резьбы и лазурных изразцов были голые каменные стены с узкими оконцами бойниц – не подберешься ниоткуда к цитадели Полуночной стражи. Всюду идущего встречают острые углы и слепые стены, так что, подходя к ним, неминуемо окажешься зажатым с двух сторон…

Произошедшее сегодня никак не укладывалось в голове Ардвана. В первый миг, услышав о ярости Ширама, убийстве стражников и похищении царевны, государь лишился дара речи, не желая верить услышанному. Что это нашло на саарсана?

Да, государь в самом деле был до крайности взбешен утренним разговором с Аюной; да, он вспылил – ну и что такого? Бывший Хранитель Покоя даже под пыткой продолжал обвинять накхов во всех грехах. Все, чего хотел Ардван, беседуя с саарсаном, – лично убедиться, что Ширам ему верен и все это лишь наветы врага. Несколько месяцев службы в отдаленной крепости – и Ширама можно было бы вернуть в столицу, вновь приблизить, объявить, что он искупил вину… В конце концов, обещание обещанием, но потерять в чужих землях, да еще и в мирное время, семь десятков человек, из них – полторы дюжины арьев Полуденной стражи, – ну как тут не заподозрить злой умысел?

Кроме того, это позволило бы выиграть немного времени, чтобы обуздать упрямую Аюну. Государю не верилось, чтобы царевна в самом деле могла завести шашни с полудиким любимцем его брата; в любом случае это не имело значения. Но вот то, что она так твердо и внезапно вздумала расторгнуть столь нужную для государства помолвку – это даже подозрительно… Уже не подбивает ли ее на это кто-нибудь?

Ему вдруг вспомнилась мать Аюны, до отвращения сходная с дочерью видом и нравом. А ведь когда-то он так любил ее… Тайна, окружавшая последний год ее жизни, осталась сокрытой от мира. Ардван гнал от себя воспоминания о тех, уже далеких временах, но они возвращались и тревожили его. Да как только Аюна посмела напомнить ему о тех ужасных событиях? Стоило бы наказать ее за непокорство! Но теперь перед ним другая задача – вызволить дочь у накхов.

Он горестно вздохнул и вновь уставился на тонко вырезанные домики игрушечного города.

– Продолжай, – приказал он.

Глава Полуденной стражи, скромно стоящий рядом с длинной тростью в руках, вернулся к своему докладу, указывая на улицы и дома столицы и описывая повелителю соотношение сил. То, что слышал сейчас Ардван, не давало повода для радости. Полуденная стража имела ровно ту же численность, что и Полуночная. Кроме этого, во дворце имелись четыре дюжины стражей порядка, да и в самом Верхнем городе можно было призвать к оружию некоторое количество арьев.

Но вот в чем беда – после недавних казней от этакого воинства можно ожидать любого подвоха. Покуда накхи были на стороне государя, каждый вельможа легко мог предположить, что, даже собери он всю родню и поставь под оружие слуг, накхи придумают, как тайно пробраться в его дом и убить мятежника. Сегодня же произошло небывалое – мятежниками стали сами накхи.

– Дело осложняется тем, – говорил маханвир Полуденной стражи, – что крепость накхов держит на замке единственные ворота Верхнего города. Никто не может ни войти, ни выйти. Но есть и добрая весть – лучники простреливают «туннель смерти», так что Ширам тоже не может рассчитывать на подкрепление. Было бы хорошо разобрать кладку священных ворот – тогда бы подкрепление могло пройти через них…

– Это богохульство, – сумрачно отозвался Ардван.

– Увы, – развел руками глава стражи, – но, если саарсан призовет накхов, обитающих в Нижнем городе, наш перевес в силе окажется менее чем в три раза. Этого недостаточно, чтобы взять приступом их крепость. Также необходимо собрать камнеметы, а оружейники тоже обитают в Нижнем городе. Но если светозарный прикажет, я, конечно, пойду в бой первым…

Ардван молчал. Он сам был опытным воином и понимал, что маханвир говорит правду. Но признавать необходимость вести переговоры, тянуть время и оскорблять богов ради возможности скопить достаточно сил, чтобы стереть с лица земли гнездо мятежников, – эта мысль казалась ему недостойной государя Аратты. К тому же Ардван отлично понимал – стоит начать разбирать кладку священных ворот, поднимется такой шум, что накхи узнают об этой попытке в тот же день. А узнав, сообразят, что все переговоры – просто обмен пустыми словами. А уж сообразив, того и гляди вышлют своих неуловимых лазутчиков, знающих к тому же дворец как свои пять пальцев – недаром они много лет несли здесь службу…

Решится ли Ширам на такой шаг? Может, и решится… Во всяком случае, если почувствует, что ему готовят западню. «Это значит – держать волка за уши», – припомнилась ему местная поговорка. Так говаривал старый охотник, возглавлявший когда-то его собственную Охоту Силы.

Ардван хотел вспомнить, что еще говорил старый ловчий. В его словах всегда была острая наблюдательность и мудрость. Но тут в покои, отпихнув стражников, ворвался Аюр.

Он был бледен, волосы его разлохматились, глаза горели неведомой ранее яростью. Быстро подойдя к Ардвану, он замер перед ним, будто только сейчас увидел его.

– Что ты наделал, отец?! – сжимая и разжимая кулаки, свирепо прошипел он.

Ардван на миг застыл, потом сделал маханвиру и стоящим у дверей стражникам знак выйти, после чего свирепо уставился на сына.

– Как ты посмел врываться ко мне подобным образом? – сдерживая гнев, тихо спросил он. – Или ты совсем одичал в землях мохначей? Я тебя не призывал!

– Меня призвала справедливость, – дерзко ответил царевич. – Мой учитель-жрец когда-то говорил, что ее имя звучит наравне с богами! Отец, утром я рассказал тебе, как много сделал Ширам, чтобы спасти меня от гибели. О том, как он жертвовал собой без надежды на счастливый исход… Я привел к тебе лучшего воина Аратты, не просившего себе наград, хотя и заслужившего их больше, чем кто другой! И как ты его вознаградил, добрый и справедливый государь?!

Повелитель глядел на сына молча, плотно сжав губы. Рассказать ему о том, что устроила нынче утром Аюна? Или, может быть, пойти с ним в хранилище свитков и зачитать десятки свидетельств против накхов, полученные от бунтовщиков?

– Прежние заслуги Ширама, если они и были, потеряли всякое значение, – холодно ответил наконец Ардван. – Теперь он изменник, убийца и похититель твоей сестры. А сейчас уйди, не мешай мне думать, как спасти ее…

– Ах вот как ты рассудил? – резко проговорил Аюр. – Что ж, как знаешь!

Он направился к выходу, но остановился на пороге и повернулся к государю.

– Из-за того, как ты обошелся с Ширамом, уже погибло четверо воинов. И погибнет неизмеримо больше. Ты саму нашу державу ставишь под удар! – закричал он. – Да-да, я все уже знаю! Я говорил со слугами. Так вот – я сейчас отправляюсь к Ширам. И буду умолять его, как друга, вложить оружие в ножны. Я стану

его щитом. А если ты посмеешь хоть пальцем его тронуть, у тебя не останется наследника! – И царевич выбежал из зала.

– Остановите его! – рявкнул Ардван.

Но было поздно. Должно быть, наследник престола загодя предусмотрел возможность погони, и через считаные мгновения ржание коня возвестило о том, что Аюр покинул дворец.

* * *

Ширам, не мигая, глядел в сгущающийся над городом сумрак. Сквозь бойницу тянуло вечерней свежестью. С улицы слышались звуки труб и крики стражи на стенах. Верхний город бурлил, невзирая на поздний час. Придворные спешили укрыться в своих роскошных городских поместьях и с великой неохотой отдавали воинов своей стражи. Ардван собирал все имевшиеся у него под рукой силы.

Вряд ли он полезет на приступ прямо сейчас. Что и говорить, в осадах, камнеметных машинах, подкопах – во всем, что касалось взятия городов и крепостей, – арьям не было равных. Но всякий раз, когда нужно было идти в пролом, посылали накхов – потому как кто лучше их мог сражаться в узких дымных коридорах, на стенах и в темных подвалах?

Но сейчас роли переменились. И как думает Ардван решать этакую задачку? Подкреплений ему ждать неоткуда. Может, надо ударить самому, не дожидаясь, покуда властитель сумеет подтянуть войска?

Ширам вдруг стало необычайно тошно от этих мыслей. Сотни лет его предки служили примером верности Солнечной династии. Сам он начал свой путь с того, что спас от рук убийцы того самого государя, против которого теперь готовится поднять оружие. Как такое могло случиться?

Ему вспомнилось пылающее гневом лицо царевны, ее яростные, оскорбительные слова… В этот миг она была несказанно хороша, и саарсан невольно любовался ею. Да, она должна быть одной из его жен, потому что это правильно, и он будет ей хорошим мужем. Но все то, что произошло сегодня во дворце, – стоит ли того ее красота и родовитость? «Не царевна причиной всему, а только несправедливость государя», – подумал Ширам.

Он угодил в западню, и накхи, того не желая, вместе с ним. «Что же теперь будет? – с тоской думал он, слушая тревожные завывания труб. – Мог ли я терпеть оскорбления как человек, как воин и саарсан? Нет, не мог… И вот теперь там, под стенами, в

Нижнем городе, сотни накхов, которых сейчас попытаются захватить, а может, и убить – лишь потому, что я решил отстаивать свою честь… Разве я взбунтовался? Нет, конечно нет! Я лишь требую справедливости – к себе и к моему народу. Но если там, внизу, сейчас начнется резня… Быть может, выйти навстречу Ардвану и бросить к его ногам оружие? Показать, что я не боюсь ни гибели, ни пыток, что я готов умереть за свою правоту?»

Эта мысль показалась ему заманчивой, но лишь в первый миг. Чуть подумав, он с негодованием отбросил ее. Нет, это ничему не поможет. Пожертвовать собой, для того чтобы выжил народ? Когда-то его предок так и сделал – в роковой день Битвы Позора. Конечно, его жертва дала возможность накхам уцелеть и обрести новые силы. Однако подобное не должно становиться традицией. Нет, не таким саарсаном Ширам хотел бы остаться в памяти своего народа…

А кроме того, даже если государь примет его жертву – примут ли ее и накхи? Если он сейчас выйдет и сложит голову ради спасения народа, едва новость об этом достигнет Накхарана, страна запылает. Теперь не будет Битвы Позора, и вообще никаких открытых битв не будет. Война будет тайной. Накхи умеют учиться. Внезапные нападения, удары исподтишка, пока останется хотя бы один живой арий… Так что лучше? Взяться за оружие, как подобает доблестному воину, или же пожертвовать собой, как сделал это Мармар?

«Но он сделал это для того, чтобы развязать мне руки, – подумал он. – Чтобы не мешать мне сражаться за каждого из нас!»

Сомнения оставили Ширама. Накхи рождены для войны, такими их создали боги. Как только в Нижнем городе начнется бой, самое время напасть здесь. И Ардван, и вся его семья будут убиты.

А что же дальше?

«Ну что ж, значит, наступают новые времена. Не о том ли я думал совсем недавно, готовясь к последнему бою с тщедушным вождем ингри? Может, то были вещие мысли, внушенные мне богами! Пора вернуть в этот мир справедливость, столь явно попранную арьями…»

Ему вдруг вспомнилось обратное странствие через бескрайние холодные степи Змеиного Языка. Неожиданно повзрослевший Аюр, приносящий ему, тогда еще слабому и страдающему, куски зажаренной дичи, назвавший его братом… Неужели и его придется убить?

– Ширам! – донеслось с площади перед воротами. – Ширам, это я, Аюр!

Саарсан прильнул к бойнице, начисто забывая, что этот мальчишка способен всадить стрелу в глаз мечущегося раненого зверя.

– Я пришел говорить с тобой!

– Эй, – саарсан обернулся к стоящим за его спиной накхам, – сейчас царевич будет у входа. Опустите помост и проведите его в сад…

Ширам опять повернулся к бойнице и вдруг заметил идущую от городских ворот пару. На первый взгляд вполне обычного вида: молодая девушка в дорожном плаще, расшитом цветами, и слуга-телохранитель. Что-то знакомое почудилось саарсану в этой девице. Он не успел задуматься – крутившийся на месте Аюр едва не сшиб парочку крупом своего коня, даже не обратив на них внимания.

Но тут Ширам увидел, как из-под девичьего плаща появляется тонкая рука, сжимающая длинный, туго набитый кошель из плотной кожи. Короткий удар точно меж лопаток – и Аюр от неожиданности и боли отпустил поводья, взмахнул руками… Плащ слуги-телохранителя взвился над ним и опустился на голову. Ширам увидел, как чернобородый слуга рывком затягивает тесьму снизу, и наконец узнал его. Проклятье! Саарсан не мог поверить увиденному. Он был готов поклясться, что видел похитителя совсем недавно, на старой лесной дороге, со стрелой, торчащей из горла!

Но осознать он это не успел – девушка оказалась на коне перед Аюром, хлопнула скакуна ладонью по шее, и тот ринулся в ближайший переулок. Ухватившийся за луку седла сакон со всех ног побежал рядом, едва заметный за прикрывавшим его конем. Еще миг, и они скрылись за домами.

Это была она, понял саарсан. Вендка из дорожной вежи!

Он рванул со спины мечи. Волна ярости накрыла его. Он вдруг осознал, что готов изрубить в куски любого, кто замыслил недоброе против царевича.

– Открыть ворота!

Глава 9. Аоранг в темнице

Киран, задумавшись, шел по коридорам Лазурного дворца. Среди колонн, дверей и арок ему то и дело встречались неподвижно застывшие фигуры, которые он несколько раз по ошибке принимал за стражу, однако то были изваяния предков государя. Молодой вельможа знал, что среди них были и его неразумные пращуры. И зачем только они, знатностью равные роду Ардвана, когда-то покинули столицу, прельстившись отдаленными землями на берегах теплого моря?

Государев зять неспешно шагал по мраморным плитам и вспоминал один крайне занимательный разговор, имевший место лет этак пять назад. Помнится, тогда он по делам посетил главный храм Исвархи и как раз встретился с Тулумом, когда к ним подошел с поклоном необычного вида мальчик в жреческой одежде. Киран не смог понять ни его возраст, ни откуда тот родом – могучее, коренастое тело отрока могло принадлежать взрослому мужчине, но выражение лица было по-детски открытым и веселым. А уж само это лицо – таких резких, странных, словно тупым ножом вырезанных черт вельможа отродясь не видывал.

– Познакомься с Аорангом, – сказал тогда Тулум. – Я вижу, он удивил тебя? Ребенком я подобрал его на Змеином Языке, в землях мохначей…

– Это мохнач? – поразился Киран, не веря своим глазам.

В самом деле, велика была разница между угрюмыми косматыми полуживотными в шкурах, которые не говорили, а рычали, и этим необычным подростком с умным взглядом синих глаз и уверенной осанкой юного ария.

Потом Аоранг ушел, а Тулум пустился в долгий рассказ. Явно довольный неподдельным любопытством образованного собеседника, он с жаром принялся рассказывать царскому родичу о том, как нашел мальчика, брошенного в снежной пустыне, как привез его в Аратту, как тот рос и получал образование при храме под его присмотром…

– Понемногу я привязался к нему, как к сыну, – как его не полюбить? – с улыбкой рассказывал верховый жрец. – Но признаюсь, уже много лет я с огромным интересом наблюдаю за Аорангом, давая избранную пищу его разуму. Как он усваивает тонкие и сложные понятия, несвойственные его племени, как мыслит? Можно ли воспитать просвещенного и благородного человека, взяв дичайшего из диких? Что дает воспитание, а что природа и где грань между ними?

– Мохначи весьма отличаются от разумных людей, – осторожно ответил тогда Киран. – Не подумай, что я хочу обидеть твоего воспитанника, святейший, но звериного в них куда больше, чем даже в лесных вендах. Я всегда полагал и полагаю, что дикарь останется дикарем, как его ни воспитывай. Разум его подобен несозревшему плоду, и потребуются века, чтобы он стал подобным нашему. Ты получишь человека сильного и, несомненно, верного – все знают, как преданы дикари своим старейшинам, – но к чему тратить время, забивая его бедную голову великими священными деяниями богов и людей или отвлеченными вычислениями? Хороший слуга или телохранитель…

– Все так считают, – не без досады отозвался святейший Тулум. – Но это заблуждение. Аоранг отлично освоил наш язык, в подобающее время научился читать и писать. Он постигает священные тексты наравне с другими мальчиками. А если что-то ему не дается, он добивается своего упорством – оно у него поистине как у мамонта!

Киран покачал головой:

– Да сопутствует тебе удача, святейший. Но будь осторожнее. Я слыхал, что дикарям неведом закон, что мохначи вспыльчивы и подвержены ужасным приступам гнева. Захочет ли он остановить себя, если обозлится? И сможет ли?

– Я знаю об этом и с ранних лет учу Аоранга обуздывать гнев, – кивнул Тулум. – К счастью, у него добродушный нрав. Да, кое в чем ты прав: он сторонится людей и с бóльшим удовольствием проводит время в храмовом зверинце, чем с мальчиками своего возраста. Зато у него есть явные склонности к врачеванию. Я рассчитываю, что он со временем станет ученым жрецом и целителем…

Киран слушал и запоминал. Он понятия не имел, для чего ему эти сведения, но опыт подсказывал – лишних знаний не бывает.

Вот сейчас он и вспомнил, поглядев на ведущую куда-то вниз спиральную лестницу, слова Тулума о том, что мохначи, всю жизнь проводящие на просторах своих холодных степей, совершенно не переносят тесных, темных подземелий, и его воспитанник тут вовсе не исключение…

Длинная лестница, обвиваясь вокруг огромной каменной колонны, спускалась все глубже. Киран шагал по ней, все время поворачивая, пока у него не закружилась голова. Становилось темнее, узкие окна, утопленные в толстой стене, почти не давали света. Потом закончились и они, сменившись редкими факелами. Лестница привела Кирана к окованной железом двери, из-за

которой отчетливо веяло смрадом и ужасом. Он постучал в нее условным стуком и остановился на пороге, не спеша идти дальше. Святое Солнце, как же он не любил такие места! Ну почему допросы нельзя проводить в садах, среди цветов и журчащих струй? А если вид пыток оскорбляет Исварху, что стоит поставить увитый гирляндами навес!

– Как он там? – сухо спросил он, не глядя на отворивших ему дверь стражей.

– Плохо ему, – коротко ответил старший. – Сперва сидел тихо, потом просился наружу, а когда мы пригрозили, что унесем факел, то попытался выломать дверь. Здоровенный, чуть решетку не погнул!

– Это хорошо, что плохо…

Зять государя поманил к себе охранника:

– Сейчас ты пойдешь со мной вниз. Встань близ решетки так, чтобы тебя не было видно. Сперва громко скажешь, что никого впускать не велено. Я посулю тебе денег, и ты согласишься меня пропустить. Понял?

– Понял. А можно не только посулить?

Киран рассмеялся незамысловатой шутке:

– На. – Он протянул стражу пару монет. – И ты возьми. – Он кинул монету другому. – Когда я войду к мохначу, оставайтесь оба за дверью и внимательно слушайте наш разговор. Если у вас окажется хорошая память, награда также будет хорошей.

– Что ты называешь хорошей памятью? – жадно спросил один из стражей.

– Об этом я скажу вам потом.

– Как прикажешь, ясноликий.

– Тогда вперед. Нет времени на пустые разговоры.

Они спустились на несколько ступеней и пошли дальше по зловонному коридору, по пути громко споря, как это и было задумано. Затем стражник, почтительно склонившись, произнес: «Сюда, господин!» – и пропустил его перед собой к решетке с толстыми прутьями.

– Аоранг! – воскликнул Киран, светя перед собой факелом. – Наконец-то я тебя нашел!

В темноте блеснули глубоко посаженные глаза мохнача. Аоранг бросился к решетке. Он сильно изменился с тех пор, как Киран в последний раз видел его. Сейчас – покрытый ссадинами, в оборванной одежде – он напоминал лесного зверя, пойманного и запертого в тесную клетку. Взгляд его метался, вид был затравленный.

– Кто меня зовет? – хрипло спросил он.

– Это я, Киран.

– Киран? – Когда мохнач осознал, кто перед ним, в его взгляде промелькнуло облегчение и он широко улыбнулся. – Я рад тебя видеть!

– Что с тобой? У тебя такой вид, словно тебя били. Ты только скажи!

– Я не помню – может, и били… – Аоранг прислонился к стене, как будто силы внезапно покинули его. – Я тут как в западне. Стены давят. Я хочу уйти отсюда.

– Потерпи еще немного, – сочувственно сказал Киран, не приближаясь к решетке. – Я не могу вытащить тебя прямо сейчас. Это приказ государя – бросить тебя сюда. Видишь ли, ему не понравились твои шашни с Аюной.

– Это не шашни! – резко ответил молодой мохнач. – Не оскорбляй Аюну такими словами.

– А он думает, что шашни. Но ты не волнуйся. Тулум и я на твоей стороне. Твой наставник попросил меня отыскать тебя. Теперь, когда я это сделал, он непременно пойдет к брату и станет просить его за тебя.

– А когда это будет?

– Уверен, он бы отправился прямо сейчас, но не может.

– Почему? С ним все хорошо?

– Ты что, ничего не знаешь? – удивился Киран. – Впрочем, кто еще может знать, как не ты…

– О чем речь?

– Ты же все видел своими глазами. Речь о твоем друге Хасте. Ты ведь близко знаешь его?

– Не слишком, – с недоумением глядя на государева зятя, ответил Аоранг. – Мне часто доводилось его видеть возле учителя, однако я не был посвящен в их дела.

– А вот это жаль, – глубоко вздохнул Киран. – Сейчас бы и тебе, и нам всем это весьма помогло. Как ты мог убедиться, Великая Охота прошла крайне неудачно для царевича, а значит, и для всей Аратты. Это очень подозрительно! Государь считает, что здесь не обошлось без чьей-то злой воли. Он приказал дворцовой страже со всем уважением доставить пред его очи Хасту, дабы тот ответил ему на вопросы, связанные с этой охотой. Что может быть естественнее и понятнее? Но что же делает в ответ Хаста? Используя навыки, мало присущие жрецу, раскидывает могучих стражников и скрывается так, что его не могут отыскать!

Вельможа умолк, чтобы дать заключенному возможность обдумать его слова.

– И вот тут уже вопросы у государя возникли к святейшему Тулуму… И что мудрить – к тебе. Совсем недавно я видел верховного жреца рядом с государем, и, прямо скажем, Ардван

был крайне разгневан…

Киран задумчиво поглядел на мохнача. Его желтоватые глаза в свете факела казались двумя золотыми монетками.

– Как думаешь, мог ли Хаста найти укрытие в башне накхов?

– Ты спрашиваешь об этом меня? – изумленно спросил Аоранг. – Но откуда мне знать?

– Ты несколько дней путешествовал вместе с Ширамом и Хастой. Как по-твоему, насколько они сдружились? Пожелает ли саарсан дать убежище Хасте, если тот его попросит?

Аоранг провел рукой по лицу. Он старался вникать в смысл слов Кирана, но ему было сложно это делать. Каждый миг в этой давящей тьме был для него мучителен; все его чувства кричали: «скорее, прочь отсюда!» Он глубоко вздохнул и стиснул кулаки, стараясь овладеть собой.

– Когда я их встретил в Ползучих горах, – заговорил он, – Ширам собирался вытаскивать Аюра из ледяной расщелины, а Хаста пытался его удержать. Я думаю, они все погибли бы там, если бы не я… Что до Хасты, я знаю его с детства, но особенно дружны мы никогда не были. Что он за человек, не знает, пожалуй, никто… Но так же верно, как солнце всходит утром и заходит вечером, я могу сказать – он бесконечно предан святейшему Тулуму.

– Вот как? А Шираму он тоже предан? – вкрадчиво спросил Киран.

– Я знаю лишь то, что видели мои глаза. Саарсан накхов порой подобен хищному зверю, но с Хастой он приветлив и дружелюбен. Хаста умен, и его слова достигают слуха саарсана. Я думаю, за время пути они крепко сдружились.

Вельможа слушал и с довольным видом кивал:

– Да, это неудивительно… Когда люди столько времени проводят рядом, да еще и среди такого множества опасностей, – они зачастую становятся верными друзьями…

Киран сделал вид, что размышляет.

– А не слышал ли ты, чтобы святейший Тулум, отправляя Хасту на Великую Охоту, повелел ему найти подход к саарсану?

– Об этом мне неведомо, – устало ответил мохнач. – Но было бы разумно в такой дороге множить дружбу, а не ссоры.

– Стало быть, Ширам слушает советы Хасты, – задумчиво произнес Киран, как бы про себя, – а Хаста выполняет повеления святейшего Тулума?

Аоранг вздрогнул и пристально посмотрел на собеседника, словно очнувшись:

– Я такого не говорил! Это твои слова. Хаста любит ячменное пиво, но святейший Тулум не приказывает ему ходить в кружало.

Киран снова кивнул и бросил взгляд куда-то в сторону.

– Хорошо. Я услышал все, что ты сказал. – Он отступил от решетки. – Надеюсь, мы скоро увидимся на свободе.

– Ты что, уходишь?! А как же я?

Но не успел возмущенный Аоранг остановить его, как Киран снова обернулся к нему и спросил уже иначе, приглушенным голосом:

– Кстати, не слыхал ли ты в разговорах Ширама и Хасты упоминаний о Джерише?

– О ком?

– Джериш, младший командир Полуденных Жезлоносцев, что отправился на охоту с царевичем.

– А, твой родич, – сообразил Аоранг. – Нет. Они не говорили.

– Что ж, я спрошу Хасту при личной встрече. Как случилось, что такой воин погиб? – задумчиво пробормотал Киран. – Лучший из лучших – и не вернулся, а какой-то жалкий жрец…

Спохватившись, он умолк и сказал:

– Я передам Тулуму, что ты здесь. Надеюсь, он скоро тебя вытащит. А пока, не обессудь, мне нужно быть на площади подле башни накхов.

– Ты надеешься застать там Хасту?

Киран тяжело вздохнул и покачал головой:

– Моя супруга плачет не переставая. Ведь Ширам похитил ее младшую сестру. Бедная девушка, тяжела будет ее участь в руках столь опасного мятежника! Я попытаюсь выручить ее, но…

– Постой, – внезапно севшим голосом окликнул его Аоранг. – Младшую сестру? Ты что, говоришь об Аюне?

– Я не хотел огорчать тебя, друг мой, но, увы, это правда. С тех пор как вы прибыли в город, произошло много ужасного. После того как Хаста так ловко скрылся от дворцовой стражи, саарсан явился к государю. Не могу сказать, о чем они разговаривали, но, выйдя от повелителя, он убил четырех жезлоносцев и похитил царевну Аюну. Потому я и спрашивал у тебя, мог ли Хаста найти убежище у своего друга…

– Ширам похитил Аюну? И ты не сказал мне сразу?! – Аоранг, тут же забыв о своих мучениях, свирепо тряхнул разделявшую их решетку.

– Прости, я должен спешить.

– Стой, Киран!

Но тот уже уходил. Горестно вздыхая, вельможа прошел вдоль коридора, подошел к двери и стукнул кулаком, требуя выпустить его. Стражник пропустил его перед собой и последовал вверх по лестнице за ним.

– Скоро тебе придется во всеуслышание повторить слова

Аоранга о том, что Ширам выполняет тайные приказы верховного жреца Тулума, переданные ему жрецом Хастой, – произнес Киран, останавливаясь.

– Но…

– Сто золотых монет и конь из моей конюшни.

– Сделаю все, как прикажешь, ясноликий.

– Вот и отлично.

Киран покосился на чадящий факел, который стражник держал в руках:

– И вот что. Уберите из темницы факелы. Пусть мохнач посидит в темноте.

– Но… он же там рехнется! Господин, он же нам всю темницу разнесет!

– Делай, как я сказал! – холодно оборвал его Киран.

– Но если он начнет буйствовать, нам придется его…

– Только не калечить, – предостерег вельможа. – Он мне еще понадобится…

Он направился наверх, с облегчением покидая подземелье, мечтая вдохнуть свежий воздух и забыть об этом смраде. Мыслями Киран был уже возле накхской твердыни. Одна лишь неувязка тревожила его, не давая действовать спокойно и сосредоточенно. «Проклятье, куда же на самом деле подевался этот незаконный сын Первородного Змея, этот хитрый, скользкий жрец Хаста?! Надо было послать за ним своих людей! Дворцовые костоломы отвыкли, что им могут сопротивляться. В любом случае Хасту нужно отыскать до того, как он сумеет пробраться к Тулуму…»

Глава 10. Хаста и богиня

Крикливая толпа перед воротами храма, которая мгновение назад так раздражала Хасту, теперь показалась ему благословением Исвархи. Продолжая укрываться от взглядов воинов за спинами, он вновь незаметно переместился назад и быстро огляделся. Тут были и прибывшие издалека жрецы, которые громко негодовали, что их не пускают внутрь, и недовольные жертвователи и просители с корзинками даров, и обычные любопытствующие зеваки. Голося и протягивая миски за милостыней, набежали нищие, многие из которых, как ясно видел Хаста, несомненно, были ловкими воришками. В обычное время храмовые стражи не допустили бы такого безобразия и быстро отогнали бы алчных побирушек. Но воинам-чужакам не было до них дела – не их они выслеживали…

«Этой суетой надо бы воспользоваться, – думал Хаста, изучая толпу, – да вот как?» Он рассчитывал, что жизнь сама ему подскажет решение, как это обычно и бывало, – но пока ничего подходящего не подворачивалось…

Неподалеку промелькнуло полузнакомое лицо старичка-жреца в пепельной накидке поверх обычного одеяния. Хаста вскоре вспомнил его – тот отвечал за уборку с алтарей священной золы, что также было непростым, выверенным до мелочей ритуальным действом. Старичок никак не мог протиснуться вперед и громко ворчал, костеря новые порядки. Хаста подобрался к нему поближе и легонько пихнул в бок:

– Слава Солнцу!

– А, здравствуй, Хаста! – ответил тот сварливо. – Давненько не видел тебя. Был в отъезде?

– Сегодня вернулся. Что тут творится?

Щуплый жрец возвел глаза и руки к небу:

– Такое чувство, будто наступает закатный час нашего мира! Слыхал, накхи взбунтовались?

– Слыхал. А с чего бы это они, неизвестно?

– Да говорят, саарсан с ума сошел.

– Сошел с ума? – ошеломленно переспросил Хаста. – От чего?

– От любви, – хмыкнул жрец. – Зарезал во дворце дюжину жезлоносцев и похитил дочь государя.

– Ширам?!

– Ну да. Явился нынче утром к государю и потребовал отдать ему царевну в награду. А государь ему: как поохотился, такая тебе и награда будет – то есть шиш! Ну тогда саарсан царевну хвать, кинул поперек седла и был таков! – Жрец подумал и

ехидно добавил: – В Нижнем городе небось уже об этом на торжищах песенки распевают и показывают кукольное представление.

– Воистину тут кто-то сошел с ума, да только не знаю кто, – озадаченно проговорил Хаста, пытаясь мысленно соотнести того Ширама, которого он успел так хорошо узнать за время Великой Охоты, и нынешние невероятные новости. – Большей чепухи отродясь не слыхал! Ну, допустим, это правда. Но зачем здесь эти воины и кто они вообще такие?

– А, это из дворца прислали, из тайной палаты. Якобы охранять святейшего Тулума от накхов, – мол, они все ярые змеепоклонники, так что наверняка первым делом кинутся осквернять и грабить храм Господа Исвархи. А сами добрых людей к алтарям не пропускают, все что-то вынюхивают!

Старик-зольщик снова принялся ворчать и жаловаться, но у Хасты при этом известии аж от сердца отлегло, и все беды сегодняшнего утра сразу показались незначительными.

– Стало быть, святейший Тулум у себя в храме? – радостно переспросил он.

– Где ж ему еще быть?

– И его ни в чем не обвиняют?

– Кто бы посмел его обвинить? – удивился старик, бросив подозрительный взгляд на молодого жреца.

Хаста, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, решил прекратить расспросы, отступил от жреца и вернулся к своим наблюдениям. Как бы пробраться в храм? Похоже, пройти через главные ворота не получится. Были и еще входы, но наверняка там тоже воины, а вот толпы, в которой можно укрыться, нет…

Донесшийся издалека глухой рокот, похожий на раскат грома, отвлек его от размышлений. Что такое, приближается гроза? Но утреннее небо было ясным…

Пронзительно прогудел рожок. Все сразу затихли. В тишине послышался глухой топот множества ног. Над головами показалась плывущая по воздуху золоченая крыша носилок, в каких обычно переносили священные реликвии и особо почитаемые изваяния. Увидев переносной шатер, стражники взбодрились и начали расталкивать толпу, делая широкий проход к воротам.

– Не напирай, не напирай! – грозно кричали они, выставляя перед собой древки копий.

Крыша переносного шатра подплывала все ближе. Хаста, сам не зная, что ему это даст, постарался пролезть в первые ряды и во все глаза смотрел на шествие.

Возглавляли его две высокие, прямые, как молодые сосны,

девушки в белых одеяниях, с неподвижными и прекрасными лицами. То были служительницы храма, сопровождающие священные дары Исвархе и тех, кто желал их принести. Хаста хорошо знал этот обычай – девушки из знатных семей столицы до замужества служили в храме полгода или год. В это время у них отнималось имя и они становились воплощением одного из Святых Огней.

Та, что справа, Даана, то есть Вера, несла в руках яйцо – зародыш пока не родившегося мира, означающий будущее. Та, что слева, Асха-Истина, бережно несла свечу – память мира, означающую прошлое.

За ними двигались крытые носилки – настоящий высокий шатер, обильно расшитый золотыми и серебряными нитями, с плотно задернутыми занавесями.

«Вот бы туда забраться, – тут же подумал Хаста. – Но поди попробуй…»

Он поглядел на восьмерых крепких парней самого дикого вида – длинноволосых, раскрашенных, в рубахах без рукавов, – что несли шатер. Их суровые бородатые лица сами по себе наводили страх. Вдобавок, приближаясь к толпе, они грозно ворчали по-своему, словно собираясь загрызть любого, осмелившегося заступить им путь. «Похожи на вендов, но не венды», – отметил про себя Хаста и перенес внимание на возглавлявшего шествие жреца. Тот размеренно шагал между девушками, глядя перед собой, и нес в руках большую расписную глиняную миску, полную золотистого зерна.

Странный это был жрец – таких Хаста за свою жизнь еще не встречал. Из одежды на нем были только просторные темно-синие штаны, даже ноги были босые. На плечи и грудь спадали длинные волнистые полуседые волосы и борода. Все его сильное, жилистое тело густо покрывали замысловатые узоры. Черные и синие линии, вихри, водовороты, извивающиеся змеи как будто жили своей жизнью. Глядя на них, Хаста почувствовал, что у него начало рябить в глазах, и сообразил, что узоры не простые, а, несомненно, колдовские.

Время от времени раскрашенный жрец запускал в миску руку и размеренными взмахами бросал перед собой горсти зерна, весело скачущего во все стороны по плитам мостовой. За ним шли несколько длинноволосых юношей с торбами через плечо. Словно повинуясь раз и навсегда заведенному порядку, они по очереди приближались к седому жрецу и подсыпали зерно в пустеющую миску.

– Кажется, старикан выбрал неудачное место для посева, – пробормотал Хаста.

– Он желает всем изобилия и процветания, – назидательно приструнил его зольщик.

– Вряд ли из этого что-то процветет, – не спуская глаз с шествия, тихо произнес огнехранитель. – Хотя… Если Исвархе то будет угодно…

Он хлопнул старого знакомца по плечу:

– Спасибо, ты мне очень помог.

– Эй, эй! – услышал он за спиной, однако не повернулся, чтобы попрощаться.

«Ну же…» Хаста обшаривал взглядом широкие пояса толпившихся у храмовых ворот арьев. Не может быть, чтобы никто из них не принес солнцеликому золота… Всякому известно: «И простер он длань над одним, и благословил десяток – дающему щедро вернется сторицей».

А вот и он, щедрый даритель… Хаста удовлетворенно остановил взгляд на увесистом кожаном мешочке, свисавшем с пояса у богато одетого торговца, судя по одежде мехами. «Что ж, надеюсь, руки помнят…» Он начал протискиваться к дороге, не упуская из виду свой «ключ» от храмовых ворот.

«Вот сейчас…»

Он протиснулся чуть вперед торговца, аккурат за спину городскому стражнику, внимательно глядящему на дорогу.

– Эй, там, не наседать! – покрикивал тот, отодвигая древком копья самых ретивых зевак.

– Самое время, – прошептал Хаста, незаметно доставая маленький нож из острейшего обсидиана. А затем, будто оступившись, навалился на спину стражника.

– А ну пошел! – рявкнул тот, отпихивая его локтем.

Хаста, согнувшись, отлетел прямо на торговца. Одна его рука тут же схватила кошель и приподняла его, вторая умело чиркнула по шнуру.

– О, простите! – спеша исчезнуть с глаз долой, пробормотал Хаста.

– Глядите, идут!

Шествие приближалось. Седобородый, с осознанием важности своего дела, запускал ладонь в глубокую миску и щедро рассыпал жито перед богатыми носилками.

«Лишь бы теперь удалось… Да пребудет со мной Исварха в этом не совсем благопристойном, но столь нужном деле!»

Жрец из диких земель вновь запустил руку в миску, взмахнул ею – и в тот же миг Хаста повторил его движение. Золотые монеты из разрезанного кошеля со звоном покатились по плитам мостовой.

– Господь Солнце принял дары! Люди добрые, это все вам! –

заорал Хаста.

И толпа множеством голосом подхватила его крик.

– Исварха принял дары!

Ошеломленный жрец остановился. Кустистые брови его вздыбились и сошлись на переносице. Перед ним, будто позабыв об остановившемся шествии, бушевала толпа, жаждущая заполучить истинные свидетельства щедрости Господа. Стража бросилась разгонять людской водоворот, впрочем не сильно усердствуя. Ведь только что каждый своими глазами видел, как обычное зерно обратилось в золото.

Но жреца, похоже, это чудо вовсе не порадовало. Он продолжал хмуриться, упрямо наклонив голову и сведя вместе указательные пальцы рук. И вдруг Хаста явственно услышал, как посреди синего небосвода, едва украшенного редкими облаками, пророкотал гром. По улице, вздымая полы одежды, пронесся порыв холодного ветра, и вдруг начало быстро темнеть. Небо над столицей прямо на глазах затягивалось тучами.

– Святое Солнце, это же облакопрогонник! – завороженно прошептал Хаста.

Слышать о таких чародеях ему доводилось, но вот наблюдать воочию – впервые. В другой раз он непременно остался бы поглядеть, чем все завершится. Однако сейчас для этого времени не было.

«Надеюсь, меня не поразит молния. И кто бы там ни сидел – пусть он будет добр ко мне…»

Улучив миг, когда задние носильщики отвернулись, чтобы гневно рявкнуть на очередного толкнувшего их бродягу, Хаста стремглав юркнул внутрь переносного шатра. И тут же торопливо зашептал:

– Умоляю, не гоните меня! Я прошу защиты…

Последние слова он не договорил. Объяснять что бы то ни было в шатре было некому. В синеватом сумраке пахло как в амбаре – спелым зерном и медом, громоздились какие-то корзины… А в середине на постаменте высилось удивительное изваяние. Огромные тяжелые груди, несомненно, указывали на то, что перед ним кормящая мать, – вот только почему грудей было четыре? Кроме того, у существа было два лица, обращенные в разные стороны, – одно светлое, цвета обожженной глины, другое совершенно черное. И хотя тело неведомой богини было изваяно очень тщательно, оба лица ее мало напоминали человеческие…

– Исварха всеславный, – не спуская глаз с обитательницы шатра, прошептал жрец. – Что это за диво?

Чем дольше он разглядывал ее, тем больше не по себе ему

становилось. Грубые и даже смешные лики неизвестной богини казались созданными малым ребенком, но от них веяло такой мощью, будто сам этот ребенок обладал божественной силой. Слепые дырочки глаз пристально глядели вперед куда-то поверх головы Хасты, а лунообразная канавка рта зловеще и плотоядно улыбалась. Жрецу стало на миг так жутко, будто он ненароком влез в клетку к голодному хищнику, который и не чаял такой приятной неожиданности.

Повинуясь порыву, Хаста сжал перед собой руки и склонил голову перед грудастой богиней южан.

«Не гневайся на меня, о прекрасная, – мысленно обратился он к ее красному, менее пугающему лицу. – Да, я поступил дерзко, и что с того? Дерзость для мужчины куда простительнее, чем робость, ведь правда?»

Он поднял взгляд, и от сердца у него отлегло, невесть почему. Богиня по-прежнему улыбалась, но теперь улыбка ее показалась огнехранителю не радостно-плотоядной, а просто довольной.

Между тем на улице загромыхало по-настоящему. Раздался треск молнии и раскат грома – должно быть, ударило совсем близко – и нарастающий шелест ливня. Где-то послышался испуганный крик и шлепанье ног по лужам.

– Прочь, прочь! Разойдись! Освободите ворота! – донеслось издали.

Носильщики быстрым размеренным шагом двинулись в путь.

«Вот теперь я в самом деле дома», – выдохнул Хаста, услышав, как скрипят позади бронзовые петли и тяжеленные деревянные створки закрываются, отделяя храм от всего остального мира.

* * *

В личные покои святейшего Тулума никто не входил без особого дозволения. Всякий в храме знал, что дерзновенная попытка прервать труды и размышления верховного жреца будет пресечена быстро и неотвратимо, да так, что хозяин тайного чертога и не узнает о смерти наглеца. Знал об этом и Хаста, но ему, среди очень немногих, было известно и другое – как войти туда незаметно и безопасно.

Поднявшись по лестнице, скрытой от посторонних глаз в толстенной гранитной колонне, он очутился в тупике настолько мрачном, что его можно было принять за бессмысленную причуду строителя. Но воспитанник Тулума без промедления склонился

перед глухой стеной и начал быстро ощупывать камни чуть ниже уровня колен.

– А вот и он, – прошептал Хаста, ощущая две едва заметные выемки, вставил в них большой и указательный пальцы, нащупал рычаг и отодвинул в сторону.

Каменная плита перед его носом повернулась. Рыжий жрец тут же проскользнул в образовавшийся лаз, и плита сразу встала на место.

Потайной вход вел в сердце святилища – место, куда пускали далеко не всех жрецов, не говоря уж о сторонних людях. Но сейчас тут, кажется, вообще никого не было. Хаста принюхался – в воздухе пахло нагретым маслом. Он подошел к столу, потрогал лампаду и кивнул. Значит, совсем недавно святейший Тулум был здесь.

Ну да, конечно, – наверняка он пошел встречать облакопрогонника. Хаста представил себе выражение лица диковинного гостя и хихикнул. Когда крытые носилки оказались во дворе, силачи-носильщики бережно поставили их перед широкой белокаменной лестницей, ведущей к входу в храм, и начали что-то быстро говорить предводителю. Выговор мешал Хасте понимать все, о чем те говорили. Уловил он лишь одно – носильщики жалуются, что перед воротами их ноша внезапно потяжелела. Ответ и без того раздраженного жреца прозвучал резко и недоверчиво, однако длинноволосые бородачи, вероятно, тоже не были просто слугами, и облакопрогонник не мог пренебречь их словами. Хаста услышал, как тот приближается, бормоча что-то себе под нос, как будто уговаривая Великую Мать не гневаться. «Сейчас или никогда, – подумал рыжий жрец. – Если меня поймают здесь – принесут в жертву, даже не вытаскивая наружу!»

– Будь ко мне снисходительна, – глядя на красный лик дикарской богини, умильно попросил он. – А я постараюсь быть тебе полезным…

Ему показалось, что ухмылка раскрашенного идола стала вдруг насмешливой. Хаста, не тратя больше времени, откинул расшитый ломаными линиями полог и стремглав бросился вбок, под высокое храмовое крыльцо. Как он отлично помнил, там находилась дверка, ведущая в хранилище факелов. Стража, которая набирала их отсюда каждый вечер, никогда не трудилась ее запирать. Вот и сейчас дверка была приоткрыта. Хаста заскочил, припер ее спиной, отдышался – погони, кажется, не было. «Обошлось», – промелькнуло у него в мыслях. Он без труда отпер лаз, ведущий в храмовые мастерские, – и вот теперь находился в сердце храма Исвархи.

«Наверняка иноземные гости пожаловали сюда не просто так, – раздумывал он, оглядывая пустую комнату. – А значит, сейчас мой единственный покровитель в этом мире должен быть в Зале Высоких Встреч».

Он подошел к тяжелой кожаной занавеси, скрывавшей от посторонних глаз одну из стен, скользнул за нее и оказался в темной каморке. Из стены торчало множество бронзовых труб. Хаста приоткрыл одну из них. Так и есть! Донесшийся до него голос принадлежал давешнему раскрашенному жрецу.

– …Ни один мужчина не смеет глядеть на Великую Мать! – грохотало в трубе. – Осквернивший ее своим взглядом должен умереть! Это воля Матери Даны, а стало быть, и воля Сварги!

– Ишь ты, какой бойкий, – хмыкнул Хаста.

– Ты разглядел его? – услышал он спокойный голос святейшего Тулума.

– Он шмыгнул прочь, как лиса! Но я его узнаю! Я требую обыскать весь храм! Иначе договора не будет и мы сегодня же повернем обратно!

– Зачем же? – миролюбиво отозвался святейший. – Ваш враг может быть и нашим врагом. Мы ведь не знаем, кто это. Может, он злоумышлял не только против Великой Матери, но и против Исвархи…

«Так, кажется, я тут что-то изрядно напортил, – смутился Хаста. – Мой наставник разговаривает с этим расписным дикарем в домотканых портах почти как с ровней, уговаривает его… И явно не хочет, чтобы его гости торопились домой. Что ж…»

Он вздохнул, обдумывая свои возможные действия.

«Я наломал – мне и чинить…»

Зал Высоких Встреч был залит сиянием. Стена, означавшая небо, откуда появлялся верховный жрец, была выложена искристым горным «каменным льдом», за которым зажигали множество свечей. Обычно святейший размеренным шагом выходил из этого сверкающего огнями великолепия, снисходительно глядя на замерших от восхищения чужеземцев.

На этот раз уловка не сработала – длинноволосый жрец Великой Матери, прозываемый Ашва, глядел на младшего брата государя столь хмуро, что казалось, тучи начали собираться прямо под сводом зала.

– Когда ты начнешь искать его? – нетерпеливо спросил он.

– Вскоре, мой почтенный собрат. В храме есть немало других важных дел…

– Я желаю, чтобы ты начал немедля!

– Ты желаешь? Похоже, ты забыл, что это не твой храм…

– В этом храме много блеска и мало истинной силы, – пренебрежительно ответил длинноволосый Ашва и приподнял верхнюю губу, как волк, показывающий клыки. – Или ты думал изумить меня переливающимися огоньками?

Он поднял левую руку ладонью вперед. Затем быстро сжал кулак, будто стараясь ухватить нечто невидимое. По залу пронесся порыв холодного ветра. Пламя сотен свечей, горевших позади стены из прозрачного «каменного льда», затрепетало и в один миг погасло. Зал погрузился в сумрак.

– Так вот, меня этим не удивить. Мне нужен человек, чей взгляд оскорбил Великую Мать. Отдай нам его, а мы отдадим его Дане. Она покарает его, и уж потом мы будем говорить с тобой. Так сказал я, Ашва…

– А мог бы и помолчать. – Из-за «небесной» стены появился Хаста и быстрым шагом подошел к седобородому. – Теперь говорить буду я. Ты ведь меня искал, не так ли?

Жрец попробовал было открыть рот, но Хаста властно приложил ладонь к его губам:

– Молчать! Иначе я буду вынужден покарать тебя. Ты, Ашва, верен, но суть тайных знаков от тебя скрыта. Ты и служители, несомненно, видели, как я появился из шатра Великой Матери. Говори – да?

– Да! – недобро процедил Ашва, глядя на его рыжие космы. – Именно ты оттуда и вылез.

– А теперь призови сюда всех, с кем ты шел. Видел ли кто-нибудь, чтобы я заходил в шатер?

– Нет, этого никто не видел.

– Так и было!

Хаста положил обе руки на плечи жреца:

– А это значит – что?..

Ашва запнулся, не осмеливаясь произнести напрашивающийся вывод.

– Не бойся, я сам скажу. – Хаста отпустил заметно побледневшего жреца. – Великая Мать родила меня в тот самый миг, когда зерно в твоей руке превратилось в золото! Я воплотился для того, чтобы говорить здесь от ее имени с… – Хаста чуть замялся, понимая, что сейчас произнесет ужасающее богохульство, – ее небесным мужем! Я появился в шатре, ибо такова была ее воля! И так же по ее воле я появился в этом зале. Можешь спросить у привратников, входил ли я… Да и вообще – видел ли кто-нибудь, что я сюда шел?

Раскрашенный жрец молчал.

– Ступай. Мне нужно поговорить с братом Тулумом. Я уже был у моего отца Исвархи и передал ему все, чего желала Великая

Мать Дана. Иди, я тебя отпускаю.

Когда двери за потрясенным Ашвой закрылись, Тулум обратил взгляд на своего воспитанника, едва сдерживаясь, чтобы не захохотать.

– Ты что это вытворяешь?!

– Спасаю себе жизнь, учитель, – ответил Хаста. – А заодно и наше общее дело. Вот уж не думал, что у господа Исвархи имеется жена с двумя лицами и четырьмя грудями. Я бы сказал, неожиданный выбор. Но Великая Мать в самом деле была добра ко мне…

– Угомонись, балабол! – Тулум подошел к рыжему жрецу и обнял его. – Ты не представляешь, как я рад тебя видеть! Давай же поднимемся ко мне. Я жду твоего рассказа. А раз уж ты родился у Великой Матери, тебе не помешает узнать побольше об этой богине…

Глава 11. Долгожданная беседа

– Позволишь ли ты мне задать вопросы? – осведомился Хаста, поднимаясь вслед за учителем по тайной лестнице. – Они терзают меня изнутри так, что я боюсь не дойти живым…

– Ты хочешь узнать, что за странные люди сегодня пожаловали в храм и почему я терплю всю ту ересь, которую они изрекают с таким надменным видом?

– Признаться, да. Когда я нес околесицу насчет того, что родился в шатре у Великой Матери, чтобы передать от нее душевный привет Великому Отцу, мне казалось, что я брежу в горячке. И пожалуй, только это меня и оправдывало… Я что-то пропустил, учитель? Мы теперь признали, что у господа Исвархи есть жена?

– Нет, мы это не признаём. – Святейший Тулум не замедлил шага. – Мы это не оспариваем. Во всяком случае, не оспариваем сейчас. Но что странно – этот народ действительно почитает Солнце, пусть и как мужа своей Великой Матери, причем имя его звучит подозрительно сходно – Сварга. С этим нам еще предстоит разобраться…

– А зачем вообще нам понадобилось иметь с ними дело? – не унимался Хаста. – Насколько мне доводилось слышать, это племя живет крайне замкнуто…

Голос Тулума стал неожиданно резким. Ему совершенно не хотелось отвечать, но уклоняться от вопроса своего воспитанника ему все же было не с руки.

– Дела обстоят очень плохо, – сухо ответил он. – С каждым годом все хуже.

– Змеево море?

– Да. Я уже не уверен, что мы успеем отвести воды, прежде чем они поглотят Бьярму. Мой брат должен заботиться о народе Аратты. Народ Великой Богини живет привольно, у него много доброй земли, жаркое лето и теплые зимы. Сейчас мы пытаемся убедить их, взамен на помощь против лесных вендов, которые постоянно тревожат их набегами, принять переселенцев с севера.

– А почему мы попросту не пошлем туда наши боевые колесницы?

– Почему? – горестно вздохнул Тулум. – Потому что сейчас войска некому будет вести. Слишком многие нынче лишились голов. А те, кто остался жив, вдали от родины могут повести себя не лучшим образом… К тому же ты видел, что вытворяют их колдуны именем своего Сварги? Даже свирепые венды стараются не заходить далеко в их земли… И вот еще что, – верховный жрец

приоткрыл дверь в свои покои, – мои люди, что собирают слухи на улицах и постоялых дворах, утверждают, что этот Ашва повсюду ищет кого-то, исчезнувшего много лет назад. Они это слышали собственными ушами. Раз уж ты назвался сыном Великой Матери, потрудись выяснить, кого именно. Вроде бы к этому причастны накхи. Но они никогда не воевали с народом Великой Матери и даже не соседствуют с ними…

– Узнаю, – рассеянно пообещал Хаста, вслед за учителем входя в его покои. – Но право, потакание темным верованиям может завести нас слишком далеко. Мне вроде как послышалось, что Ашва собирался отдать меня своей богине… Не знаешь ли, святейший, что он имел в виду под словом «отдать»?

– Ничего! – отмахнулся верховный жрец. – Бьяры тоже когда-то были дикими, а ты погляди на них теперь!

– Я поглядел, – хмыкнул Хаста. – И об этом я тоже расскажу в свой черед.

– Ну хорошо. – Тулум смерил взглядом осунувшееся лицо воспитанника и его запыленную одежду. – Надо бы сперва накормить тебя и дать отдохнуть с дороги. Ты хоть ел сегодня?

– Не знаю… Честно сказать, мне нынче совсем не до еды!

– Тогда рассказывай.

Хаста сел на скамью у стены, откинул голову и прикрыл глаза, внезапно ощутив, до чего же устал за этот долгий день. Он хотел спросить наставника, что тот желает услышать первым делом, но вместо этого почувствовал, что проваливается в сон. Тулум несколько мгновений смотрел на него выжидающе, потом подошел, наклонился, и Хаста почувствовал, как сухие ладони верхового жреца сжали его виски.

Все вдруг закружилось у него перед глазами с огромной скоростью. События последних дней и месяцев замелькали, как осенние листья в бурю. Накатила и внезапно отступила тошнота. Хаста распахнул глаза и обнаружил, что сонливость как рукой сняло.

– Учитель… – удивленно пробормотал он, чувствуя себя так, будто проспал целую ночь. – Как это у тебя получилось?

– Грозу мне, пожалуй, не вызвать, – усмехнулся тот, – но кое-что могу и я. Тебе все же надо будет потом отдохнуть по-настоящему… И очень жаль, что ты потерял в землях ингри сосуд со священным огнем.

– Ты узрел это в моих воспоминаниях, о святейший, или заметил, что у меня нет его при себе?

– А ведь он непрерывно горел в нашем храме уже триста лет! Стыдись, Хаста!

– Теперь я понял, в чем была причина наших бед, – кротко

согласился Хаста, понимая, что откровенного ответа не дождется. – Но поверь, Исвархе мы молились беспрестанно. Под конец, когда мы втроем удирали от целого войска, только его милостью мы и уцелели… Воистину так часто Святое Солнце я не поминал за всю прошлую жизнь…

– Это не заслуга пред ликом Исвархи, и смеяться тут не над чем!

– Зато я смеялся в лицо страхам и опасностям, что нам посылали дивы, а это уже заслуга – так говорит Ясна-Веда!

Тулум невольно улыбнулся.

– По крайней мере, убегая от ингри, ты не бросил записи, – произнес он, забирая у него свитки. – А теперь рассказывай, почему ты явился сюда таким причудливым способом.

Хаста глубоко вздохнул:

– Сегодня утром я шел сюда, чтобы, как положено, рассказать о нашем путешествии и злополучной Великой Охоте…

– И что же тебе помешало?

– Дворцовые стражи, учитель. Они пытались скрутить меня, но я вырвался и сбежал, перескочив через ограду в ближайший сад. Пожалуй, стражи погнались бы за мной, но мне на помощь пришел Аоранг. Он приотстал немного, задержавшись в лавке сластей, но, заметив бесчинства стражников, бросился на выручку.

– Однако сюда он так и не пришел, – тихо произнес верховный жрец. – Значит, дворцовая стража осмелилась захватить мое доверенное лицо?

– При этом другое ваше доверенное лицо тоже имело бледный вид, – напомнил Хаста.

– Погоди… – Тулум взволнованно заходил туда-сюда по лаборатории. – Недавно я был в застенках. Там пытали одного из жрецов храма – по словам брата, причастного к заговору. Теперь попытались схватить тебя… И похоже, забрали Аоранга. Должно быть, брат всерьез подозревает меня и желает потуже затянуть петлю…

– Может, и так, – согласился Хаста. – Но только тому, кто ищет заговорщиков, следовало бы начать с хозяина того дома, где я скрывался от стражи.

– Что ты говоришь?

– Когда я, подобно крысе, сидел на стропиле в садовом домике, выяснилось, что в подполе там обитает еще одна крыса. Судя по выговору и одежде, тоже из северян и тоже служитель Исвархи. Так что между нами была одна лишь разница: я в том саду был непрошеным гостем, а вот он принимал знаки почтения от хозяина дома, будто сам хозяин был его слугой.

– Высокопоставленный жрец с севера, скрывающийся в подземном тайнике? – подытожил Тулум. – Как интересно… Что еще тебе удалось выведать?

– Выведать – немного. Только то, что жрец в столице – нежеланный гость, а потому вынужден скрываться. Зато увидеть…

И Хаста быстро пересказал наставнику то ужасное и необъяснимое, чему утром был свидетелем.

– …А потом они ушли – как я понял, чтобы спрятаться в более надежном месте. При этом жрец велел своему проводнику быть наготове… Но чего именно они ждут – неизвестно.

Тулум слушал, мрачнея с каждым его словом.

– В чей же сад ты заскочил?

– Признаться, я так радовался, что дикие земли остались позади и ингри больше не охотятся на меня, как на куропатку, что не особо присматривался. Я бы и стражей на улице не заметил, если бы они не принялись крутить мне руки! Но думаю, я мог бы указать его…

– И не думай! – оборвал его Тулум. – Судя по тому, что ты рассказал, тебе нельзя даже носа высовывать из храма!

– Но что ты скажешь о жреце, учитель? Что это за человек, способный убивать словом?

Верховный жрец ответил не сразу. Некоторое время он размышлял, прохаживаясь вдоль полок, потом спросил:

– Знаешь ли ты, Хаста, что такое хварна властителей?

– Гм, разумеется, – удивленно отозвался его воспитанник. – Это особая милость Исвархи, которой он наделяет тех, кого любит, – прежде всего Солнечную династию… Именно хварна возносит их над всеми смертными, она наделяет их силой и удачей. Более того, правители этого рода сами источник хварны. Она исходит от них, даруя процветание всей стране…

– А про Черное Солнце ты слыхал?

– Нет, – озадаченно сказал Хаста.

– Это осквернённая хварна, навлекающая на мир неслыханные беды. Причем чем выше прежде была хварна, тем чернее станет солнце…

– К чему ты это рассказываешь, господин?

– Ты ведь северянин, Хаста. Видел ли ты великий храм в Белазоре?

– Только с берега, издалека. Тогда я еще не был жрецом. Да, я видел, как над морем, высоко в небе, горят на заре его купола. Это воистину обиталище бога.

– А я и бывал там. Ты прав – не верится, что его возвели руки смертных. Но этот храм властвует над лесным краем рыбаков и звероловов, страдающим от холодов и наводнений больше других

земель. То, что для нас лишь скорбные известия, – для них огромные волны, смывающие целые деревни…

– Как видно, до них хварна государя не дотягивается.

– Вот и они так полагают, – кивнул Тулум. – Они давно уже жалуются и ропщут. Но до меня дошли слухи, что жалобами они не ограничиваются. Жрецы севера уже в открытую заявляют, что Солнечная династия лишилась хварны. А когда хварна искажена, она становится Черным Солнцем…

– Ты намекаешь, святейший, что жрецы-северяне перешли на сторону мятежников?

– Я хочу сказать, что они-то их и вдохновляют, а возможно, даже руководят ими, – сказал Тулум. – Я это и раньше подозревал. И твои слова это подтвердили.

– Но колдовство – как это понимать?! Люди сгорели по одному слову того старика…

– Могучая хварна позволяет выходить за пределы того, что почитается законами сего мира, – задумчиво ответил Тулум. – Облакопрогонник Ашва как будто тебя не удивляет? Невежественный босой дикарь, который, насупив брови, вызывает дождь и ветер… Сколь велики его заслуги перед Исвархой, имени которого он не может даже правильно вымолвить! Знавал я когда-то еще одного человека, который умел музыкой создавать видения, неотличимые от реальности, но он, верно, давно умер… Есть также некий чудотворец, прозванный Светочем Исвархи, – о нем много говорят, но пока мне не удалось выяснить, кто это… Все это не важно, Хаста. Один мятежный жрец, пусть и чудотворец, – невелика беда. Хуже всего то, что их становится чересчур много и что народ их слушает… Эй, Хаста? Ты опять спишь?

Молодой жрец, глубоко задумавшийся, вскинул голову:

– Я думаю, учитель, об удивительных вещах, которые в пути произошли с нашим царевичем. Вот послушай…

И Хаста принялся рассказывать своему наставнику о чудесах, которые случились с Аюром, о его исцелении в храме Ветра и спасении из расщелины.

– Царевич спрашивал меня, просил объяснений. Я посоветовал ему молчать, пока ты, святейший, не скажешь своего мудрого слова.

Тулум слушал его, и словно тень сходила его с лица.

– Ты понимаешь, что это такое? – спросил он, когда Хаста закончил. – Это новая надежда для царского рода, от которого, на радость врагам, отвернулась удача. Все эти наводнения будто кара небесная; два погибших царевича, Великая Охота… Ты принес добрые вести, Хаста! Столь великая милость бога к Аюру!

Два подряд чудесных спасения – это ли не доказательство? Сегодня же я позабочусь, чтобы твои рассказы стали известны как можно шире! Люди должны знать, что Господь Солнце вновь обратил свой лик к дому Ардвана, они должны надеяться…

В это время мелодичный звон подвешенных к потолку колокольчиков известил хозяина покоев, что кто-то осмелился появиться в запретном коридоре.

– Что еще там такое? – пробормотал Тулум, быстро подходя к стене и отдергивая занавесь, прикрывавшую хитроумное устройство, позволяющее с помощью серебряных зеркал будто воочию наблюдать человека, идущего за стеной. – Младший жрец с новостями. По моему приказу он собирает городские сплетни и слухи. Что-то он рано… И он взволнован так, будто произошло что-то ужасное… Остановись, глупец! – закричал Тулум. – Хаста, открой дверь, немедленно!

Молодой жрец стремглав вбежал в лабораторию, в последний миг увернулся от резко опустившейся над проходом балки и, будто не заметив Хасту, упал ниц перед Тулумом.

– Беда, святейший! Исварха разгневался на нас! Я только что от городских ворот. Утром саарсан накхов поднял мятеж, украл царевну…

– Я уже знаю об этом.

– Но это еще не все! Теперь он захватил наследника престола!

– Что ты сказал?!

– Клянусь, так и есть! Прямо перед своими воротами, на глазах у всех! Войска уже стягиваются к крепости мятежников… Государь велел запрягать боевую колесницу…

Тулум бросил пронизывающий взгляд на Хасту:

– Твой приятель-саарсан, кажется, сильно изменился в дороге!

– Он и впрямь изменился, – ответил Хаста, изумленный всем услышанным, – но скорее осел взлетит на дерево и запоет петухом, чем Ширам причинит зло царевичу Аюру. За время нашего похода он столько раз спасал его, что воистину достоин самой высокой награды.

– Быть может, не получив ее, он рассвирепел?

– Я готов поверить, что он мог обезуметь от ярости, хоть и не видал его таким, – отозвался Хаста. – Я даже готов допустить, что он захватил силой свою заслуженную награду, хотя и это более чем сомнительно. Но Ширам не станет похищать Аюра.

– Но он сделал это! – настаивал молодой жрец.

– Ступай! – Резкий окрик Тулума заставил вестника умолкнуть. – И не говори пока никому о том, что тебе известно.

– Так весь город об этом судачит!

– А ты помолчи. Ступай, найди и приведи ко мне тех, кто своими глазами видел это похищение. Не «слышал», не «люди говорят» – а видел сам.

Сборщик слухов вскочил и бросился выполнять приказ. Оставшись наедине с Хастой, Тулум болезненно поморщился:

– Я что-то пропустил, что-то очень важное… Господь Солнце утаил от меня коварный умысел наших врагов. Похоже, заговор высших арьев, раскрытием которого так гордится мой брат, – лишь обманка. Скорее всего, заговорщики использовали самоуверенного Артанака, чтобы скрыть свой истинный замысел… Только одно во всем этом хорошо, Хаста… Только одно…

– Что, учитель?

– Что здесь ты.

– Я?!

– Да. Послушай, ты должен отправиться к накхам.

Хаста нахмурился:

– Там под их стенами, наверно, все арьи Верхнего города! Это будет непросто.

– И это говорит человек, который, чтобы пробраться в храм, родился от Великой Матери…

– То есть выяснять, кого ищет в столице этот раскрашенный Ашва, мне больше не надо?

– Нет, Хаста. Нужно, чтобы сегодня ты добрался до Ширама. Если и впрямь царевич у него, уговори начать переговоры. Скажи, что я обещаю ему свою полную поддержку. И помни сейчас, хотели бы мы того или нет, накхи – единственная сила, которая может встать за Аюром.

– А если царевича там нет, в чем я уверен не меньше, чем в количестве собственных ног?

– Тогда его нужно искать – и как можно скорее! Не сомневаюсь, что Ширам пожелает помочь тебе в этом. Ибо если все так, как ты предполагаешь, то Аюр – у заговорщиков. Больше ему быть негде… Боюсь, жизнь царевича сейчас в большой опасности. Если он вообще еще жив!

– Но почему…

– Надо спешить! Можешь предпринимать именем храма все, что сочтешь нужным для пользы дела. Ступай, мой мальчик. Вот тебе моя печать. Казначей любого храма выдаст тебе столько золота, сколько понадобится. Любые воины храмовой стражи – в твоем распоряжении. Но главное, что у тебя есть, – это голова. Воспользуйся ею как можно лучше.

Глава 12. Побег

Аюна стояла посреди сада у дарящего свежесть фонтана в виде огромной двенадцатиглавой змеи, оторопело глядя по сторонам. Сейчас наконец она осталась наедине с собой и судорожно пыталась осмыслить то, что с ней случилось. Кажется, она наговорила лишку… Не стоило злить и без того свирепого зверя. Как бы саарсан не сделал чего-нибудь с Аорангом! Но ничего. Наверняка отец скоро будет здесь. Он не потерпит, чтобы какой-то грязный накх злоумышлял против его дочери.

Она попыталась представить себе картину расправы над Ширамом, но получилось плохо. Уж точно ее недавний суженый не рухнет на колени, вымаливая пощаду. А значит, начнется бойня. И уж кто там останется жив, одному Исвархе ведомо.

«Что же я наделала! – крутилось в голове Аюны. – А что, если, поняв, что гибель неизбежна, Ширам решит прикончить меня? Что ему убить человека? Он четырех стражников зарезал, никто даже охнуть не успел!» Царевне вдруг привиделось, как хмурый молчаливый Ширам подходит к ней, хватает за волосы, запрокидывает ей голову и одним движением перерезает горло. Она почувствовала, как живот ее скрутило жестоким спазмом. Что же делать? Надо что-то срочно предпринять! Надо бежать отсюда!

Она огляделась. Ей показалось, что двенадцать змеиных голов глядят на нее, насмешливо спрашивая: «Куда? Как?»

«Для начала нужно спрятаться», – подумалось Аюне.

Быть может, если выиграть немного времени, все разрешится само собой. В крепостях накхов, как говорят, полно укромных мест и закоулков. Они ведь любят нападать из засады. Надо отыскать убежище.

Аюна направилась по выложенной камнем дорожке вдоль сада, по которой недавно ушел саарсан. Двери в сад остались приоткрыты, стражи видно не было. Эта крепость вообще мало походила на Лазурный дворец – ни роскоши, ни вездесущих дворцовых слуг и рабов.

Она покинула сад и вошла под арку в скупо освещенный сводчатый коридор. Неподалеку виднелись широкие каменные ступени, ведущие в какой-то зал. Из-за распахнутой двери доносилось негромкое скорбное пение. Аюна встревожилась, силясь понять, что там происходит. О чем бы ни пели неведомые люди, они пели на древнем языке накхов. Прислушавшись, царевна услышала повторяющееся имя саардаса Мармара. Должно быть, это обряд над телом, сообразила девушка.

Она еще не решила, что делать с этим знанием, – в этот миг

надрывно, выворачивая душу, взвыла труба. Из залы на лестницу повалила толпа воинов в черном, на бегу выхватывающих оружие. Они промчались мимо ошеломленной Аюны, не обращая на нее никакого внимания. Царевна прижалась к стене, чтобы в полумраке ее не сбили с ног. Наконец последний воин исчез за углом. Выждав еще немного, Аюна поднялась наверх по ступеням и осторожно заглянула внутрь.

Сквозь узкие бойницы в залу пробивался неяркий предзакатный свет. Он освещал каменный помост, на котором лежал мертвый Мармар. Вокруг него было разложено оружие, принадлежавшее воину при жизни. В изголовье лежали ячменная лепешка и винный бурдюк.

Аюна с невольным сожалением смотрела на молодого воина. В отличие от прочих накхов, Мармар не был ей неприятен. Она вспомнила, как совсем недавно явно смущающийся близостью царевны Мармар сопровождал ее в главный храм Солнца, как поглядывал на нее с плохо скрытым восхищением. Ей вдруг отчего-то захотелось разрыдаться и попросить у саардаса прощения. «Но ведь это не я виновата, а Ширам!» – промелькнула услужливая мысль. Аюна с ненавистью процедила имя бывшего жениха, обещая припомнить ему и эту смерть.

Вновь грозно взвыла труба, будто подстегивая Аюну не медлить. «Накхи бежали к выходу, – быстро сообразила она. – А что, если…»

Она схватила сложенный черный плащ, лежавший у ног убитого, колчан со стрелами и лук и кинулась к двери.

«Господь Исварха, защити меня и дай силы!»

Она бежала, не чуя под собой ног. Где-то впереди слышались резкие слова приказов. На нее, кажется, никто не обращал внимания. Бегущие воины один за другим останавливались, занимая места у бойниц. Иные следовали дальше, подгоняемые выкриками: «Быстрее, быстрее!» Наконец она увидела выход – дощатый настил, по которому сбегали вниз вооруженные люди, до глаз закутанные в черное. Аюна шмыгнула следом. «Лишь бы не узнали», – крутилось у нее в голове. Она замедлила бег, нащупывая треугольную полость, закрывающую нижнюю часть лица до самых глаз, и дрожащими пальцами начала пристегивать ее к капюшону.

– Чего встал? Вперед!

Резкий толчок в спину едва не сшиб девушку с ног. Аюна чуть кубарем не покатилась с мостков вниз.

Внизу, там, где тянулся боковой переулок, ведущий под стенами крепости к воротам, суетились люди в таких же, как у

нее, плащах. Они поспешно разбирали мостовую. Вдруг Аюна увидела под вывороченными камнями длинные цепи. Воины ухватились человек по двадцать за каждую из трех и с дружным ревом потянули на себя. Посреди переулка из-под земли начала подниматься дощатая стена.

– Крепи! – слышалось рядом. – Заваливай!

Еще мгновение, и они перегородят улицу!

Аюна подхватила с земли один из вывернутых камней. Он оказался так тяжел, что у царевны чуть глаза не вылезли из орбит. Стараясь не показывать, как ей трудно, она потащила камень к поднимающейся стене. Улучив подходящий момент, она отбросила его и метнулась в щель между стеной ближайшего дома и толстенной деревянной изгородью.

А теперь бежать – как можно скорее! Короткими перебежками, чтобы не попадаться на глаза накхам, прижимаясь то к одной стене, то к другой, царевна бросилась вперед. Со стороны Лазурного дворца уже гремел, усиливаясь, конский топот. «Это отец! Я спасена!» – колотилось ее сердце. Забыв о недавних опасениях, она бросилась вперед. Вдруг что-то резко ударило ее по ногам.

Она рухнула наземь, и тут же несколько человек навалилось на нее сверху.

– Рот затыкай! Вяжи! – слышались возбужденные выкрики.

– Э, да это накхини!

– Думаешь, она тебя нежнее убьет? Вяжи крепче! Потащили!

Аюна извивалась, стараясь освободиться, но без всякого успеха. Она слышала, как мимо промчались всадники; раз до нее донесся яростный голос отца. Вновь попыталась вырваться и тут же получила чем-то тяжелым по затылку. Мир вспыхнул яркими красками перед ее закрытыми глазами. И тут же погас.

Она пришла в себя оттого, что кто-то хлестал ее ладонью по щекам.

– Накхини поймали! – радостно объяснял кто-то. – Как велел ясноликий, мы следили за башней. А эта вот с луком выскочила, когда государь к крепости поехал. Пряталась, убить его хотела! Ну мы ее и того…

Чьи-то сильные руки подняли ее с земли и резко поставили на ноги. Кто-то сунул пальцы за полость, закрывавшую лицо, чтобы сорвать ее. Аюна попыталась вытолкнуть кляп, чтобы куснуть наглеца, но лишь промычала что-то невнятное.

– А ну не дергайся! – зло крикнул чужак, открывая ее лицо.

Прямо перед ней, обдавая жаром, в сгустившейся тьме возник пылающий факел.

– Молодцы! Всем от меня награда, – послышался рядом

знакомый голос. – А сейчас возвращайтесь на место. Нельзя оставлять накхов без пригляда.

– А как же она?

– Уж как-нибудь справлюсь.

Обладатель знакомого голоса схватил ее за плечо и развернул к себе. Затем, когда похитители удалились, вытащил у царевны изо рта кляп, отбросил его в сторону и спросил удивленно:

– Аюна? Что ты здесь делаешь?

Царевна радостно вскрикнула – перед ней стоял Киран, муж ее старшей сестры. В кольчуге, с убранными под шлем длинными волосами, без обычных при дворе румян и белил, она его едва узнала.

– Киран! Слава Солнцу, это ты! Я уж думала, эти грубияны меня убьют…

Царевна облизнула разбитые губы:

– Ты знаешь, что меня похитил Ширам?

– Весь город знает, сестрица. Мы сторожим под стенами уже давно. Но как…

– Я от него сбежала. А тут они… Развяжи меня скорее!

– Да, конечно!

Киран принялся распутывать узел, стягивающий ее запястья.

– Ты сбежала от накхов? – с улыбкой спросил он. – Правда? Вот чудеса!

– И знаешь ли, это было нелегко!

Царевна, освободившись от пут, встряхнула руками:

– Я, кажется, потянула спину, пока тащила этот камень!

Внезапно ощутив ужасную усталость, она оперлась спиной о стену.

– Отведи меня к отцу. Он, наверно, возле накхской крепости, я недавно слышала его голос…

– Погоди, погоди. К отцу пока возвращаться не стоит.

– Это еще почему? Я же освободилась! Надо скорее сообщить ему…

Киран прижал палец к ее губам:

– Ты что же, не знаешь о брачных обычаях накхов?

– И знать не хочу! Сегодня я отказала саарсану. Швырнула обручальный браслет прямо ему в рожу!

– Ну да… – Ее зять скрестил руки на груди, внимательно разглядывая царевну. – Примерно так мне и рассказали. Теперь, по накхским обычаям, у Ширама два пути. Первый – требовать у твоего отца возмещение за оскорбление серебром по твоему весу. Второй – начинать войну.

– Войну? Это всего лишь мятеж. Сейчас отец захватит

крепость накхов, Ширама бросят в подземелье и…

Киран тяжело вздохнул:

– Мы только-только задавили мятеж в столице. В стране полно бунтовщиков. Если еще и саарсан накхов поднимет восстание, твоему отцу и моему дорогому тестю придется очень нелегко!

Аюна нахмурилась и невольно вздрогнула, представляя себе толпы воинов в черных одеяниях, хищными темными волнами захлестывающих Лазурный дворец.

– Но почему бы не заплатить? Что для отца какой-то мешок серебра?

– Мешок серебра – ничто, – кивнул Киран. – Но государь не пойдет на это. Он потеряет не деньги, а лицо… Впрочем, есть и третий выход – самый лучший для него сейчас.

– Какой? – с подозрением спросила Аюна.

Голос государева зятя был мягким и спокойным, но его холодный взгляд не сулил ничего доброго.

– Государь может примириться с Ширамом. Сейчас ему это выгоднее всего. И они оба сделают вид, будто ничего не случилось. Ты ничего не говорила саарсану, он ничего не слышал…

– Нет! Мой отец не поступит так! – жарко зашептала девушка. – Он любит меня, он не сделает меня несчастной! Он обещал дать мне время…

Киран развел руками:

– Ты же сама видишь, что времени у него сейчас нет! Я не твой отец и не могу тут ничего сказать. Одно знаю наверняка – связываться сейчас с мятежным Накхараном для государя было бы очень некстати. А вот сильный союзник ему жизненно необходим.

– Что же делать?! Я ненавижу Ширама, я не могу быть его женой, ведь я…

«Люблю другого», – хотела сказать она, но сдержалась. Она помнила, как Киран высказался насчет ее чувств к Аорангу. Это для нее он может быть самым лучшим, умным и добрым из людей. Для прочих же, кроме ее дяди, он хуже чем никто. «Ради его же безопасности лучше даже не вспоминать о нем сейчас…»

Киран кивнул, глядя на взволнованную царевну в пыльном накхском плаще. Он прекрасно понимал, о чем она сейчас думает. Как удивительно, что ей удалось сбежать от накхов и угодить в руки именно его воинам! Господь Исварха необычайно милостив к нему. А вот от Ширама воистину отвернулась удача…

– Не бойся, девочка. Пойдем, я отведу тебя к твоей сестре. Я спрячу тебя в нашем дворце, и никто не будет знать, где ты. Мы с

Джаяли исподволь подготовим государя к твоему чудесному спасению. Он мудр и наверняка отыщет правильное решение. Главное сейчас – не попасть ему под горячую руку…

– Благодарю тебя, дорогой Киран! – воскликнула Аюна, пылко обнимая его. – Ты очень добр!

– Спасая тебя, я спасаю всех нас. – Государев зять ласково, но твердо отодвинул от себя свояченицу. – А пока давай поспешим. Я отведу тебя в наш дворец и вернусь. Не хватало еще, чтобы тебя кто-то здесь заметил…

Глава 13. Конец договору

Сгущавшиеся над столицей сумерки не мешали Ширaму разглядывать следы на земле. Дорожная пыль – не лучшее место, где они сохраняются. Но пока что они лежали перед опытным взглядом маханвира подобно записям на обожженной глиняной табличке. Вот здесь конь играл под седоком – сильный и норовистый, он желал мчать вперед, но всадник заставлял его пятиться и крутиться на месте. Отпечатки подков со знаком солнечного венца с двенадцатью лучами без всяких сомнений говорят, из чьей конюшни был этот жеребец.

А вот другие отпечатки. Следы женщины – узкая, маленькая нога. Девушка заскочила в седло так, будто делала это тысячи раз. Впрочем, должно быть, так и есть. А вот и второй след. «Похоже, глаза меня не обманули – это саконские ишиги».

Саарсан поманил к себе нескольких воинов, стоявших чуть в стороне:

– Вот следы. Их оставили молодая женщина – невысокая, русоволосая, зеленоглазая – и мужчина, коренастый сакон, очень сильный… – Он запнулся. – Возможно, это ходячий мертвец, поднятый бьярскими заклятиями. Оба чрезвычайно опасны. Ее лучше доставить живой. Его сожгите. И постарайтесь не прикасаться к телу…

– Саарсан! – К Ширaму подскочил один из наблюдателей. – Сюда приближается государь! Он на боевой колеснице! За ним большой отряд.

– Ну вот и он, – процедил повелитель накхов.

Неужто Ардван решил напасть? Нет, вряд ли! Государь – опытный воин. Ему ли не понимать, что крепость с налету не взять? Тем более близится ночь, а в темноте арьи видят куда хуже накхов.

Кто же были похитители Аюра? Как умудрились так быстро узнать о том, что царевич направляется сюда? И столь дерзкое нападение прямо перед воротами накхов… Что за странная пара – сакон и вендка? Ширам уже в который раз вспомнил нападение в старой крепости у брода…

– Пора уходить, – напомнил задумавшемуся саарсану один из его воинов, стоявших рядом. – Очень скоро Ардван и его люди будут здесь!

– Уходите, – кивнул Ширам. – Если вдруг что, приготовьте гостям достойную встречу.

– А как же ты?

– Мне нужно поговорить с государем. Пока слова еще могут

что-то значить.

Боевая колесница с грохотом неслась к воротам Верхнего города. Следовавшие за ней всадники были полны решимости при необходимости защитить стоящего на ней государя. Каждый из них понимал, насколько опасна эта безрассудная вылазка. Пусть накхи и не самые ловкие стрелки, но среди сотен пущенных стрел найдутся и те, которые попадут в цель. Однако же Ардван, кажется, совсем потерял голову. Пока что лишь на словах, но с такими выездами очень может быть, что и на деле государь скоро окажется без головы. Конечно, никто из мчавшихся за колесницей государя не посмел бы сказать это вслух. Но каждый из них сейчас уже мысленно попрощался со всем, что было ему дорого.

Повелитель стоял в своей колеснице, наложив стрелу на тетиву лука, готовый покарать любого ослушника или же просто сорвать злость на ком-либо замешкавшемся уступить ему дорогу. Трубки с костяными шариками, закрепленные на жестком кожаном нагруднике каждого из коней его колесницы, завывали на ходу, наполняемые встречным ветром. Но привычные к этому вою кони мчали, наклонив головы, увенчанные длинными бронзовыми рогами – пиками. Возница, лучший во всей Аратте, подгонял их бичом, понимая, что от скорости и силы его упряжки, быть может, зависит не только жизнь повелителя, но и судьба всей державы.

Башня накхов была уже совсем близка, углом выступая навстречу площади, словно мертвая скала. Возница напрягся, ожидая встретить тучу стрел и поднимающиеся между плит мостовой заточенные колья. Однако ничего этого не было. Впереди одиноко маячила фигура воина. Тот стоял прямо посреди пустой улицы, словно не боевая колесница неслась прямо на него, а порыв ветра, способный лишь взбодрить уставшего путника. Впрочем, воин казался не то чтобы уставшим – скорее дремлющим. Он чуть покачивался, будто и впрямь стоял под несуществующим ветром.

– Это Ширам! – узнавая воина, крикнул государь. – Остановись! Стой!

Не заставляя повторять приказ, возница натянул поводья, и обученные кони встали будто вкопанные в нескольких шагах от саарсана накхов.

– Негодяй! Где мой сын? Где моя дочь?! – закричал Ардван, вскидывая лук и натягивая тетиву.

– Я полагаю, арьи соображают не менее быстро, чем летят их стрелы, – хладнокровно ответил Ширам.

Государь прикусил губу. Дерзкий накх был прав – мертвец

вряд ли смог ответить бы ему на заданные вопросы.

– Как ты смеешь так говорить со мной, змеево отродье? – рявкнул он, все же опуская лук.

– Позволь, я буду отвечать по порядку, – заговорил Ширам, не сходя с места. – Твоя дочь, моя нареченная, находится сейчас в доме жениха. Ты сам отдал ее мне, сам соединил наши руки. Я не могу позволить тебе быть несправедливым перед небесами.

– Ты? Мне… *позволить*?

Ардван онемел от такой наглости. Но его собеседник, глядя государю прямо в лицо, спокойно продолжал:

– Твоего сына только что похитили. Вначале я подумал, что это дело рук твоих людей. Но вскоре усомнился в этом. Когда же ты примчался сюда, рискуя быть убитым, я убедился, что ты здесь ни при чем. Что же касается того, отчего я смею так говорить с тобой, государь… Много веков и мой род, и все накхи честно служили Аратте. Никто и никогда не замышлял против государей ничего дурного. Никто и никогда не предавал ни тебя, ни твоих пращуров в бою или на совете. Когда в день Битвы Позора был заключен договор между нашими народами, мы ставили лишь два условия. Первое – сохранение оружия в обмен на службу, и второе – справедливость к накхам. Каждый из нас готов был принять смерть за преступления против закона Аратты. Каждый готов умереть, служа своим повелителям. Мы сдержали данное слово. Ты нарушил. Между нами нет больше договора.

У Ардвана перехватило дыхание. Его вдруг осенило, что если так – речь идет уже не просто о мятеже, а о вражеском войске в самом сердце его страны. Ни Ширама, ни кого-либо из его людей не интересуют условия примирения. Они не предъявляют требований и не собираются идти на уступки.

– Ты предатель!.. – зашипел разъяренный государь.

Мысли его метались. Никогда прежде он не сталкивался с такой неслыханной дерзостью. Однако Ширам как будто и не слушал его.

– Но твой сын, вероломный Ардван, повелитель арьев, твой сын Аюр – мой друг, – продолжал он. – Ты еще не узнал его после возвращения. Так вот, я скажу тебе: покинув дом вздорным мальчишкой, он вернулся мужчиной. Он на себе испытал, что такое благородство и доблесть, что такое предательство и справедливость. Его похитили на моих глазах. Я не успел этому помешать. Это моя вина. Дальше уж тебе решать. Если хочешь, стреляй – ты умрешь спустя мгновение после меня. Если хочешь, я готов заключить с тобой перемирие, покуда не будет найден Аюр. Тогда мы вернемся сюда же и продолжим с того места, с которого начали. Я сказал.

Ширам повернулся спиной к государю и поднял голову, глядя на тонкое лезвие лунной косы, сияющее в темно-синем небе. Косы, отсекающей ненужное, прерывающей жизни всех живущих.

Ардван не отрываясь смотрел ему в спину, борясь с желанием даже не выстрелить – подлый накх не заслуживал почетной смерти воина, – а смять его боевой колесницей, растоптать копытами коней, измазать плиты мостовой ошметками гнусного изменника! И в то же время, слушая Ширама, он с ужасом осознавал, что в словах саарсана есть смысл и что трон Аратты только что потерял свою самую надежную опору… Что, быть может, вот эти всадники, окружившие его, – последнее и единственное, что у него осталось…

От этого ощущения Ардван покрылся холодным потом. Казалось, что смерть, усевшись на кореннике его упряжки, обернулась и хохочет, скалясь, ему прямо в глаза. Привычный мир, великая Аратта, оплот покоя и порядка, рушилась и таяла, как песочная крепость во время прилива. Если сейчас он не сможет переломить неумолимый ход событий, значит все кончено – прежней Аратты больше нет и не будет.

– Где следы? – глухим тихим голосом спросил Ардван.

– Там, где стоит твоя колесница, – поворачиваясь, ответил Ширам. – Вы их затоптали.

– Ты сделал это нарочно?

– Да. Теперь лишь я могу сказать, что это были за следы и каковы на вид похитители. А твоим следопытам, государь, тут уже нечего делать.

– Ты мерзавец, Ширам!

– Как скажешь. Это что-то меняет?

Ардван взглянул на накха с бессильной ненавистью:

– Хорошо, я поверю твоему слову. Но Аюна должна вернуться во дворец сегодня же. И горе тебе, если…

Государь прикусил язык, понимая, что, если до Ширама дошли сплетни о царевне и мохначе, то слова вроде «обесчестил» могут вызвать у него только смех.

– Горе тебе, если ты обошелся с царевной недостойно!

– Я не могу этого сделать, – ответил повелитель накхов. – Ибо у меня нет уверенности, что, когда мы найдем Аюра, ты любезно привезешь ее ко мне в крепость. Но если хочешь, то можешь видеться с ней здесь. Единственное условие – приходи один. Если у тебя больше нет других пожеланий, я предлагаю начать поиски.

* * *

Аюр прислушивался, стараясь тщательно запомнить доносившиеся сквозь плотную ткань звуки. Вначале, когда ему ремнями стягивали лодыжки и запястья, он пытался сопротивляться, дергался и вырывался, но тупой удар по затылку лишил его чувств. Он пришел в себя, когда неизвестные перетаскивали его через каменную стену, не особо заботясь о его самочувствии. Он довольно болезненно ударился о выступ стены, но промолчал, стиснув зубы. Тем, кто нес его дальше, явно не было дела, тащат они мешок репы или сына повелителя Аратты. Судя по выговору, то были какие-то местные простолюдины. Они тихо переругивались между собой, споря, как лучше нести связанного. В их разговоре не было ничего полезного.

Затем его прислонили к стене, открыли какую-то дверь и поволокли вниз. Аюр насчитал двадцать ступеней. Вновь грохнул засов. Царевича втащили в холодное и сырое помещение. Сняли путы, сдернули с головы ткань, и, покуда наследник престола моргал и вертел головой, стараясь понять, куда его притащили, похитители вышли.

– Эй, вы! – крикнул он вслед ушедшим. – Идите к моему отцу и скажите, что так он от меня ничего не добьется!

– Они не пойдут к твоему отцу, – послышался вдруг из темноты чей-то негромкий надтреснутый голос.

– Кто тут? – обернулся царевич, стараясь разглядеть говорившего. Но подземелье было погружено в кромешную тьму.

– Тот, кто был здесь до тебя и теперь здесь же, рядом с тобой.

– Но имя? У тебя же есть имя? Я – царевич Аюр, сын повелителя Аратты!

– Да, я понял. Кто бы еще требовал у серых, как пыль, стражников отправляться к своему отцу, не называя его по имени?

Аюр встал, держась за стену, и, морщась от боли, сделал несколько шагов к говорившему.

– Я – царевич Аюр, – повторил он. – Мне не место здесь.

– А кому место?

Судя по голосу, говоривший был очень немолод. Еще царевичу показалось, что чересчур дерзкий старец разговаривает с северным выговором. Но впрочем, Аюр не слишком разбирался в наречиях отдаленных уделов. В холодном лесном краю, называемом Бьярмой, он никогда в жизни не бывал, да и не собирался туда.

– Слушай, старик, я не знаю, почему ты здесь сидишь, да мне и дела до того нет, – нетерпеливо ответил он. – Но за мной уж точно никакой вины нет!

– Твоя вина уже в том, что ты сын повелителя и наследник

престола.

– Что за наглость! Я хочу знать, с кем я говорю! – возмутился юноша.

– Со мной.

– Я не вижу тебя!

– От моего имени тебе знаний не прибавится. А то, что не видишь… Зачем тебе меня видеть? Ты в своей жизни много лет ходил, широко открыв глаза, но много ли увидел?

– Много, – удивленный поворотом разговора, ответил Аюр. – Я пересек весь Змеиный Язык с восхода на закат, побывал в Затуманном крае, видел разные земли и племена. Видел зверей, о которых никто здесь и не слыхивал…

– И не видел, как погибает Аратта, – вздохнул старец в темноте. – Что толку, что ты видел зверей и людей, если так и не узрел главного?

– К чему все эти речи? Я хочу выбраться!

Аюр на ощупь отыскал дверь и стал колотить в нее кулаками.

– Ребенку, для того чтобы увидеть свет и выйти из чрева матери, приходится ждать девять месяцев. Ты уже не ребенок, но все еще не созрел, чтобы увидеть свет.

– Да кто ты такой?

– Не это должно тебя тревожить, – со вздохом ответил старческий голос. – Лучше поразмысли в тишине о том, что услышал, а я пока посплю…

Глава 14. Три ножки трона

Хаста спускался по лестнице, обдумывая данное ему поручение. Что мудрить – на службе у святейшего Тулума он не только освоил грамоту и счет, не только познал тайный смысл древних свитков Ясна-Веды, но и изрядно развил врожденную ловкость и изворотливость. Мысли его крутились вокруг идеи тайно проникнуть в городскую крепость накхов: как-нибудь прокрасться, тихо затаиться, покуда не будет меняться стража, и прошмыгнуть юркой мышью…

Однако его быстрый холодный ум решительно отметал привычные, но негодные в данном случае уловки. Ему вспомнился Ширам в ту ночь, когда Учай обстрелял мамонтов огненными стрелами. Израненный саарсан, едва живой, открыл глаза и принялся убивать с той же неотвратимостью, с какой делал это всегда. А в крепости воинов, подобных Шираму, – сотни. Уж точно они не станут расспрашивать лазутчика, для чего это он хоронится в тени, – схоронят его сами, да так, что больше никто и не найдет…

«Нет, плохая мысль. А если броситься к стенам крепости с криком, что мне нужно говорить с саарсаном? Тоже глупо. Тогда стрелами угостят арьи, так что и рта открыть не успею. Хотя, может быть…»

Хаста разжал кулак и подкинул на ладони золотую пластину. На пластине была выгравирована печать святейшего Тулума, окруженная словами благословения. Что ж, если нельзя пройти лунной тенью, то придется прибегнуть к ослепляющему сиянию Исвархи.

Никогда прежде со дня основания столицы Верхний город не спал столь тревожно. Дома знатных накхов, каждый из которых представлял собой неприступную башню, были объединены в одну крепость. Напротив нее во всех улочках, прилегавших к главной дороге, ведущей к воротам, стояли отряды городской стражи и телохранители высших вельмож Аратты. Ворота были закрыты. Никто не мог ни покинуть Верхний город, ни войти в него. Объявленное государем перемирие, кажется, мало что изменило.

Плохой мир, конечно, лучше доброй битвы. Но веры накхам больше не было. Будто пелена упала с глаз арьев, и только сейчас они поняли, что извечный коварный враг, столетия копивший силы, наконец поднялся и ударил, словно притаившийся в камнях змей. Тому, кто им доверится, не будет спасения.

Городские стражи, оградившись щитами, в молчании наблюдали за угловатой каменной громадой, ожидая вылазки. И чем дольше ее не было, тем больше в сердцах стражников крепло убеждение, что под предлогом перемирия накхи замышляют нечто ужасное. Осталось только понять, что именно…

– С дороги! С дороги!

Воины храмовой стражи, расталкивал народ, освобождая путь невысокому, но очень важному с виду рыжему жрецу в ослепительных златотканых одеяниях, – целая дюжина телохранителей, как положено высшим служителям Исвархи. На голове у жреца красовалась двенадцатилучевая диадема, подобная той, в которой выходил встречать Зимнее Солнце сам государь, а в руках он держал высокий посох, увенчанный золотым полудиском.

Сотник отряда городской стражи поспешил навстречу нежданному гостю. Тот глянул на него, как на бродячего пса:

– Где это произошло?

– Что – это?

Достославный Хаста не удосужился объяснять. Впрочем, польщенный вниманием столь высокопоставленного лица глава стражи и без объяснений догадался, о чем его спрашивают, и ткнул острием копья куда-то вперед:

– Да, считай, прямо здесь. Там напали на царевича. Потом, увы, государь на своей колеснице приехал и затоптал следы…

Рыжеволосый жрец отмахнулся от него:

– Осветите землю факелами!

Храмовые стражники окружили место, где состоялось похищение, и склонили факелы к земле.

– Сомкните щиты надо мной! – с надменностью прирожденного вельможи продолжал распоряжаться Хаста.

Затем он опустился на колено, приложил к земле правую руку, прижал левую к сердцу и прикрыл глаза, будто вслушиваясь в собственные ощущения.

Свидетели происходящего замерли, благоговейно глядя на волшебное действо. Наконец жрец шумно вздохнул, вновь открыл глаза, поднялся и воскликнул звучным голосом:

– Свидетельствую и объявляю именем храма всемогущего, всеведущего Исвархи, что саарсан накхов Ширам, сын Гауранга, не похищал царевича Аюра и непричастен к его похищению!

Толпа стражников, поставленная здесь приказом нового Хранителя Покоя, дабы никого не впускать в твердыню мятежников и не выпускать их наружу, издала дружный вздох, в котором отчетливо слышалось облегчение. Стоя здесь, почти на виду у остроглазых накхов, каждый из стражников уже мысленно

попрощался с жизнью. Ибо начнись что – мало кто из них уцелел бы. А если Ширам ни при чем, так, может, и схватки не будет?

– Ширам, сын Гауранга, – между тем громко вещал Хаста, – ты сказал правду, но ты сказал не все! Я желаю говорить с тобой с глазу на глаз!

* * *

Услышав голос, громко выкликавший его имя, Ширам остановился и оглянулся. Впрочем, его не слишком интересовало происходящее сейчас на улице. Ночная стража на стенах несла привычную службу с удвоенной бдительностью, а все прочие старались как можно меньше привлекать к себе внимание. Каждому из накхов отчетливо казалось, что Ширам желает убить именно его и непременно самым изощренным из тысячи известных ему способов. После заката вся крепость накхов была обшарена от крыши до самого глубокого подвала. Невеста саарсана исчезла, растворилась в ночи, будто и не было ее тут вовсе.

Ширам самолично осматривал одни покои за другими, пока вдруг не застыл у смертного ложа Мармара.

– Плащ, – выдохнул он.

Он повернулся к шедшим за ним воинам:

– Пропали и его плащ, и лук. Никто из нас не взял бы вещь мертвеца, ибо мертвые возвращаются за тем, что им принадлежит. Это Аюна, и она сбежала! Вы слышите меня, накхи? Изнеженная царевна сбежала из-под носа у сотен воинов! Чем мы смоем этот позор?

Он обводил немигающим взглядом лица собравшихся, и каждый, на кого падал этот тяжелый взгляд, хотел умереть прямо здесь, на месте. И как высокую милость готов был просить дозволения умереть, кинувшись в самую гущу боя.

– Мы должны найти ее и вернуть, прежде чем государь узнает о ее побеге…

Ширам задумался. Для того чтобы отыскать Аюну, следовало выбраться из собственной твердыни, окруженной городской стражей, как сахарная голова – осами. Конечно, дело может закончиться схваткой, но придется на это пойти…

Он вспомнил девушку, отчаянно похожую на своего брата, запустившую в него обручальным браслетом. Сейчас, когда все зашло так далеко и каждый новый шаг грозил неминуемой гибелью не только воинам, чья участь – вечный поединок со смертью, но и всей еще совсем недавно великой державе, – чего

он ждал от этой девушки, чего хотел? Да, она была прелестна. Не так, как бывают хороши накхини, гибкие и сильные, будто виноградная лоза, черноокие или зеленоглазые, с резкими чертами лица. Золотоволосая Аюна казалась нежной и мягкой, цветком, который легко стоптать неосторожным шагом…

Но стоила ли эта красота всего того, что уже свершилось и неминуемо свершится вскорости? Что такое женская привлекательность? Надолго ли она переживает красоту цветка? Увянет и забудется, как и не бывало. Но все прежние мысли саарсана о новом мире, о едином народе, в котором не будет ни арьев, ни накхов, – все то, с чем он связывал будущую женитьбу, – неужели все это развеется по ветру? Еще недавно Ширам хотел лишь просить свою невесту о помощи – найти объяснение внезапной немилости государя. И вот теперь, как отсеченная голова, летящая наземь, все еще смотрит на бегущее тело, последним усилием желая понять, что происходит…

В этот самый миг внизу раздался громкий голос, зовущий его по имени, и на этот раз Ширам его узнал.

– Должно быть, боги услышали мои слова и шлют мне помощь, – тихо прошептал саарсан, дивясь, что в помощники ему Отец-Змей избрал жреца своего противника Исвархи.

Но уж точно не ему обсуждать причуды богов!

– Впустить жреца, – приказал саарсан. – Но только его одного.

Хаста с некоторой опаской глядел, как из-за зубцов боевой галереи выдвигается толстый брус и с него вниз опускается большая плетеная корзина на крепкой веревке. Наблюдая за ее спуском, он обдумывал, стоит ли громко возмутиться столь неподобающим важному жрецу способом перемещения в пространстве, как вдруг перед храмовой стражей появился молодой арий в роскошных бронзовых доспехах – должно быть, предводитель отряда чьих-то телохранителей.

– Ясноликий Киран, под рукой которого столичное войско, запретил пускать кого-либо в крепость наших врагов, – заявил он. – Будь то солдат, торговец или жрец!

– Мне нет дела до слов военачальников, как солнцу нет дела до криков осла. Мой повелитель там. – Хаста высокопарно простер длань в сторону чернеющего неба. – Лишь святейший Тулум имеет право отдавать мне приказы.

– Может, и так, – не унимался юнец в дорогих доспехах. – Но я получил приказ. И не позволю…

Хаста кивал в такт его словам, задумчиво втирая в руки подобающие жрецу маслянистые благовония. Потом, сняв с пояса изукрашенную флягу из тыквы-горлянки, откупорил ее и тремя

глотками утолил жажду, едва удержавшись, чтобы не поперхнуться. Затем протянул флягу одному из храмовых стражей и приказал:

– Полей мне на руки – я касался земли, на которой было совершено преступление.

Стражник щедро плеснул из фляги в сомкнутые ладони жреца.

– Итак, я сейчас поднимусь в башню. Вы будете ждать меня здесь.

– Достопочтенный жрец! – резко напомнил о себе арий. – Покуда я не получу приказа от ясноликого Кирана или от самого государя, я не пущу тебя.

– Вот даже как?

Хаста широко улыбнулся:

– Что ж, не пусти. Вот тебе мои руки, держи их, и да поможет мне Исварха исполнить его волю.

Рыжеволосый жрец поднял руки, будто в молитвенном жесте, так что они едва не коснулись пламени одного из факелов, – и в тот же миг ладони Хасты вспыхнули. Шагнувший было к нему юноша в страхе отпрянул.

– Что ж ты? Держи! – как ни в чем не бывало предложил жрец, делая шаг вперед и протягивая горящие руки. – Ведь ты хотел меня удержать! Ты очень хотел!

Его голос утратил насмешливость и обрел силу:

– Этим пламенем, ниспосланным мне небом, я прокляну тебя и род твой! Да не взойдет на поле твоем семя! Да будут отныне плоды в садах твоих пристанищем червей! И вода в источнике да наполнится солью!

– Нет, нет! – в ужасе пятился ошеломленный арий.

Хаста встряхнул руками, и пламя погасло.

– Убирайся, выродок. – Не глядя на убегающего юнца, жрец молча направился к спустившейся на землю корзине, силясь за безучастностью скрыть глубокое удовлетворение.

Как же долго он мечтал прилюдно выкрикнуть эти слова арию… Но об этой его мысли не узнал никто. И вскоре скрип ворота возвестил о начале подъема.

* * *

Ширам бросился к раззолоченному жрецу и обнял его так, будто после долгой разлуки встретил любимого брата. Наблюдавшие эту встречу накхи замерли, не зная, что и подумать.

– Хаста, друг! Как я рад тебя видеть! Слава богам, ты здесь!

– Одному богу, храбрейший саарсан. Не забывай, что я все же представляю здесь властителя небес Исварху.

– Не беда, пусть даже и его. Пойдем! Может, хоть ты объяснишь мне, что происходит в столице…

– Честно говоря, – произнес Хаста, – я шел сюда с тем же желанием.

– В таком случае ты пришел зря, – нахмурился Ширам, выпуская жреца из могучих объятий. – Мне представляется, что в столице, во всяком случае в Верхнем городе и уж точно в Лазурном дворце, все сошли с ума. Ополоумели, одурели… Не знаю, как еще сказать. Утром Ардван встретил меня так, словно я плюнул на его тень. Я бы не позволил себе просить награду за то, что не раз и не два спасал его сына. Но с дворцовыми рабами говорят любезнее, чем он со мной! Чтобы найти объяснение этому, я отправился к своей невесте. Перед солнечным богом Исвархой она произнесла слова обета стать мне женой. Она приняла обручальные браслеты, такие же священные для каждого из накхов, как для арьев – двенадцатилучевой венец на твоей голове. – В голосе Ширама заклокотал утихший было гнев. – И что же? Прелестная Аюна сегодня швырнула мне их в лицо, требуя, чтобы я убирался прочь! Тем самым она оскорбила и Мать Найю, и Отца-Змея. Исварха свидетель – я был очень мягок! Любой другой накх просто отсек бы ей голову, не спрашивая, чья она дочь! – Саарсан на миг умолк, но все же продолжил: – А потом она сказала такое, от чего всякий мужчина, даже и дикий ингри, пришел бы в неописуемую ярость…

– Я не спрашиваю, что наговорила тебе эта вздорная девчонка… – начал Хаста, не скрывая любопытства.

– Не смей так ее называть! Как бы то ни было, она все же дочь государя и моя нареченная.

– Это, конечно, высокая честь – быть твоей нареченной. Но мне почему-то кажется, что она ее не оценила. И после этого ты хочешь, чтобы я не называл ее вздорной девчонкой?

– Да, я так хочу, – хмуро ответил Ширам.

– Как скажешь. Я буду именовать ее мудрой старицей. Так что же рассказала тебе мудрая старица?

Саарсан молча схватил Хасту за плечо и поволок за собой вниз по лестнице с крепостной стены.

– Ладно, ладно, я пошутил! Она не старица и не мудрая!

– Молчи! – цыкнул Ширам. И добавил куда тише: – Я просто не желаю, чтобы все прочие слышали о том, что моя невеста связалась с мохначом.

– Что?!

Накх притащил оторопевшего жреца во внутренний дворик к фонтану в виде многоглавой змеи.

– Она выкрикнула мне в лицо, что любит Аоранга.

Хаста изумленно поглядел на него, не веря собственным ушам. Конечно, он и сам пообещал дикарке Айхе прожить с ней год, но это был его личный подвиг. Но кто мог принудить дочь государя? Да, Аоранг не таков, как прочие мохначи, но уж точно не ровня царевне…

– Это правда?

– Не знаю. Поверь, мне нелегко об этом говорить. Но она сама так заявила мне на этом самом месте.

– Должно быть, она солгала, чтобы досадить тебе. Но все же… Какой странный выбор! Это так нелепо, что даже похоже на правду! Послушай меня, Ширам, – заговорил Хаста, быстро обдумав услышанное. – Сейчас я тебе скажу не как жрец, а как друг – если ты и впрямь считаешь меня другом. Наверняка эта любовь Аюны – просто блажь. В этом возрасте все девицы – полные дурочки. Да, я помню, что она царевна, средоточие всех прелестей и достоинств. Но я же обещал сказать тебе правду – вот ее и говорю. Скорее всего, она своими дерзкими речами взбаламутила отца, а тот сорвал злость на тебе. Самое худшее, что можно было сделать, – это идти за объяснениями к самой Аюне. Но ты это уже сделал… Я прошу тебя – забудь о ее воплях. Прости ее кощунство, если сможешь. Каждому из нас приходится делать выбор между «плохо» и «совсем отвратительно». Я сейчас вернусь к святейшему Тулуму, объясню ему, что произошло, а он убедит брата…

– Аюны здесь нет, – выдавил Ширам.

– Как – нет? Что ты с ней сделал?

– Ничего! – рявкнул саарсан. – Она сбежала! И не смотри на меня так! И не смей ничего говорить об этом, или я не вспомню, что недавно ты спас мне жизнь!

Хаста покачал головой, будто проверяя, крепко ли она держится на плечах, и примиряюще воздел руки:

– Я и не думал ничего говорить. Сегодня воистину день чудес! Впрочем, господь Исварха за день обегает все небесные пределы, так почему бы его земной дочери не пробежаться…

– Оставь свои шуточки, мне не до них.

– Честно говоря, мне тоже. Но все же это лучше, чем биться лбом о стену и заламывать руки, причитая без толку… Но если Аюна уже у отца, то можно объявить, что ты намеренно отпустил ее… Впрочем, нет. Если бы царевна вернулась во дворец, все бы об этом уже знали. Где же она? М-да, полагаю, Ардван будет недоволен таким поворотом…

Ширам пожал плечами:

– Какое мне дело до недовольства Ардвана? Накхи ему больше не повинуются. Он забыл то, в чем присягал сам и присягали его предки, принимая клятву верности у двенадцати великих родов Накхарана…

Жрец тяжело вздохнул:

– Погоди, погоди, Ширам! Я не спорю с тобой. Если ты говоришь о нарушении клятвы, значит так оно и есть. Я лишь хочу уточнить, касаются ли твои слова лишь Ардвана или же и его сына?

Саарсан на мгновение задумался и произнес холодно и резко, как говорил в прежние времена:

– Аюр не принимал клятву верности у накхов. Стало быть, мой народ не обязан ему служить. Но в то же время царевич непричастен к клятвопреступлению своего отца. И более того, перед тем как быть похищенным, Аюр примчался сюда, чтобы искать мира. А значит, моя верность ему нерушима, как и прежде, и я сделаю все, чтобы отыскать его. Но после этого я и мои люди вернемся в Накхаран. Уж во всяком случае – до восшествия на престол нового государя. Вот когда это произойдет – тогда и поговорим.

– Ты прекрасно сказал, Ширам! – притворно восхитился Хаста, глядя на саарсана со скрытой печалью. – Не всякому ученому мужу такое удастся. Твои слова и мудры, и глупы одновременно. Мудры они – потому что ты и впрямь говоришь, как подобает властителю. Ну а глупы – потому что жернова уже запущены и они смелют в муку все, что попадет между ними. И ты, и твой народ, и повелитель Ардван, и святейший Тулум, и я, и сама великая Аратта могут превратиться в зерно между жерновами.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты видел головы на въезде в город?

– Да, это мятежники, которых Хранитель Покоя хотел поднять на своего государя.

– Так и есть. А теперь мятежником стал ты. Не знаю, сменит ли твоя голова голову Артанака – я бы этого не хотел, – но только что у трона подрубили еще одну ножку. Согласись, на двух ножках сидеть очень неудобно!

– К чему ты клонишь?

Хаста поглядел собеседнику в лицо:

– Ты ведь осознаёшь, что следующей после Артанака жертвой заговора стал ты и твои накхи? То, что заговорщики пытались совершить в лесной веже, сегодня им удалось с блеском прямо перед твоими воротами. Да еще ты сам им помог, увезя Аюну. Об

этом знает весь город, и никто уже не поверит, что Аюра похитил не ты. Теперь ты кругом виноват в бедах Аратты.

– Я видел тех, кто похитил царевича, – возразил Ширам. – Это была девица из леса, которая чуть не вышибла из тебя дух. И тот самый сакон, в которого Аюр всадил стрелу.

– Тот самый? Ты хочешь сказать…

Хасту передернуло. На память тут же пришли слышанные в детстве страшные сказания о ходячих мертвецах, поднятых заклятиями из земли. Он и сам не знал, верить им или нет. Бьярские чародеи были способны на многое…

– Для мертвеца он был очень быстрым, – добавил Ширам. – Но я готов поклясться, что узнал его.

– Очень странное дело, – тихо проговорил Хаста. – Сначала – Артанак, много лет бывший правой рукой государя. Теперь вот накхи. Следующая – храм. А если подломится и третья ножка трона, то останется одна-единственная, почти незримая. Именуемая божественностью государевой особы. Но устоит ли она перед жаждой власти?

– Ты красиво говоришь, Хаста. Но полагаю, ты пришел сюда не просто для того, чтобы я послушал твои речи.

– Маханвир, как всегда, мудр.

Ширам поморщился:

– Я больше не маханвир.

– Вот о том как раз и речь. Те, кто ножка за ножкой выбивает опору из-под трона, добивались именно этого и получили свое. Получили даже легче, чем рассчитывали. Теперь, когда царевич пропал, арьев натравят на накхов, те же в ответ примутся резать арьев. До тех, кто сеет и пашет, конечно, нет дела ни тем ни другим. Но скажу тебе по секрету – им придется тяжелее всего. В итоге Аратта останется без хлеба. И вскоре перестанет существовать.

Ширам вновь пожал плечами и хотел что-то сказать, но жрец опередил его:

– Быть может, тебе все равно. Но невелика честь для гордых накхов стать тряпичной куклой на пальцах бродячего лицедея.

– Чего ты хочешь, Хаста? Говори прямо.

– Мы должны действовать сообща. Ты и я, храм и накхи. Мы должны отыскать Аюра. Он станет залогом будущего союза. Да, Ардван вспыльчив и подозрителен, но вовсе не глуп. И когда успокоится, непременно начнет искать пути к примирению. Я слышал, вы уже заключили перемирие?

– Так и есть.

– Возвращение Аюра даст тебе возможность заключить новый мир. Полагаю, куда более выгодный для накхов. Если только…

Он не успел договорить. Со стороны улицы послышался рев трубы.

– Что-то произошло, – насторожился Ширам. – Похоже, пока мы тут беседуем, они готовятся к бою!

Он оттолкнул жреца и бросился к лестнице, ведущей к стенам. Хаста, подобрав длинные полы густо расшитого золотом одеяния, пустился следом.

* * *

Этим вечером коридоры и залы Лазурного дворца казались Ардвану непомерно большими и устрашающе гулкими. Обычная суета и многолюдье, десятки придворных, спешивших почтительно преклонить перед ним колено, едва он появлялся на пороге, – сегодня всего этого не было. Даже те немногие слуги, которые помогали ему разоблачиться, чтобы отойти ко сну, то и дело вздрагивали и прислушивались, ожидая шума с улицы. Конечно, государь в безмерной мудрости своей заключил с накхами перемирие, но можно ли верить этим порождениям Первородного Змея? Даже то, что у покоев государя сегодня не стояли те самые пресловутые порождения змея, отчего-то пугало. Будто мироздание одним махом изменило свой устоявшийся порядок, и никому не ведомо, что принесет эта перемена.

Перед закатом во дворец прибыл Киран и привел полсотни воинов городской стражи. Они встали у всех входов и у опочивальни государя, сменив Жезлоносцев Полудня. Те устроились спать прямо во дворце, готовые в случае необходимости вскочить и ринуться в бой.

– Прикажете мне остаться здесь? – склонив голову, поинтересовался зять государя.

– Нет, ступай к войску. Ширам непременно сдержит данное слово. Так что здесь можно ничего не опасаться. И вот еще что – завтра поутру я желаю видеть здесь всех вельмож, допущенных в Лазурный дворец. Эти трусы разбежались и заперлись в своих особняках, прячась за спинами телохранителей. Они что же, полагают, что моей власти недостанет подавить восстание? Что я не справлюсь с мятежным саарсаном? Он уже запросил мира! И где, я спрашиваю, где все те, кто еще утром клялся мне в верности? – раздраженно говорил государь. – Почему они не здесь? Где эти потомки храбрейших арьев? Прикажи утром собрать их здесь!

– Я все исполню, мой повелитель.

– А теперь ступай. Ты всегда был мне предан. Ты всегда

первым видел измену под маской лживой верности. Я не забуду этого, покуда жив.

Киран поклонился, чуть придерживая ножны меча, и, выпрямившись, направился к выходу.

– Настало время, когда измена стала законом и слова чести бряцают, как истертая медь в кружке нищего, – вслед уходящему тихо проговорил Ардван.

Когда пришло время отойти ко сну, молчаливые слуги положили в постель серебряные грелки с горячей водой и тихо вышли, оставив государя одного. Ардван сидел на краю своего ложа, закрыв глаза, ощущая вокруг пустоту. Он чувствовал себя брошенным всеми. Хоровод теней кружился вокруг него.

Вот Артанак, которого он когда-то готов был считать братом. С которым отправлялся на свою Великую Охоту, карабкался по скалам, добывая горных львов, шкурами которых и сегодня покрыт его трон. Хранитель Покоя, всю жизнь служивший ему нерушимой защитой. Что посеяло в нем ядовитые семена измены? Какие слова нашли путь к его сердцу, вырвав прежние воспоминания о дружбе?

Да что Артанак! Вот и родной брат – можно ли верить ему? Его жрецы шастают повсюду, высматривая и вынюхивая, но об измене и заговоре ему стало известно от Кирана. А ведь Тулум наверняка знал, но медлил… Выжидал? Искал выгоду? Лишь верный Киран, которого заговорщики пожелали втянуть в свой круг, немедленно открыл ему глаза.

«Господь Исварха, как же я одинок! Совсем как ты там, в небе… Неужели и ты страдаешь в вышине так же, как я? Неужели моя боль – часть твоей? Ведь и ты, как и я, ходишь один и не можешь встретиться с той, кто была тебе дороже всех под небесами, черными и голубыми…»

Светильники гасли один за другим, из распахнутого окна веяло ночной прохладой. Ардван все не спал. Он сидел на краю постели, раскачиваясь и бормоча запретное во дворце имя.

– Аниран… Проклятье сладкозвучных песен забрало тебя у меня! Нет мне ни в чем опоры… Тяжело путнику без посоха! Невыносимо государю без верных. Зачем ты покинула меня, Аниран? Зачем погубила нашу любовь? Нет мне без тебя ни покоя, ни тени в палящий зной. Жажда иссушает меня, и сердце будто кусок засохшей грязи…

– Я здесь, Ардван… Я здесь. Открой глаза… Услышь меня, мой муж и повелитель…

От неожиданности Ардван вскочил с постели и начал озираться в поисках говорившей.

– Я здесь…

Голос разносился сверху. Она парила возле открытого окна, будто ночная птица, влетевшая в царские покои. Легкие одежды ее развевались, и золотистые распущенные волосы волнами сбегали на плечи.

– Ты?! Но как…

– Исварха услышал твою молитву, – звучал ее нежный голос. – Он не дал мне смерти в тот день. Он дал мне крылья и обратил в птицу. Сейчас же он сжалился над тобой. Иди ко мне… Иди ближе… Я научу тебя летать!

Ардван сделал шаг, затем еще один.

– Дай мне руку! Почувствуй, я живая! Теперь мы всегда будем вместе!

Государь как во сне протянул руку, прикоснулся к воркующей деве-птице и вдруг отпрянул:

– Ты – не она!

Веревка с узлами в тот же миг обвилась вокруг его шеи, резко натянулась… Ардван захрипел, хватаясь за удавку, но золотоволосая красавица повисла на нем, обрывая последние мгновения жизни повелителя Аратты. Наконец он дернулся и затих.

– Готово, – прикладывая к шее мертвеца два пальца, прошептала она. – Жаль, что он так и не захотел учиться летать. Так было бы куда забавнее!

Часть 2. Лес за кромкой

Глава 1. Дети Толмая

Челн-однодревка, спрятанный в утиной заводи, чуть просел, когда Высокая Локша и ее «дочери» втащили в него упирающихся Кирью и Мазайку. Одна из добродей встала с веслом, еще одна села сзади, рядом с пленниками, а Локша расположилась впереди, где лодка становилась узкой и острой.

– Ведите себя тихо, – устраиваясь поудобнее, объявила верховная жрица Ивовой керемети. – Незачем ерепениться. Ваш путь уже вас навсегда выбрал. Если захотите свернуть – сколько бы ни блуждали, все равно на него вернетесь. Так что ни к чему руками махать.

– Это мы еще посмотрим, к чему или ни к чему, – буркнул Мазайка. – Никто меня не выбирал! Все ты придумала!

Высокая Локша расхохоталась. Лицо ее выглядело будто замершим во времени. Ей можно было дать тридцать, и сорок зим, и даже сотню – таких лиц не бывает у живых женщин. Ее полуседые волосы свисали лохмами до пояса, подхваченные только расшитой речным жемчугом повязкой. Было в ее смехе что-то неприятное, каркающее, отчего неуютно стало не только похищенным детям, но даже молодым жрицам. Та из них, что стояла у весла, наклонилась, с силой оттолкнулась от берега и начала грести – умело, без плеска и брызг, опуская широкую лопасть весла.

– Никогда впредь со мной не спорьте! – ледяным голосом сказала добродея. – Глупы еще, ума не набрались.

– Набрались не набрались – наше дело, – дерзко ответил Мазай. – Мне есть кому ум в голову вложить. Меня дед обучит.

– Вергиз-то? Этот обучит! Помолчал бы уж.

Мазайка хмыкнул и отвернулся. Он много слышал об Ивовой керемети и живущих там добродеях. О дарах, которые привозят туда из всех земель ингри и даже дальше. Вот этот челн – тоже из даров. Такие народ Бобра делает, ходкие и остроносые. Вроде все как у всех, но нет – за таким не угонишься…

Локша восприняла молчание пленника как знак покорности и отвернулась, задумавшись о чем-то своем. Мазайка откинулся назад так, что губы его оказались совсем рядом с ухом Кирьи.

– Как буза пойдет, за борт прыгай, – еле слышно прошептал он.

– Какая буза? – в тон ему ответила девочка.

– Тихо, сама увидишь.

Он сел поудобнее и затянул негромко и заунывно, так что у сомов под водой от этой песни, должно быть, заныли зубы.

– Замучу я воду, замучу,
Ключевую воду закручу…

Дальше песня призывала водяников и всех, кого они забрали к себе на дно с начала времен, прийти на зов, дабы забрать чужаков, посмевших стоять на пути у колдуна.

– А ну замолчи! – озираясь по сторонам, прикрикнула жрица, сидевшая рядом с ним.

– В том дому песен не слыхать… – тянул Мазайка.

– Умолкни!

Но парень не унимался, расписывая, как хозяин речной возьмет утопленниц в жены да изукрасит их раками, словно бусами. Жрица возмущенно схватила его за плечо и тряхнула – но не тут-то было. Мазайка обвил ее обеими руками за шею, обхватил затылок, резко запрокинул голову и лбом, будто камнем, ударил ее по носу. Добродея взвыла, зажимая разбитый в кровь нос и падая на дно долбленки. Ее подруга с веслом наперевес попыталась было развернуться, но поздно – Мазайка уже был рядом. Схватив ее руками за лодыжки, толкнул под колено плечом, дернул ноги на себя – и вторая жрица с возмущенным криком полетела в воду.

– Прыгай! – крикнул Мазайка и тут же бросился в воду с противоположной от барахтающейся жрицы стороны.

Не ожидавшая такой прыти Кирья первое мгновение замерла было. Этакими прихватками могли бы похвалиться ее братья Урхо или Учай, но никак не волчий пастушок! В тот миг, когда девочка пришла в себя и наклонилась над бортом, крепкая рука сцапала ее за ворот и бросила на дно возле стонущей от боли молодой жрицы.

– Ишь, злыдень, – прошипела Высокая Локша. – Вот, значит, как говорить будем? Ну так и по-иному можно!

Она повернулась к «дочери», подплывающей к долбленке с зажатым в руке веслом:

– Давай поскорее! А ты, – она сурово глянула на отрока, – отправляйся к своему деду, коли тебе ее участь без разницы! Давай плыви! Гнаться не буду, сам далеко ли убежишь!

Добравшийся уже почти до камышей Мазайка оглянулся. Увидел Кирью с глазами, полными слез. Сдвинул брови и повернул обратно к челну, будто его тянула к нему неведомая сила.

* * *

Учай запнулся перед дверью на пороге отчего дома и закрыл лицо руками, словно не желая отпускать видения последней схватки. Он уже почти победил. Оставалось совсем чуть-чуть! Едва живой Ширам позорно сбежал от него, бросив всю добычу. Еще день погони, от силы два – и в родовых песнях ингри на празднествах прославлялась бы его победа. Начало его великого правления!

А теперь он вернулся в родное селение, плетясь хвостом позади недавних соратников. Лишь пятеро самых молодых шли рядом с ним, браня трусость соплеменников. Угрюмые охотники ингри шагали впереди понурившись, словно с тяжелого похмелья. Многие из тех, кто вышел из селения в погоне за арьяльцами, больше никогда не увидят родной берег Вержи. Не сядут за стол, не лягут с женами, не отведают свежего хлеба. Преследование чужаков, вначале сулившее успех и богатую добычу, принесло много крови и мало толку.

У ворот селения возвращающихся из похода ждала толпа родичей. Вместо победных кличей воздух полнился стонами и плачем. Каждый третий из тех, кто отправлялся в погоню, раньше срока отправится нынче в Дом Дедов. Словно моровое поветрие вошло в земли рода Хирвы.

Затылок Учаю жгли неприязненные взгляды родовичей. Невысокий, тощий, нескладный, почти отрок – как они могли пойти за ним? Уж не злой ли дух овладел ими всеми? Будто прошел тот морок, когда сын вождя вел их в битву и они откликались с той же буйной яростью, с какой он взывал к ним. Никто не радовался его возвращению. Даже младшая сестра не вышла его встретить.

– Эй, Кирья! – крикнул он, переступая через порог.

Отчий дом встретил его тишиной и сумраком – только сестрин ручной ужик темной лентой проскользнул по земляному полу. Очаг совершенно остыл – было видно, что его не растапливали уже несколько дней. Под крышу прокралась зябкая сырость, влага проступила из земли и стен. Из еды в доме нашлась только крынка со скисшим молоком да зачерствевшая краюха хлеба. Из лаавы пищу никто не приносил – хочешь, так сиди, хочешь, иди на двор. Там все запасы на дереве, в клети на человеческий рост от земли от зверей упрятаны.

Учай вдруг ощутил, насколько устал. Он уселся на лавку, пустыми глазами оглядел темные закопченные стены, чувствуя, насколько чужой он под отчим кровом. Словно поход на Холодную Спину выдернул его из привычного круговорота жизни и выбросил, как занозу.

И все же где сестра? Девчонка непременно должна была

выскочить вперед всех, дабы приветствовать старшего брата. А теперь и не просто брата, а старшего в роду! Но ее нет. И в дом она, похоже, давненько не заходила.

И дружка ее Мазайку в толпе вержан тоже видно не было. А это уже совсем нехорошо. От сестрицы пользы немного, одна радость – дом выметен да каша сварена. А вот внук Вергиза с его волчьей стаей – совсем другое дело… Там, на Лосиных Рогах, он, похоже, не на шутку разобиделся на Учая. Но обиды мальчишки – дело пустое! А вот оставлять селение без волчьей стражи…

Учай принялся грызть найденный сухарь, раздумывая, что ему делать дальше.

Мысли его метались; он знал, что надо действовать быстро. Сын Толмая отлично понимал: когда отступит первая острая скорбь, вержане будут искать виновного в поражении и гибели сородичей. И найти такового будет совсем не сложно… Стало быть, нужно опередить их.

Уж точно просить о милости нельзя. Жить в селении из жалости – хуже не придумаешь. Последнего ужа и то больше привечают, чем его. Что же делать-то?

Ища ответы на мучивший его вопрос, Учай вдруг кое-что вспомнил. Он встал, подошел к маленькой божнице и нашарил на полке давнишний подарок отца. Много лет назад, когда Учай еще и ходить-то не умел, Толмай привез с торжища в Ладьве мальцу потешку – сверху ручка, снизу шип и бегущие по кругу восемь глубоких, загнутых на концах прорезей – солнечных лучей.

– Это не просто забава, – назидательно сказал тогда Толмай. – Дривы такие вертушки из кости режут, чтобы вопрошать богов. Вот погляди сюда. – Он поставил подарок на стол и крутанул.

Солнечное колесо начало бег; резные дуги сплелись в дивном танце, завораживая и притягивая взгляд.

– Если крутишь его посолонь – вопрошай о грядущем. Если богам будет угодно, они тебе ответят. А если не знаешь, что прежде было, – крути противосолонь.

Толмай закрутил волчок в обратную сторону, и дуги начали разбегаться к краям.

– А когда боги-то заговорят? – нетерпеливо спросил маленький Учайка.

– Ну теперь жди, – усмехнулся отец. – Думай, гляди и спрашивай. Если суждено узнать – узнаешь…

Прежде Учаю никогда не доводилось испробовать отцов подарок ради вопрошания богов. Наигравшись в детстве, он о нем надолго забыл. Ну, видать, пришел срок…

– Что мне дальше делать? – прошептал он. – Тут ли мне

жить?

Он крутанул волчок посолонь. Тот резво пробежался по столешнице, спрыгнул на пол и продолжил крутиться там.

За дверью послышались шаги.

– Учай! – послышался встревоженный голос Кежи, его лучшего друга и первейшего из его соратников. – Тебя там старейшины зовут!

Ну вот все само и решилось. Сын Толмая поднял с пола волчок, сунул в поясную суму и выдохнул:

– Пора.

За порогом столпились его друзья и соратники – жалкая кучка растерянных юнцов. Учай прикусил губу с досады. Его охватила злость. К чему уныние и страх? Сдаваться нет причин. Он все еще военный вождь ингри, и старикам придется с ним считаться!

– Вы еще заплачьте тут! – бросил он. – Идите за мной!

Дверь общинной избы распахнулась, и собравшиеся на совет старейшины дружно повернули голову к вошедшему. Их хмурые лица совсем не понравились Учаю. Старики глядели на него так, будто он был не сын Толмая, а невесть откуда взявшийся чужак.

– Я пришел говорить с вами, – громко и властно произнес Учай, чтобы не дать старейшинам опомниться.

– Говори, – помедлив, кивнул седобородый дед Райну, помнящий еще те времена, когда Толмай ходил на свою первую охоту.

– Мы гнали врага из наших пределов, так что он не мог остановиться, – заговорил Учай, вскинув голову и расправив костлявые плечи. – Мы преследовали его даже на Холодной Спине, в землях мохначей, и едва не истребили его окончательно. Но страх овладел сердцами охотников. Почти настигнув добычу, они стали мягкими как воск и трусливыми как зайцы. Не я – они потребовали возвращаться домой! Взрослые мужи, ходившие на медведя и росомаху, сбежали, так и не отведав вкуса настоящей победы! Они не добили раненого зверя! И теперь, зализав раны, враг вернется к нам, горя жаждой мести. Чем мы его встретим? Кто встанет частоколом копий на пути арьяльцев?

– Помолчи, слепень борзоязыкий! – сердито прервал его старик. – О каком частоколе ты твердишь? Ты напоил нашу землю кровью! Напоил допьяна! И что ж, думаешь, теперь из нее вырастут воины, как мухоморы после дождя? Посмотри, сколько из тех, кто пошел за тобой, не вернулись назад. Ты хочешь, чтобы и все остальные легли рядом с ними? Ты желаешь, чтобы арьяльцы пришли сюда и сожгли наши дома? Чтобы они засыпали

солью раны нашей земли?

– Так что ж, – вспыхнул Учай, – вы станете ужами под пятой врага еще до того, как он придет сюда?

– У ингри нет врагов, – угрюмо сказал другой старейшина. – Мы не станем ни с кем биться. Ты поднял оружие, возмутив своими речами добрый люд. Ты – наш враг. Мы изгоняем тебя.

– Сами вы слепни, не видящие дальше собственного носа! – яростно заорал Учай, подавляя невольный ужас. – Я, только я – ваша единственная защита! Без меня вы ничто! Думаете, если вы отдадите арьяльцам все, что награбили в их лагере, они помилуют вас?! Только это, – он выхватил кинжал, и клинок его блеснул в тусклом мигающем свете лучин, – дарует крепкую защиту. В нем и право, и правда!

Старейшины ничего не ответили. Кряхтя, они начали разворачиваться спиной к Учаю.

– Ступай прочь! Ты изгнан, – гневно провозгласил седобородый Райну. – Тебя больше нет в роду Хирвы.

Он поднялся и нарочито медленно подошел к очагу, будто ожидая, что Учай бросится к нему в ноги, моля о пощаде. Зачерпнул горсть остывшей золы, поднес к губам… Сын Толмая видел, как старейшина шепчет слова, призывающие богов и предков забыть о том, что в роду Хирвы родился и жил Учай, сын Толмая. Вслед за Райну к погасшему очагу один за другим начали подходить и остальные старейшины.

Учай опасался такого исхода, но сейчас все леденело у него внутри от этих страшных слов. Он вернул кинжал в ножны и направился к двери. Злость и ужас душили его, ища выхода. Не выдержав, он повернулся на пороге и заорал:

– Я уйду! Но я еще вернусь, чтобы плюнуть на ваше пепелище!

– Прочь, чужак! Мы тебя не знаем!

Учай открыл ногой дверь и сбежал с крыльца.

Старший из дедов, подойдя к порогу, швырнул ему вслед горсть золы и, чтобы защититься от сглаза, трижды сплюнул на землю.

Пятеро молодых охотников ждали своего предводителя возле общинной избы.

– Что, что там? – наперебой принялись спрашивать они.

– Страх отнял разум у стариков, – презрительно процедил Учай. – Они гонят меня, потому что боятся смотреть дальше собственных ворот. Все они обречены. Я ухожу. Кто со мной?

– Мы идем с тобой, Учай! – в один голос закричали собравшиеся. – Веди нас! Отомстим арьяльцам!

Глава 2. Похищенные

Если отправиться утром вниз по течению Вержи через сырой, местами подтопленный лес, пробираясь сквозь густой осиновый и березовый подрост, то на закате выйдешь на длинный песчаный мыс, утопающий в зарослях камыша. Река огибает его, разливаясь довольно широко, и течет медленно, с трудом пробираясь через плавни.

На дальней оконечности мыса торчат из воды серые, замшелые мостки. Если встать там и покричать – рано или поздно из камышиной затоки появится лодка. Тут главное – не забыть, зачем пришел. Добродеи страх как не любят, когда их беспокоят понапрасну. Если обидятся – потом можно и шею себе сломать. Но если просьба названа и принята, то лодка понесет гостя на остров, который за густыми камышами темнеет посреди реки. Как раз на полпути между чуждыми, полными злых духов землями Холодной Спины и Кромкой, с которой срываются, падая в мир мертвых, воды всех рек, стоит Ивовая кереметь, словно на страже мира людей.

Остров служительниц Видяны делился на две неравные части: священную и жилую, где селились добродеи и могли заночевать те, кто приплывал к ним за помощью. В той части, что смотрела на закат, днями и ночами шепталась с рекой заповедная роща. Раскидистые березы, сплошь увешанные оберегами, полотенцами, яркой пряжей; старые ивы, опустившие свои длинные ветви в воду; темные липы – материнские древа, дом берегинь, которые защищают рожениц; обережные рябины, отгоняющие нечисть… В камышах вокруг видимо-невидимо птиц: утки, гуси и даже редкие в землях ингри птицы – лебеди. Кирья как увидела их – ахнула от такой красоты. Лебеди священные, к ним даже приближаться нельзя. Это птицы Видяны – верный знак, что и сама мать водяниц где-то рядом.

Заходить в кереметь нельзя было никому, кроме добродей. Войдешь без дозволения, духи взглянут на тебя недовольно – и все. Заболеешь, никакой знахарь не вылечит. А если хоть веточку сломишь – сразу рука отсохнет. Говорят, один хотел ветку оторвать, так у него сразу и руки и ноги отнялись. Так и лежал, слюни пускал, пока вконец не помер.

В жилой части острова стояли привычные длинные, приземистые дома под дерновыми крышами. Там обитали сами добродеи, их дети и внуки, воспитанницы, тетки и бабки. Кирья и не знала, что тут целое селение и все сплошь женщины! Среди детишек встречались мальчуганы, но только совсем малыши.

Потом их, видно, отдавали в отчий род. Взрослым мужам постоянно жить на острове запрещалось. Рядом с избами стояли сенники, клети, навесы для сушеной и копченой рыбы – добродеи не только с богами беседовали, но и вели большое хозяйство.

Недалеко от ровного, поросшего травой берега, на котором сохли вытащенные из воды лодки, был огорожен загон для дойных лосих и жертвенного скота, который привозили просители. Впрочем, животных в жертву богам керемети приносили редко. Только на большие праздники или если просьба была уж очень непростой, резали козу или лосенка.

Верховодила всем в керемети Высокая Локша – властная, резкая женщина в годах, ровесница Кирьиного отца. Были на острове жрицы и куда старше ее, но главной считалась она. Локша не боялась ничего – ни людского гнева, ни чужой нечисти. Кирья как-то раз пригрозила ей, что вот вернется брат Учай из похода да придет за ней, – добродея лишь презрительно расхохоталась.

Впрочем, ладно вержане – те, может, и рады были, что Кирью с ее опасным даром забрали в кереметь. Но Локша не побоялась сделать своим врагом и Вергиза, Мазайкиного деда. Не каждый осмелился бы поссориться с тем, кого слушаются дикие звери и лесные духи. А Локше, казалось, не было до того никакого дела. Она проводила дни в привычных хлопотах, управляя своим небольшим поселением, совершая обряды и повсюду таская за собой Кирью. Ходила, звеня оберегами, и над ней, точно стая комаров, вились духи – от мирных и послушных до хищных, алчущих крови.

Волей-неволей Кирья, следуя за Локшей, узнавала много нового.

Что незримый мир совсем близко и может открыться в любой миг. Так что лучше заранее ведать, какие духи хотят зла, с какими можно договориться, а на каких можно попросту не обращать внимания.

Что у мужчины пять душ, а у женщины четыре и она всю жизнь ищет пятую. И, сама того не зная, призывает к себе души из-за Кромки – так и появляются на свет дети.

Что кукушка – это душа женщины, которая умерла родами, и теперь она вечно дите свое ищет, да найти не может.

Что пиво – любимый напиток леших и берегинь и оно вовсе не для того, чтобы хлестать его на посиделках, а чтобы поливать им корни священных берез.

Но больше всего Кирью поражало другое. Раньше она думала, что остров добродей – это их, рода Хирвы, кереметь, а дальше и человеческого жилья-то нет, только лес да край земли. Но как бы

не так! Что ни день к полуденному берегу приставали лодки и в кереметь приходили люди, которые и одевались диковинно, и говорили чудно́. И все они тоже звали себя ингри! Положим, о ближних соседях, роде Карью, девочка знала – по большим праздникам они ходили друг к другу в гости, и покойный брат Урхо сватал оттуда невесту. Другое селение стояло у истока Охто, Медвежьего ручья, что впадал в Вержу за излучиной, выше Лосиных Рогов, но там никто из рода Хирвы уже давно не бывал.

А был еще род Эквы – огромный, из пяти деревень, что раскинулись вдоль болот по кромке Мокрого леса. Болотные ингри гордились своей прародительницей – Древней Голой Женщиной, а попросту лягушкой. Сказания утверждали, что на нее, отдыхающую на камне, некогда наступил сам Юмо. Смущенный своей неловкостью, Отец-Солнце пожалел бедняжку и вдохнул в шкурку свой огненный дух. Вот бы к кому пойти солнцепоклонникам-арьяльцам!

Приплывали и другие, из дальних полуденных лесов, называвшие себя «дривы». Смешно выговаривая знакомые слова, рассказывали, что их род живет на берегу такого большого моря, что дальний берег еле видать, а крутые волны могут перевернуть лодку. А люди на той стороне озера вообще по-человечески не говорят и поклоняются Матери-Щуке.

– Смотри, еще немного, и тоже добродеей станешь, – говорил Мазайка, когда ему удавалось перекинуться словом с подругой.

Он сидел на мостках с прочей ребятней, занятой ловлей рыбы. В отличие от неприкосновенных птиц, рыба считалась даром водяниц – не забывать только благодарить их.

– Не стану, – отвечала Кирья, оглянувшись, нет ли где Локши, и усаживаясь рядом с ним. – Я к ней в ученицы не просилась. Она меня украла.

– Нас, – уточнил Мазайка. – И тебя-то хоть понятно зачем. А меня что здесь держат?

На Мазайку в самом деле будто никто и внимания не обращал. Хочешь, бездельничай, хочешь, рыбу лови – только с острова ни ногой. Казалось бы, что мешает сбежать? Берег-то вот он, и лодки никто не сторожит!

Но все было не так просто. Мазайка задумчиво тронул новую, только что вылепленную свистульку и вновь задумался над тем, что не давало ему покоя уже несколько дней подряд…

– Ты не спрашивала Локшу, как она отогнала Дядек? – спросил он.

Кирья покачала головой:

– Что ты, она разве скажет!

– Она дунула в какую-то тростинку…

– Это перо, – сказала Кирья. – Обрезок лебяжьего или гусиного пера. Он всегда при ней, висит на шее. Мы как-то плавали с ней там, за ивами. Вдруг по воде пошли большие круги – такие, что лодка закачалась. Локша тут же вытащила перо и подула. Никакого свиста я не слышала, но круги исчезли…

– Вот! – воскликнул Мазайка и быстро оглянулся – не подслушивают ли добродеины дети. Но те были заняты ловлей и болтовней.

– Это колдовской манок, – прошептал он. – Ах, как бы мне его раздобыть! С тех пор как я сломал костяную дудку, волки не приходят, и я не слышу их. И от деда ни слуху ни духу. От вержан так никто и не приплывал?

– Нет, – вздохнула Кирья.

– А ведь у тебя там брат, – напомнил волчий пастушок. – А у меня – дед. Почему он не приходит за мной? Может, с ним случилось что-то плохое?

– Не тревожься понапрасну, Мазайка, – с сочувствием глядя на него, сказала Кирья. – Тут другие боги. Лесным духам сюда путь закрыт. А что может Вергиз без их помощи – обругать Локшу да треснуть ее веслом? Он уже старый…

– Тсс! – Мазайка схватил подругу за руку, призывая к тишине.

Мимо мостков проходили, смеясь, две молодые добродеи. Одну Кирья уже знала – разговорчивая охтянка по имени Айне. Другая, румяная и курносая, вовсе непонятно какого племени. Будь она обычной девицей, по вышивке на ее платье легко было бы сказать не только из какого она рода, но даже из какой семьи. Но, уходя в кереметь, девы навсегда порывали с домом. Все они считались дочерьми Матери Видяны.

– …Помолитесь, говорит, о дожде, чтобы наконец перестал! У них, понимаешь, выжиги заливает, льны на корню гниют…

– Так ведь о дожде – это в Дом Ветра!

– Я им и говорю – что ж вы к Варме-то не пошли? А они – дескать, обрушился на Дом Ветра божий гнев! Все как есть развалило. Жрец тамошний Ашег получил небесным камнем по голове, почти ослеп…

– А ты что?

– А я им сказала – Видяну о дожде не просят! И не повезла его в кереметь.

– А Высокая что сказала?

– Все правильно, говорит, сделала… Эй, Кирья! Тебя Мать Локша ищет. Пора травы собирать!

Кирья со вздохом поднялась на ноги.

– Не понимаю я, чего она от меня хочет, – сердито сказала она. – Я же ничего не смыслю в травах. А она все спрашивает –

эту брать? Ту брать?

– Может, не травы она ищет? – пробормотал, будто про себя, Мазайка.

– А что?

Мазайка повернул белобрысую голову, убедился, что молодые добродеи отошли подальше, и тихо сказал, потянув за висящий у него на шее кожаный ремешок:

– Погляди-ка…

– Ух ты! Новую сойку сделал?

– Это не сойка…

И в самом деле, свистулька в его руках имела с сойкой мало общего. Кирья пригляделась и хмыкнула:

– Щука, что ли? Поющая рыба? А лапы у нее зачем?

– Так… Хочешь опробовать?

– Давай.

Кирья поднесла глиняную рыбу к губам и легонько дунула. Щука отозвалась высокой, несколько гнусавой трелью. Дети, удившие рыбу, дружно оглянулись и наперебой принялись клянчить поглядеть свистульку. Мазайка же не отрываясь смотрел на воду.

– Что там? – тоже наклонилась над мостками Кирья.

Друг тут же схватил ее за руку и оттащил от края.

– Ничего, – буркнул он, отворачиваясь. – Оно и к лучшему…

– Да чего же ты ждал? – воскликнула Кирья, рассерженная этой таинственностью.

– А вот послушай, – ответил Мазайка, спрыгивая с мостков на песок и отходя вместе с подругой к деревьям. – Давеча я на закате ловил с лодки окуней. И тут ветер такой хороший к бережку подул, что я решил – не буду ему мешать…

– Сбежать хотел?! А меня почему не позвал?

Мазайка бросил на нее мрачный взгляд:

– Мне в первый же день Локша сказала: «Попытаешься сбежать – до берега не доплывешь».

– Вот как? И что же, ветер сменился?

– Нет. Не успел я отплыть и на три весла от берега, как вода забурлила и пошла большими кругами… И мне почудилось, что под лодкой проплыло что-то большое, темное…

Кирья содрогнулась. Она вспомнила, как страшно ей вдруг стало, когда она собирала с Локшей семена и корни кувшинок и тут в борт ни с того ни с сего плеснула волна. А ведь это кереметь, где Локша старшая среди жриц! Каково было Мазайке – в сумраке, одному…

– Старики рассказывают басни об огромной щуке, на которой сама Видяна ездит верхом, как мы на лосе, – глухим голосом

продолжал Мазайка. – Такой лодку опрокинуть – только раз хвостом ударить. А ты видела щучьи челюсти? У нее все зубы внутрь загнуты – чтобы жертва вырваться не могла…

– Хватит! – оборвала его Кирья, пытаясь отогнать пугающее видение. – Видел же – я подула, и никакая щука не явилась!

– А может, она только на закате…

Их разговор прервали отдаленные крики. Малышня повскакала с мостков и понеслась за жрицами. Айне с подругой уже спешили к ближайшей лодке. На опушке под ивами показалась Высокая Локша и встала там, скрестив на груди руки, – высокая и прямая, сама чем-то похожая на щуку. При виде ее застывшего лица и хмурого взгляда Кирья сразу ощутила непонятную тревогу. Посмотрела туда, куда были устремлены водянистые глаза добродеи, – и сразу все поняла.

– С полуденного берега в кереметь просители прибыли, – прищурившись, говорил Мазайка, который пока ничего особенного не заметил. – Один, два… Там, кажется, беременная баба.

– Дедовы слюдяные чешуйки при тебе?

– Да, а что?

– Погляди-ка туда. Там худо дело, – сдавленным голосом отозвалась Кирья. – Так худо, что я и без чешуек вижу.

Мазайка глянул на людей на дальнем берегу через слюдяную чешуйку и аж побледнел, поминая Видяну, отца Хирву, берегинь и всех богов-защитников, какие только приходили ему на ум.

– На. – Кирья быстро сунула ему в руки глиняную рыбу. – Спрячь с глаз подальше. И не говори никому, что я на ней играла.

– Да при чем тут ты-то?!

– Ох, надеюсь, ни при чем…

Глава 3. Голодные духи

Плоскодонка подплывала все ближе. Она сидела в воде совсем низко, почти черпая бортом воду, как будто еле-еле несла тяжесть четырех человек. Но Кирья – да и не только она – видела, как грузно нависает над лодкой незримая обычным глазом шевелящаяся туча. Словно клубок скользких черных змей, над головами гостей мелькали и извивались десятки нетерпеливых голодных духов. А надо всеми, раскинув кожистые крылья, висел Кирьин недобрый знакомец – длинноклювый зубастый ящер.

– Да как он посмел? – вырвалось у нее гневно. – Сюда, в заповедное место!

– Близкая добыча их за собой тянет, – раздался рядом с ней холодный голос Высокой Локши. – Чуешь, дева, как из-за Кромки мертвечиной повеяло? Будет у нас сегодня тяжкая работа!

Она повела в воздухе рукой, и щек Кирьи в самом деле как будто коснулся нездешний стылый ветерок. А может, просто уже потянуло вечерней сыростью от реки.

Обжанские ингри из рода Карью, прибывшие на остров, однако, ничуть не выглядели нездоровыми – разве что у женщины, что постарше, было встревоженное лицо. Ее дочь, беременная на сносях, круглая и румяная, казалась скорее недовольной. Зачем ее побеспокоили, заставили идти через лес в такую даль, если все, что ей хочется, – не спеша прогуливаться подле дома, переваливаясь по-утиному, да с улыбкой прислушиваться, как в чреве играет дитя?

– Знамения уж больно нехороши, – принялись наперебой объяснять ее мать и дядька. – Проводили моление у Матери-Вербы на Обже – ковш опрокинулся, пиво разлилось… Хотели лучшую ленту из косы на ветку повесить – развязалась, в воду упала и потонула…

– Старухи стращают… – Женщина покосилась на дочку и прошептала: – Как бы родами не померла… Помоги, Высокая!

Она переглянулась с братом и еле слышно добавила:

– А родится девочка – так забирайте себе, в кереметь…

Локша слушала, ощупывая взглядом беременную. Что же с ней не так? Крепкая, сильная молодка. Разве живот слишком широкий. Близнецов, что ли, носит? Но почему над ней стаей вьются голодные духи, облизываясь, как на свежий хлеб?

– Отдохните пока, – подумав, сказала Локша. – Сестры, проводите карью в дом, накормите с дороги. Айне, позови повитух. Идем со мной, Кирья…

Они вышли из-под деревьев и зашагали через небольшой луг

в сторону священной рощи. Через луг тянулась широкая тропа, поднимавшаяся на некрутой взгорок.

– Ну, что скажешь? – неожиданно спросила Локша, остановившись на взгорке и глядя назад.

Кирья угрюмо посмотрела на крышу общинного дома, который казался травянистым холмом в подступающих сумерках. Сквозь оконце, затянутое рыбьим пузырем, светился огонек, изнутри доносились голоса. А над крышей на окрестных деревьях, словно черные во́роны, расселись голодные духи.

– Беременная обжанка скоро умрет, – неохотно сказала она. – Может, нынешней ночью.

– Ты уверена? – бросила на нее пронизывающий взгляд Локша.

– Они, – Кирья показала на духов, – уверены. Видишь, ждут?

Старшая добродея не ответила. Она молчала так долго, что девочка не выдержала:

– Что делать будешь? Берегинь молить? Жертвовать вареное мясо Видяне?

– Посмотрим сперва, что повитухи скажут, – отозвалась та. – Ступай-ка ты к ним. Помогай, если попросят. Только при гостях помалкивай о них. – Она коротко кивнула в сторону нависающих над домом деревьев и черных тенях на их ветках.

До самого заката самые старые добродеи не отходили от молодой обжанки. Зажгли лучины, растопили очаг; пели долгие песни, положив морщинистые ладони беременной на живот. Потом, кряхтя, поднялись на ноги и одна за другой пошли из общинного дома на двор.

– Поздно они пришли, – сказала одна, сморщенная и скрюченная, как сушеный корешок, с тонкими седыми косами, самая опытная повитуха в керемети. – Молодка родит со дня на день. Вот если бы на солнцеворот явились, так еще можно было бы что-то сделать…

– Да что там, мать? – спросила Локша.

– Дитя в чреве неправильно улеглось. Уже не повернется и само на свет не выйдет.

– Ничего тут не сделать, – вздохнула другая.

– Можно сделать, – возразила третья, переглядываясь с остальными. – Дитя спасти можно. Оно уже созрело. Если Видяна повитухе нож направит, то дите выживет…

– А мать как же? – не удержавшись, спросила Кирья.

Все промолчали. Только Локша опять уставилась на девочку своими рыбьими глазами и спросила:

– Ну, что скажешь? Отдадим мать голодным духам за жизнь

младенца?

Кирья поглядела на нее исподлобья, стиснув кулаки.

«Опять испытывает меня!»

– Зачем ты ее о таком спрашиваешь? – рассердилась одна из повитух. – Зачем девку мучаешь? А ты, Кирья, запомни – ничего голодным духам никогда не давай! Не обещай и сразу плюй в их сторону да призывай Видяну! Они и обещанное возьмут, и твое возьмут. А потом и тебя возьмут!

Локша недовольно глянула на бабку, но ничего не сказала. Потом отозвала трех старух под липы и принялась с ними шептаться. Кирья услышала немного, однако и того хватило, чтобы похолодеть. Добродеи обсуждали, какой отвар дать матери, чтобы опоить ее насмерть и не навредить младенцу…

Кирья невольно бросила взгляд под навес, на обжанку. Та, расправив понёву и вытянув отекшие ноги, беспечно болтала с матерью. Голодные духи спустились с ветвей и медленно подбирались к ней. Кирья хорошо видела, как они черными зверьками перебегают в траве. Только крылатый ящер так и сидел на крыше, словно огромная когтистая ворона. В отличие от прочих духов, которые были заметны лишь краем глаза, а при попытке разглядеть их будто растворялись, этого Кирья четко видела даже в упор. И он ее узнал – в этом она была уверена.

Беременная же не замечала обступивших ее голодных духов. Кирью это не удивляло. За Кромку могут заглядывать умирающие, увечные или те, кого учат от рождения. Или такие, как Кирья, – сами невесть кто, нечисти сродни.

«Кто ж ее сглазил-то?» – задумалась она, с горечью глядя на молодую женщину.

– Принесите жертвы, – проговорила Локша, появляясь из темноты и обращаясь к старшим карью. – Отведем ее в кереметь. Там нечисть до нее не дотянется.

– Духи будут очень злы, – проскрипела одна из старух. – Они хотят крови. Останутся тут, будут мстить…

– Пусть попробуют, – оскалилась Локша. – Но хоть душа ее не переродится в кукушку. Хуже нет – умереть, не разродившись. Моли Видяну, мать, – повернулась она к старшей женщине, которая уже начала всхлипывать. – Если дитя выживет, мы вам его отдадим…

Плач стал громче.

– Матушка? – с тревогой оглянулась беременная. – О чем они говорят?

– Повернуть можно, – раздался вдруг голос Мазайки.

Локша подняла голову так резко, что все подвески звякнули разом, увидела отрока, стоящего в дверях, и вспыхнула от гнева:

– А тебя кто сюда звал? Да как ты посмел явиться?!

– Можно повернуть дитя во чреве, – отступив на шаг, упрямо повторил Мазайка. – Я так раз делал у щенной волчицы. Только боязно. Что-нибудь оборвется внутри… Волчата-то маленькие, а дитя большое…

– Поздно поворачивать, – проворчала старейшая повитуха. – Вот если б на солнцеворот…

– Пусть поворачивает. Я ему помогу, – внезапно выступила Кирья. – Прослежу, чтобы ничего не оборвалось.

– Ты поможешь? – изумленно уставилась на нее мать, обнимавшая молодку. – Ты разве повитуха?

Кирья посмотрела на двух женщин с лицами мокрыми от слез и ничего не ответила. Она сама не знала, откуда в ней уверенность, что она справится. Второй раз в жизни что-то в ее мире грозило сломаться, но теперь дочь Толмая чувствовала в себе силы пройти по самому краю и поставить сломанное на место. Главное, не оступиться…

– Я делом займусь, а вы духов отгоняйте, – сказала она Высокой Локше.

Та посмотрела на нее чуть насмешливо:

– Ну попытайся, коли не боишься. А вы, – обратилась она к повитухам, – погодите пока варить зелье.

– Пусть ляжет на спину, – принялся распоряжаться Мазайка, заходя внутрь. – И понёву пусть снимет…

Юная обжанка послушно улеглась на солому, оставшись в длинной рубахе. Мазайка глубоко вздохнул, положил руки ей на живот и начал медленно и чутко водить – то в одну сторону, то в другую, стараясь понять, как лежит дите. Оно тут же ответило сбоку, ударило его в ладонь ножкой. Ну так и есть – лежит поперек, само путь наружу не сыщет. Долгие муки и гибель ждут их с матерью, если он не сумеет развернуть его как надо…

Он и не заметил, как с другой стороны подсела Кирья, тоже приложила ладонь к животу и закрыла глаза. Все ее чувства обострились, будто мир сейчас протекал сквозь нее. Кончиками пальцев она видела, как растягивается матка, лопаются мелкие сосуды и натягиваются большие; как пережимается пуповина и ребенок начинает беспокойно шевелиться, задыхаясь… Чуяла спиной пристальный взгляд крылатого ящера, чудища из Бездны, двенадцать лет назад убитого ее отцом; ощущала, как подкрадываются голодные духи, нависают за плечами, несмотря на слаженное обережное пение добродей…

– Нет, не так, – отрывисто сказала она. – Посолонь поверни.

Мазайке было непросто. Дитя противилось, не хотело сдвигаться так, как ему неудобно. Оно уже улеглось и теперь

было недовольно. Молодая обжанка поморщилась, охнула от боли, попыталась привстать…

– Лежи! – шикнул на нее Мазайка.

Он понимал – дитя все равно потом повернется обратно, как ему привычнее. Лучше бы ей родить как можно скорее… Наконец он почувствовал, как твердая голова младенца вошла в кольцо костей и встала там ровно.

– Получилось? – тихо спросила Локша.

Мазайка молча кивнул.

Словно тяжесть свалилась с плеч Кирьи. Она выдохнула, встряхнула руками и оглянулась. Голодных духов не было – ни единого! Ни за спиной, ни за порогом! Только крылан сидел на ветке липы, разевая зубастый клюв. Кирья поглядела на него торжествующе – что, съел?

И тут что-то лопнуло во чреве обжанки. Мгновенно намокла рубаха. Беременная испугалась, завопила во весь голос. Оборвалось пение, подскочили повитухи.

– Не пугайся, это воды отошли! – раздался голос одной из старух. – Что крик подняла? Все рожают! А вы, дети, ступайте отсюда. Девке нечего на это смотреть, а парню и подавно…

– Я у волчиц роды принимал, – обиженно возразил Мазайка.

– Кыш отсюда! Сестры, ведите ее в кереметь!

Обжанку подхватили под руки, поставили на ноги и с пением повели через луг в рощу. Издалека Кирья услышала, как роженица тоже дрожащим голосом подхватила песню….

Кирья с Мазайкой сидели на мостках, глядя, как мимо них в черной речной воде проплывают желтые листочки – первые знаки близких холодов. Им не спалось. Да и не больно уснешь тут! Самые древние березы не видали на острове добродей такой кутерьмы.

Когда рождается дите, врата в иные миры распахиваются во всю ширь. Кто угодно может появиться оттуда, и не угадаешь, благой это будет дух или нечистый. А может, зверь-прародитель придет за дитем или его собственный неупокоенный предок. Могут и проклясть, и наградить, и младенца подменить… А потому в керемети песни поют – и будут петь всю ночь. Повсюду жгут очистительные костры. Куда ни глянь, трещат ветки в пламени и огненными мошками летят к небу искры. Светло как днем!

Но Кирья не смотрела по сторонам, погруженная в свои мысли.

– Какой страшный выбор, Мазайка! – проговорила она наконец. – Ведь повитухи ее отравой опоить хотели…

– Она умерла бы, сама знаешь, – развел руками мальчик. – Так бы хоть младенец выжил. Хвала богам, все кончилось благополучно!

– Это благодаря тебе, – возразила девочка. – А если бы тут тебя не было? Как считаешь, можно жизнь за жизнь отдавать?

Мазайка задумался.

– Иногда и куда больше можно отдать, – медленно проговорил он. – А иногда ни за что нельзя. Не в жизнях тут дело.

– А в чем?

– Не знаю… Как-то внутри понимаю, но словами сказать не могу.

– Вот и я не знаю! – Кирья вспомнила Локшу и вновь рассердилась. – Зачем она меня спрашивала? Она все ждет от меня каких-то ответов, а я не пойму, чего она хочет!

– Тебя хоть спрашивает, – хмыкнул Мазайка. – А меня просто выгнать хотели, хоть сами ничего не могли сделать. Сегодня, пока вы там пели, опять думал – всем не до меня, а на берегу полдюжины лодок сохнут…

– Смотри! – вскрикнула Кирья, указывая пальцем куда-то в реку.

Ей на миг показалось, что среди проплывающих березовых листочков бледным огнем загорелись круглые желтые глаза. В темноте громко плеснула вода, побежали круги… Пленница добродей вскрикнула и шарахнулась с заскрипевших мостков к берегу.

– Что там, что там? – подскочил Мазайка. Он ничего не видел, как ни всматривался.

Река снова плеснула, желтые глаза обратились листочками и погасли.

Глава 4. Новый род

В приоткрытых воротах брошенного арьяльского острожка гулял ветер, заставляя створки натужно скрипеть на кожаных петлях. Шестеро вошли внутрь укрепления, настороженно оглядываясь по сторонам. Не встал ли кто из мертвецов, чтобы холодным дыханием заледенить теплую кровь своих убийц? Но ни призраков, ни упырей, о которых ночами рассказывали страшные былички, тут не оказалось. Все оставалось таким же, как тем грозным и славным днем, когда отряд Учая растерзал оставленных в остроге арьяльцев, словно волчья стая – безрогих оленух. Теперь Учай вступал в пустой острожек безродным изгнанником без отчего дома. И те, кто шел за ним, разделяли эту участь.

– Отныне здесь наша земля, – провозгласил Учай, обводя рукой обгорелые останки недавних построек.

– Это же совсем близко, – засомневался Кежа, первейший из его друзей и неизменный товарищ во всех затеях. – Старейшины не позволят…

– У нас больше нет старейшин, – оборвал его вожак. – Теперь мы сами по себе род. Я вам старшак, а вы мне – меньшие братья. И все мы отныне друг за друга, и в жизни, и в смерти. И на том кровь мешать будем.

– Будем, будем! – загомонили все пятеро.

– А ну как придут нас гнать? – не унимался Кежа.

– С чем придут, с тем и уйдут!

– Оно бы и хорошо. А то ведь вон они карабкаются!

Учай вернулся к воротам и поглядел в сторону селения. И впрямь Кежа не шутил. Вверх по склону поднимались трое мужей, суровых, как зимний день.

– Ежели позову, выходите ко мне, – кинул соратникам Учай и неспешным шагом отправился навстречу гостям.

– С чем пожаловали? – глумливо спросил он, сунув большие пальцы за ремень. – Не в мое ли воинство вступать?

– Зря ты, Учай, тут встал, – не отвечая на насмешку, проговорил один из пришедших. – Эта земля – наша. Старейшины велят тебе ступать прочь.

– Велят? Мне? – Учай оскалился и расхохотался. – В горшках с просяной кашей ума больше, чем в их головах! Воротись и передай старикам мои речи от слова до слова.

– Ты меня не учи, сопляк, что делать! – вспылил бородатый ингри. – Сказано убираться – так и убирайтесь!

– А я вот что тогда скажу, – чуть подумав, ответил Учай. –

Отец мой, Толмай, по доброй воле и с вашего согласия отдал этот берег арьяльцам. А я его у арьяльцев силой своего оружия отнял. – Он положил пятерню на рукоять кинжала. – Стало быть, земля эта – моя и моих ближних! Если желаешь, иди ко мне в род и тоже будешь на этой земле хозяин. А нет – ступай прочь, покуда цел.

– Ты, Учай, говори, да не заговаривайся! – Мужчина схватил было парня за плечо, но тот резко сбросил его руку и пнул посланника по голени. От боли и неожиданности тот взвыл и, забыв об Учае, запрыгал на одной ноге.

– Ты что ж, крысеныш, вытворяешь?!

Слова застряли у него в горле – острие кинжала едва не уперлось ему в нос. Сотоварищи переговорщика метнулись было на помощь, но тут из ворот выскочили пятеро побратимов Учая с копьями наперевес.

– Мы с вами за одним столом едали, одни хлеба ломали. Убивать вас у меня охоты нет, – ровным голосом сказал Учай. – Только потому вы сейчас еще и живы. Но кто нас гнать станет, быстро к Дедам уйдет. Как арьяльцев тут порешили, так и вас порешу.

– Не стращай, не стращай!

– Проваливайте!

Учай вернул клинок в ножны, повернулся и зашагал к острожку.

– Да про кашу просяную старейшинам передать не забудьте, – бросил он через плечо. – Впредь тут кого чужого увижу – прибью. И не говорите, что не предупреждал.

– Эк ты их! – с восхищением воскликнул Вечка, самый младший из соратников молодого вождя.

– Оно-то да… – Кежа с тревогой глядел вслед уходящему посольству. – Да вот только в другой раз они не втроем, а втридцатером придут. Зря ты старикам про горшок сказал.

– Ты отныне для тех стариков никто, – буркнул Учай. – Стало быть, и они тебе чужие. Что их слушать? Волос сед – умишка нет! У себя дома пусть приказы раздают.

– Да все равно нам со всей оравой не справиться. Вот ежели б у нас скорлупы были, как у тех арьяльцев, – мечтательно протянул Кежа. – Да их дивные луки… Тогда, может, и потягались бы.

– Ну-ка помолчи! – оборвал его Учай, а сам призадумался.

В его памяти снова всплыло видение недавней охоты. Отец, вышедший один на один с чудищем; страшные челюсти, сокрушающие его, будто утиное яйцо… Конечно, Толмаю арьяльцы подсунули околдованную, порченую скорлупу, но та, в

которой они сами ходили, была вполне годной! А если так…

– Когда я вел царевича и его людей к медвежьему народу, – заговорил он, – воины туда в скорлупах шли. Оттуда сами видели, сколько вернулось… Стало быть, все прочие там остались. И доспехи их там же лежат…

– Медвежьим людям они ни к чему, – подхватил понятливый Кежа.

Учай кивнул.

– Надо бы сходить к скалам и глянуть. – Он ухмыльнулся. – Медвежьи люди объедки в реку кидают, чтоб та весь непотреб из их земли выносила. Ну́ как арьяльцы нам гостинцев там оставили? Тогда-то уж точно разъясним старикам, кто на этом берегу главный!

Вдалеке, будто подтверждая эти слова, пророкотал раскат грома надвигающейся грозы.

– Вот, вот! – воскликнул Учай, указывая в темнеющее небо. – Боги нас услышали!

* * *

К ночи дождь, хлынувший, словно бабьи слезы на тризне, унялся, и обитатели острожка улеглись спать под наскоро отстроенным навесом из лапника. Ночь выдалась неожиданно холодной. Костер то и дело норовил погаснуть, не желая лакомиться сырыми дровами. В свой черед каждый из новых родичей Учая сидел, подкармливая пламя. Выискивал в куче хвороста ветви посуше, сдирал кору с березовых поленьев, давая пляшущим жарким языкам угощение.

Под утро настал черед Учая. Он сидел на поваленном бревне, бывшем когда-то частью коновязи, стараясь увидеть в огне зыбкие приметы своего будущего. Отец когда-то рассказывал, что если внимательно смотреть, то обязательно увидишь… Но сейчас, как ни таращил новый старшак глаза, не было видно ничего, кроме скукоживающейся черной коры, обугленных веток и вечно голодного огня.

«Ничего, все придет, – успокаивал себя сын Толмая. – Сходим в земли медвежьего народа, вернемся с арьяльскими скорлупами и мечами – тут всякому ясно будет, за кем сила! Вот только перед уходом непременно кровь смешать… Чтобы уж там, в походе, точно сжатый кулак, заедино быть…»

Учай устало прикрыл глаза. Веки казались такими тяжелыми, что хоть пальцами держи. Вдруг ему показалось, что он слышит шорох откуда-то из дальнего конца острожка. Учай схватился за

рукоять кинжала. Звук становился все явственнее, множился… Казалось, теперь шуршание слышалось со всех сторон. Тихое-тихое, но оттого еще более страшное.

– Кто тут?! – вскочил сын Толмая.

И увидел их. Белесые, полупрозрачные, они двигались со стороны реки. Они появлялись над черной водой, словно огромные пузыри, и медленно плыли вверх по склону, к костру, в поисках утраченного тепла. Кажется, они не видели ничего, но лица их с пустыми бессмысленными глазами смотрели прямо на Учая.

– А, это вы, – хищно оскалился новый вождь. – Что, вернулись? Решили у меня погостить? Ну нет! Убирайтесь! Вы мне никто, вам меня не испугать!

Ему показалось, что одна тень громко прошелестела совсем рядом, – Учай дернулся, открыл глаза и обнаружил себя по-прежнему сидящем на поваленном бревне. Рядом, выискивая что-то в траве, шебуршал еж.

– Привидится же, – фыркнул Учай, понимая, что не будет рассказывать побратимам о том, как задремал в свою стражу.

Он подбросил в огонь еще несколько веток, вздохнул, покачал головой и снова почувствовал, как наливаются тяжестью веки. Он собрался было тряхнуть головой, поднял взгляд наверх и вдруг осознал, что темное небо черно не просто так. Куда только ни достигал взор Учая, в небе крыло к крылу летели огромные черные во́роны. Прежде он никогда таких не видывал – чуть не с волка величиной. Каждый держал в когтях призрачный белесый человеческий остов.

– Куда это они? – прошептал Учай, потрясенный зрелищем. – Зачем?

И будто бездна отворилась перед ним.

Где-то вдали сверкало что-то столь яркое и столь восхитительное, что Учай не мог разглядеть, что же там находится. Однако сердце его стучало неведомой ему прежде радостью и восторгом. Он вскочил и бросился вслед за воронами, и сияние внезапно стало быстро приближаться. Скоро он оказался уже совсем рядом. И увидел Ее.

Она парила среди звезд, между небом и землей, держа в руках веретено и прялку. Ее белое сияющее лицо с черными прорезями немигающих глаз показалось Учаю самым красивым, что он только видел в жизни. Вороны роняли к ее ногам свою ношу и тут же разлетались в стороны. Едва белесый призрак оказывался там, к нему устремлялись тонконогие тени невиданных паучих, глядевших вокруг множеством осмысленных глаз. Они бросались на бестелесную тень и мгновенно

раздергивали ее на длинные тонкие нити, которые сами собой мотались на веретено в руках богини. А вокруг сновали вечные прядильщицы, превращая нити в незримое сияющее одеяние, словно властительница облачалась в звездный свет.

– Вот ты и пришел. Я рада видеть тебя! – улыбнулась Учаю неизвестная богиня, не прекращая крутить веретено. – Ты принес мне хороший дар. Мне он по нраву. Приноси мне еще больше таких даров – и я всегда буду держать над тобой руку…

– Как мне называть тебя? – прохрипел ошеломленный Учай.

– Тебе незачем меня называть. В свое время ты узнаешь мое имя.

В голове у молодого вождя шумело, будто он с вечера перебрал хмельной браги, хотя ничего такого и в помине не было.

– Пока ты будешь мне верен, я не дам тебя в обиду. Но не смей изменять мне! Едва свернешь с выбранного пути…

Она поддернула полупрозрачную нить, и Учай с ужасом осознал, что на его глазах исчезает остов одного из воинов, погибших в схватке на Лосиных Рогах.

– Нет-нет, я не сверну, – забормотал он.

Остов исчезал, обращаясь в искристую нить.

– Пусть так и будет…

Богиня протянула руку и ласково запустила пальцы ему в волосы. Ощутив ее прикосновение, пронзившее его, словно молния, Учай чуть не умер от восторга. Голова его закружилась, истома охватила все тело; он почти лишился сознания, но тут что-то холодное скользнуло по его лицу, потом еще и еще…

Учай резко, словно желая убить комара, шлепнул себя по щеке и открыл глаза. Уже начинало светать.

«Неужели это был сон?»

Он глянул на свою ладонь. Ему на миг показалось, что пальцы залиты кровью. Нет, никакой крови – обычные дождевые капли. Опять начинался дождь.

«Или все же не сон?»

Он подбросил в затухающий костер новую охапку хвороста и смахнул с лица прилипшую паутинку.

Глава 5. Утопленник

Третий день пути был на исходе. Отряд Учая остановился на ночевку у вывороченной скалы, закрывавшей стоянку от холодного ночного ветра. Охота в этом краю была легкой и богатой. Непуганая дичь не сторонилась человека. Но все же на ночь следовало оставить дозорного. Мало ли какая тварь примет их самих за добычу?

Учаю не спалось. Он сидел, опершись на скалу, и ладил оперение к древкам новых стрел. Чем ближе к медвежьим скалам, тем все более жуткой представлялась ему затея. В прежние времена с отцом и братом ему уже доводилось сюда ходить – каждый раз сторожко оглядываясь, готовясь в любой миг задать стрекача. Медвежьих людей он видел лишь издалека, над водопадом, но все говорило о том, что время от времени они все же спускаются со своих скал и забредают в Зеленый Дом. А что, если, завидев или учуяв пришельцев, они решат напасть? Помогут ли тут стрелы? Уж что-что, а стрелять арьяльцы умели получше ингри – и где теперь те арьяльцы?

Учай старался отогнать от себя тоскливые мысли. Он теперь не просто предводитель воинов, а глава рода. Если уж он себя напугает, так чего ожидать от младших?

Он оглядел спящих подле костра побратимов, вспоминая, как тем дождливым утром перед выходом, проснувшись, они вдруг уставились на него, точно не видали прежде.

– А что это с тобой? – спросил Вечка, не спуская глаз с его головы.

– Да вроде ничего. – Учай провел рукой по волосам. – Коры, что ли, нападало?

– Какая уж тут кора! Волосы темные, будто в золе измазаны, а в них борозды седые! Брр!

Учаю тут же припомнилось ночное видение, и его охватила радость. Да, это был не сон!

– Это знак…

Он хотел было рассказать соратникам о богине, но оборвал себя на полуслове. Нет, это не для них. Она – его, только его. Никто не должен знать о повелительнице воронов, плетущей нити людских судеб. Для побратимов хватит Шкая.

Не говоря больше ни слова, Учай огляделся, срезал костяным ножом с поваленного березового ствола пласт коры, чиркнул себя острием по ладони и, дождавшись, когда та наполнится, поставил на подкорье кровавый оттиск. И каждый из его новых родичей последовал его примеру, прижимая ладони к его оттиску,

смешивая кровь и признавая его старшинство. Отныне они – единое целое и кровь их – общая кровь.

– Кору эту зароем тут, – сказал потом Учай. – А само место упрячем под дерном, так чтоб было не найти. Отныне эта земля нашей кровью вспоена. И стало быть, наша – до конца времен!

Его слова были приняты дружными возгласами одобрения. Такой обряд им прежде был неизвестен. Но теперь у них свой бог – небесный смутьян и забияка Шкай-громовик, что первым из высших откликнулся на слова Учая. И пусть он не самый старший и сильный среди прочих богов, таких как великий Варма или Мать-Лосиха, но ничего – зато он так же юн и свиреп, как они!

– Наша кровь – тебе жертва! – нараспев проговорил глава нового рода, и отдаленные раскаты грома вторили его словам. – Наша жизнь – в твоей руке! Даруй нам победу, сокруши наших врагов, как молниями сокрушаешь деревья и скалы!

– Мы все – одно, мы все – твои сыны! – восторженно закричали юнцы, чувствуя себя в этот миг частью полыхающей над лесами небесной силы, вестниками божьей ярости…

Сейчас Учай бодрствовал один в темноте, у порога чужой земли, и ему было холодно и страшно. За каждым деревом или скалой ему чудились огромные призраки подкрадывающихся медвежьих людей. Но показать этот страх значило сдаться, открыть дорогу пожирающему разум ужасу. Он нахмурился и с удвоенным рвением принялся за работу. Прорезал узкую щель в древке будущей стрелы, смазал ее растопленным рыбьим клеем, осторожно вставил стебель костяного наконечника и неспешно, чтобы тот не искривился, принялся обматывать тонкой жилой. Закончив, придирчиво оглядел, ровно ли тот встал, не будет ли рыскать в полете, словно раздумывая, какую цель выбрать…

От костра послышались всхлипы.

– Что еще такое? – недовольно прошептал Учай, встал и направился к огню.

Сидевший настороже Вечка подхватился было, сжал копье, но, увидев старшака, облегченно вздохнул. И тут же, не удержавшись, всхлипнул.

– Ты что же здесь, болото решил устроить? – насмешливо спросил старшак. – Чтобы мы тут поутру в твоих слезах потонули? Так страшно, что ли?

– Нет, я не о том… – начал оправдываться мальчишка. – Я по матушке скучаю. По сестрам, по отцу. Как они там? Им небось тоже несладко…

– Сладко, не сладко! Ты что, сюда мед есть пришел? Угомонись, Вечка.

– Да я что? – Вечка прерывисто вздохнул. – Я и сам не хочу, а

они текут… Что-то жжет внутри, точно угольев тут, – он хлопнул себя по груди, – насыпано!

– Ладно тебе. – Учай приобнял отрока за плечи. – Или я не понимаю! Всем сейчас тяжко. Но ты одно пойми: род Хирвы теперь как петух без головы. Сколько-то бежать может, да только далеко все равно не убежит и в ощип пойдет. Старейшины из лет выжили, трусами сделались, уже тени своей боятся! А ныне трус и мертвец, считай, одно и то же. Пока это у сородичей наших в голове не уляжется, дорога им – в Дом Дедов. Не тужи, Вечка. Они еще придут к нам, и поклонятся, и попросят защиты.

– Вправду так думаешь? – пытливо глядя на вождя, спросил подросток.

– Так и будет, – подтвердил Учай. – Ты, главное, мне верь. Мне о том сам Шкай сказал. Помнишь, как в небе громыхнуло? Слова те все слышали, да не все поняли.

– Хорошо, – кивнул Вечка, утирая слезы. – Пусть только его воля исполнился поскорее!

– Поскорее так поскорее. Буди братьев. Пора начинать.

* * *

Учай вынырнул из реки и запрыгал на месте, чтобы согреться.

– Еще одного нашел! – объявил он, перекрикивая шум водопада. – Раки его объели, зато коряг рядом нет – тащить будет легко!

На берегу уже лежало несколько доспехов, боевых поясов, кинжалов. Были и луки, но все эти дни пролежавшие в воде и потому непригодные. Распухшие, обглоданные раками тела арьяльцев были сложены в стороне, заставляя юношей то и дело озираться, будто ожидая, что мертвецы вдруг поднимутся и учинят расправу с грабителями.

– Схоронить бы их надо, – буркнул здоровяк Каргай.

Отец его был из тех, кто погиб в погоне за арьяльцами, и он считал месть своим священным долгом. Но мертвые, да как должно не упокоенные, – дело другое. Они уже не люди – они слуги Маны, грозного бога смерти, и его ужасной матери Калмы.

– Это еще для чего? – презрительно глянув на тела врагов, спросил Учай. – Они небось к отцу на тризну идти не пожелали.

– Вот ты плетешь невесть что! – поддакнул Кежа. – Разве ты знаешь, как арьяльцев нужно хоронить? В воду кинем, и довольно. Пусть их там раки доедают.

– А ну как ночью полезут за схищенным добром? – мрачно спросил Каргай. – И скорлупы заберут, и нас утянут к Мане.

– Говорят, у бабки Калмы зубы железные и руки в десять локтей, – испуганно добавил Вечка.

– Ты давай оттирай песком скорлупу, а не болтай! – сердито приказал Учай. – Ты что, дите малое – бабки Калмы бояться? Утащат, утащат… С чего бы им нас за Кромку тащить? Разве это мы их убили? Нет, не мы.

– А если встанут? – не отставал Каргай.

– Тогда отойдем от них задом наперед, так что даже если они и встанут, то враз со следа собьются.

– А как по лесу бродить начнут?

– Нам-то что с того? Пусть себе бродят. Мы добычу заберем и уйдем. Лучшее себе оставим, прочее снесем в Ладьву на торжище…

– Если в Ладьву, то нас там могут узнать и сразу спросят, где мы их взяли, – заметил Кежа.

Учай кивнул:

– Ты прав. Самим сгодится – для новых побратимов. А на торжище все же идти надо. Там всякий люд бывает, из разных мест едут. Если где искать людей для войска, то там…

Он осекся на полуслове и замер, стиснув в руках бронзовый панцирь. Раздался громкий всплеск, и из воды показалась голова. Мощные руки вцепились в камень у берега, и речной обитатель, глотая воздух, полез на сушу.

– А-а-а! Мертвец лезет! – заорал Вечка и бросился наутек.

За ним припустили и остальные побратимы, спотыкаясь и крича в ужасе. Только раздетый донага Учай остался на месте, не в силах отвести взгляд от упыря. Он бы и рад был убежать, да окаменел от страха. Даже в сгущающихся сумерках он узнал силача Джериша, первейшего из телохранителей царевича Аюра. Тот наконец вылез, встал во весь рост и уставился на сына Толмая, отплевываясь и вытряхивая воду из ушей.

– На, на! Все забирай, только меня не трогай! – завопил Учай и бросил грудную пластину доспеха под ноги мертвеца.

Бронзовая «скорлупа» ударила того по пальцам, и предводитель Жезлоносцев Полудня взвыл от боли:

– Ты что творишь, змеево отродье?!

Учай вгляделся в могучего воина и изумленно спросил:

– Ты что, жив?!

– Я-то жив, а вот ты сейчас будешь мертв!

– Постой, постой! – Учай выставил перед собой руки. – Без нас тебе отсюда не выбраться!

– Ты что, меня дурачить вздумал? – Разъяренный Джериш схватил его за горло и приподнял над землей.

– Погоди! Выслушай меня! – хрипел Учай. – Ты успеешь меня

убить, когда захочешь…

– И то верно. – Джериш с негодованием швырнул грабителя на землю. – Говори, но только быстро и толково, если не хочешь, чтобы я притопил тебя, а затем и всех прочих крысенышей!

– Я не убивал твоих людей!

– Это я знаю. Куда уж тебе! Просто завел на погибель, чтобы обворовать трупы.

Он наклонился, поднял с земли боевой кинжал, вытащил его из ножен и шагнул к новоявленному вождю.

– Есть еще что сказать?

– Да-да, есть! – Мысли быстро мелькали в сознании Учая. – Я был верным! Я привел вас сюда, как велел царевич! Вспомни, я предупреждал, что здесь живут враги, к которым не надо ходить…

– Я в этом убедился, – мрачно ответил Джериш. – Все?

– Нет, не все! Пока я вел вас сюда, мои сородичи учинили ужасное злодейство! Они напали на ваш стан. Не выжил никто!

– Что? – медленно повторил Джериш.

– Только я и те, кто со мной, остались верными клятве моего отца Толмая! Ведь это мы помогли сбежать царевичу и некоторым его людям – и нас за это изгнали из рода!

Эти слова Учай кричал во все горло – не столько чтобы убедить Джериша, сколько чтобы рассказать притаившимся неподалеку собратьям о том, что следует им говорить, если спросят.

– Твои сородичи убили наших слуг? – глухим голосом повторил глава жезлоносцев. – Это верно?

– Так же верно, как то, что я вижу тебя! Они изгнали нас и, конечно, мечтают убить. Нас всего шестеро… – Учай принялся всхлипывать. Его била крупная дрожь, то ли от холода, то ли от страха. – Нам нужно было оружие и доспехи… Я подумал, что они больше вам не нужны. А нам они помогут спастись, чтобы защитить дело, за которое отдал жизнь мой отец. Прости, если я нарушил покой ваших мертвецов, – у нас не было злого умысла…

– Лесные дикари перебили свиту царевича, – вновь повторил Джериш, сжимая и разжимая кулаки. – Хорошо, что ты рассказал мне это.

Он поглядел туда, где среди кустов прятались прочие:

– Эй, вы! Бегом сюда! Если будете мне послушны, я сохраню вам жизнь.

– Возвращайтесь! – крикнул Учай, быстро подхватывая лежащие на берегу порты и кидая недоверчивый взгляд на могучего арьяльца. Неужели тот и впрямь столь простодушен, что поверил ему? Похоже, так и есть…

– Эй, малый… – Джериш вновь поглядел на собеседника. – Как там тебя – Учай? – У вас есть хорошая еда? Мясо? А то от всех этих ягод я скоро буду щебетать, как птица! Хотя ягоды там, у медведей, с кулак величиной…

– Есть – с утра в силки попался заяц.

– Вот и отлично. Пожарьте его и найдите для меня одежду. Да подберите с земли оружие и доспехи – нечего им там валяться… – Он огляделся и добавил: – А затем – бегом в лес за дровами. Нужно будет разложить большой костер, чтобы предать тела арьев очистительному огню.

* * *

Джериш сидел у костра и жадно вгрызался в жареное заячье мясо. С каждым укусом на сердце у него становилось все радостнее и по телу разливалась приятная истома. Он с улыбкой глядел на шестерых заморышей, сидящих в стороне и с робким любопытством наблюдающих, как стремительно исчезают остатки их зайчатины.

«Наверно, думают, что стоило поймать еще одного, – благодушно подумал огромный арий. – А лучше двух. И полдюжины уток».

Он помахал в воздухе обглоданной костью:

– Давай рассказывай дальше!

– Так вот, когда царевич и его люди добрались до Лосиных Рогов, там их ждала засада, – продолжил Учай. – Но ваш солнечный бог спас их. А моего брата Урхо предки не уберегли. Он собой закрыл царевича, так его на копья и подняли…

– А где был в это время Ширам?

– Наставник царевича тяжело ранен – он упал со скалы, чуть насмерть не расшибся.

– И расшибся бы – невелика беда, – буркнул Джериш, скривившись, и сплюнул мелкую косточку. – Главное, царевич-то остался невредим?

– И юный царевич, и рыжий шаман, когда я видел их в последний раз, были живы и в добром здравии, – поспешил успокоить его Учай. – Упредив царевича о засаде, я вернулся и пытался отговорить сородичей, но они меня не слушали. Так ведь?

Он обернулся к спутникам. Те жарко закивали, не сводя голодных глаз с почти съеденного зайца.

– Ты – настоящий сын своего отца! – дожевывая кусок мяса, с чувством проговорил Джериш. – Аратта не забудет твоего

деяния…

Он задумался, прикидывая, что еще похвального можно сказать Учаю. Но мысли невольно обратились к главному – что следует делать дальше.

Возвращаться в одиночку в Аратту? Пустая затея. Зима наверняка застанет его в пути. Даже если прихватить с собой этих мальчишек… Джериш живо представил себе, как взглянет на него высокородный братец Киран – как умел смотреть лишь он. Воину показалось, что он слышит обращенный к нему вопрос: «Ты увел с собой полторы дюжины отборных жезлоносцев, а привел обратно полудюжину каких-то ощипанных цыплят. Ты с ума спятил?»

Напутствуя родича в дорогу, государев зять настойчиво рекомендовал предводителю Полуденных Жезлоносцев подружиться с наследником престола, стать его ближайшим советником и товарищем. Не дать мерзкому накху оплести мальчишку своими змеиными чарами. И все складывалось просто замечательно – до этой проклятой охоты в землях медвежьих людей!

Джериш скрипнул зубами. Иметь дело с разгневанным знатным родичем ему хотелось меньше всего. От милости Кирана зависело, достигнет ли он высот, возглавит ли дворцовую стражу или так и вернется в башню отца – жить среди быков, коз и прочей домашней скотины…

Но в сущности, зачем ему спешить в Аратту? Раз он уже здесь, можно сказать, что в его лице здесь – войско повелителя Ардвана! А что, если помочь простоватому, но верному мальчишке Учаю стать вождем дикарей, а затем с его помощью привести к покорности прочие здешние рода ингри? Едва ли это займет много времени. А когда по весне государь Ардван пришлет сюда войско, чтобы покарать мятежников, он, Джериш, по сути, уже будет наместником повелителя Аратты в этом краю. Тогда, очень может быть, государь так и пожелает оставить его наместником! И тогда для Кирана он будет уже не просто бедный родственник. Тут от него и польза семье будет больше. Да и самому на здешних шкурках можно неплохо нажиться…

– Словом, сейчас доем, и пойдем, – завершил он.

– Куда? – насторожился Учай.

– В твое селение. Царевич Аюр возвысил твоего отца над всеми ингри. Твой брат до последнего вздоха стоял за него. А ты – их законный наследник. Будешь впредь повелителем над всем Затуманным краем. А кто не пожелает покориться, тому я враз голову меж ребер вколочу. Так-то! А ну-ка, мелюзга, поймайте мне еще пару зайцев!

Когда над лесом взошла луна и начало угасать пламя большого очистительного костра, Вечка бесшумно подошел и уселся на поваленное дерево рядом с Учаем. Тот жарил на огне найденный поблизости гриб.

– Этот уснул, – заговорщицки прошептал он.

– Ну и хорошо, что уснул. Пусть отдыхает.

– Да я к тому, что можно начинать!

– Что начинать? – удивился наследник Толмая.

– Как – что?! Ну сейчас он спит, нам ничего сделать не может. Ты его ловко провел! Так вот. – Младший из Сыновей Грома, как они сами себя прозвали, поудобнее ухватился за охотничье копье. – Вшестером ударим, навалимся на древка – он и дернуться не сможет!

– Ишь ты! – хмыкнул Учай. – А зачем нам на него вшестером наваливаться?

– Он же арьялец! Наш враг!

– Ты, Вечка, мал еще и глуп о таких делах размышлять. Вот скажи – мы тут скорлупы и оружие себе набрали, так они теперь чьи? Арьяльские или наши?

– Ясное дело, наши!

– То-то же. Так и этот верзила – теперь наш.

– Его, вестимо, медведи за своего приняли, оттого и не сожрали, – с ухмылкой сообщил Кежа, бесшумно появляясь из темноты. – Слушай старшака, Вечка. Он дело говорит.

– Арьялец для нас много сделает, – продолжал Учай, мечтательно глядя в ту сторону, откуда доносился раскатистый храп Джериша. – Да мы с ним всю Ингри-маа под мою руку соберем! И войско обучим… И всем покажем, что лютей арьяльца и медведь-шатун быть не может. Так и пусть себе спит, сил набирается. Копьями затыкать мы его всегда успеем…

Вечка бросил на него уважительный взгляд:

– Ну ты и хитер!

– Так что разумейте, – обратился Учай к подошедшим один за другим побратимам, – если хитрость для правого дела нужна, то она правее правды будет. – Он погладил свои темные с просединами волосы. – А потому думайте что говорите. До поры до времени вы этому Джеришу – первейшие друзья и соратники.

Глава 6. Врата Маны

– Косящие колесницы? – повторил Учай, моргая. – А что это?

Джериш поглядел на него с легкой насмешкой. Сын вождя, который сидел рядом с ним у костра, тараща глаза то ли от усталости, то ли от удивления, выглядел до смешного нелепо.

Прочие юнцы нынче и вовсе отличились. Не сказать бы, что он сильно гнал тощих беловолосых мальчишек, которые, пыхтя, волокли на себе добытые бронзовые доспехи и оружие. Любой из прежних его воинов справился бы с дневным переходом, даже и через лес, веселя себя на ходу шутками и песнями. А эти, едва разведя костер, рухнули вокруг него под стать поленьям и тут же заснули мертвым сном.

Один Учай только и держался, да и тот еле ворочал языком от усталости. Но все же упорно сидел рядом с Джеришем, расспрашивал его о походах, сражениях и нравах далекой Арьялы. Правда, иногда, после очередного вопроса, начинал клевать носом, глаза его слипались и голова клонилась к коленям. Но окрик «Хвороста подбрось!» быстро пробуждал его от сонной одури.

– Косящие колесницы-то? – произнес Джериш. – Это о-го-го какая сила! Вот представь: несутся они на тебя стеной, кони храпят, впереди таран – да такой, что если даже мне в щит ударит, то перевернет вверх тормашками. По бокам зазубренные косы вращаются. Попадешь под них – сразу кусками нарубит. На самой колеснице – лучник. Стрел у него там без счету. А как у нас стреляют, ты сам видел. Учат сызмальства – на тележку ставят и трясут со всех сторон. А ты хочешь не хочешь попадай. Отец мой лепешку подвешивал: не собьешь – не пообедаешь! Сначала просто на веревке, потом раскачивал ее влево-вправо. А когда я с легкостью по его приказу всаживал стрелу, куда б она ни качнулась, так и вовсе раскручивать начал!

– Ого, – бормотал Учай, внимательно слушая.

– Ну юнцам-то все игра. А когда я с качающейся тележки в раскрученную лепешку начал попадать, отец решил, что самое время мне всерьез ратному искусству начать учиться.

Учай сглотнул слюну. Конечно, он и сам охотился с отцом. Бил на ветке белку затупленной стрелой, чтоб не испортить шкурку. Но чтобы вот так – и только после этого *начинать* учиться?!

– А меня научишь? – будто вскользь спросил он.

– Отчего ж – научу, если учиться будешь…

– Конечно буду…

Учай осекся. Тонкий слух охотника уловил вдали звук хрустнувшей ветки. Затем – тишина. Никто из зверей не стал бы ходить так. Одни беззвучно подкрадываются на мягких лапах, другие ломятся через подлесок без оглядки на шум.

– Похоже, тут люди, – скороговоркой сообщил он, оглядываясь по сторонам.

– Кому бы тут ходить? – удивился Джериш.

– Не знаю…

Учай пытался сообразить, почему стало тихо. Неизвестные услышали их голоса? Скорее уж учуяли дым костра.

Жезлоносец бесшумно поднялся на ноги:

– Давай-ка глянем, что будет.

Джериш с Учаем отошли за ближайший куст и притаились. Спустя время трое мужчин вышли из лесной тьмы. Подойдя к костру, они остановились и уставились на спящих подростков.

– Ишь ты, – негромко сказал один. – Арьяльские скорлупы где-то раздобыли.

– Я ж тебе говорил – к медвежьим людям пошли. А ты – да что им там делать! Вот то и делать.

– А куда Учайка подевался? – спросил третий.

– Вот проснутся и расскажут. До Учая нам дела нет, он – отрезанный ломоть. Куда ему надо, пусть туда и уходит. Но юнцам головы морочить нечего. Погуляли – и будет. Пора домой вертаться.

– Давай буди их, – приказал первый говоривший.

– Не надо будить.

Учай вышел из-за куста.

– Что ж это вас ночью в этакую даль понесло? – ехидно спросил он, оглядывая бывших родичей. – Или, может, все же решили ко мне в войско вступить?

– Нам твои расспросы, Учай, – тьфу, – холодно ответил старший охотник. – Ты для нас все равно что умер.

– Ах вот как! Тогда и вы для меня умерли! Ступайте-ка отсюда…

Джериш возник у них за спиной так быстро, что никто ничего не успел заметить. Он поймал за головы двух ингри и столкнул их с такой силой, что черепа треснули, как пустые орехи. Третий едва успел повернуться. Арьялец ухватил его за подбородок и макушку, хекнул и в одно движение свернул ему шею.

– Так-то, – самодовольно ухмыляясь, сказал он. – С такими вояками справиться – что чихнуть. Тут и оружия не надо. Эй, парень, ты чего?

Учай скрючился чуть не вдвое, схватившись рукой за горло. Его мутило так, будто все нутро выворачивали наизнанку. Эти

люди недавно были его родичами, рядом с ними он прожил всю жизнь, сидел за одним столом, ломал хлеб…

– Ты ж их убил… – выдавил он, глядя на арьяльца расширенными немигающими глазами.

– Конечно убил, – с улыбкой подтвердил Джериш. – А вот доберусь до вашего селения, там-то они узнают, как арьи карают мятежников! Всех порешу!

– Постой, постой! – вскинулся Учай, живо представляя себе предстоящую расправу. – Всех не надо! Это все старейшины виноваты! Им ведь поперек слова молвить никто не решался… Если теперь весь род Хирвы карать, кто же нас потом кормить будет? Старичье, конечно, поучить, чтобы седые дурни поперек не лезли, а всем прочим – жизнь даровать и обложить данью с каждого лба. И им урок, и нам польза…

Джериш поглядел на собеседника с одобрением:

– Да ты парень толковый! Все вперед продумал, молодец. Что ж, будь по-твоему.

– Оно и к лучшему, – быстро закивал сын Толмая. – Я-то сородичей хорошо знаю. Я тебе расскажу, как все провернуть…

– Ну гляди. Я тебя послушаю. Но если что не так… Вот эти трое умерли быстро. Не делай так, чтобы я тебе показал, как умирают медленно!

Бросив эту угрозу, Джериш вернулся к костру и уселся там как ни в чем не бывало. Учай не без труда разогнулся. Его еще мутило, но уже отпускало. На убитых вержан глядеть было страшно, но он пересиливал себя и смотрел. Один из троих был родной дядька Кежи, другой – старший брат Вечки. Вот горе-то побратимам…

«Они теперь чужаки, и горевать по ним незачем, – одернул он себя. – Они нам не родичи! Сами от нас отреклись – значит сами и виноваты!»

Нужно это принять, уговаривал он себя. Научиться радоваться гибели ближних, внезапно ставших врагами.

Ничего, он сможет.

Проснувшись поутру, Дети Грома обнаружили неподалеку от места ночевки своих убитых сородичей. Парни оторопело глядели на мертвецов, не зная, что и сказать. Еще совсем недавно они сами дерзко отгоняли бывшую родню от острожка. Но одно дело грозить, пусть даже и оружием, и совсем другое – смотреть на бездыханные тела. Кежа не мог скрыть слез, глядя на собственного дядьку. Вечка и вовсе плакал в голос, не находя сил поверить, что все это случилось на самом деле.

Дождавшись, когда Джериш отойдет подальше, Учай подошел

к Кеже и обнял его за плечи.

– Держись, – тихо сказал он. – Это все Джериш. Видать, за вами ночью приходили. Он увидел их и прикончил…

– Где он? Я убью его!

– Тихо, тихо… Я тоже его ненавижу. Но сейчас он ушел. А вернется, не лезь к нему – в открытом бою он задавит тебя, как муху, даже ойкнуть не успеешь.

– Но когда мы отомстим?!

– Я скажу тебе когда… Но не сейчас. Твое время еще настанет.

Кежа схватил за руку побратима:

– Обещай мне!

– Так и будет, поверь.

* * *

Ворота селения ингри были заперты, словно на ночь. Обойти их, впрочем, не составило бы никакого труда. Но Учай подошел прямо к воротам, остановился и принялся колотить в створки кулаком.

– Я Учай, сын Толмая, призываю всех сюда! – закричал он во все горло. – Я не ступлю на землю, с которой меня изгнали! Я пришел вернуть роду Хирвы тела несчастных, убитых арьяльцами!

Пока он выкрикивал свои слова, его побратимы подтащили к воротам волокушу, сработанную из молодых елок. На волокуше лежали тела их недавних родичей.

Заслышав голос изгнанника, люд начал стекаться к воротам. Вержане из любопытства подходили ближе и застывали на месте, в ужасе глядя на мертвецов. Ворота распахнулись, и наружу кинулись женщины. Воздух наполнился криками и причитаниями.

– Видите? – срывающимся голосом воскликнул Учай. – Я же говорил, что арьяльцы вернутся мстить, а вы мне не поверили! Вы изгнали меня! Вот, получите! Если кто-то думает, что арьяльцам хватит этих жертв, пусть даже не надеется! Враги не будут знать покоя, пока не истребят каждого из вас. Мы случайно наткнулись на эти тела в лесу. Но теперь вы знаете – арьяльцы где-то рядом!

Пока одни вержане с плачем заносили внутрь тела родичей, другие молча глядели на Учая и изможденных Детей Грома за его спиной, бледных от усталости и всего пережитого. Люди пытались осмыслить произошедшее. Но Учай не позволял им задуматься.

– В последний раз говорю! – крикнул он, перекрывая

стенания. – Чтобы не пропасть попусту, как зайцы в половодье, нужно созывать войско! Признайте меня военным вождем – и мы отстоим наши земли!

Толпа загудела, послышались негромкие голоса, кто-то ожесточенно заспорил… Учай, внимательно вслушиваясь и вглядываясь в лица мужей, воспрянул духом. Он не видел враждебности к себе, только растерянность и боль. «Они сейчас здорово напуганы, – возбужденно думал он, шаря взглядом по лицам ингри. – Еще немного – и они призовут меня назад!»

Но тут вперед пропихнулся худой старик Райну с яростным взглядом – тот самый, который объявил Учая изгоем, плевал и кидал золу ему вслед. За ним следовали прочие старейшины. Гул толпы смолк.

– Ты был изгнан, – выступил седобородый старец. – Эти люди отправились следом за тобой, чтобы вернуть бестолковых отроков по домам. А значит, ты и виновен в их смерти.

– Я?! Ты что мелешь?

– Сам-то что мелешь! – громким скрипучим голосом выкрикнул Райну. – Откуда тут арьяльцы? Они давно ушли! Вернутся ли – лишь боги ведают. Уж не знаю, кто погубил охотников – медвежьи люди, лесные духи или кто другой, – но вина на тебе, Учай!

– Ах так? – перебил его сын Толмая, бледнея от злости. – Тогда ты виновен, что выжил из ума, старый пень! И род свой губишь! Я не звал никого из них, – Учай указал на мертвецов, – выслеживать меня! Вам не понравилось, что мы заняли острожек на холме? Так мы ушли оттуда. Зачем же вы не унялись? Разве я пинками гнал с собой моих побратимов? Они не младенцы, они воины, Дети Грома, они решают сами! И ума у них, по всему выходит, побольше, чем в том бородатом горшке, который торчит у тебя на тощей шее!

Он плюнул под ноги старейшине. Пролетевшие было над толпой смешки тут же затихли.

– Я хотел помочь вам, – обратился к толпе Учай, нарочно отворачиваясь от стариков. – Но судьба этих бедолаг ничему вас не научила. Мы уходим – а вы скоро умрете!

Учай сделал знак соратникам. Оставив волокуши перед открытыми воротами, они, опустив плечи, последовали за ним.

– Я буду на холме, в моей крепости! – обернувшись, крикнул сын Толмая. – Если кто решит вступить в мое войско – ищите меня там. А нет, так живите как знаете. Боги ведают, вам осталось недолго!

* * *

По темному небу беззвучно текли низкие облака, то и дело закрывая большую осеннюю луну. На берегу Вержи было холодно и промозгло, ветер кружил опавшие листья и бросал в лицо редкие капли дождя.

Учай, обхватив себя руками за плечи, съежился перед тлеющим костром и мрачно поглядел туда, где в темноте раскинулось спящее селение ингри. А, нет, не спящее. Вот огонек у ворот, и там, внизу у мостков, где лодки… «Сторожат. Боятся меня. Или не меня? Неужели все-таки поверили в арьяльцев? Но и впрямь, кому, как не им, совершить такое убийство?» Он вспомнил радостное лицо Джериша, в один миг прикончившего троих взрослых мужчин, и его невольно передернуло от этого воспоминания. Может, все-таки получится обойтись без лишних смертей?

Молодой глава нового рода покосился в сторону, где под отдельным навесом спал Джериш. Вражина устроился вольготно – только длинные ноги в сапогах, снятых с мертвеца, торчат наружу. Учай скрипнул зубами и отвернулся. День за днем он сам же одергивал парней, чтобы не смотрели на арьяльца волками, сам вокруг него вился, выказывая верность, поддакивал, вел долгие задушевные беседы – и с каждым днем все сильнее его ненавидел. «Как бы только Джериш этого не заметил! Хотя он и не глядит на нас. Что ему до ненависти ползающих под ногами букашек?»

Учай встал, подошел к спящему под навесом Вечке и тряхнул его за плечо:

– Вставай!

– Что? – Мальчонка непонимающе обвел глазами острожек. – Что-то случилось?

– Домой пойдешь.

– Я же с тобой! Я клялся, я кровь с тобой мешал…

– Тихо, не шуми. А то еще, чего доброго, его разбудишь. Пойдешь и сделаешь вот что…

Он склонился к уху младшака и быстро что-то зашептал. Проснувшийся уже Вечка закивал, улыбаясь. Вскочил и тут же исчез за воротами.

Учай прошелся по острожку. Сейчас ему не сиделось на месте. Правильно ли он поступает, давая сородичам еще одну возможность сделать разумный выбор? Или, может быть…

Он поглядел в сторону спящего Джериша, привольно раскинувшегося под навесом. Один удар арьяльским кинжалом – и младший сын Толмая навсегда останется героем в роду Хирвы. Вот только сейчас ему это уже не нужно…

Он тряхнул головой, отгоняя навязчивый морок. И все же как

Джериш уцелел в земле медвежьх людей? Да еще прожил там немало дней, пока не сбежал?

Эта тайна занимала всех Детей Грома. Кежа уже подступал к великану с расспросами, но остался ни с чем. Второй раз Джериш еще и наорал на него и отвесил оплеуху ни за что ни про что. Явно воспоминания приводили его в дурное расположение духа. Видно, хвалиться ему было нечем… «Да небось просто прятался в кустах, глядя, как медвежьи люди доедают его сородичей, и теперь стыдится… Но почему выскочил голый?» Парни втихомолку зубоскалили над арьяльцем, высказывая самые непристойные предположения о его жизни среди медвежьего племени.

Но так или иначе, Джериш сейчас с ними. И нынче ночью он Учаю очень пригодится.

Подумав об этом, молодой вождь опять помрачнел. Как себя ни уговаривай, но то, что он задумал, было не просто воинской уловкой. Одно дело – наблюдать, как враг – пусть и временный союзник – убивает бывших сородичей. Но совсем другое – самому привести в родной дом смерть…

Сын Толмая по-прежнему никак не мог сладить с собственным сердцем. Перед ним то и дело всплывали совершенно ненужные, глупые воспоминания. Как Райну учил его бить острогой рыбу; как те самые старейшины, которые уже скоро должны были отправиться к праотцам, собирались в доме Толмая, обсуждая общие дела. А он, совсем еще мальчонка, сидел у отца на руках и слушал, ничего не понимая, хотя ему уж точно не место было среди умудренных мужей. Что ж, теперь им суждено умереть. Они пережили свое время…

Он вдруг со страшной ясностью ощутил, что больше ему не к кому обратиться за советом. Он один на один с небесами.

Учай прикрыл глаза. Ему очень хотелось задать вопрос и получить утвердительный ответ – что он все делает правильно. Но кто может ему это сказать?! Хотя…

Он поспешно запустил руку в поясную сумку и радостно нащупал костяной волчок. Не зря прихватил его из отцовской избы!

Сын Толмая достал волчок из сумки, выбрал место поровнее на утоптанной земле и что есть силы закрутил против солнца.

– Все ли я верно делаю? – прошептал он.

Волчок заплясал на одном месте, почти неподвижный, только края его чуть содрогались. Красные дуги, которые в свете костра казались черными, побежали к краям, то расходясь, то сливаясь. Учай не отрываясь глядел на них, пока у него все не поплыло перед глазами. Где-то в лесу закричала ночная птица. Учай резко

вскинул голову, озираясь. Вроде никого…

Но он знал, что это не так.

«Здесь кто-то есть, – подумал он, чувствуя, как немеют его руки и холодеет в животе. – Они смотрят на меня…»

Волчок понемногу замедлил вращение, упал набок и покатился в темноту от костра. Но Учай на него уже не глядел. Теперь ему стало ясно видно – ночная крепость полна призраков. Бледные тени, различимые лишь на границе света и тьмы, то появлялись, то исчезали, опасаясь приближаться к костру. Не духи ли это убитых арьяльских слуг, оставшихся без погребения?

Что ж, если они здесь есть, это неудивительно. Учай невольно вспомнил, как его воины разоряли стан. Слуги не сопротивлялись, просили смилостивиться. Они не были ни воинами, ни охотниками; убивать таких – что волкам резать стадо. Ингри тогда все опьянели от крови и богатой добычи. Потом многие, очнувшись, об этом жалели – да, многие, но не Учай. Он не забыл, как ему нравилось их убивать. Даже при воспоминании об этом у него теплело в груди. Отнимая чужие жизни, слушая крики и мольбы безоружных, он нутром чувствовал, как к нему течет их жизненная сила, и упивался ею.

И вот он снова готовится проливать кровь невинных. Но на этот раз своих. И *они* об этом знают. Нет, это не призраки слуг, понял Учай. Это мертвые охотники, его бывшие сородичи. Те, кого он повел с собой в погоню за арьяльцами, кто не вернулся: погибшие на Лосиных Рогах, убитые на Холодной Спине…

Пришли защитить свой род – от него.

Тени беззвучно обступали Учая, медленно смыкая круг. Ему стало страшно, но он не показывал виду. Он быстро схватил с земли волчок и сказал тихо и свирепо, обращаясь сразу ко всем:

– Видали солнечное колесо? Никакой мертвец не коснется того, у кого в руке – знак солнца!

Круг теней остановился. Учай ухмыльнулся, стискивая в потном кулаке оберег.

– Уходите, – властно прошипел он. – Я вас не звал! Вы трусы и плохие воины, если вас убили. Я вас и живых презирал. Думаете, я вас мертвых бояться буду?

Он поднял волчок над головой. Тени поблекли и отступили.

– Ха! Так-то!

Учай перевел дух и подкинул ветку в костер. А когда вновь поднял голову, то чуть не закричал – вот только горло стиснуло так, что и пискнуть бы не вышло.

– Отец? – одними губами прошептал он.

Они стояли прямо перед ним – Толмай и Урхо. Такими он видел их, как в последний миг перед гибелью. Отец – с

раздавленной грудью, в проклятой арьяльской бронзовой скорлупе. Старший брат с опаленным колдовством лицом, выжженными глазами… За их спиной разливалась непроглядная тьма…

Руки Учая задрожали так, что он едва не выронил солнечный волчок, чуть не лишив себя единственной защиты от мертвых.

– Слушайте, – заговорил он быстро, лязгая зубами от ужаса, – я же не хочу… Клянусь… Я сам никого пальцем не трону! Я, наоборот…

Но уговоры не помогали – призраки приближались, качая во тьме головой. Вот и другие старики – из Дома Дедов, деревни мертвых, где избушки без дверей стоят на высоких столбах над папоротниковыми оврагами. Кое-кого из стариков Учай еще и сам помнил, других – нет, но было их великое множество. А что за тьма обволакивает их сзади? Не сам ли это Мана – владыка мира мертвых, открывающий врата туда, откуда не возвращаются? А рядом с ним Калма, его мать, на которую и взглянуть жутко, щерится острыми клыками и тянет к нему бесконечно длинные костистые руки…

– Иди к нам, Учай, сын Толмая, – звучали в ушах парня голоса, похожие на сухой шорох умирающей осенней травы. – Мы уже приберегли для тебя местечко…

– Не делай того, что задумал, – пробился сквозь мертвенный шелест тихий, далекий голос отца. – Деды тебя к себе не примут и не защитят тебя. Не будет тебе родни ни в этом мире, ни за Кромкой. Отправишься прямо к Калме!

Губы Учая дрожали. Больше всего ему хотелось броситься к отцу и просить прощения. За то, что не успел помочь ему на охоте, что молча стоял и смотрел, окаменев от ужаса, как чудовище убивало его… За то, что не уберег брата, тоже оставшись в безопасном отдалении. Он ведь знал, что к Шираму, с его смертоносными мечами, нельзя приближаться, но брата не остановил – да, растерялся, но разве от этого его вина меньше?!

И тут Учай ощутил прикосновение к плечу – легкое и нежное, от которого его бросило в жар и холод одновременно. Он обернулся и, никого там не увидев, вдруг всем существом понял – *она* здесь! Его богиня с ним!

Чувство несокрушимой уверенности в своей правоте охватило Учая.

– Отец, ты ничего не понимаешь! – с новыми силами воскликнул он. – И вы! – Он обратился к призрачным Дедам. – Вы тоже ничего не понимаете! Я же стараюсь ради вас! Ради всех ингри! Арьяльцы вернутся, я уверен в этом! И они же, эти глупые старейшины, назовут меня потом спасителем. Мне просто надо

убедить вержан в том, что только я могу их защитить! Как же это сделать, если они не испугаются? Если своими глазами не увидят, как чужаки умеют убивать? Если даже убитые не заставили их поверить мне, остается только одно…

– С кем ты тут болтаешь? – раздался насмешливый голос Джериша.

Арьялец, потягиваясь, подошел к костру. В руках его был лук, тело закрывала броня, голову – легкий шлем.

Его сильный и звонкий голос, словно утреннее солнце, мгновенно прогнал призраков. Исчезли отец, брат и Деды, могильная тьма раскрытых Врат Маны обратилась обычной сырой ночью, полной запахов и звуков.

Учай вскочил на ноги, убирая волчок в сумку. Все его сомнения исчезли. У него есть лишь один путь, и он пройдет его до конца.

– Ты приготовился? – спросил он Джериша.

– Как видишь.

– Тогда пошли. Эй, Кежа, хватит спать! Буди парней, уводи в лес, и ждите там. Если вержане все же придут – их счастье. Если нет, увидишь огонь – знаешь, что делать.

Кежа, выбираясь из шатра, взглянул на него угрюмо. Он, в отличие от прочих побратимов, вполне понимал, к чему может привести Учаева затея.

– Не бойся, я все продумал, – тихо сказал ему старшак. – Скоро должен вернуться Вечка. Дашь мне знать, а он пусть подождет в сторонке…

Вечка плакал навзрыд в родной избе. Обступившие его вержане в страхе молчали.

– Я видел, видел их! Они все мертвы! Они вылезли из воды – синие, объеденные раками, – а он что-то им сказал, и они сами принесли ему доспехи и оружие. А потом пошли следом… Они здесь, совсем рядом, в реке!

Испуганная мать Вечки подала ему ковшик с водой. Тот чуть отпил – было слышно, как его зубы стучат о край.

– А потом арьяльский мертвец убил наших родичей, выпил из них жизнь и обрел плоть!

– Брось Учая, сынок, – дрожащим голосом упрашивала его мать. – Уходи от него, спасайся!

– Я не могу, – всхлипнул Вечка. – Я боюсь. Не спастись от этого проклятия – он все равно узнает. Только Учай может защитить нас от арьяльских мертвецов и от живых арьяльцев. Если ему не покориться – смерть поселится под нашими крышами… Вы же видели его, видели, как он изменился!

Но сидевший на лавке старый Райну упрямо наклонил голову:

– Хирва и Деды защитят нас от чужеземной нечисти!

– Вы все обречены, – со слезами на глазах проговорил Вечка.

Глава 7. Стрелы в ночи

Темная студеная вода едва слышно плескалась под коротким веслом. Учай греб сноровисто, привычно – гребок слева, гребок справа. Лодка-однодревка скользила по речной глади, подгоняемая течением.

На берегу под селением на мостках сидел дозорный, сонно глядя на покачивающиеся на легкой зыби лодки. Рядом лежало его охотничье копье.

– Кто тут? – встрепенулся ингри, вглядываясь в ночную тьму.

– Я, Учай.

Молодой вождь сделал несколько гребков к берегу. Дозорный вскочил на ноги, подхватывая копье:

– Мимо греби! Нет тебе здесь места!

– Вержа издалека течет. Та вода, что здесь прежде стояла, уж давно утекла. Так что вода не ваша, а всехняя.

– А я говорю, мимо проплывай! О хитростях твоих Райну прямо говорил. Велено и близко не пускать!

– Ишь ты, Райну! А своей головой как думаешь?

– Пошел прочь!

Учай подгреб почти к самым мосткам.

– Ну, раз не думаешь, стало быть, и не нужна она тебе…

Джериш молча поднялся со дна лодки. Одним стремительным движением он встал на колено, поднял лук и выпустил стрелу в дозорного. Тот выронил охотничье копье и рухнул на мостки, хрипя и пытаясь вытащить из горла торчащую стрелу.

– Не лук, а барахло, – проворчал Джериш. – Ну да ладно, лучше, чем ничего.

Учай в два гребка оказался у деревянного настила, накинул петлю на торчавшую из воды сваю, выскочил и придержал лодку, помогая Джеришу выбраться на берег.

– Все запомнил? – шепотом спросил он у могучего арьяльца.

– Что спрашивать? Конечно запомнил!

– Тогда пошли.

Учай первым взошел на высокий берег по выдолбленным ступеням, укрепленным спилами бревен, притаился за кустами и огляделся. От ворот доносились негромкие голоса, – должно быть, старейшины все же услышали его предостережение и ожидали появления арьяльцев. Как это бывает во время долгого и бесплодного ожидания, дозорные у ворот уже полностью успокоились и теперь до утра развлекали друг друга беседой.

Учай подал знак Джеришу подниматься и хорьком метнулся

за угол собственной избы, откуда были видны и ворота, и охранявшие их сородичи.

Джериш поднялся, тихо подкрался к общинному дому – Учай только подивился, как такой огромный человек может так бесшумно передвигаться, – и достал закрепленный за спиной смоляной факел. Высек искру кресалом, поджег бересту, поднес к ней мгновенно вспыхнувший факел и сунул его под стреху. Другой факел полетел на крышу. Сухая трава, покрывавшая дерн на крыше, вспыхнула ярким быстрым пламенем. В воздухе потянуло дымом.

– Горим! – заорал Учай.

И выпустил стрелу в первого из дозорных, бросившегося от ворот к общинному дому. Он успел узнать родича, но арьяльская стрела с втульчатым бронзовым наконечником уже ушла в полет… Вторую такую же стрелу, мигом развернувшись, выпустил Джериш. Оба ингри упали как подкошенные.

Из домов, переполошенные криками и запахом дыма, начали выскакивать люди. Не понимая толком, что происходит, они бросились к лестнице, ведущей к реке.

Джериш пропустил нескольких, затем появился сзади. Легко, будто танцуя, отвесил последнему тяжеленную затрещину, и тот полетел вниз, сбивая по пути тех, кто спускался перед ним. Арьялец захохотал, радуясь своей выходке, тут же повернулся, рубанул длинным кинжалом по руке одного, ударом ноги сбил наземь другого, локтем свернул челюсть третьему и исчез во тьме, бросившись к дому Толмая. Пришедшие в себя ингри кинулись было следом, но тут же две стрелы вылетели из темноты, и еще двое мужчин упали на землю, стеная от боли.

Наконец перед общинной избой появился тот, ради кого затевался набег, – седобородый Райну, кипящий от злости, в накинутой поверх длинной рубахи меховой безрукавке. Его резкий голос призывал сородичей перестать метаться по деревне и собраться вокруг него.

Однако первым на его надсадный крик откликнулся Джериш – очередной меткой стрелой. Старик схватился за грудь и рухнул без движения.

– Все, теперь пора уходить! – тихо окликнул его из-за угла Учай, стараясь держаться в тени.

Кто-то попробовал броситься на Джериша с охотничьим копьем. Тот, будто играя, отвел наконечник в сторону и яблоком рукояти своего кинжала врезал нападающему между глаз. Тот растянулся на земле. Джериш расхохотался, перескочил через него и бросился дальше.

– Вон он! – закричал кто-то. – Лови его!

Учай, уже добежавший до стены дома у ворот, за которой его ждал Кежа, задержался, чтобы поддержать Джериша, но вдруг увидел, как тот с ревом подраненного тура разворачивается и бросается на своих преследователей, размахивая кинжалом. Те дружно попятились, выставив перед собой копья.

– Ну что же вы? – крикнул арьялец. – А ну идите ко мне! – Джериш звонко грохнул себя по броне кулаком. – Деритесь как мужчины!

Желающих в последний раз доказать свою мужественность не нашлось. Вержане в ужасе глядели на огромного мертвеца, шепча слова оградительных заговоров. Джериш сплюнул и убрал кинжал в ножны.

– Ладно, на сегодня с вас хватит. Но я еще приду спросить за кровь арьев!

Глава Жезлоносцев Полудня повернулся, подошел к воротам, откинул засов и, пинком открыв их, с бранью ушел в сторону леса.

– Что он делает? – прошептал Учай. – Мы же сейчас должны преследовать арьяльцев! А как мы будем это делать, если все видели, что он ушел один-одинешенек!

– Кажется, там уже никто ничего не видел, – с сомнением в голосе проговорил Кежа.

Он трижды прокричал совой, и ждавшие знака Сыновья Грома с воинственными криками бросились из леса в сторону разоренного селения.

– Беги к ним, – велел товарищу Учай. – Пусть хорошенько позвенят о доспехи, прежде чем добегут сюда. Не забывай – мы отогнали арьяльцев. Но они еще могут вернуться.

– Хорошо, – кивнул Кежа, глядя в ту сторону, куда ушел Джериш. – Но я хочу спросить тебя…

– Не сейчас. Беги к братьям.

– Хорошо, – сумрачно повторил его друг. – Но потом я спрошу.

Утром над селением рода Хирвы стоял стон и плач. Шестеро мужчин, в том числе Райну, самый мудрый и уважаемый из старейшин, ушли в Дом Дедов. Вдвое больше лежали и стонали, страдая от ран. Те, кому просто достались затрещина или пинок, ощущали себя изрядными счастливчиками, с честью выдержавшими нападение страшного врага. Кто-то из них говорил, что нападавших была дюжина, кто-то утверждал, что полторы, но все сходились на одном – убитые арьяльцы в самом деле вернулись мстить. Многие своими глазами видели, как они вылезали из реки, а привел их огромный мертвый лучник – самый

страшный из всех.

Когда около полудня в распахнутые ворота селения неспешно вошел Учай, окруженный побратимами, вержане уставились на недавних сородичей со смешанным чувством ужаса и почтения.

– Ну что? – прервал тишину Учай. – Вам все еще мало? Все еще желаете идти вслед за Райну? Если бы вы послушали меня в первый раз – враг бы не вернулся. Если бы послушали во второй – вы бы сейчас не хоронили родных и близких! Вы по-прежнему не желаете слышать меня? Я – изгнанник из отчего дома. Но все же я родился в роду Хирвы, и меня терзает поругание этой земли. Если вы позабудете о нелепом изгнании, придуманном выжившими из ума стариками, если примете меня военным вождем – я сам отправлюсь к арьяльцам. И сделаю так, что больше они не станут убивать вас и разорять ваши дома. Теперь я хочу услышать вас.

– Иди! – крикнул кто-то из толпы. – Иди, Учай, принеси мир!

– Учай, прогони мертвецов!

– Спаси нас, Учай, сын Толмая! Будь нам вождем!

– Я пойду, – ответил тот, упиваясь этими криками. – Если завтра не вернусь – значит я погиб. Тогда бегите отсюда, ингри! Но я верю, что праотец Хирва нам поможет!

Он развернулся и, не сказав больше ни слова, зашагал прочь от ворот.

– Постой, постой! – бросился вслед за ним Кежа, обогнав остальных побратимов.

Сын Толмая поглядел на него, будто только сейчас увидел.

– Помнишь, я хотел задать вопрос?

– Помню. Задавай.

– Когда мы принялись мстить за твоего отца, когда подстерегали здесь царевича и бились на Лосиных Рогах, мы сражались за свою землю против чужаков. И ты вел нас в бой. А теперь… – Кежа понизил голос, чтобы не услышали прочие побратимы, и яростно зашептал: – Нынче ночью мы убивали своих же! И ты сам привел в селение одного из проклятых арьяльцев! Он стрелял в наших родичей, как в зайцев, и смеялся! Как же так, Учай?!

– Да, ты прав. Я так и сделал. И арьяльский воин убил многих ингри, – холодно подтвердил Учай. – Я скорблю о них не менее, чем ты. А теперь отбрось свою скорбь и подумай. Я говорил, что надо догнать царевича и убить всех, кто остался с ним?

– Говорил.

– Но меня не послушали. И теперь наверняка арьяльцы готовят поход. Они придут и играючи убьют всех – ты теперь увидел, как они это делают. Но мои и твои сородичи, подобно глупым уткам, подняли шум и гам, когда лиса рядом. А стоило ей

притаиться, принялись спокойно ловить головастиков. Но лиса никуда не ушла!

– О чем ты?

Учай скривился. Кежа был ловким и храбрым и, пожалуй, самым умным среди Детей Грома. И все же порой Учаю казалось, что побратим отчего-то попросту не может уразуметь очевидное.

– Сейчас, – терпеливо пояснил он, – когда Джериш до смерти перепугал вержан, они объявили меня военным вождем. Мы соберем под единой властью всех ингри от Вержи до Обжи! Мы наберем свое сильное войско, снарядим и обучим его. Джериш, конечно, враг, но есть многое, что знает и умеет только он и что очень нужно каждому из нас. И мы должны этому от него научиться. Ты слышишь меня? – Учай внимательно поглядел в глаза друга. – Учиться старательно и забыв о ненависти. А потом, в свое время, когда он передаст нам воинские умения Арьялы и станет бесполезным, мы расправимся с ним. – Учай кровожадно ухмыльнулся. – Прикончим его, когда он будет меньше всего этого ожидать, и так, как нам захочется… Хочешь сам его убить?

– Да, очень хочу!

– Хорошо. Но покуда он мой, с его головы не упадет ни один волосок. А потом – считай, что я тебе его подарил. И помни – если бы сегодня ночью он не убил некоторых, очень скоро его сородичи убили бы всех. Такова правда. – Учай поглядел на темнеющий впереди лес и добавил: – Оттого что ты расшибешь себе лоб, упав на камень, камень не становится плохим. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я говорю.

Глава 8. Пустая лодка

– Слыхала, сестра? Вчера приплывали к нам женщины из рода Хирвы!

Кирья, услышав эти слова, тут же застыла на месте, стараясь стать как можно незаметнее в высоких камышах. Сердце ее забилось. Казалось бы – что ей теперь род Хирвы? Разве вержане пытались выручить ее или Мазайку? Но другой родни она не знала – и, кажется, сейчас в селении творилось недоброе.

– Давненько их не видно было, – отозвался женский голос. Затем послышался плеск, – видно, добродеи ставили у берега сети. – И с чем приходили?

– А кто его знает с чем? Как приплыли, так и уплыли. От берега волной как плеснуло – чуть лодку им не опрокинуло…

– Стало быть, не пустила их Мать, – вздохнула вторая.

– И правильно не пустила! На вержанах сейчас порча, нечего им делать в святом месте! Слыхала, как Дом Ветра божьим гневом развалило? Это из-за них! Пусть их теперь Хирва защищает…

– А зачем Мать тогда рыжую с мальчишкой сюда притащила?

– Затем и притащила. Тут хоть она за ней присмотрит, а там рыжая сама по себе такого бы наворотила…

– Ну а мальчишку-то зачем? Кому он нужен?

– О, лучше не спрашивай, сестрица! Ну ладно, расскажу. Это дело особое…

Одна жрица что-то зашептала на ухо другой, и как Кирья ни силилась, кроме аханья и оханья, не расслышала почти ничего. Донеслось до нее только слово «подарочек» – но какой, кому?

«Порча? – раздумывала девочка, выбираясь из камышей на сухое место. – Нет, не порча, а похуже. Вержане богов разгневали – гостей убили! И теперь хотят очищения, а им никто не дает его…»

Сказать ли Мазайке о том разговоре? Не рванул бы в селение, забыв о водяном страшилище! Или к деду. Тот хоть и живет в лесу, а ведь тоже из рода Хирвы.

За прошедшие дни Кирья обвыклась в керемети. Пожалуй, ей тут даже начинало понемногу нравиться. Все время следуя за Высокой Локшей, она волей-неволей училась у нее тайным умениям служительницы Видяны. Запоминала заговоры, моления и песни, помогала в целительстве и жертвоприношениях, узнавала немало прежде ей неведомого об известных, казалось бы, лечебных, колдовских и смертоносных цветах и травах. Только одно она никогда не делала – не пыталась ни на чем играть. Ни на Мазайкиных глиняных свистульках, которые он

лепил, обжигал в костре и дарил всем, кто попросит, ни на тростниковой дудочке, какие любили местные детишки. Даже пищалок из листьев больше не сворачивала. Она хорошо помнила, что каждая ее попытка заставить запеть дерево, кость или глину кончалась нежданными бедствиями.

Зато здесь ее никто не обижал. А до ее темно-синих глаз и рыжих волос никому не было тут дела. Понемногу Кирья зауважала Локшу, хоть и не полюбила ее. Девочка вовсе не собиралась прощать старшей добродее, что та умыкнула их с Мазайкой и насильно удерживает на своем острове. Высокая Локша была сурова и безжалостна и к себе и к другим и уважала только силу, что у богов, что у людей. Тому же учила и Кирью, но та отмалчивалась. Уж чему-чему, а молча поступать по-своему сородичи ее с детства научили.

Если Кирья в керемети даром времени не теряла, пусть даже не по своей воле, то Мазайка с каждым днем все сильнее томился от безделья и тревоги. Его беспокоило, что дед Вергиз не дает о себе знать и не приходит за ним. И Дядьки все чаще являлись к нему во сне – стояли на берегу Вержи, сливаясь то с ночной тьмой, то с серебристым туманом, звали его… А он изо всех сил пытался прорваться к ним через этот проклятый туман, но не мог даже знака подать, и его крик не достигал дальнего берега…

Мальчик часто вспоминал про Огонь Глаз – таинственное умение, благодаря которому мохряки обмениваются мыслями со своими мамонтами. «И у тебя он есть, – звучал в его ушах голос старого косматого мохряка. – Никакая дудка тебе не нужна».

Не нужна – а все же без нее ничего не получалось, сколько бы он ни пробовал!

Проходили один за другим тихие дни, но беспокойство росло, будто гроза где-то заходила, но никак не могла созреть…

Началось все именно с грозы – ночной, с далекими зарницами. В воздухе так давило, что Кирья полночи не могла уснуть. Поворочавшись в постели, она встала, накинула на плечи платок и пошла на высокий берег, где и села над обрывом, глядя, как на востоке беззвучно полыхает небо.

«С Холодной Спины заходит, – думала она, укутываясь в платок и встряхивая головой, чтобы отогнать комаров. – То-то, наверно, сейчас страшно на Лосиных Рогах – прямо туда ведь бьет!»

– Сегодня божья ночь, – раздался рядом с ней голос Высокой Локши.

Кирья резко обернулась – добродея стояла рядом с ней, глядя в ту же сторону.

– Нынче появился в Ингри-маа новый род, – торжественно произнесла она.

– Где-то дите рождается с такими знамениями? – не поняла Кирья.

– Нет. Это там. – Локша махнула на восток. – Новое племя. Юный бог, Шкай-громовик, взял его под свое покровительство. Что скажешь об этом?

– Какое дело небесным богам до ингри? – немного подумав, спросила Кирья. – Разве не живут они в своих звездных лесах, сходя ненадолго только по особой просьбе жрецов? Так делает и Юмо-Солнце, и Варма-Ветер… Или Шкай собирается свести в наш мир небесное племя? Он ведь не великий зверь, чтобы стать прародителем людского рода…

Локша, слушая ее, одобрительно кивала.

– Вижу, не напрасно ты проводишь время в керемети, не пропускаешь мои рассказы мимо ушей! Да, мир меняется, теперь все будет иначе. И племя, что народилось сегодня, будет иное – грозное, воинственное! Пока оно мало и слабо, но может стать страшным и великим. – Локша поглядела туда, где полыхали молнии, и пробормотала себе под нос: – Если позволить ему вырасти…

– Но это же там, в землях Хирвы? – сообразила Кирья. – Откуда там новый род? Там же, кроме вержан, никто не живет!

– В свой срок узнаем, – промурлыкала Локша. – Чую, скоро сюда явятся твои сородичи и сами все расскажут. Похоже, они исторгли из себя заразу. Но как бы она не пожрала их, подрастая…

Предчувствия Локши сбылись. Прошло несколько дней, и на песчаной косе появилась целая толпа. Одни махали руками и кричали, привлекая внимание добродей. Другие сидели или молча лежали на земле.

– У них там, похоже, раненые, – прищурившись, сказала Локша. – Везите их всех сюда!

Когда здоровые и раненые вержане были переправлены на остров, вокруг них тут же собрались все обитательницы керемети. Одни – чтобы лечить, другие – из любопытства. Всем хотелось узнать, что за беды, как мука из сита, сыплются на род Хирвы?

– Ночью была лютая сеча, – плача, рассказывала одна из старших женщин, что привезли раненых. – Мертвые арьяльцы вернулись мстить! Ворвались в селение, убили старика Райну и еще пятерых мужей, а ранили вдвое больше…

– Высокая, нам нужна защита! – подхватила другая. – У нас же здоровых мужчин в роду почитай что нет! Одни в битвах с

арьяльцами полегли, других на Лосиных Рогах камнями побило, молодь Учай увел… Скоро бабы да калеки останутся!

– Откуда ж я вам мужиков возьму? – съязвила Локша. – От меня они не народятся. Хотя… Вон там, видите, сидят?

Все поглядели на завалинку возле общинного дома, где расположились несколько охотников из заречного рода Карью – ближайших соседей рода Хирвы, – притащившие в кереметь задавленного деревом товарища. Кряжистые мужи с большим вниманием прислушивались к жалобам вержанок. Намек старшей добродеи был вполне внятен и тем и другим, да только женщинам он не слишком понравился.

Кирья толкалась возле вержанок вместе с прочими, однако держалась позади добродей. Она и сама не понимала, то ли рада видеть своих сородичей, то ли нет.

– Почему Дядьки не защитили род Хирвы? – раздался рядом с ней напряженный голос Мазайки.

– Так ведь ты здесь – значит и призвать их некому, – тихо ответила она.

– А как же Вергиз?!

– Откуда ему знать? Он живет на дальнем озере…

– Он всегда знает! – Мазайка запустил руки в волосы и сжал кулаки. – Ему говорят духи, он все знает, что творится в Ингримаа… С дедкой что-то случилось!

– Не гадай попусту, – попыталась успокоить его подруга. – Мы ничего толком не знаем…

– Стало быть, разузнаем, – угрюмо отозвался он.

Следующим утром выяснилось, что Мазайка пропал, а вместе с ним – одна из плоскодонок. Лодку нашли довольно быстро – ее прибило в камыши у восточной оконечности острова. Когда добродеи вытаскивали плоскодонку на песчаный берег, Кирья с ужасом увидела внутри ее пятна крови.

– Как тому было суждено – то и случилось, – глянув на пятна, бросила Локша и отправилась бы дальше по своим делам, если бы в нее не вцепилась Кирья.

– Где Мазайка? Что с ним?!

– Ты его больше не увидишь.

– Он мертв? – Все поплыло перед глазами девочки.

Однако Локша, помолчав, сухо ответила:

– Нет.

– Но где же он?!

– Тебе это знать не положено. Он там, откуда обратной дороги нет. И вернуть ты его не сможешь.

Кирья поглядела в холодные глаза добродеи:

– А ты?

– Я могу, да не хочу.

– А я… – У Кирьи перехватило дыхание от внезапного приступа бешенства. – А я тогда тебя прокляну!

– Чем станешь проклинать? – спокойно и даже с любопытством спросила Локша. – Тут мои духи, я их кормлю, они меня знают…

– Я своими руками убью тебя, если не отдашь Мазайку! – завопила Кирья. От горя и ярости угрозы сами слетали с ее губ, как будто только и ждали подходящего мига. – Задушу тебя ночью!

– Ах вот как! – прищурилась Локша. – Дочки, оставьте-ка ее в сеннике на ночь! Да дверь снаружи заприте покрепче, чтобы не караулить глупую девку до утра. А завтра мы с ней по-иному побеседуем…

* * *

В сеннике было бы совсем неплохо, не будь он заперт. Хоть там было и темно, но сухое колкое сено вкусно пахло, и его там было много – можно зарыться поглубже и спать до утра. Но Кирья не могла спать. Тревога за Мазайку разрывала ей душу. Ее друг в беде, он ранен, а она тут как в ловушке, и время уходит впустую! Кто знает, какие чудовища его забрали? Уж не та ли тварь, что смотрит желтыми глазами из-под черной воды?

– Откройте! – в отчаянии закричала она, ощупью нашла дверь и принялась трясти ее. – Выпустите меня!

Но все попытки выбраться оказались тщетными. Засов снаружи явно был достаточно крепким, чтобы девочке не удалось сломать его. Убедившись, что на крики никто не отзывается и дверь не поддается, Кирья оставила ее в покое и бросилась в сено, кусая губы и пытаясь успокоиться. А что, если разобрать крышу? Она постаралась вспомнить, как выглядит крыша сенника – длинные слеги, выстеленные корой, сверху – земля и трава. Можно попробовать, только сперва надо туда добраться…

Она принялась сгребать сено в кучу у дальней стены. Потом взобралась на нее и потянулась к крыше, стараясь нащупать слеги. Все бы хорошо, но Кирье не хватало роста – только кончики пальцев коснулись дерева. Она подпрыгнула, пытаясь дотянуться до них, покачнулась и свалилась вниз.

Ударилась Кирья не сильно, но внутри ее что-то словно оборвалось. Лежа на присыпанной сеном земле, она, замирая, чувствовала, как струится по ее ногам горячая кровь.

Она бы так не испугалась, но вспомнила давешнюю роженицу и множество других больных, которые приплывали за помощью на остров добродей. Она уже знала, как бывает хлипко человеческое тело, как многое может в нем вмиг сломаться навсегда, как быстро можно истечь кровью…

– Помогите! – жалобно крикнула она слабым голосом. – Умираю…

Но никто, как и прежде, не отозвался. Мало ли что придумает хитрая девка, чтобы выбраться на свободу!

Кирья переползла к стогу и зарылась в солому. Ее бил озноб, руки и ноги стали холодны как лед. Единственное тепло, которое она ощущала, было тепло вытекающей из нее крови – словно сама жизнь покидала ее капля за каплей, уходя в сено, впитываясь в землю…

Во тьме, окружающей Кирью, вдруг забрезжил бледный свет, похожий на призрачное свечение болотной гнилушки. Огонек пробежал по сену, перебегая с травинки на травинку, как синеватое пламя. Один, другой… Кирья приподнялась на локте и в страхе огляделась. Ее окружали дрожащие струйки текучего огня, пробегающие по сену, по ее ногам и рукам, – как будто духи мертвой травы пробудились, напившись ее крови.

– Уходите! – прошептала Кирья побелевшими губами.

Видала она нечисть и пострашнее. Но сейчас она была слаба, а огненных змеек было много и становилось все больше. И все они лезли к ней! Вот целая стайка забралась к ней на юбку – Кирья резким движением скинула их, но другие устремились на плечи, полезли за пазуху. Девочку из холода бросило в жар.

– Пошли вон! – закричала она, вскакивая на ноги и стряхивая их с себя.

Призрачные огоньки окружили ее кольцом. Тяжело дыша, Кирья ждала дальнейшего, а они не шевелились, как будто чего-то ждали.

«Да они послушались меня!» – сообразила она наконец.

Присев на корточки, девочка протянула руку к одной из огненных змеек.

– Иди сюда, – позвала она, и огонек тут же скользнул ей на ладонь. Кирья не чувствовала его прикосновения, но отлично его видела. Маленький дух мертвой травы, дрожа, белел в ее руке, как лунный отблеск, если бы здесь светила луна. Страх Кирьи исчез, будто его и не было. Она рассмеялась. – Да вы приласкаться хотели! Бегите все сюда!

Бледные огоньки будто того и ждали. Они вмиг облепили Кирью, как стая светлячков. Девочка чувствовала, как они бегают по ней вверх-вниз, словно мыши. Она со смехом смахнула

несколько травяных духов, запутавшихся у нее в волосах. Один из них, вытянувшись в светящуюся змейку, обернулся вокруг ее запястья.

Кирье внезапно стало горячо в груди. В отчем доме у нее был ужик – хранитель очага. Каждое утро она поила его молоком. Как-то он там сейчас? Кормит ли его Учай?

– Ты понимаешь меня? – прошептала она, обращаясь к огненной змейке. – Ступай к деду Вергизу. Вы все, поспешите к нему! Скажите Вергизу – его внук попал в беду! Пусть приходит к Локше и требует его назад. Пусть сражается за него!

Утром добродеи отперли сенник и нашли Кирью крепко спящей в соломе. Вся ее рубаха была в бурых пятнах. Локша, увидев кровь, сперва обеспокоилась, но потом поняла, в чем дело, и улыбнулась:

– Э, да ты девушкой стала.

– Что? – изумилась Кирья.

– Лоно шлет знак, что готово носить дитя. Можно сватать тебя!

– Меня сватать? А я думала, что нутро себе надорвала, когда хотела крышу разобрать…

– Как, ты не знала? – в свою очередь удивилась Локша, не обратив внимания на оговорку про крышу. – Ах да, ты же без матери росла, с мужиками одними…

Локша быстро объяснила ей, в чем дело. Кирья наконец поняла, что случилось с ней ночью, и совершенно успокоилась. И даже загордилась. Так вот оно что! Она теперь не дитя, а взрослая девица! Теперь ей можно расшитую жемчугом ленту с медными уточками-подвесками на голове повязывать. Можно достать из заветного короба и по праву надеть материнский, дивной красоты женский ремень с оберегами. Уже не бегать ей в неподпоясанной рубашечке и старых Учайкиных портах, не купаться голышом в реке с прочими детьми и Мазайкой…

– Выходя замуж, ведуньи порой теряют свой дар и становятся обычными женщинами, – рассказывала Локша, задумчиво глядя на Кирью. – Но мнится мне, это не про тебя. Ты еще до рождения была предназначена для иного и теперь станешь только сильнее, много сильнее! Но впредь в такие дни будь особенно осторожна! Уронишь кровь на землю, а нежить тут же и примет ее как подношение. Если злые духи начнут тебе являться – сразу меня зови…

Кирья тут же вспомнила про огненных змеек, что вылезли из травы и стали ей послушны. И куда их послала, тоже вспомнила.

А вспомнив, решила Локше ничего не говорить.

Глава 9. Схватка у керемети

Вергиз пришел к исходу другого дня. Высокая Локша вдруг, ни с того ни с сего, вздрогнула, будто ее стегнули по спине, и стала озираться по сторонам, прислушиваясь.

– Прознал, стало быть, старый упырь, – прошипела она. – Идемте!

Локша громко окликнула нескольких молодых добродей, которые развешивали на балках в овине пучки собранных на вечерней росе трав.

– К нам явился незваный гость. Если начнет что-то недоброе делать, вставайте вкруг меня и давайте подмогу.

Воспитанницы жрицы Видяны невольно переглянулись между собой. Прежде подобных гостей в керемети не водилось, и уж подавно таких предупреждений им Высокая Локша не делала. На всякий случай касаясь пальцами медных и костяных оберегов, они последовали за старшей добродеей, опасаясь спросить, что ее так встревожило.

Высокая Локша шла к берегу, не оглядываясь, уверенная, что молодые жрицы следуют за ней. Кирья увязалась следом, хоть ее и не звали. Более того, выходя из овина, Локша отстранила ее ладонью – не взглянув, будто дверь открыла. «Что же там стряслось-то?» – тихо и незаметно следуя за добродеями, гадала Кирья.

Между тем Локша остановилась у самой кромки воды. По ту сторону реки, на самом конце длинного песчаного мыса, хмуро опустив голову, стоял Вергиз. Волчья стая черными тенями окружала его, делая старика неуловимо похожим на одного из них, обернувшегося человеком.

– Зачем внука моего забрала? – без приветствия и доброго слова рыкнул Вергиз, поднимая глаза на старшую добродею. – Отдавай обратно!

– Уж не указывать ли мне ты сюда пришел, старый хрыч? – высокомерно осведомилась Локша.

– Я-то, может, и стар, да из ума порой не по старости выживают. Ты вот тому пример. Я, лебедушка, не спорить с тобой пришел. Верни Мазайку, на том и разойдемся.

– Ишь ты, волчий пастух мне приказывать будет, – хмыкнула добродея. – До сивых волос дожил, а ума не нажил. Ступай отсюда, покуда цел! А то ведь смотри рассержусь… – Она поглядела на волков – от вечерних теней они отличались разве только горящими зелеными глазами – и добавила: – И твои звери тебе здесь ничем не помогут.

– Проверим? – спросил Вергиз, вступая в воду.

То ли он желал переплыть протоку, то ли перейти как посуху, а может, надеялся на брод, Кирья не узнала. Вода между мысом и островом пошла кругами, громко всплеснула, забугрилась – и вдруг девочка ясно увидела, как в закатном луче мелькнула бурая гребенчатая спина неведомого зверя.

Вергиз резко отпрянул назад. Волки как один вскочили, вздыбились и зарычали. Стоявшие на берегу добродеи, не сговариваясь, залились радостным хохотом.

– И не защитят, – довольно усмехаясь, проговорила Локша. – Твоя сила – в лесу, моя – в воде.

– Ах ты, рыбина пересушенная! Ящера из-за Кромки привадила!

Вергиз нахмурился и сжал кулаки.

«Ящер? – про себя повторила Кирья, не отрывая взгляда от взбаламученной воды. – Так вот кто Мазайку унес!»

– Чьей кровью его кормишь, добродея? – Вергиз выглядел не на шутку разгневанным. – Смотри отвернется от тебя Видяна!

– Почему мне речной зверь служит, тебя не касается, – не смущаясь, отозвалась Локша. – Ступай-ка отсюда, старый, покуда цел!

Старик с недоброй ухмылкой поглядел на добродею.

– Таких чудищ, как твое, – проговорил он, – у меня полная сумка. Еще для одного уголок найдется.

– Лучше отошел бы от реки, пока ноги не откусили!

– Знаю, откуда они лезут… Знаю, кто их посылает… До нее бы добраться…

– Куда уж тебе! – В голосе Локши послышалось странное торжество. – Кому гибель удачей обратилась, а кто за нее до скончания жизни платить будет. И теперь не только он! Сиди в своем дупле, старый филин. А о внуке забудь – он теперь не твой…

Кирья слушала их перепалку с недоумением. Ей были не понятны ни намеки Локши, ни ее злобная радость. Что ей до Мазайкиного деда? Кто и за что должен платить? Старые счеты? Однако ясно одно – если кто-то о ящере что-то знает, кроме верховной жрицы, то это дед Вергиз.

– Ах вот оно что, – тихо сказал Вергиз. – До меня не добрались, решили забрать Мазайку? Ну ладно же…

Он наклонил голову и вдруг запел, по-старчески устало прикрыв глаза.

Впрочем, то была не песня. Кирье показалось, что он тянет один звук. А потом вдруг и звук этот исчез… Вергиз будто стоял, открывая рот, а воздух наполнялся пронизывающим до костей

визгливым гулом. Кирья и сказать не могла, что это за звук такой!

Вода в реке снова всплеснула. Из-за спины Локши послышались испуганные возгласы молодых жриц.

– Перестань! – резко выкрикнула Локша, выдергивая из-под расшитой обережными узорами рубахи свистульку, изготовленную из белого пера, и поднесла к губам.

Кирье стало дурно, руки обвисли, боль колотилась в висках. Сам мир вокруг будто бы превратился в отраву. Но она все же разглядела, как побледнела и враз осунулась Высокая Локша. Она выпустила перо, тихо замычала, видать от боли, и закрыла ладонями уши. Лоб ее покрылся испариной, точно в лихорадке.

Но что она! Все прочие добродеи одна за другой падали на землю, бились в корчах и стонали, срываясь на крик, стискивая руками уши.

А вслед за Вергизом завыла стая. Ее вой пробирал до жути. Кирья потеряла счет времени и не могла сказать, как долго длится этот ужас. Ей казалось, что бесконечно долго…

Затем вдруг все в единый миг оборвалось – и песнь Мазайкиного деда, и волчьи завывания, и стоны потерявших сознание добродей.

– Возвращай внука, – приказал Вергиз. – А то я ведь из тебя все нутро выну! Все твои души как есть вымотаю!

– Не могу я мальчишку вернуть… – выдавила Локша, с трудом выпрямляясь. – Он уже не мой. Подаренное обратно не забирают…

– Не ври! Ящера своего пошли за ним. Он унес – он и принесет!

Локша закрыла глаза:

– Я все тебе сказала. Уходи!

– Я просто так не уйду. Ну что, еще спеть?

Кирья услышала глубокий – пожалуй, слишком глубокий и долгий – выдох Высокой Локши. Ей вдруг показалось, что берег заполняется прозрачными духами.

– Если хочешь там стоять – так и стой. – Хозяйка керемети резко выпрямилась. Глаза ее снова засверкали, будто и не было ей недавно так плохо, что не разогнуться. – Но дальше тебе не ступить!

Воинство духов становилось все больше и больше. Они уже заполняли весь берег. Кирья и подумать прежде не смела, что такое может быть…

– Ишь ты! – осклабился Вергиз. – Ну будь по-твоему!

Кирья увидела, как он принялся развязывать знакомую объемистую суму. Это была та самая сума, в которую при их первом знакомстве Мазайкин дед сажал изловленных на болоте

духов, что разлетелись по лесу из Дома Зверей.

– Если мне к тебе не прийти – так и тебе отсюда не выйти!

Он развязал суму, распахнул ее и перевернул. Вода будто вскипела, так что Кирья на мгновение увидела промелькнувший длинный шипастый хвост, яростно молотящий по идущей пузырями воде.

– Ни тебе отсюда не выйти, ни к тебе больше никто прийти не сможет. Теперь сама думай – как долго Мать Видяну гневить будешь? Что будешь делать, если она оставит остров без своего покрова? А если эти тебя защищают, – он кивнул на невидимых духов, – так пусть и дальше стерегут.

Он повернулся и сделал знак стае следовать за ним.

– Когда пожелаешь внука мне вернуть – знаешь, как меня найти и позвать. Я далеко покуда не уйду. Но долго не медли. Я старый, лишнего ждать не буду.

И он зашагал в сгущающуюся темноту, вновь становясь похожим на лютого двуногого волка.

– Убрался, – прошептала Великая Локша, устало садясь на песок.

Кирья замерла неподалеку, не зная, бежать ли назад за помощью или же поднять камень и, покуда старшая добродея не очухалась, приложить ее камнем по темечку. Но, испугавшись этой мысли, она начала гнать ее. Должно быть, слишком громко, поскольку Высокая Локша повернулась в ее сторону, поглядела на нее пустым, больным взглядом и поманила к себе.

– И не думай меня убивать, – прошептала она. – Не прячься, я слышу, что ты тут! Я помру – тебе от этого только хуже будет. А Мазайку ты так уж точно не отыщешь…

Локша замолчала и выжидательно поглядела на девочку.

– Ты, стало быть, устояла, – пробормотала она, обводя взглядом лежащих без чувств добродей. – Небывалое дело! Тогда и впрямь пора начинать учить тебя по-настоящему…

Глава 10. Новые порядки в Ингри-маа

– Идет, идет!

Вержане один за другим подбегали к воротам, глядя, как со стороны леса медленно приближается к ним одинокий человек. Когда его разглядели, быстро собравшаяся толпа притихла. Губы вержан зашевелились, призывая духов-хранителей, Дедов-защитников и самого Хирву, пращура всего Лосиного племени. Приди, защити своих внуков от чужеземной нечисти!

Минули ночь и день с тех пор, как Учай ушел в лес вслед за могучим воином-мертвецом, чтобы говорить с ним. И вот возвращается…

С чем?

После того как погиб бесстрашный старик Райну, убитый ночным стрелком, который хохотал, разя вержан во тьме, жег их дома и веселился, уныние охватило детей Хирвы. Мужчины или убиты, или стонут на лежанках, побитые врагом. Старейшины послали было жен в кереметь за помощью – те вернулись ни с чем. Не хочет Локша помогать. Сами, говорит, богов прогневили – сами и пощаду вымаливайте. Да и волчий пастырь Вергиз со своими зверями неспроста из леса носа не кажет… Его, правда, и не звали. Кто бы осмелился войти в Зеленый дом, когда там бродят среди сосен арьяльские мертвецы?

Учай подошел к воротам. Вид у него был измученный, темные с проседью волосы повисли сосульками, глаза запали… Бывшие сородичи попятились – так и должен выглядеть тот, кто служит мертвецам!

«Может, долго не проживет!» – с надеждой подумали некоторые. И быстро опустили глаза, чтобы духи не помогли сыну вождя услышать их мысли. Все молча ждали, когда он скажет слово. Кажется, даже не дышали, скованные страхом, словно морозом. Любопытных детишек, не понимавших, кто пришел к ним, быстро задвинули за спины, пряча от порчи.

– Подайте воды, – хрипло попросил Учай, опираясь плечом на ворота, будто совсем потеряв силы.

Молодая вержанка тут же поднесла ему берестяной ковш и быстро отпрянула, едва не разлив воду. Учай сделал вид, что ничего не заметил. Он поднес ковш к губам, оглядывая сородичей. От него не укрылись их взгляды исподтишка, полные страха и неприязни. Он прекрасно видел, как люди отводят или опускают глаза, и его наполняла жестокая радость. Боятся смотреть на него, не смеют заговорить с ним первыми! Похоже, ему удалось сломить волю упрямых ингри!

Не следует показывать им своего торжества раньше времени, напомнил себе Учай. Он все же пришел как их спаситель. Незачем им знать, насколько он их презирает.

– Ну что? Что там было-то? – набравшись храбрости, выкрикнул кто-то из толпы.

– Слушайте меня, вержане, – медленно заговорил Учай, поднимаясь. – Арьяльцы, вернувшиеся сюда для того, чтобы истребить каждого в нашем краю, жаждали мести, и мне стоило немалых трудов остановить их. Ради нас всех мне пришлось пойти к ним на поклон…

По толпе пролетел шепот. Они угадали верно.

– …и пришлось заверить врагов, что теперь мы будем вернейшими из подданных Арьялы. Хотя непролитые слезы позора сжигали мое сердце – я скрыл их, чтобы вы все здесь были живы! Вы обвиняли меня в смерти немногих, пошедших за мной на Лосиные Рога и дальше. Теперь же я спас вас всех от лютой гибели!

Люди молча смотрели на него, не понимая, о чем он говорит. Какое воинство? То, о котором говорил Вечка? Мстительные духи, что привел страшный воин-мертвец, вышедший из реки?

– Они ушли, – подняв голову, произнес Учай в полной тишине. – И поставили меня, сына Толмая, как и прежде отца, наместником над всей Ингри-маа! А для того чтобы надзирать за нами, чтобы убедиться в нашей верности, здесь останется всем вам известный воитель – могучий Джериш из свиты царевича…

Учай окинул суровым взглядом родичей и насладился ужасом на их лицах.

– Он, как и прежде, будет жить там, в остроге на холме. Всем мужчинам рода Хирвы следует явиться туда завтра, чтобы восстановить бывшие там строения. И если будет приказано – возвести новые…

Учай умолк. Он сказал все, что хотел, и получил даже больше, чем ожидал. Стало быть, за ту ночь, что он провел в лесу, вержане сообразили, что к чему, и решили больше не противиться. Наконец-то! Теперь можно спокойно поставить крепость, не опасаясь удара в спину, вновь собрать войско – и идти дальше. Джериш часто рассказывал ему о могуществе Арьялы и ее победах над дикими племенами. Мир оказался куда больше, чем это прежде представлялось сыну Толмая. И уж конечно же, провести все свои годы в этом крошечном селении у земной кромки было бы несусветной глупостью.

Однако по склону не стоит бежать вприпрыжку, чтобы не свернуть шею.

– Я буду ждать вас в крепости, – сказал Учай и пошел прочь,

не дожидаясь вопросов и благодарностей за спасение, если бы такие последовали.

Впрочем, их не было – сына Толмая провожало лишь глухое молчание. Но теперь это было молчание совсем иного рода. Теперь он уходил в острожек не жалким изгнанником, от которого все шарахались, как от нечисти. Теперь он стал вождем, и ни один из вержан не посмел бы ему возразить!

Учай на ходу коснулся рукой груди, где с недавних пор на ремешке висел вырезанный из дерева маленький лик его Богини.

– Спасибо тебе, прекрасная, – прошептал он. – Как мне отблагодарить тебя?

Все эти дни Учай неотступно думал о той, которая явилась к нему дождливой ночью и назвала своим избранником. В конце концов он вырезал ее лицо из соснового корня и повесил на шею. Теперь Учаю казалось, что Богиня днем и ночью пребывает с ним.

«Надо будет вытесать ее большую, в человеческий рост, – подумал он. – Срубить в острожке святилище, обустроить и поставить там жертвенник. И приносить ей лучшие дары. Что она любит?»

От этой мысли Учая кинуло в жар – он знал ответ. Горячая вражья кровь! Уж этого он был готов давать Богине с радостью и в избытке.

* * *

Погожим осенним утром Джериш прогуливался вдоль бревенчатой стены острожка, вспоминая уроки, некогда преподанные ему отцом. Мог ли он подумать, что ему понадобится строить свою крепость! Он возблагодарил Исварху, что давние наставления не вовсе выветрились из его памяти.

– Здесь, над воротами, нужно будет возвести башню, – говорил он. – Ворот будет двое, одни за другими – да так, чтобы путь между ними изгибался по дуге…

– Зачем? – спросил шагающий рядом с ним Учай.

– Чтобы при всем желании вторые ворота нельзя было выбить тараном.

– Тараном?

– Да. Перед первыми воротами выкопайте ступени.

Учай кивнул, запоминая и прикидывая, сколько рук ему понадобится для исполнения воли арьяльца. И надо будет потом выяснить, что такое таран…

– Здесь, наверху, будут жить воины, жрецы и их семьи. Для всех остальных – вход только по особому дозволению. Для

ремесленников и слуг надо будет построить особое селение там, внизу, где был стан мохначей. Потом его тоже обнесем стеной. Там поселим всех, кто умеет делать что-то полезное: гончаров, кузнецов…

– Кто это? – спросил Учай.

– Не перебивай, – нахмурился Джериш. – Кузнецы – это те, кто работает с железом.

– У нас нет кузнецов. А бронзу льют в Ладьве.

Про железо Учай и спросить не посмел. Железо вержане знали – оно росло кое-где в болотах, южные ингри порой делали из него скверные ломкие ножи… Зачем оно Джеришу?

– Я знаю, что у вас нет кузнецов, – отозвался арьялец. – Но когда Затуманный край станет уделом Аратты, кузнецы появятся. Вот увидишь, теперь все изменится. Вы заживете куда лучше, чем прежде! – Джериш измерил взглядом ближний пригорок. – Здесь, где стоял шатер Аюра, выстроим большой дом. У вас-то никогда не видели больших домов…

– У нас есть большие дома, – обиделся за сородичей Учай. – В общинную избу, считай, полсотни человек влезает…

Жезлоносец расхохотался:

– Я не о ваших длинных хижинах! Дом моего отца, в котором я вырос, был выше меня в пять раз. Его крыша поднялась бы вон над теми соснами. Но рядом с дворцом, в котором жил Аюр, он был подобен рыбацкой лачуге.

Учай посмотрел на него недоверчиво. Для чего такие огромные хоромины? Он представил себе вид на землю с вершины ближайшей сосны. Нет, жить так, будто сидишь на ветке, ему бы не понравилось.

Но пусть себе говорит. Главное, все запомнить, обдумать и в нужное время – применить.

– Вон там, – Джериш ткнул пальцем в покосившийся навес, служивший Сынам Грома жилищем, – Хаста ставил алтарь. Значит, земля там освященная и угодная Исвархе. В этом месте будет храм. Жрецов пока, жаль, нет. Ну да весной они прибудут. А мы им как раз – нате, готовый храм!

Мысль о том, что следующим летом сюда пожалует то самое войско, которым он пугал сородичей, неприятно напомнила Учаю о настоящем положении вещей. Терпеть здесь арьяльцев вовсе не входило в его замыслы.

«Надо за зиму что-то предпринять…»

Призадумавшись, Учай не расслышал последних слов Джериша.

– А вот там… да, там… мы поставим еще один храм…

Сын Толмая кивнул.

– Какого бога?

– Не бога, – проговорил Джериш, довольно улыбаясь. – Здесь будет Обитель Священного Единения.

– Что это? – подозрительно спросил Учай.

– Был в стародавние времена в Аратте такой обычай. Помнится, дед рассказывал, что некогда господь Исварха сходил с небес и вселялся в арьев – детей Солнца, чтобы даровать свое благо всем народам.

– Что за обычай-то? – не сообразил сын Толмая.

– А вот послушай. Возведем мы тут обитель, и сюда будут приходить ваши девицы. Перед тем как войти в дом мужа, они должны войти в дом бога. Тут они вознесут моления Исвархе и предложат ему себя в качестве священной жертвы.

– О чем ты, не пойму!

– Какой ты бестолковый! Господь Исварха, войдя в одного из арьев, например в меня, проведет ночь с иноплеменной девой, тем самым даруя ей и ее роду нашу солнечную кровь, а с ней – свою благодать…

Джериш вскинул голову, гордый своей задумкой. Да, именно так должен мыслить истинный государь, каким он непременно скоро станет!

– Так будет крепиться связь между арьями и подвластными им народами. И века не пройдет, как все народы Аратты станут единой огромной семьей…

Учай косо поглядел на воина. Тот явно был в восторге от того, о чем вещал. В его устах такой обычай выглядел щедрым даром племени ингри. Но Учаю отчего-то подобная щедрость вовсе не понравилась.

– У нас такого обычая нет, – ответил он довольно мрачно.

– Как это нет? – ухмыльнулся Джериш. – Ваши девки к моим воинам так и липли, я ж помню. А я хочу это дело освятить, чтобы не просто баловство…

– Какое же баловство? – в свою очередь удивился Учай. – Это тоже обряд – встретить гостя, оказать ему почет. Накормить, напоить, с собой спать уложить. Жена одаряет – гость принимает. А то, что ты предлагаешь…

Учая передернуло.

– А я разве что-то предлагаю? Или, может, твоего дозволения спрашиваю? – прищурился Джериш.

Учай опомнился – опустил голову, пугливо заморгал.

– Я как лучше хочу! Чтобы тебя какой-нибудь непонятливый парень не обидел…

– Обидел меня? Один из этих?! – Воин с презрением мотнул головой в сторону селения. – Жалкое племя трусов! Да мне с их

женщинами даже ложиться противно, а придется. Ну да у вас-то девчонок в поре не так много… – Джериш призадумался и вдруг оживился. – У тебя же вроде как сестра есть? Рыжая такая. Не сосватал ее еще?

Рука Учая сама собой легла на рукоять кинжала, но он пересилил себя и сделал вид, что просто поправил его. Пусть девчонки-ингри и были сущее ничто по сравнению с его Богиней, а все же Учай покривил бы перед правдой, если бы сказал, что ему нет до них никакого дела. В последние два-три года он начал засматриваться на подросших подруг. Однако на тощего отрока девицы и не глядели – ведь рядом все время был веселый, могучий Урхо. Представить, что теперь место Урхо займет Джериш и все снова станет как раньше, было невыносимо. А ведь у брата была сговоренная невеста – там, за рекой, из обжан, – и если бы он не погиб…

Мысли Учая быстро замелькали. За всеми этими бедами, что обрушились на Ингри-маа, он совсем забыл о невесте Урхо – а не следовало бы. Пожалуй, арьялец со своей нелепой Обителью Единения может ему кое в чем пригодиться…

– О чем ты думаешь? – с негодованием окликнул его Джериш. – Я спрашиваю – есть тут кто из девок, чтоб замуж вскорости собирались? А то чего откладывать? Обитель еще когда построите – что им, ждать, что ли?

– Я разузнаю, – выдавил Учай.

– Давай, нынче же разузнай.

«Чтоб тебя волки сожрали», – подумал сын Толмая, но лишь кивнул в ответ.

Глава 11. Ловушка на кабана

Вечка, запыхавшись, взбежал на холм, протолкался меж сородичей. Увидев хлопочущего возле Большого Дома Учая, бросился к нему.

– Там у реки карью! – закричал он. – Много, и все с копьями!

Хоть и прошло всего несколько дней с тех пор, как Дети Грома вновь поселились в своем острожке, Джериш даром времени не терял. По его указанию вержане разметили землю, приволокли большие камни, а уж на них начали венец за венцом укладывать толстые бревна. Ингри, которые, наоборот, стремились врыть стены в землю, а крышу укрыть дерном, не понимали, для чего эти новшества, но обсуждали их только вечерами, дома и шепотом. Днем же безропотно строили удивительную хоромину.

– Мы сети тянули, – тараторил Вечка. – Глядь, а они по берегу в нашу сторону идут!

– Это еще зачем? – нахмурился сын Толмая.

Карью были дальней родней – тоже ингри, но не речные, а озерные. Их деревня стояла в двух днях пути от селения рода Хирвы, у берега длинного, богатого рыбой озера Обжа. Порой на большие праздники соседи ходили друг к другу в гости. Время от времени брали друг у друга жен. Но что могло подвигнуть их явиться сюда именно сейчас? Никаких праздников покуда не намечалось.

– Посчитал их? – спросил Учай младшего побратима.

– А то! – Вечка выставил перед собой растопыренные пятерни. – Четыре руки насчитал, а они все идут!

– Вон оно как!

Учай нахмурился и упер руки в бока:

– Что ж, надо их встретить.

Он крикнул своим людям заканчивать работу.

– Арьяльца разбудить? – спросил подошедший Кежа.

– Пусть себе бока давит. Без него обойдемся.

– Оно и правильно, – согласился побратим. – Это наше дело, семейное.

Когда Дети Грома достигли берега, на противоположной стороне реки и впрямь толпилось больше четырех дюжин мужей, возглавляемых широким, как половина ворот, вождем Тумой в плаще из кабаньей шкуры.

– Эй, вержане! – заорал тот, опираясь на копье. – До нас тут дошли слухи, что Толмай погиб? И сын его Урхо убит? И много охотников вашего рода пришлыми чужаками перебито, так что

зрелых мужей, почитай, и не осталось? Так мы тут порешили, что вам отныне под нами быть!

Учай подошел к берегу:

– Это с чего бы?

– А ты еще кто, малец?

– Я – Учай, сын Толмая. А за мной – люди моего рода.

– Твоего рода? Твоего рода во́роны в лесу! – захохотал Тума. – Дождись сперва, когда борода расти начнет, а уж потом поперек меня слово молви!

Над дальним берегом загремел дружный хохот обжан.

– Мы вам родня, а значит, должны помочь в трудный час! – продолжал орать вождь рода Карью. – Как вы без мужчин перезимуете? Перемрете, поди, к весне от голода и лесного зверья! А мы вас возьмем под руку…

Учай молча покачал головой, взял лук, вытащил из колчана тетиву, примерился и спокойно, как учил Джериш, выпустил стрелу. Она угодила прямо в древко выше пальцев Тумы, выбив копье у того из руки.

– Вот на пир позовем – тогда лучшую чашу налью! – крикнул ему Учай. – Уходите в свои осинники! А без спросу Вержу перейдете, тут и ляжете!

Он отвернулся и пошел прочь от берега.

– Эй, молокосос! – вслед ему заорал разгневанный вождь рода Карью. – Ты как это со мной говоришь? Да знаешь ли ты, что прадед моего прадеда прапрадеду твоего прадеда был старшим братом?!

Учай не стал слушать, а направился под горку, в селение. Мысленно он молил Хирву, покровителя и прародителя, чтобы, согласно обычаю, Тума сейчас принялся доказывать свои права на владение по родству, перечисляя давно ушедших в селения Дедов оставшимся на берегу ингри. Такие рассказы непременно сопровождались повествованием о доблести, охотничьих успехах и плодовитости вождей, родственных предкам Толмая, и могли длиться до глубокой ночи.

– Ты куда пошел? – догнал его Кежа.

– Возвращайся, – приказал Учай. – Вели всем взяться за луки. Сейчас они не полезут. По обычаю дадут время подумать. А это как раз то, что нам и нужно. Иди к побратимам – пусть стоят и делают вид, что готовятся к бою. Я позднее скажу, что надо сделать…

* * *

В темноте костры на берегу Вержи пылали ярко – пришлые явно не жалели дров. Рассевшись вокруг костров, они горланили песни и тревожили ночь безудержной похвальбой, которая была отлично слышна на другом берегу. Ясное дело, таким храбрецам и славным охотникам обезлюдевшее селение, немного для вида поразмыслив, отдастся с радостью. Ведь род Карью какая ни есть, а родня. А если сидеть так и ждать, то придут и вовсе чужие, чтобы отнять добытые у арьяльцев сокровища. О великой добыче, взятой родом Хирвы у чужестранцев, слава уже разошлась по всей Ингри-маа. Да и вообще, кто отталкивает руку помощи?

На мысу, где стояла деревня вержан, было тихо. Только в темноте виднелось несколько костров и время от времени слышалась перекличка дозорных. Тума объедал зажаренного на пруте окуня, рассказывая приятелям, как он поступит с наглым мальчишкой Учаем, когда тот попадет к нему в руки. В этот миг от берега послышалось негромкое:

– Эй… Эй…

Обжане вскочили и схватились за ножи и копья.

– Дядька Тума! Не надо пугаться! Это я, Вечка! Внук старого Пиняя, у него жена из ваших была! Я один тут…

Юнец, годами не так давно вступивший в пору охоты на белку, опасливо поглядывал на вооруженных мужей.

– Я с того берега переплыл, чтобы слово тебе молвить.

– Ну молви, коли переплыл.

Вождь снова уселся на бревне перед костром.

– Этот Учай – он нам всем надоел! – пылко заговорил Вечка. – Он роду Хирвы как заноза в заднице. Старших не чтит и богов не боится. Чуть что не по-его, враз за нож хватается! Самого-то его, может, давно бы одолели, так у него дружки. Я-то сперва с ними пошел, а сейчас гляжу – и жуть берет…

– Ты меня за этим от еды отвлекаешь? – сердито спросил Тума.

– Нет! – заторопился мальчишка. – Я вот что сказать хотел. Учайка, гнева людского опасаясь, не в селении живет, а в острожке, что от арьяльцев остался. Да только нынче дружки его в селении – Учай их услал, чтобы приглядеть, как бы вержане вас на ту сторону не переправили. Так что под утро, как все уймется, я могу тебя, дядька Тума, и еще пару мужей на ту сторону перевезти и тихо-тихо к острожку проводить. Втроем-то вы его точно осилите!

– Втроем?! – возмутился Тума, сжав кулак. – Я его и один, как куренка, задавлю!

– Одному, может, и мало будет. Он ужас какой злой. Как росомаха!

– Ну, будь по-твоему – еще двоих возьму, – хохотнул вождь. – Чтобы штаны с твоего злюки спустить да и всыпать ему крапивой!

Сидевшие вокруг костра радостно засмеялись, наперебой предлагая кто – засыпать Учаю за пазуху угольев, кто – сунуть в мешок да искупать в реке, кто – усадить голым задом в муравейник.

– Ладно. – Тума махнул рукой. – Ты и ты, со мной пойдете. Окажем «вождю» почести!

* * *

– А ну как не поверят? – прошептал Кежа. – Это тебе не мамку мертвецами пугать. Прибьют ведь малого…

– Поверят, – спокойно сказал Учай. – Если только Вечка слабину не даст – непременно поверят.

– С чего ты вдруг так решил?

– Оттого, что *хотят* поверить. Оттого, что меня ни во что не ставят. Оттого, что пива много за ночь выпили. А еще вчера им охота была удаль свою показать. Оттого, что Тума, из дому своего не выйдя, уже решил, что мы ему ворота откроем. От всего этого и поверят…

Сын Толмая прислушался:

– Тсс! А вот и они. Идут…

– Не особо таятся. Видать, много хлебнули, – шепотом заметил Кежа. – А Вечка молодец. Слышь, как чирикает? Знак нам подает.

– Давай на место, – приказал Учай. – А как все начнется, ты у себя не плошай.

– Здесь он, здесь, – тихо проговорил Вечка, отворяя ворота. – Там, под навесом спит.

Сын Грома ткнул пальцем на куль, завернутый в ряднину.

– Ну-ка отойди…

Тума отодвинул в сторону провожатого и рявкнул во всю мощь:

– А ну вставай! Тебе говорю!

Он сделал шаг к «спящему», и в тот же миг раздался громкий хруст и прикрытая дерном плетенка провалилась под ногами вождя рода Карью. Тума очутился в узкой щели. Попробовал было поднять руки, чтобы зацепиться за край, но тут же получил по пальцам древком копья.

– Что, не спится, дядька Тума? – раздался сверху ехидный голос Учая.

– Ну, погоди, вот я ж тебя…

Из-за ворот послышался невнятный шум, затем крики боли. Окажись сейчас вождь обжан за стеной острожка, он бы увидел, как оба его соплеменника барахтаются в сети, как вытащенные из воды рыбины, а вокруг них с дубинами в руках скачут Дети Грома, осыпая гостей ударами, как сноп ячменя на току.

Но он этого не видел – сейчас его больше занимал наконечник копья, упершийся ему в горло.

– Не шуми. Это мы тебя как родного приняли. А вот арьяльцам ты никак не родня… Потому сам думай – со мной будешь говорить или Джериша позвать. Слыхал о Джерише?

– Чего ты хочешь? – просипел Тума.

– Вот это правильный вопрос. С этого дня ты и род твой – под моей рукой. Чтоб не вздумал чего дурного – дочь свою мне отдашь в жены.

– Да ты…

– Если ума у тебя хватит, то поймешь, в чем тут твоя выгода. Это лишь начало. – Учай задумчиво поглядел на костры на дальнем берегу реки. – Скоро все роды ингри под моей рукой будут. А ты будешь среди них первым из вождей и моим ближним родичем…

– А ежели откажу?

– Стало быть, глуп и говорить с тобой не о чем. Тебя я сейчас убью, а тех, кто там на берегу остались, до утра перережем.

Тума скрежетнул зубами, понимая, что мелкий стервец не шутит. То ли боги от него отвернулись, то ли он от них… Нездешней жутью тянуло от этого невзрачного отрока. Такой не поглядит на дедовы заветы – попросту убьет, как комара!

– Твоя взяла, – выдавил он.

– Вот и хорошо. Покуда мы тут вас в темной подержим. Завтра ты свою волю всем громко с берега объявишь. А вздумаешь чудить – ни тебе не жить, ни твоему роду. Это я тебе говорю – Учай, сын Толмая, наместник Ингри-маа!

Глава 12. На черных крыльях

После схватки Локши с Вергизом на берегу реки закончились у Кирьи спокойные дни. Будто позабыв все остальные дела, главная добродея вцепилась в воспитанницу. От рассвета и до того времени, когда сон и усталость склеивали ресницы, она изводила девочку наставлениями – даже говорила, какие сны ей следует увидеть. И Кирья впрямь видела те сны. Она изумлялась, как легко ей теперь дается то, что она прежде и представить не могла. Чем дальше, тем больше ей нравилось учиться, нравилось чувствовать себя знающей и сильной. Но, слушаясь наставницу, она ни на миг не забывала о Мазайке. И о том, что на самом деле Локша держит ее тут силой.

«Все равно убегу, – шептала Кирья всякий раз, как ведунья оставляла ее в покое. – Вот похолодает, встанет река – и убегу по льду. И водяное чудище меня не остановит…»

Она ловила себя на том, что до того, как река покроется льдом, пройдет еще немало дней и ночей. Кто знает, как там Мазайка? Где он, что с ним? Хоть Высокая Локша и обмолвилась, что он жив, но жить тоже по-всякому можно… Вон в селении снегов пять тому назад медведь одного из родичей поломал. Тот еще долго жил, да никакой радости ему с того не было – стонал, ворочался, а сам ни встать, ни пройти не мог. Так дух и испустил. Сказывали, голодом себя уморил…

«Надо что-то придумать, – вертелось в ее голове. – А если нельзя ни переплыть, ни перейти… Может, перелететь?»

Она часто вспоминала родное селение, отца, могучего братца Урхо… И даже ехидный и придирчивый Учайка казался ей сейчас не таким уж вредным. Как бы отец переправился через такую реку? Кирья вспомнила один случай. Несколько лет назад она видела, как Толмай взял лук, привязал к стреле конопляную веревку да и пустил ее с высокого берега ручья в росшую на той стороне сосну. Затем ремень снял, через веревку перекинул, запястья им обмотал и – вжик! – на низкий берег одним махом перелетел.

Здесь с обрыва он, пожалуй, спуститься бы мог… А она легкая, она и подавно сумеет! Да только ж где взять лук и стрелы?

Ответ на этот вопрос она вскоре нашла. При керемети имелось хранилище даров, куда добродеи складывали особо ценные приношения. Там имелись и луки, и копья, и даже бронзовые топоры, привезенные из самой Арьялы. Надо только улучить время…

И снова день сменял день. Но теперь Кирье стало куда веселее на душе. Она пристрастилась к тайным знаниям, которыми щедро делилась с ней Высокая Локша, стараясь впитать как можно больше, пока не настанет заветный день побега. Она уже стала подмечать и понимать знаки богов, видеть их в полете перелетных гусей, слышать в дуновении ветра потаенные речи деревьев. Она чуяла силу камней и заучила обережные слова, позволяющие отогнать неупокоенного духа.

При каждом случае она старалась сопроводить Локшу в хранилище даров. Добродея рассказывала об исцелениях, добрых охотах, рождении долгожданных сыновей, и всякий раз она касалась преподнесенных в дар керемети сокровищ, будто перебирая памятные бусы. А Кирья слушала и присматривалась. Она почти сразу приметила себе большой, мощный лук. Костяные пластины, которыми были украшены его рога, были густо покрыты резными значками, обещавшими владельцу лука обильную охоту. Оставалось только выбрать миг. И вот в одно ненастное утро она поднялась до рассвета. И тихо, стараясь не разбудить спящих поблизости молодых добродей, прокралась в хранилище.

На дворе было серо, капельки мелкого дождя висели между небом и землей, будто не желая падать. В такие дни всегда спалось так крепко, что и проснувшись не всегда удавалось понять, снится ли та серая пелена, или же заволокла все в яви. Кирья вытащила лук, пучок стрел, обмотала вокруг пояса заранее принесенную веревку и что есть мочи побежала на высокий берег, мысом выступающий на восточной окраине острова.

«Только надо сперва испробовать лук», – вспомнила она. Прежде ей доводилось стрелять, и не раз, но то были детские забавы. Большой, взрослый лук она держала в руках впервые.

Добежав до мыса, она вытащила стрелу, приладила тетиву на лук, положила на нее стрелу и потянула ее к уху что есть сил. Рога лука едва-едва изогнулись. А сплетенная из оленьих жил тетива не дотянулась и до плеча.

Такого Кирья не ожидала! Стиснула зубы и еще раз попыталась натянуть тетиву, уже понимая, что этот лук ей не по силам.

Да как же можно было так ошибиться! На глазах у девочки выступили слезы злости и досады. Нет, она не уйдет отсюда, пока не добьется своего! Она вновь вскинула лук и прищурилась, представляя, что целится во врага – да хоть в того, кто унес Мазайку! Тетива до боли врезалась ей в пальцы, заныла спина. Кирья сейчас сама себе казалась деревом, которое гнет сильный ветер. Давай, вихрь! Дуй сильнее! Еще сильнее!

Зашумели, заскрипели прибрежные ивы, закачались висячие ветви, дождем полетели увядающие листья. В реке всплеснула вода, круги побежали все чаще, все ближе к берегу. Кирья ничего не видела – она натягивала лук…

– Что ты делаешь? – раздался позади нее резкий, словно карканье, окрик Высокой Локши.

Кирья вздрогнула, но постаралась сделать вид, будто ничего особенного тут не происходит.

– Лук пробую.

– Я вижу. Зачем ты пробуешь лук?

Подозрительный взгляд добродеи, острый, как наконечник одной из стрел, уперся прямо в переносицу девочки. Но Кирья пересилила навалившийся на нее страх.

– Сейчас ведь подношения не привозят, так я думала, может, уток настреляю? Отец всегда уток стрелял…

– Это не твоего ума дело, – поморщилась Локша.

Она выдернула из рук воспитанницы лук и махнула рукой, повелевая ей идти следом. Кирья покорно поплелась за ней, надеясь, что та не заметила обвязанную вокруг пояса веревку. Ветер унялся, будто его и не было, и вода снова стала гладкой. Но лицо Локши было мрачно. Казалось, ее гнетет некая тяжелая мысль.

– Пора, – внезапно заявила она.

– Что – пора? – настороженно спросила девочка.

– Познакомить тебя кое с кем. Чтобы ты тут не пыталась ворожить без дозволения. Иначе это кончится большой бедой…

Хозяйка керемети сделала знак. Из-за кустов появилась одна из молодых добродей и с поклоном приняла лук.

– Пусть остается там, где ему надлежит. Духи жестоко мстят, если у них крадут подношения. Если бы я не упросила их пожалеть тебя, ты бы сломала себе шею, еще пока бежала сюда… Отнеси, – приказала Высокая Локша добродее.

И, точно когтями впившись в плечо Кирьи, потащила ее в заповедную рощу.

– Здесь!

Они наконец остановились возле большого валуна с выдолбленным в нем углублением-чашей. Дно чаши было влажным от дождевых капель. Но Кирья безошибочно опознала кровяные разводы на стенках. И напряглась, готовясь кинуться прочь при первом же знаке опасности.

– Я буду звать духа-покровителя, – проронила Локша. – Покажу тебя ему. А его – тебе.

Кирья беззвучно ахнула:

– Моего духа?

– Нет, покуда моего. Если он сочтет тебя достаточно сильной, он позволит тебе отыскать того, кто станет защищать и наставлять тебя в странствиях по незримым мирам. А если нет…

«Не рано ли я обрадовалась? – мелькнула мысль у Кирьи. – Если дух не сочтет меня сильной… Неужто она отдаст меня ему?»

Глаза ее расширились от страха. Когда же старшая добродея вытащила из кожаных ножен небольшой костяной нож, Кирья быстро обернулась, готовясь дать стрекача. Но, будто не замечая ее, Высокая Локша полоснула себя по ладони и простерла ее над камнем.

– Напитаю дух твой жизнью своей, – шептала она. – Да станет незримое зримым! Да будет мое тело вместилищем твоей силы! Прими мое подношение, напитай меня, как я напитала тебя!

Кирья, с трудом скрывая охвативший ее ужас, глядела на добродею. Тело женщины сотрясала крупная дрожь, будто она билась в лихорадке. Она вдруг повернулась к ученице, глянула невидящими глазами и схватила ее крепко-крепко за руку, заляпав платье кровью. Кирья сдавленно пискнула – ей почему-то показалось, что наставница желает проглотить ее одним махом. Высокая Локша, будто только сейчас заметив Кирью, вперила в нее тяжелый горящий взгляд. У девочки закружилась голова, все поплыло перед глазами, и она вдруг увидела себя летящей над землей.

Над ней простирались мерно взмахивающие крылья огромной белой птицы. Мир внизу проносился, будто сдуваемый ветром. Он был везде, куда бы ни глядела девочка. Она уже не могла понять, где это и что происходит. Ей привиделись знакомые изгибы Вержи, родное селение, арьяльский острожек на холме. Увидела она и братца своего Учая, сидящего рядом с каким-то слепцом. Кирья чувствовала – не слышала, а именно чувствовала, – что слепец поет, и эта песнь неведомо почему радовала ее.

Затем потянулись места вовсе незнакомые. Промелькнула скальная чаша, затянутая почти непроглядной дымкой… А дальше видение исчезло, и девочка увидела Мазайку. Рядом с ним было чудовище, отдаленно напоминающее человека, а вокруг, то там, то сям, виднелись страшилища до того кошмарные, что и спорыньи наешься – такого не увидишь.

– Мазайка! – закричала Кирья, стараясь привлечь его внимание.

Дернулась, вырываясь из держащих ее рук Локши, глянула на нее и оторопела. Ничего человеческого в ней не осталось – но и птицей она сейчас, пожалуй, не была. Длинная белая шея оканчивалась человеческой головой, а крылья будто росли из

спины, но жили своей жизнью. Добродея что-то ответила ей, а потом вдруг камнем пала на землю, так что у Кирьи вчуже дух перехватило. Так и замерла она с открытым от ужаса ртом. Сама не ведала, сколько там простояла. Затем выдохнула, огляделась и снова увидела себя на острове. Рядом – камень-чаша, над головой – низкие серые тучи с мелкими унылыми каплями, висящими между небом и землей.

– Сейчас помоги мне до лежанки дойти, – еле слышно прохрипела Высокая Локша. – Ты сильна! Иные, в первый раз духа-покровителя узрев, чувств лишаются, валятся, как сухостой, а то и вовсе умом трогаются. А ты вон стоишь моргаешь, только с лица чуть спала. Ничего, скоро пройдет. К завтрашнему рассвету готовься – твоего духа призывать будем.

* * *

Весь день Кирья была сама не своя. Она слушала наставницу, кивала в лад ее словам, но из головы не шел Мазайка в лесу чудовищ. Каждый раз, когда она вспоминала увиденное, ее бросало в холодный пот и все валилось из рук. Но Высокая Локша не обращала на это внимания. Должно быть, списывала все на потрясение от встречи с духом.

Конечно, было и это. Кирью поразили огромные лебединые крылья, будто растущие из плеч наставницы, и вой ветра, переворачивающего землю. Но что с того? Духов она видела и прежде. Подаренная Мазайкой каменная чешуйка позволяла ей увидеть населяющих мир духов в любой миг – от совсем крохотных, с ноготок, до огромных, величаво шагающих в звездной ночи далеко над лесами. Мало кому из них было дело до людей, а может, духи и не видели их. Но Кирья знала, что всякому духу лучше оказать почтение. Каждый свободный миг девочка лезла в поясную сумку и сжимала заветную чешуйку как залог удачи.

Замысел ее сложился еще на рассвете, когда она помогала Высокой Локше возвращаться от камня-чаши. Даже и не замысел, а какая-то странная, внезапная уверенность – надо бежать отсюда, и как можно скорее! «С Локшей глаза в глаза мне не справиться, – думала Кирья. – Ее даже Вергиз одолеть не смог, куда уж мне! Вот вызовет она моего духа да и привяжет обоих к керемети навечно!»

Когда стемнело и сестры-добродеи ушли спать, Кирья потихоньку сняла ножик с пояса одной из них, выскочила из протопленной избы в сырую тьму и бросилась туда, где побывала утром. Впотьмах все виделось иначе. На заре священный лес

казался сонным и почти обычным, сейчас же глядел на нее притаившимся зверем, готовым прыгнуть. Но заветная чешуйка оказалась тут к месту. Завидев поблизости духа какого-то мелкого зверька, Кирья почтительно обратилась к нему, как ее учили добродеи, прося о помощи. Дух как зачарованный внимал ее словам, затем повернулся и чуть видным зеленоватым огоньком полетел в чащу. Кирья побежала за ним. И когда бледное пятно ночного светила замерло над ее головой, девочка уже стояла возле камня-чаши, переводя дыхание.

Она беззвучно повторяла слова заклинания, с которыми утром взывала к своему духу Локша. Затем попыталась быстро полоснуть себя ножом по ладони, но в последний миг что-то отвело ее руку. Она оглядела желтоватое лезвие костяного ножа, будто ища подвоха.

– Испей моей крови! – умоляюще попросила она и с выдохом опустила острое лезвие.

Рассеченная плоть отозвалась болью. Горсть быстро начала заполняться кровью.

– Напитаю я твой дух своей жизнью, – нараспев, подражая наставнице, заговорила Кирья и вытянула перед собой ладонь, сложенную лодочкой, словно предлагая духу напиться. – Да станет незримое зримым! Да будет мое тело вместилищем твоей силы!

«Только бы не сбиться, не испугаться. Не явить духу слабину! А то ведь заберет, не отпустит…» Она вдруг поймала себя на мысли, что страха нет, и это тоже удивило ее.

По кронам деревьев упругой волной прошел ветер. Ветки изогнулись, тревожно зашелестела листва, и вдруг Кирья увидела на ближнем дереве черного крылана. Сейчас ей не нужна была каменная чешуйка – он был виден во всей красе, словно средь бела дня. Зубастая пасть, огромные кожистые перепончатые крылья…

– Ты? – не скрываясь, яростно закричала Кирья. – Опять ты?!

Она не могла предположить, кто придет на ее зов. Она-то надеялась, что дух-покровитель будет достаточно силен, чтобы помочь ей выбраться с острова. Но уж точно не этот! Крылатый ящер, самый злобный из беглых духов, которых царевич из Арьялы выпустил из Дома Зверей, зачем-то преследовал ее и в родном селении, и даже в священной роще!

– Что ты ко мне привязался?! Зачем ты здесь?

И будто эхо отдалось в ответ:

«Затем, что ты здесь».

Он сорвался с дерева и кинулся прямо на нее, будто обнимая крыльями. Она почувствовала, как земля уходит из-под ног.

«Ты хотела улететь отсюда? Ты сделала это».

Кирья открыла глаза и увидела, как внизу, озаренные луной, проносятся заводи близ керемети. Как приближается лес – и желанный берег.

«Твое место не там, а здесь», – вновь услышала она, будто из ниоткуда, и лягушкой плюхнулась в траву, едва не ткнувшись носом в землю.

Вот теперь Кирья испугалась. Она лежала и плакала, сама не зная почему. Порезанная рука саднила все сильнее. Кирья подумала, что надо встать, приложить к ране клочок мха. Но когда поднялась – увидела совсем рядом перед собой желтые волчьи глаза. Матерый волчище стоял перед ней не шевелясь. Шерсть его серебрилась в лунном свете.

– Я тебя знаю, – прошептала Кирья. – Ты вожак стаи, друг Мазайки. Не трогай меня!

Но волк и не собирался на нее бросаться. Он сел и призывно завыл. Очень скоро вокруг стали появляться новые и новые волчьи морды. Кирье было не по себе среди них. Но, помня наказ своего друга, она старалась не подавать виду.

– Хорошие, лохматые, – приговаривала она. – Мазайка вас любит, и я тоже…

– А ну, кто тут? – раздался поблизости скрипучий голос старика Вергиза.

Узнав старика, Кирья сразу успокоилась и обрадовалась:

– Дедка, это я! Мы с Мазайкой к тебе на гору приходили!

– Как же, помню.

Глаза старика строго смотрели на нее.

– Ты еще духов в Лесной Избе распугала.

– Это не я, а царевич! Я только… Я, наоборот, собрать их хотела!

– Ладно, уймись, дело былое.

Старик кинул взгляд в речной туман и, не заметив следов лодки, взглянул на Кирью еще внимательнее:

– А здесь ты как оказалась? Ты же на острове была, у той лебеди белой в плену! Перья-то белы, да только под ними мясо черное! Что ты здесь ищешь?

– Меня дух перенес, – поколебавшись, сказала Кирья. И быстро, пока волчий пастырь не стал спрашивать, какой именно, добавила: – Я Мазайку искать пошла. Я его вчера на рассвете видела.

– Как это видела? – насторожился старик. – Где?

– Не знаю где. Локша духов вызывала, силу свою показывала. Мы с ней в небе летали, всякие края видели, и дальние, и ближние. А среди них, смотрю, – Мазайка! Только место уж очень

страшное, чудно́е… Лес диковинный, деревья там – бурые, красные, а листья на них – как лопухи… Среди них небывалое зверье шастает. А рядом с Мазайкой уж такое страшилище, что волосы дыбом…

– И что, ты искать его собралась?

– Искать и спасать! – бесстрашно подтвердила Кирья. – Меня Локша многому научила. Я за себя постою, не сомневайся.

– Пока уж полежала за себя, – хмыкнул Вергиз.

И призадумался, глядя не то в туман, не то в глубь себя.

– Знаю я это место… Да только попасть туда нелегко. Живому туда хода нет.

– Но Мазайка же попал!

– Мазайка-то попал. Да не своей волей.

– Ну а я своей попаду, – упрямо заявила дочь Толмая.

– Говорю ж я тебе – не пройдет человек. Оно как ворота – захотят, откроют. Не захотят – хоть головой стучи, не отворят.

– А если не человек, а дух?

– Может, и отворят – если дух из тех самых мест.

– Из тех, это уж точно, – без всяких сомнений сказала Кирья.

– Да ты бы меня не перебивала. Туда-то я тебе попасть помогу. А обратно тебя привести моей власти нет. Только если выпустят…

– Я все равно пойду. – Кирья подумала и добавила печально: – Кроме Мазайки, у меня в мире, пожалуй, больше и не осталось никого. Учайка один, да ему я совсем не нужна…

– Ну, добро, – вздохнул Вергиз. – Идем. А пока дойдем, пораскинь умишком. Внука мне жаль – один он у меня. Но тебе-то зачем молодую жизнь губить?

Кирья раскрыла и показала ему порезанную ладонь:

– Я уже за то кровь пролила. И стало быть, все решила.

Глава 13. Мать чудовищ

Шли они долго. Кирья уже еле передвигала ноги, спотыкалась в темноте о кочки и коряги. Мазайкиному же деду ни темень, ни бездорожье были нипочем. Он шагал, будто невидимая простым оком тропа сама стелилась ему под ноги. Кирье ужасно хотелось поудобнее устроиться во мху под кустом и проспать до утра. Однако Вергиз об отдыхе и не думал. Время от времени оглядываясь, Кирья замечала мелькающие в лунном свете волчьи тени. Стая, окружив людей кольцом, двигалась вместе с ними, оберегая от нежелательных встреч.

Ученицу Высокой Локши тянуло спросить, куда они все-таки идут. Но лицо старика, какое-то болезненно сосредоточенное, его взгляд, будто обращенный внутрь себя, не располагали к расспросам.

И вот на рассвете, когда Кирья уже совсем валилась с ног, показались знакомые места. Да это же то самое заболоченное озеро близ холма, на котором они с Мазайкой поджидали возвращения деда с охоты на злых духов!

– Дошли, – наконец вымолвил Вергиз.

Кирья устало поглядела на заросшее осокой и рогозом болотце. В предрассветном тумане где-то тихо квакала одинокая лягушка.

– Это что же, в омут с головой? – несколько устрашенная подобной участью, прошептала она.

– Если в омут с головой – то как раз нечисти на прокорм и пойдешь. Многих сюда тянет… Сами не знают, какая неведомая сила их ведет. Охотник по лесу бредет, бредет да сюда и приходит. Так он порой болота этого и не видит… Полянка себе и полянка.

– А мы вот с Мазайкой увидали.

– Ты себя-то и внучка моего с прочими не равняй. То, что ты видишь и слышишь, даже я не всегда осилю. Лучше подумай, желаешь ли ты по-прежнему в трясину лезть? Или же отступишься?

– А других ходов нет? – глядя на болото, с опаской спросила Кирья.

– Отчего же – есть. Вот у щучьего ящера где-то нора. Локша белоглазая наверняка знает где. Чудища-то откуда-то лезут… Твое, например, – откуда оно взялось? Здешних я, почитай, всех переловил и силу их забрал. Ну что, каково твое решение?

– За Мазайкой идти, – упрямо сказала девочка. – И не отговаривай, не отступлюсь.

– Отговаривать не буду, – усмехнулся дед. – Ты своей воле хозяйка. Стало быть, слушай, что делать будем. В омут нырять не надо. Дам я тебе зелье – оно тебя вгонит в сонную оторопь. Все слышать и видеть будешь, а не то что пальцем – веком не пошевелишь. Но прежде чем то зелье выпьешь – призовешь своего духа-защитника. Ему сюда, конечно, являться неохота, но если повезет – все же явится. А вот дальше тебе непросто будет… Ибо его не только осилить нужно, но и твою душу поверх его поставить, дабы вы с ним одно стали.

– Неужели такое возможно?

Вергиз лишь ухмыльнулся:

– Сама небось видела, как Локша с длинношеим шипуном воедино слились. Но до нее тебе далеко. А вот до Калмы мертвоживущей – рукой подать…

Он вздохнул. Кирья поежилась. В родном селении старухой Калмой, что поджидает сразу за Кромкой, пугали малых детей. «Будешь шалить да кричать, услышит когтистая Калма – придет, унесет в чащу и растерзает!» Неужели же ей придется столкнуться с ней лицом к лицу?

– Но стало быть, хоть я тебя поверху над чудищем и приставлю, все же помни – покуда ты его сама не смиришь, не заставить служить себе и приходить по единому зову, он рваться на волю будет. Пожелает тебя под себя подмять. Ежели случится такое – нам тут всем не поздоровится. Смекаешь, к чему я?

– Да. Все равно пойду.

Старик кивнул.

– А как до Калмы дойдешь, такое статься может. Начнет она тебя расспрашивать – как оно там, в мире живых людей. Не вздумай сказать ей, что меня знаешь. Она и Мазайку для того украла, чтобы род мой извести. А до того его отца и мать погубила…

– Но ведь Мазайку же не погубила? – с надеждой спросила Кирья.

– Не погубила – это верно. Худшее задумала. Переродить его желает. В свою пору водиться я с ней не пожелал, так теперь она мстит – из внука моего себе сына и последыша сделать хочет.

– Это старуха Калма-то?

– А что ты глаза выпучила? Она не всегда была старухой. Да и это болото прежде светлым озером было… – Вергиз почему-то тяжко вздохнул. – Но это история долгая. А нынче готовься.

Он полез в суму и достал заткнутую тугой пробкой круглую посудину, сделанную из березового капа.

– Передохни чуток, и начнем.

* * *

Кирье чудилось, будто она спит наяву. Она видела мир вокруг себя, но это был другой мир. Он был полон духов. Каждая травинка дышала и жила своей жизнью, каждый валявшийся поблизости замшелый камень глядел хмуро, будто думая о чем-то своем. Она увидела над собой то самое устрашающее крылатое существо, которое унесло ее с острова. Но более того – сейчас ей казалось, что она помнит его так же давно, как и себя. И потому не испытывает страха, будто крылатое чудовище – всего лишь ее домашний уж. В голове Кирьи сейчас звенела нежная, увлекающая вдаль мелодия. Она не могла понять, откуда она доносится, но, в общем-то, ее это и не занимало.

Чудовище камнем, будто коршун на утенка, рухнуло вниз, и она вдруг поднялась, воспарила над землей, и в следующий миг все смешалось, будто в бурном водовороте. Она почувствовала, что в ней бьются два сердца, и стоит ей разжать пальцы рук, как черные кожистые крылья распахнутся за спиной. Кирья снова, как прошедшей ночью, взмыла над землей. Однако теперь в этом полете было что-то иное. Словно каждый взмах крыла, каждый поворот зависели только от нее – и в то же время она сама себе не принадлежала. Ей хотелось отыскать на земле какую-нибудь добрую еду – оленя или лося. Рухнуть на него с высоты, ударить мощными лапами, сомкнуть челюсти, перекусывая горло…

Кирья попыталась направить полет обратно к болоту, однако крылья словно сами тянули подальше от гиблой трясины. Девочка почувствовала, как напрягаются все ее силы, как вдруг ужасающая тварь замирает над лесом и начинает скользить по воздушному потоку, будто падающий с дерева желтый лист. Чья-то несокрушимая воля пыталась упорно передавить ее, заставить сдаться на милость нечистому духу, тянула из нее страх, угрожая падением.

«Нет! Я сверху!» – про себя повторяла Кирья.

Будто не осознавая этого, чудовище все рвалось, как попавший в силки волк, рыча и клацая зубастыми челюстями.

«Я сверху», – твердила Кирья, и полет к земле с застывшими крыльями продолжался.

И вдруг ей почудилось, будто она вновь услышала невесть откуда звучащую музыку. Вот только теперь ее звуки были властные, словно кто-то засунул в пасть чудища удила и с силой дернул их. Едва не коснувшись верхушек деревьев, крылатая тварь на миг замерла в воздухе, крутанулась, ударила крыльями и стрелой взмыла в облака. Она дергалась влево, вправо, словно необъезженный лось, желающий сбросить неумелого наездника…

Затем Кирья вдруг почувствовала, что сопротивление пропало. Зверь словно уснул в полете. Стал послушным, как будто и не было вообще его собственной воли.

«К болоту, – приказала она, делая круг над лесом и высматривая старика Вергиза. – Теперь я смогу».

Кирья увидела Мазайкиного деда, пристально глядящего в небо; почувствовала невыразимую легкость, будто всю жизнь до этого только и делала, что парила над землей. И, задержав дыхание, как всегда перед прыжком с мостков в Вержу, очертя голову бросилась в зеленое от ряски болото. Вот сейчас оно поглотит ее… Но за миг до падения она вдруг увидела перед собой чистейшую прозрачную воду – да и не воду, так, дымку – и тут же, пронзив ее, очутилась в местах, прежде невиданных. Да и вовсе небывалых.

* * *

Крылатое чудище, наделенное душой и волей Кирьи, стремительно неслось над деревьями, которые дочь Толмая прежде и представить себе не могла. Каждый их корень был толще, чем любой из дубов, что росли на полуденном берегу Вержи. Она старалась разглядеть, что происходило внизу. Ей уже не было страшно – она выискивала хоть какой-то след, который помог бы обнаружить Мазайку. Но ничего подобного внизу заметно не было. Раз на прогалине великаньего леса она заметила зверя, похожего на волчьего секача, что добыли арьяльцы. Волчий секач стремглав промчался по каменистой пустоши, преследуя какое-то вовсе невиданное существо, и исчез в зарослях.

Затем великаний лес стал быстро меняться – и не в лучшую сторону. Казалось, его поразила тяжелая болезнь. Из увядающей, гниющей листвы слышались незнакомые пугающие звуки. Затем лес оборвался широкой трещиной, в глубине которой рокотал поток. В одном месте берег опускался почти к самой воде. Кирья увидела, как из чащи к ней выбрел ящер – огромный, неуклюжий, с шипастым гребнем и множеством выступов на спине, подобных замшелым камням. Ящер начал жадно лакать воду. И тут Кирья заметила меж стволов ближних деревьев зверя еще страшнее первого, страшнее волчьего секача. Он подкрадывался к рогачу, пригибаясь к земле и опираясь на хвост, а пасть у него была такая, что даже медведь смог бы там уместиться, как в берлоге. Зверь этот явно готовился к прыжку – но вдруг замер, повернув голову, и издал пронзительный вой. Лакающий воду ящер

тревожно поднял голову и что есть мочи неуклюже поковылял обратно в чащу.

Крылатое чудище, воспользовавшись Кирьиной заминкой, взмыло в небосвод так, что у девочки засвистело в ушах. Усилием воли она заставила свою дикую звериную часть вновь повиноваться. Раскинув крылья и покачиваясь на потоках ветра, она повисла среди низких, грозивших дождем туч и приготовилась продолжить свой поиск. Но то, что она увидела далее, потрясло ее куда сильнее всех замеченных ранее чудищ.

Нечто бледное, напоминающее свернувшегося ежа с приставленной сверху косматой башкой, скачками мчало по берегу, далеко закидывая вперед когтистые длинные руки. Затем, оттолкнувшись, выбрасывало в воздух покрытое белесыми иглами тело, и снова вскидывало руки, и снова бросало тело вперед. Кто это?!

Расстояние между колючим существом и недавними противниками сокращалось с каждым мигом. И вот наконец бледная тварь догнала рогача, схватила длинными когтистыми пальцами, подняла и с силой бросила в убегающего в чащу зубастого хищника. Тот издал новый вопль и отлетел в сторону. Он еще силился подняться, когда их преследовательница с размаху опустилась на спину зверю. Притянула его жертву и, как показалось Кирье, начала их тискать, сминая в ком, будто глину. У девочки почему-то кольнуло сердце – вспомнился Мазайка и слепленная им чудо-сойка. В тот день все еще были живы и никто даже помыслить не мог, что так скоро все переменится. Что она будет выискивать друга в этом оборотном мире, о котором даже сам мудрый Вергиз ничего толком сказать не может.

Меж тем чудище продолжало комкать своих жертв, лепя из них нечто единое. Дело продвигалось быстро – чувствовалась сноровка. Получившаяся тварь имела и шипастый гребень, и пасть, усаженную множеством длинных клыков, и острый, как копье, хвост…

– Главного не хватает! – визгливым, скребущим по ушам голосом крикнуло вдруг бледное существо и протянуло длинную руку к берегу реки. – Давай!

Кирья обмерла. Это странное нечто, вне всяких сомнений, говорило на человечьем языке!

Вода в реке вспенилась, и оттуда показалась длинная морда, покрытая жесткой блестящей шерстью. Кирья тут же узнала щучьего ящера, что обитал возле керемети. В пасти его еще шевелился человек, похожий на рыболова.

– Тащи его сюда! – повелела белесая тварь.

Еще мгновение, и тело утопленника лежало на берегу. Кирья

все никак не могла прийти в себя от осознания, что существо говорит понятным языком. Между тем вынырнувший из реки ящер неспешно вылез из воды и, волоча свою добычу, отправился к хозяйке. Длинная рука схватила щучью добычу, подтянула поближе, и вслед за этим колючее страшилище впилось в губы умирающего долгим поцелуем. Утопленник дернулся и затих.

– Забирай. – Хозяйка швырнула мертвое тело ящеру, отвернулась и наклонилась над своим творением.

В руках у нее появилась костяная дудка. Ведьма поднесла ее к губам, дунула, извлекая из нее резкие звуки, – и в тот же миг ее творение задергалось, точно под ударами палки. Затем вскочило и бросилось опрометью невесть куда.

– Живи! – пронзительно крикнула Калма вслед новорожденному зверю. – Ступай туда, наверх! Убивай всякого, кто встанет на твоем пути!

«Может, и с Мазайкой она так же?!» – с ужасом глядя вслед новому порождению Бездны, подумала Кирья.

Но сердце стучало размеренно, суля надежду. Мазайка – не просто мальчишка-рыбак, он Вергизова рода, его так просто не взять!

* * *

Кирья дольше смотреть не стала – расправила крылья, ударила ими и взмыла так высоко, что ее обдало резким холодом и стало трудно дышать.

«А вдруг старуха заметила меня? А если разглядела, что я – не одна из ее тварей?»

От всего увиденного ей было так страшно, что в какой-то миг даже захотелось податься обратно, подальше от жутких владений Калмы. Да только примет ли Вергиз ее теперь, если она вернется без Мазайки? Да и как можно без него возвращаться?

Она снизилась и вновь стала разглядывать чуждые земли. Где же ты спрятала моего друга, мать чудовищ? Сказки утверждали, что Калма живет в избушке, подобной дому мертвых, – на высоких столбах, без окон, без двери…

Впрочем… Девочка вспомнила дупло в раскидистом дубе, укромное обиталище Вергиза. Может, и тут что-то подобное?

Кирья глядела во все глаза, стараясь не пропустить ни зверя в подлеске, ни рыбу в ручье. Сейчас она могла поклясться, что разбирает каждую чешуйку на спине притаившихся среди камышей щук. Будто и не ее глаза сейчас глядели, а вовсе нечеловечьи. Но внизу только колыхались бурые кроны. На миг

чаща расступилась, внизу блеснула нитка ручья. И тут Кирье почудилось, что где-то внизу грустно поет глиняная свистулька-сойка.

Ни мгновения не колеблясь, она развернулась и устремилась вниз. Только бы не замолчала! Но из владений ящеров, из всей этой устрашающей дикости, то обрываясь, то возобновляясь, явственно, хоть едва слышно, доносились переливчатые трели.

Кирья опустилась к лесному ручью, заваленному плавником. Да это же не плавник, сообразила она, заметив на деревьях следы зубов. Это бобровая плотина. Неужели бобры водятся в таком месте? Как они тут уцелели? Значит, где-то тут и хатка должна быть. Вскоре Кирья увидела и ее – большую кучу веток и грязи у берега. Она опустилась на сырой берег, складывая крылья.

– Мазайка! – крикнула она, озираясь.

– Кирья! – приглушенно послышалось откуда-то совсем близко. – Я здесь!

Кирья завертела головой, пытаясь понять, откуда ее зовут. Взгляд ее упал на хатку – и вдруг она заметила чьи-то руки, пытающиеся отодвинуть нагроможденные сверху бревна.

Вот он! Нашла!

Кирья метнулась к воде. Но тут же из-под валявшейся на берегу гнилой коряги показалась зубастая голова щучьего ящера. Тот с неожиданной ловкостью выскользнул из-под комля, на раскоряченных коротких лапах взобрался на крышу бобровой хатки, улегся сверху бревен и приветственно распахнул пасть ей навстречу – точь-в-точь как Мазайкин волк в ожидании лакомства.

Кирья ударила крыльями, шарахнувшись обратно. И услышала совсем рядом скрипучий, пробирающий до нутра голос.

– Хе-хе, – послышалось у нее за спиной. – Кто это ко мне явился незваный, нежданный?

Кирья попыталась снова взмыть в небо, но ее крылья стали такими тяжелыми, что и приподнять их было невмоготу. Но она не думала сдаваться – продолжала дергаться, пытаясь взмахнуть руками-крыльями. Существо выкинуло в ее сторону паучью руку, схватило, подтянуло к себе и, не обращая внимания на ее рывки, шумно обнюхало, втягивая носом воздух. Кирья невольно зажмурилась. Сейчас сожрет!

– Чую, Вергизом пахнет! – проскрипело рядом. – Старый хрыч сюда птичку заслал. Стало быть, не забыл меня…

Голос чудовищной старухи скрежетал, как днище однодревки о каменный перекат. Она снова принюхалась, и Кирья ощутила, что хватка когтистой руки ослабла.

– Да неужто? – пробормотала ведьма. – Так вот ты какая,

Локшина ученица! То-то она мне о тебе небылицы сказывала. Теперь вижу, что все правда, от слова до слова…

Девочка приоткрыла глаза и обнаружила, что ее никто не держит. Калма стояла рядом с ней, словно прислушиваясь к чему-то, слышимому только ей.

Ну и жутко же выглядела хозяйка бурого леса! Вблизи она больше походила на человека, но давно умершего, истлевшего, так что даже сами ее кости стали прозрачными, словно туман. Лицо ее напоминало слепой череп, тело уродливо искажено, будто Калма начала когда-то превращаться в некоего лесного хищника да и бросила это дело на полдороге. Седые космы свисали до земли, другой одежды на ней не было. Да никакая одежда ей бы и не сгодилась – все ее тело густо покрывали белесые иглы, из-за которых Калма напоминала огромного ежа. «К такой не прикоснешься! – думала Кирья, не в силах отвести взгляд от чудовища. – Зачем же она с собой такое сотворила?!»

– А ну-ка, птичка, присядь на веточку! – приказала Калма. От нее веяло древним тленом, как из Дома Дедов. – Зачем пожаловала? Да ты не страшись. Если правду скажешь, то не трону.

Голос ведьмы теперь звучал почти добродушно. Кирья покосилась на нее, постаравшись сесть на гнилой ствол как можно дальше.

– Я за Мазайкой. Отдай мне его, Калма, – шалея от собственной храбрости, потребовала девочка. – Не то хуже будет!

– Да уж куда хуже? – хмыкнула ведьма. – Ты меня не пугай. Мне от твоих угроз одна потеха. Лучше скажи добром, на что тебе Вергизов внук сдался – да так, что ты, себя не жалея, забралась в мои угодья?

– Мне он как брат, – запальчиво ответила Кирья. – Он мне себя дороже!

– Говоришь, себя дороже?

Голос Калмы потускнел, стал глухим, будто из бочки.

– Хорошо, что не соврала. Я ложь всегда чую. Молодое дело – глупое… Ладно, птичка. Ради ученицы моей Локши, а паче того из почтения к вещему твоему отцу, обиды тебе чинить не стану. Лети отсюда подобру-поздорову! А Вергизова внука, – угрожающе добавил она, – забудь! Не твоего ума это дело. Со старым хрычом у меня свои счеты. А уж коли правду сказать – то я тем спасаю и тебя от больших бед.

– Пока я могу, пока силы есть, – дрогнувшим голосом отозвалась Кирья, – Мазайку не оставлю!

Калма расхохоталась. Из распахнутой пасти наружу полезли призрачные черви. Словно в ответ на ее хохот, над лесом с воем

пролетел вихрь. Деревья зашелестели, летучие твари отозвались издалека пронзительными воплями.

– А ну, тихо!

Калма хлопнула в ладоши, и в тот же миг на лес и берег речки упала мертвая тишина. Лежащий на запруде щучий ящер метнулся в воду, словно его ветром сдуло, – только чешуйчатый хвост мелькнул и скрылся под корягой.

– Когда-то я была такой, как ты, только пригожее, – заговорила Калма, неподвижно глядя на собеседницу белыми глазами с лица-черепа. – Жила я далеко отсюда, в дремучем лесу за ледяными горами, что у вас Холодной Спиной зовутся, с отцом своим. Тот был первейший из ведунов в нашем лесном краю. Равного ему среди людей и близко не было. И вот пришел к моему отцу молодой разумник. Ладный, пригожий, и сила у него природная имелась. Кровь заговаривал, со зверьем ладил… – Мертвая ведьма тяжело вздохнула. – Пришел, значит, учеником к отцу моему проситься. Тот его с порога выгнал. У нас, бьяров, так принято, что всякое знание только лишь внутри рода передаваться должно. Ну а мне, что скрывать, приглянулся тот красавчик! Встретились мы с ним неподалеку от нашей вежи, в самой чаще. Он, видишь ли, уходить с пустыми руками и не думал. Ну а я тогда совсем дурой была. Решила, что это из-за меня он остался. Когда с отцом говорил – все поглядывал в мою сторону… И сговорились мы, что я впредь буду у отца высматривать да выспрашивать и все ему передавать. А как войдет он в полную силу – убежим вместе в его родные края, за Холодную Спину!

Кирья слушала ее рассказ, с ужасом и жалостью вглядываясь в ее лицо, невольно пытаясь разглядеть в нем черты той девушки, что когда-то влюбилась в молодого ведуна, – но не находила ничего и близко на женщину похожего. Все прежнее сгнило и отмерло, сменившись чем-то жутким и опасным.

– Так оно долго и было, – скрипела Калма. – Ну а потом отец вдруг подметил во мне новую жизнь. Тут уж дальше ждать стало невмоготу. Мы и побежали. Да только от моего отца и само время убежать не могло. Как мы ни спешили, куда бы ни сворачивали, он всегда за спиной оказывался. Так мы до озера и добрались… А потом утром проснулась – а любимого рядом нет. Я давай метаться туда-сюда – и след простыл! И везде отец передо мной – ликом грозный. Помыкалась я да головой в омут и кинулась.

– Как же ты…

Калма подняла голову и посмотрела с жутковатой ухмылкой на опешившую Кирью:

– Почему я не умерла? Другой бы девке конец пришел, да

только не мне. Отец спасти меня не спас, но и помереть не дал. Сел на бережку, смотрит мне в глаза и спрашивает: «Что, думаешь, что это я твоего милого убил? Больно мне надо! Жив он, вон, гляди…»

Пальцем над водой поводил, и я его увидела, быстро в леса уходящего… «На что ты ему теперь? – говорит отец. – Тайны мои ты вызнала и ему передала. Моего дозволения взять тебя в свой дом он не спросил, да и не хотел он, видать, себе такой жены. Так и будешь ты теперь – и не девка, и не жена, и не мертвая, и не живая». И ушел… В свой час я разродилась, да только не младенцем, а тенью…

Кирья, затаив дыхание, слушала ее рассказ. Вдруг, случайно глянув ей за плечо, она заметила, как из-за бобровой хатки показался Мазайка. Он, видно, ухитрился потихоньку отодвинуть бревно и теперь выполз наружу. В руках его была толстая ветка. Он бесшумно встал и начал подкрадываться сзади к чудищу, занося самодельную дубину для удара.

– Так вот и повелось с той поры. И звали красавца моего – уже поняла как? – белоглазое чудище мгновение помедлило, – Вергизом! Ты небось думаешь, что он такой герой, весь Затуманный край от моих деточек защищает? А я тебе так скажу – когда б он меня тогда не обидел, одну-одинешеньку на болоте не бросил, так и не было бы их вовсе. Стало быть, думай. И так тебе скажу, – в желтых глазах Калмы полыхнула неугасимая ненависть, – желаешь мальчишку получить – твоя воля. От отца тебе тоже немало досталось. Своим умом сильна будешь. Давай, коли желаешь, обмен. Я тебе Мазайку – а ты мне Вергиза.

Кирья слушала, не дыша. Она хотела было спросить, что такого знает эта старуха о ее отце, отчего величает Толмая вещим? Да и о нем ли она говорит? Но боялась выговорить слово, чтобы та ненароком не шелохнулась и не заметила Мазайку.

Внук Вергиза был уже совсем близко. Он замахнулся…

– А мальчишка покуда здесь останется.

Калма, не глядя, щелкнула длинными когтистыми пальцами куда-то за спину. И Кирья едва не закричала от ужаса – за спиной матери чудовищ оказалась ледяная глыба, в которой застыл, как стоял, ее друг.

Калма обернулась и с довольным видом поглядела на ледяного истукана. Затем крикнула в сторону коряги:

– Эй, прибери его обратно в нору! А ты, – оскалилась ведьма, – лети отсюда! Кыш! Возвращайся с Вергизом! И помни – с каждым днем жизни в твоем дружке будет все меньше, пока и он тенью не станет…

Старуха обернулась назад, чуть повела рукой, и в ней вновь

возникла уже знакомая Кирье костяная дудка. Не глядя на девочку, Калма поднесла полую кость к оскаленной пасти…

Даже не успев подумать, что делает, Кирья завизжала, заставляя вылезшего было из-под коряги ящера вновь плюхнуться в воду, выхватила у ведьмы дудку и тут же взмыла к небу. Внизу мелькнули длинные призрачные руки Калмы, но черные крылья уже несли Кирью в облака. Лес чудовищ наполнился грозным ревом; внезапный вихрь с силой подхватил ее и понес, будто опавший с дерева лист. Понес так, что даже крылья не в силах были расправиться. А вслед ей неслись вопли:

– Вернись, поганка! Уморю! С сыном моим познакомишься!

Кирья не отзывалась, уносясь в вихре неведомо куда – лишь бы подальше от Калмы.

Дикий ветер нес Кирью, как беспомощное перышко, крутил и швырял, выл и визжал, раздирая слух. Перед глазами ее мелькали разноцветные полосы и пятна, какие-то вспышки – толком и не рассмотреть, все крутилось до тошноты… И вдруг – удар, словно с размаху о каменную стену, мрак, тишина…

Не было ни боли, ни страха. Постепенно темнота сменилась едва брезжущим светом. Как будто рассветало – вернее сказать, медленно озарялось светящейся изнутри синевой.

Как же тут было холодно!

И тихо. Только где-то поблизости капала вода, и каждая звонко падающая капля отзывалась долгим шепчущим эхом. Кирья, приходя в себя, рассеянно слушала бормотание капель, и понемногу ей начало казаться, что она слышит голоса. Они доносились откуда-то из темных глубин – кто-то словно то ли пел, то ли чаровал на неизвестном наречии.

Впрочем, нет! Это наречие она уже слыхала.

Кирья словно наяву увидела озаренную кострами поляну на берегу Вержи. Вот арьяльский царевич сидит у костра и смотрит на нее. Его длинные волосы схвачены золотым обручем, на груди – оберег-солнце, на котором играют отсветы огня. Большие яркие глаза на смуглом лице. От его чуждой красоты у Кирьи перехватывает дыхание. А царевич смотрит на нее холодно, словно на что-то мелкое и неприятное, вроде мошки, – и разговаривает со своим мрачным наставником, пренебрежительно на нее указывая. Говорит не на том испорченном языке ингри, на котором кое-как болтали арьяльские слуги, а на совершенно ином наречии – звучном, певучем, таком же красивом, как он сам…

Том самом, который сейчас слышался Кирье в звуке падающих капель. И, как тогда, казался ей чем-то чужим, чарующим – но опасным.

«Пусть замолчит! – хочется крикнуть Кирье. – Это злые чары!»

Голос не умолкает, более того – к нему прибавляется какой-то глухой, идущий из глубин рокот…

Прочь отсюда!

Кирья вскочила, распахнула крылья и понеслась вверх.

Синева сгустилась и осталась позади, свет стал обычным, тусклым дневным. Стены расступились, и она взлетела над глубокой трещиной. По обе стороны от нее поднимались невысокие рыжие сопки. Позади раздался громкий шорох – Кирья обернулась, только успев увидеть, как скачками убегает прочь какой-то большой пятнистый зверь.

Рядом кто-то сдавленно охнул.

Кирья подняла взгляд и встретилась глазами с перепуганной девушкой в кожаной одежде, застывшей на выступе скалы со здоровенным камнем в руках. Девочка сразу узнала эти взлохмаченные рыжеватые волосы. Да это же мохначка Айха, погонщица белого мамонта, на котором ездил царевич!

– Эй! – окликнула ее Кирья. – Не бойся меня!

Мохначка смотрела на нее с изумлением и страхом. Что-то выкрикнула и сделала рукой знак, отвращающий злых духов.

– Я ничего тебе не сделаю! Что это за место?

Услышала ли ее Айха или нет – осталось неизвестным.

«Кирья! – загрохотал в ушах повелительный мужской голос. – Слышишь меня? Возвращайся!»

Снова взвыл свирепый ветер, ударил снизу в крылья и швырнул ее в небо.

Глава 14. Бобровая хатка

Кирья порывисто вздохнула, дернулась выкинутой на берег рыбешкой и открыла глаза. Над головой шумел сплетающимися кронами знакомый с детства лес. В редких просветах между ветвями проглядывало белесо-серое небо. Ни мощных черных крыльев за плечами, ни когтистых лап не было и в помине. Она чуть приподнялась, как после долгого сна, силясь осознать, где начинается явь и заканчиваются сновидения.

– Очнулась? – Над ней склонился Вергиз, как водится хмурый и немногословный. – Это хорошо. Что видала?

– Калму, – прошептала девочка. Видения теснились перед ней, она не знала, с чего начать, за что хвататься. – Она про тебя нехорошее сказывала…

– Так и я о ней хорошего не скажу. Главное – Мазайку видела?

– Видела. Вот как тебя сейчас! – Кирья рывком села, едва не сломав крепко зажатую в кулаке костяную дудку. – Калма заперла его в бобровой хатке! А чтобы не убежал, заморозила в льдине! Сказала – если придем к ней сей же день вместе, то она Мазайку живым отпустит. Еще сказала, чем дольше он во льду просидит, тем меньше в нем жизни останется!

– Стало быть, старуха меня видеть желает, – процедил Вергиз. – Что ж, можно и свидеться…

– Она сказала, что ты ее на смерть в чащобе оставил с дитем нерожденным, – искоса глядя на него, проговорила Кирья.

И без того суровое лицо старика стало еще жестче.

– Не так все было, – буркнул он.

– А как? – не отставала Кирья.

Рассказ Калмы почему-то не давал ей покоя. Как же так? Разве мог Мазайкин дед, которого она уважала почти как отца, поступить так подло и безжалостно? Наверняка ведьма оклеветала его!

– То не твоего ума дело, – отрезал Вергиз. – Лучше говори, где та бобровая хатка, в которой Калма моего внука прячет.

– Не знаю… Я поверху летела. Речку лесную помню…

Кирья задумалась.

– Река, пожалуй, на Вержу похожа, как от нашего селения к керемети плыть. Только все по-другому – и лес иной, и звери страшные. – Она вспомнила двух ящеров и содрогнулась. – Ночью такой приснится, проснешься – заикой станешь! Да и не помню я такой хатки на Верже.

Вергиз махнул рукой:

– Тихо. Надо спрашивать…

Он умолк на полуслове, нахмурившись, выпрямился и пошел вверх по холму, к своему дубу. Кирья, сидя на траве, проводила его взглядом.

«Не захотел объясниться. Мне сказывать не хочет… Или Калма правду сказала?»

Она разжала кулак, рассматривая костяную дудку из леса за кромкой мира. До того она собиралась отдать ее Вергизу, а теперь что-то передумала…

Когда Кирья поднялась на лесистый холм, она сразу увидела Вергиза. Он сидел на «пороге» своего дупла, упершись руками в его края. Глаза его были чуть прикрыты, но гостью он определенно не видел. Да казалось, и вовсе забыл о ней.

Кирья же вдруг охнула – прямо меж корней могучего дерева, приподняв серые палые листья, вылез гриб боровик. За ним еще и еще. На замшелом пеньке сваленного бурей деревца целым семейством выскочили опята. Деревья вдруг зашептались, будто на сильном ветру. Крича, поднялись и заметались над лесом встревоженные птицы. Явственный шорох все ширился, точно ближние деревья о чем-то говорили дальним, а те передавали еще дальше.

Вергиз сидел не двигаясь, не шевельнув даже уголком губ, не сдвинув брови. Затем, когда Кирья уже притомилась ждать, разговорившийся лес внезапно затих. Старик убрал ладони, провел ими по лицу и объявил:

– Идем. Я знаю, где искать.

* * *

Кирья огляделась. Уже начинало темнеть. Пожалуй, они не успеют добраться до Вержи, когда наступит совсем непроглядная ночь. Небо серое, низкое, за тучами луны не углядишь…

– Да как же мы пойдем?

– Ногами, – буркнул Вергиз.

– Ведь уже смеркается!

Ведун собрался уже спускаться с холма, но остановился, удивленно поглядел на девочку и вдруг рассмеялся. Как-то страшно, словно ворон раскаркался, у Кирьи даже мурашки по коже забегали.

– Неужели ты ничего не поняла? Ты же к Калме за Кромку в гости сходила, тот свет видала – а сама здесь с закрытыми глазами лежала. Думаешь, я тебя туда отправил?

– А то как же, – опасливо поглядывая на старика,

подтвердила Кирья.

– Все это уже тут живет.

Вергиз ткнул ее пальцем в лоб:

– И тут…

Палец его спустился ниже и уткнулся в ложбинку между едва наметившимися грудями.

– Что – тут?

Кирья глядела на него, не понимая.

– Ах вот что…

Вергиз глухо выдохнул и ладонью с силой хлопнул Кирью по лбу. Да так хлопнул, что с ног сбил. Девчонка так и села на траву.

– Я говорю – ты слушаешь!

Голос старца сейчас звучал властно, так что у Кирьи и мысли не было поступить по-иному.

– Ты уже многое сама умеешь. А понять тебе это страх мешает. Вижу, он у тебя в глазах сидит. Закрой их и смотри.

– Как же…

– Смотри, я сказал!

Кирья зажмурилась покрепче, боясь прогневить Мазайкиного деда. Представила себе лес вокруг холма, болото, озеро, кусты, торчащие из прибрежной тины… И вдруг увидела. Вернее, нет – она не могла это видеть. И все же перед ее внутренним взором вставало то, что творилось вокруг во многих местах сразу.

Что это было за видение! Тени были резче, и в то же время все имело непривычные цвета. Но от этого мир становился только занятнее…

– Увидела? – сурово спросил Вергиз.

– Да, – завороженно ответила Кирья, разглядывая невероятную картину.

– А теперь открой глаза и не смотри ими.

Ее подмывало вновь спросить, как такое возможно, – но еще раз получать по лбу не хотелось. Кирья осторожно, опасаясь спугнуть видение, приоткрыла глаза и с удивлением осознала, что продолжает смотреть на мир вовсе не так, как прежде.

– Вот теперь хорошо, – удовлетворенно кивнул ведун. – И впредь не давай боязливой твари у тебя в голове верховодить. Пошли. Больше не опасаешься сбиться с дороги впотьмах?

Кирья мотнула головой. Больше темноты для нее не существовало. Лесная чащоба лежала перед ней как на ладони.

Они двинулись в путь. Кирья шагала рядом с Вергизом, пытаясь осознать, как это ей удается видеть не только то, что впереди и по бокам, но даже то, что сзади.

– Попривыкнется, – будто услышав ее мысли, сказал ведун. – Ты сейчас не своими глазами смотришь. За тебя вся стая

старается.

– Стая?

– Вот ты глупая! То, что в мире Калмы ты чужими глазами видела, тебя не удивляло. Ничего, со временем во всем разберешься.

В памяти Кирьи пронеслись угодья Калмы, какими она видела их с высоты, – диковинные леса, обитающие в них страшные звери… Щучий ящер! Она будто воочию увидела зубастого хозяина бобровой хатки и затараторила:

– Дедка Вергиз, дедка Вергиз! Я тут вот еще что вспомнила! Там Мазайку тварь желтоглазая сторожит, вроде лапчатой щуки!

– Не та ли, что близ керемети обитает?

– Она самая!

– Ты что же, ее вблизи видела?

– Все зубы в пасти пересчитать могла бы! Мордой на щуку похожа, но с лапами и бегает так быстро… И не чешуей покрыта, а гладким мехом, вроде бобра…

– Ишь ты… – задумчиво протянул Вергиз, не сбавляя шага. – Лучше бы нам с такой тварью не встречаться.

– Ты знаешь, кто это? – робко спросила Кирья.

– Поди ж пойми. Может, Калма себе в помощь вылепила и чьим-то злым духом населила. А может, и по-иному. Слышала небось – зверь, который долее отпущенного богами срока живет, в иное существо начинает перерождаться. Бобр – в щуку. Щука – в волка. Волк может и человеком стать. Да только как ни крути, а волчья натура в нем скажется…

Кирья вздрогнула и поежилась. Ей отчего-то вспомнилось, что Вергиз на старом языке и означает «волк»… Не оттого ли оно у Мазайкиного деда?

До места они дошли уже перед восходом. Кирья едва держалась на ногах от усталости, глаза ее слипались, но она старалась не подавать виду и держаться вровень с не знающим устали стариком.

– Здесь.

Деревья наконец расступились, и Вергиз указал на тихий широкий ручей, несущий свои темные воды к студеной Верже. Недалеко от берега высилась большая груда веток и тонких деревьев, наваленных одно на другое. От груды веяло зимней стужей. Ветки и листья покрывал искристый белый иней, хотя до ночных заморозков было еще далеко. Даже вода вокруг хатки покрылась прозрачной пленкой льда.

Вергиз приблизился к кромке воды и начал водить раскрытой ладонью над крышей бобровой хатки. Затем остановился,

прислушиваясь к своим ощущениям.

– Здесь он! Ну ладно, и это злодейство одолеем…

Мазайкин дед глянул на Кирью:

– Ну что в сторонке встала?

Он взялся за обгрызенный бобрами комель и начал его раскачивать, выворачивая из застывшего ила.

– Давай помогай.

Разбирать крышу бобровой хатки – дело непростое. Стволы были так крепко слеплены грязью и илом, что иной раз и камнем не разобьешь. Но у деда Вергиза были на то свои умения. Кирья в первый раз как увидела, так и ахнула. Ведун поводил ладонями над подмерзшей глиной, побормотал себе что-то под нос, и глина начала трескаться, точно от печного жара. Вергиз, не глядя на девочку, велел:

– Давай тяни!

Кирья уже не чувствовала ни рук, ни ног, когда между двумя стволами появилось темное окно провала. Вергиз поднапрягся, сдвинул в сторону толстый ствол подгрызенной сосны – этакой силы Кирья от него не ожидала, – и заглянул внутрь.

– Ишь ты! И здесь Калма не поленилась…

– Что там? – попыталась заглянуть Кирья.

– А ну брысь! Тут целая сеть заклятий сплетена, глазом ее не увидать. А сунешься – без головы останешься. В считаные дни кровь побелеет, сквозь кожу проступит, и помрешь в муках. Ну да что она наплела, то и я расплету… Отойди-ка подальше, пока не позову.

Кирья послушалась. И до первых лучей солнца видела лишь согнутую дугой спину Вергиза, ворожившего над лазом.

– Готово! – раздалось наконец. – Сюда иди…

Старик без страха спрыгнул в провал и крикнул оттуда:

– Ну-ка принимай! Я подниму, а ты на себя тащи.

Кирья нагнулась над ямой и застыла – Вергиз приподнял лежащее на полу, усыпанном опилками тяжеленное ледяное полено и, кряхтя, приподнял его над собой:

– Хватай, я подтолкну!

Сквозь прозрачный лед на девочку глядело до боли знакомое лицо Мазайки. Он будто силился что-то сказать, закрыться от наводимых Калмой чар, да так и застыл. Кирья вцепилась в скользкую глыбу и, плача от жалости к другу и боли от обжигающего руки холода, начала пятиться, ощупывая ступнями в мягких поршнях развалины бобровой хатки, чтобы не упасть самой и не уронить льдину.

Вергиз ловко выбрался из бобровой хатки, подхватил обледеневшее тело внука под мышки, буркнул Кирье: «Ноги

тащи!» – и вскоре Мазайка уже лежал в траве.

– Мать сыра земля, – зашептал Вергиз, держа ладони над грудью и лицом внука, – забери воду своему семени, дай жизнь семени моему. Как я тебе, так и ты мне!

Кирья увидела, как прозрачный лед становится все более тусклым и начинает трескаться, а затем стекать вниз и тут же, не оставляя лужи, впитываться в землю.

И вдруг за спиной Вергиза послышалось угрожающее волчье рычание. Кирья повернула голову и вскрикнула от ужаса. Из пролома в бобровой хатке, раскидывая молодые стволы и ломая ветки, быстро выбирался уже виденный ею щучий ящер.

– Берегись! – пронзительно закричала она.

Из ближайших кустов наперерез чудищу метнулся вожак волчьей стаи. Он прыгнул на загривок ящеру, но тот извернулся и ударом хвоста отбросил вожака шагов на десять. Тот с визгом отлетел и забился на месте, пытаясь встать на ноги. А чудище, не видя никого и ничего, с неожиданной резвостью устремилось к Вергизу.

Ведун отскочил с его пути. Кирья увидела, как рука старика смыкается на вырезанной из лосиного рога рукояти ножа. Он выхватил его; клинок с ладонь длиной был совершенно прозрачным, будто сам вырублен изо льда.

Заметив оружие, чудище остановилось и попятилось, но затем внезапно прыгнуло вперед, норовя схватить Вергиза с левого бока. Тот ловко отступил, развернулся – ящер отпрянул и снова прыгнул. На этот раз Вергиз успел полоснуть ножом по вытянутой щучьей морде. На ней отчетливо проступила кровь, однако самого зверя это, похоже, нимало не смутило. И все же, пользуясь едва различимой заминкой, ведун бросился на ящера, стараясь вонзить ему заговоренное оружие в горло, под нижнюю челюсть.

Порождение Калмы пятилось, зловеще хрипя и грозно клацая челюстями. Каждый раз удары Вергиза наносили зверю раны, однако тот продолжал пятиться. Хвост его уже скрылся в темном провале лаза, когда Вергиз вскочил ему на спину, подхватил за нижнюю челюсть, задрал голову, занес заговоренный нож для решающего удара…

И тут из черного провала бобровой хатки ударил в светлеющее небо толстенный столб воды. Словно щепку, он выкинул подраненное чудовище, и в потоке воды Кирья увидела бледные паучьи лапы.

– Это мое!

Когтистые пальцы сомкнулись на горле Вергиза. Холодный водяной столб, рассыпавшись брызгами, опал и скрылся в недрах

хатки.

– А того бери себе! – эхом пронеслось над запрудой.

Кирья завопила от ужаса, кинулась на завал и тут же увидела лезущего в сторону пролома окровавленного ящера. Вода отбросила его в сторону, но теперь он возвращался. Заметив девочку, щучий ящер тут же повернул к ней. Прежние желтые глаза-плошки чудища теперь светились красным, и оно явно жаждало крови.

– Ой! – пискнула Кирья, подаваясь назад.

Ощущение неотвратимой гибели подступило к ней при виде горящих злобой глаз, оскаленной пасти, залитой кровью морды страшилища.

«Это она все подстроила! Это Калма! Она все наперед знала, западню приготовила…»

Ближайшие кусты затрещали, и Вергизова стая, свирепо рыча, бросилась на чудище. Кирья невольно зажмурилась. Она слышала взвизги, клацанье зубов, удары хвоста, поскуливание отлетевших животных. «Они и скопом его не осилят, – подумала Кирья. – Бежать надо, спасаться!»

А как же Мазайка? Вергиз, стая?

«Беги! – требовал страх внутри ее. – Им всем уже конец, а ты выживешь!»

Нет, так нельзя! Кирья тряхнула головой. Надо хоть дубину какую найти, руками чудище не одолеть… Ей вспомнился Мазайка, крадущийся с обломанной веткой к старухе Калме, и переливчатые печальные звуки глиняной свистульки, плывущие над лесом чудовищ.

И тут ее словно водой окатило. Дудка Калмы!

– Погоди, Мазайка, я сейчас…

Она выдернула из поясной сумки костяную дудку, поднесла к губам и что есть силы дунула, глядя на окруженного стаей ящера. При первых же звуках тот отпрянул, задрожал и издал дикий надсадный визг.

А в следующее мгновение неведомая сила будто разорвала его натрое. Кирья успела увидеть огромного седого бобра, существо, напоминающее волка, и бьющую хвостом по земле щуку в четыре шага длиной. Еще миг – и, алчно урча, стая набросилась на то, что осталось от творения Калмы.

Кирья обессиленно села на землю рядом с Мазайкой:

– Сейчас, миленький, сейчас… Чуть оклемаюсь…

– Ловко ты это все устроила, – послышался за ее спиной знакомый голос Высокой Локши.

Кирья попыталась вскочить, и ноги ее тут же подкосились.

– Ну хватит, – насмешливо произнесла хозяйка Ивовой

керемети, выходя из-за деревьев. – Неужели и впрямь сбежать от меня думала? Ну да ладно – от Вергиза избавились, и за то тебе поклон. А теперь пойдем.

– Никуда я не пойду! – устало подняла голову девочка. – Я с Мазайкой останусь.

– Мазайку я, так и быть, не трону, – безразлично взглянув на мальчика, бросила Локша. – Если суждено ему – выживет, а нет – так мне до того и дела нет. А ты со мной пойдешь.

– Не пойду! – отрезала Кирья.

– Нет? – удивилась Локша. – На Дядек, что ли, надеешься? Или не помнишь ее?

Добродея подняла кулак, и Кирья заметила в нем белое обрезанное перышко – ту самую беззвучную свистульку. Еще миг, и потерявшая волю стая бросится наутек…

– Убирайся! – процедила Кирья, переполняясь холодной яростью.

Она вновь поднесла к губам костяную дудку Калмы. Вокруг будто вихрь пронесся. С деревьев наземь полетели ветки, закряхтели стволы, держась корнями за холодную землю. Зажатая в кулаке Локши свистулька вдруг раскрылась подобно цветку да и развалилась вовсе. Словно осознав это, стая с рычанием обернулась к хозяйке керемети.

– Теперь попробуй совладай с ними! – торжествующе крикнула девочка.

Не слушая ее, Высокая Локша крутанулась на месте. Руки ее обернулись широкими белыми крыльями. Она всплеснула ими и в единый миг исчезла в рассветном небе.

Тут же забыв о ней, Кирья бросилась к Мазайке. Теряя силы от усталости, она прильнула к холодному телу:

– Ну давай же, родной, оживай! Умоляю тебя, оживай!

Еще долго она шептала и уговаривала его, грея своим теплом, пока наконец не услышала над самым ухом тихий, но вполне различимый вдох.

Глава 15

«Меня зовут Зарни»

Вожди ингри со всего лесного края прибывали вразнобой – дорога до Вержи была трудной и долгой. Они шли со своими ближними, торопясь успеть к сговору перед женитьбой Учая, пропустить который было бы немыслимо. Еще бы – два известных в окрестных землях рода должны были объединиться и, возможно, основать третий, совсем новый род. Такое и прежде случалось, хоть и нечасто. Но в этот раз рассказывали, что у Лосей с берегов студеной Вержи – большая убыль в людях. Так что остатки рода Толмая вполне могли пойти под руку главы рода Карью.

К тому же всеми ими двигало любопытство. Слухи о том, что вержанам достались неисчислимые арьяльские сокровища, достигли даже самых далеких уголков Ингри-маа.

Мало кто из гостей забирался так далеко в полночные леса. А за рекой и вовсе никто не бывал. Как близко здесь нависает рыжая, уже побеленная снегом Холодная Спина! Почти никто из южных ингри не видал ее своими глазами, но все слыхали былички о людоедах-мохряках и огромных клыкастых, во всем послушных им великанах. Да и без мохряков, рядом – те самые края, откуда в земли людей лезут чудовища. И как не страшно было роду Хирвы поселиться на самом краю мира живых?

Селеньице вержан на высоком берегу выглядело очень неказисто – ни дать ни взять пара дюжин разбросанных в траве пожухлых кочек, окруженных огородами. Но над ними на холме, за частоколом, высился удивительный, невиданный Большой Дом. Прибывающие неодобрительно косились на башню Джериша, шепотом призывая себе в защиту предков-покровителей. Явное же обиталище нечисти, добрые люди такого отродясь не строили. И так уже выше сосен и продолжает расти – зачем? Видно, эти вержане, соседствуя с лесными нелюдями, и сами уже стали малость чудноваты.

Приходя в селение над рекой, вожди первым делом искали взглядом могучего Урхо, о силе которого рассказывали всякие небылицы. А услышав горестную весть, что старший сын Толмая убит в бою, приходили в недоумение. За кого же отдает свою дочь глава рода Карью? Когда вержане украдкой тыкали пальцем в костлявого парня с просединами в темных волосах, с надменным видом ходившего в сопровождении нескольких таких же, как он, юнцов, гости хмурились – уж не подшучивают ли над ними? Не мог же могучий вождь Тума сговорить свою единственную

красавицу-дочь за этого мозгляка!

Но Тума лишь сумрачно хмыкал и говорил, что в голове у жениха его дочери умных мыслей больше, чем во всей общинной избе. А вержанки в ответ на расспросы тут же начинали с жаром рассказывать о воинской доблести Учая, о том, как он спас род Хирвы от полного разорения, как выпроводил арьяльцев, отомстив за смерть отца и брата…

Доносились до прибывших и другие слухи. Кое-кто шепотом сообщал, что молодой Учай знается с нечистью; что по его вине погибла чуть не половина мужчин рода Хирвы; что его за это изгнали, а он призвал на помощь арьяльских мертвецов и вернулся…

Гости качали головой, не зная, верить своим глазам или чужим словам. Однако те, кто говорил с ним, втайне рассказывали ближним, что от юного вождя веяло жутью. Будто бы в глубине его бледно-голубых глаз виделось что-то темное, угрожающее, будто дым лесного пожара…

Но это говорили уже потом, после всего, что случилось. А тогда никто не утруждался заглядывать самозваному мальчишке-вождю в глаза.

Когда число прибывших перевалило за две сотни – неслыханное дело в землях ингри! – новый глава рода Лосей созвал вождей племен в общинной избе. Могучие мужи садились за накрытые столы, пытаясь сообразить, кого чествовать. Почему Тума не приветствует их, а сидит вместе с ними, будто он тоже здесь гость?

Наконец явился Учай. Встал в середине, расправил неширокие плечи, заложив пальцы за великолепный иноземный пояс, и обвел собравшихся испытующим взглядом, будто и не они пришли взглянуть на него, а он собрал их тут, чтобы оценить всех разом. За столами загудели и неодобрительно заворчали. Сын бывшего вождя вел себя в кругу собравшихся почтенных мужей как равный среди равных, а не так, как ему следовало по возрасту и положению. Прежде чем кто-то указал ему на это, Учай громко заговорил:

– Я благодарен вам, мои славнейшие собратья и родичи, за то, что вы почтили это торжество своим присутствием. Я буду рад, если каждый из вас станет частым и добрым гостем в моем доме. И суженая моя, которая сейчас приносит очистительные жертвы в Ивовой керемети, накроет стол каждому из вас и всякому из вашего рода, пришедшему под мой кров…

Учай на миг умолк, подбирая слова. Вожди ингри слушали его с нарастающим недоумением. Кто и зачем дал слово этому мальчишке? Почему он ведет себя так, будто вовсе не Тума, а

именно он – новый вождь нового рода? Как будто и вовсе не он, невзрачный младшак, пошел под руку отца своей невесты, как того требовал обычай, – а как раз наоборот!

– Вы думаете, я слишком молод, чтобы стать вождем? – будто отвечая на их мысли, возвысил голос Учай. – Но я занял это место по праву! Кто, как не я, защитил мой род от могущественных и враждебных чужаков? Кто преследовал врагов до самой Холодной Спины, перебив почти всех, а оставшихся изгнал с позором из Ингри-маа? Кто одолел арьяльцев, когда они вернулись мстить? Спросите у моих людей…

– Спросили уже, – перебив его, громко произнес высокий длинноволосый Иллем, вождь рода Эквы. – Люди говорят, ты дрался с арьяльцами, а ныне сам служишь им?

В сумрачной избе стало совсем тихо – только лучинки потрескивали в светцах. Сын Толмая метнул на главу рода Матери-Лягушки недоброжелательный взгляд.

– Я защищал свой род от поругания, – сохраняя гордое спокойствие, проговорил он. – А затем, когда изгнанные мною арьяльцы вернулись – как я и предупреждал сородичей, – я спас селение от полного уничтожения. И прямо скажу, очень бы желал и вас спасти от него.

– Ты – спасти нас? – хмыкнул Иллем. – Что ты несешь, юнец? Да, все мы уже слышали, о чем твердят вдовы и сироты твоего рода. Однако мне слабо верится, что ты и впрямь сделал то, что тебе приписывают. И от кого ты собираешься нас спасать? От комариного писка?

Он рассмеялся, оглядываясь, будто призывая иных вождей порадоваться его шутке.

– Ты мой гость, и я не скажу тебе дурного слова, – с деланой грустью вздохнул Учай. – Ты мне не веришь, полагаясь на свою силу и ловкость. Но мой брат тоже был силен – куда сильнее тебя! И мой отец Толмай… Это не спасло их. Да, я не так силен, как Урхо, и не так мудр, как был мой отец, – но я уже побеждал арьяльцев! Я их знаю – они вернутся опять. И прежде чем это произойдет, нам следует объединиться…

Тишину общинной избы нарушили смешки.

– Объединиться? – спросил кто-то. – Уж не под твоим ли началом, Учайка?

– Разумеется, под моим!

Теперь в ответ ему грянул общий хохот. Учай вспыхнул:

– Посмотрим, как вы засмеетесь, когда вернутся арьяльцы!

– Что ты нас пугаешь арьяльцами? – воскликнул Иллем, перекрывая гам. – Да кто они такие, эти твои арьяльцы? Мы их не видели. Какое-то племя пришло и ушло. Поверим даже, что ты его

прогнал и возомнил себя великим воителем… Но ты говоришь, они оставили тут своих людей? Или не людей – одного человека?

И снова над столом полетели смешки.

– Этот один стоит вас всех! – рявкнул Учай. – Он прошел через землю медвежьих людей, как вы через мой двор!

В избе стало потише. Некоторые были впечатлены, но не все.

– Прошел, говоришь? – снова заговорил неугомонный Иллем. – Пусть он сам расскажет нам об этом. Покажешь его нам? Я бы на него посмотрел, хе-хе…

– Да, позови его сюда! Мы хотим взглянуть на арьяльца!

У сына Толмая заметался взгляд. Он стиснул кулаки. Нельзя звать сюда Джериша!

Неожиданно его поддержал до того молчавший Тума.

– Друзья и сородичи! – миролюбиво провозгласил он, поднимаясь с кружкой в руке. – Завтра утром мы все соберемся пред ликами богов и поговорим о делах. А пока давайте пить и есть. Учай, хватит стращать людей арьяльцами. Уймись и садись с нами за стол…

– Что-то кусок в горло не лезет. Я приду завтра, тогда и поговорим, – ледяным голосом ответил Учай и направился к двери.

В спину ему неслись раскаты смеха.

* * *

– Дело плохо, брат! Надо бежать!

Кежа и Вечка – ближайшие, самые верные товарищи – умоляюще смотрели на Учая. Их глаза были полны страха.

– Бежать? – резко повторил Учай, словно выплюнул это слово. – Это мой дом! Почему я должен бежать из своего дома?!

– Я тут послушал возле общинной избы, – зачастил Вечка. – Там вожди говорили о Джерише – что если он мертвец, так его надо сжечь! Помнишь, ты придумал, что Джериш – утопленник? Так им кто-то из вержан рассказал, и теперь они все об этом твердят…

Учай почти не слушал. Сейчас его захлестывала темная волна ярости.

– Бежать, – сжимая кулаки, повторил он. – Разве для этого мы одолели Туму? Для того я собрал вождей?

– Брат, нас всех завтра убьют! – воскликнул Кежа. – Даже если отдать им арьяльца…

– Кого там убьют? – раздался громкий, спокойный голос Джериша, который, наклонившись, вошел в избу.

– Экое тут множество дикарей, – проговорил он, садясь на лавку. – Одни смешней других. Я сегодня на берегу видел тощего верзилу, у которого на шее – ожерелье из сушеных лягушек, а самая здоровенная висит прямо на лбу!

– Это Иллем, – глядя перед собой невидящим взглядом, отозвался Учай. – Будь он проклят! – Молодой вождь повернулся к Джеришу. – Они думают, что ты ходячий мертвец.

– Я?! – Джериш изумленно уставился на него, а затем расхохотался. – Ха! Ну и пусть себе думают.

– Ты не понимаешь! Я говорю вождям, что за моей спиной Арьяла, что я сын наместника… А они: «Где Арьяла? Мы видим одного чужака. Да и тот вылез из воды, – может, он утопленник?» Они захотят убить тебя…

– Не посмеют, – беспечно ответил Джериш. – Где они? Приведи их сюда!

– Нет! – вырвалось у сына Толмая. – Прошу тебя. Сейчас уже ночь. Мы встретимся завтра утром…

«Их больше двух сотен, и подходят новые, а нас шестеро. Кежа прав – Джериша завтра убьют, и нас с ним заодно. И Тума не вступится. Ему-то только с руки от меня избавиться…»

Учай пристально глядел в безмятежное лицо арьяльца. Будет ли он так спокоен завтра? Небось с таким лицом и умрет, сражаясь?

Но Учай вовсе не собирался умирать! Может, в самом деле пора бежать?

«Богиня… – мысленно обратился он к той, что являлась ему во сне. – Может, ты поможешь?»

Он прислушался, но никакого отклика не ощутил. Оно и понятно. Какая женщина любит попрошаек?

– Что же нам делать?! – пробормотал Учай, сам того не замечая.

– Давай я проберусь ночью в общинную избу и убью всех вождей, – внезапно предложил Джериш.

Трое молодых ингри уставились на него одинаково выпученными глазами.

– Но что это нам даст? – выдавил Учай.

Джериш пожал плечами:

– Не повезет – умрем. Повезет – наведем такого ужаса на дикарей, что в следующий раз и пискнуть не посмеют!

Учай вдруг ощутил тепло в груди. Нет, не в груди! Это нагревалась его деревянная плашка с ликом Богини…

«Ей бы этого хотелось, – замирая, осознал он. – Она ведь любит кровь!»

– Позволь мне подумать, – попросил он арьяльца.

Джериш широко зевнул.

– Я пошел спать. Разбуди меня, если надумаешь что-то толковое.

* * *

Когда Дети Грома ушли, Учай остался в избе один. Он сидел в сумраке на лавке, глядя на тлеющую лучину и чувствуя, как злость и отчаяние разъедают его изнутри. Вожди ингри не верят ему, смеются над ним! Неужели пора признать поражение и спасать жизнь? Но сама мысль об этом лишала его способности рассуждать здраво!

Перерезать вождей во сне, как предлагает Джериш? Его самого и всех его людей потом убьют, это ясно как день. Но этот путь чем-то влек его, кружил голову – и сын Толмая знал чем. *Она* будет рада. Порадовать ее напоследок…

«Но ведь я хотел не этого, – думал он. – Зачем мне смерти, если от них нет толку? Я хочу спасти свою землю, Ингри-маа! Только я точно знаю, что Аратта придет. Они все и представить такого не могут. Они все слепые – только я зрячий!»

– Почему вожди не хотели слушать меня? – прошептал он, сжимая кулаки. – Разве я плохо говорил?

– Ты говорил хорошо, – раздалось из темноты.

Учай подскочил на месте, хватаясь за нож:

– Кто здесь?!

Да – там, под божницей, прямо на полу, кто-то сидел. Учай мог разглядеть только очертания – широкие сутулые плечи, длинные космы…

– Кто ты такой? – угрожающе спросил Учай, сжимая рукоять ножа.

– Я гусляр, певец и сказитель, – раздался голос из сумрака. – Отец твоей будущей жены пригласил меня, чтобы я сочинил свадебную песнь во славу нового рода. Меня зовут Зарни.

– Ах вот оно что, – протянул Учай.

И точно, теперь он разглядел – на коленях у сидящего виднелся длинный плоский короб гуслей. Молодой вождь вспомнил, что в самом деле что-то слышал о певце. Тума с почтением и гордостью в голосе упоминал, что на свадьбе дочери будет знаменитый сказитель. Что он уже прибыл. И что уже пел во славу рода Карью. Кажется, Тума даже звал его послушать. Но Учай в своей жизни не видал ни единого гусляра, и никакого дела до них ему не было.

– Как ты сюда попал? – буркнул он, опускаясь на лавку.

– Я давно тут. Ты меня просто не заметил. А я не хотел мешать вашей беседе…

Сказитель пошевелился, провел пальцами по струнам, и в темноте раздался еле слышный звон – не более чем тень звука.

– Я слышал сегодня твою речь перед вождями. Ты говорил хорошо, сильно. На родичей это наверняка действовало. Но вожди – не твои родичи. Когда волк стоит над окровавленной добычей, к чему напоминать окружающим его псам, что они его дальняя родня?

– Вот как, – проговорил Учай, вглядываясь в гусляра.

Было в нем что-то неправильное, словно чего-то недоставало…

– И что я не так сказал вождям?

– Ты все сказал верно, но добыча туманит их разум. Их манило сюда богатство рода Хирвы, а ты стоишь между ними и арьяльскими сокровищами. Твои слова подобны слабому ветру, они не способны даже вздыбить волосы на голове вождей и уж точно не достигают их слуха. Тебе не обойтись без помощи богов.

Учай встал, подошел к сказителю, поднеся к самому его лицу огонек лучины. Тот даже не мигнул – так и смотрел прямо на юношу широко открытыми глазами. Пращур Хирва! Учай верно разглядел в сумраке голову, широкие плечи и мощный торс, но ниже ничего не было – только короткие обрубки ног, укрытые шкурой. Оба глаза гусляра были молочно-белыми. Безногий слепец! Длинные волосы сказителя были седы, но не от старости. Худое лицо с резкими чертами, будто выдубленное непогодой, выглядело совсем непривычно – не ингри, не арьялец…

– Как ты сюда добрался? – вырвалось у сына Толмая.

– Как я пришел сюда без ног? – усмехнулся гусляр. – На лодке. В ваших землях хватает озер и речушек. А там, где не проплыть, лодку несут на руках. Я не один тут. Мои люди отдыхают поблизости. – Он махнул рукой куда-то в темноту. – Много лет я странствую тут и там, пою для вождей и для своего удовольствия. Давно я не забирался так далеко в ваш лесной край… Тума, вождь Карью, уговаривал меня прийти. Я бы и не согласился. Но мой новый слуга сказал об арьяльцах. Это поразительно, что они добрались сюда через Ползучие горы мохначей! Я полагал, что те уже стали непроходимы… Ты мне расскажешь, как было дело?

– Это долгий разговор, – нетерпеливо ответил Учай. – Мне не до того. Я устал, меня ждут мои люди.

– Никто тебя не ждет, – отмахнулся Зарни. – Твои мальчишки думают, не пора ли им сбежать от тебя, пока вас вместе не утопили в реке, чтобы очистить от скверны…

– А тебе что с того? – огрызнулся Учай, невольно подумав о Кеже – почему друг ушел, где он сейчас?

– Никому ты тут не по нраву, – хладнокровно повторил слепец, – кроме меня. Ты дерзкий. Знаешь, чего хочешь, и идешь к победе напролом. Я когда-то сам был таким.

– Не слишком ты в этом преуспел, – хмыкнул Учай, поглядев на обрубки его ног.

– Именно поэтому я хочу тебе помочь, – продолжал Зарни. – Те, кто ломят, – на свете не заживаются. Тут надо действовать хитрее. Знаешь, кто здесь побеждает?

– Кто?

– А ну-ка ответь мне сам.

Учай пристально вгляделся в улыбающееся лицо слепца. Он смеется, что ли, этот калека? От самого осталась едва половина, а говорит как полновластный вождь…

– Побеждает тот, кого любят боги, – ответил он вдруг, сам того не желая.

– Верно.

Губы слепца растянулись в улыбке.

– А тебя любят боги, сын Толмая?

Прежде чем Учай успел ответить, Зарни уверенно, словно зрячий, протянул вперед руку и коснулся оберега, что болтался у юноши в вороте рубахи. Твердые пальцы гусляра скользнули по деревянному кругляшу, ощупывая его; лицо дернулось.

– Так и думал, – пробормотал он. – Спрячь и никому не показывай.

– Ты знаешь ее? – вспыхнул Учай. – Как ее имя?

– Тебе это знать незачем…

– Но почему?!

Сказитель вздохнул, словно прикидывая, что говорить, а что нет.

– С ней тебя будут бояться многие, но недолго – погибнешь быстрой смертью. Ты ведь не этого хочешь? Ты хочешь править, да?

Учай не ответил – хмурясь, смотрел на удивительного слепца, ожидая, что` тот еще отчудит.

– Она тебя здесь не поддержит, – продолжал гусляр. – Она любит смотреть на гибнущих, ей безразлично, чью кровь пить. Она тебе не поможет… Зато помогу я.

– Ты? – Учай недоверчиво поглядел на калеку. – Ну и что ты можешь сделать?

– Почти все, что захочу.

На лице гусляра появилась глумливая ухмылка, казавшаяся невероятной в его положении.

– Но если ты будешь расспрашивать меня, мы не управимся и до утра. А потому доверься мне и сделай так, как я скажу. О моей награде за услугу поговорим завтра, когда вожди склонятся перед тобой.

Учай выбежал из избы и взбудораженно оглянулся, ища глазами собратьев. Те были здесь же, сидели неподалеку и о чем-то тихо переговаривались. Завидев старшака, кинулись ему навстречу.

– Что, что ты решил? – затараторил Вечка. – Уходим? Уходим?

Кежа прикрыл ему ладонью рот:

– Я тут лодку неподалеку припрятал. Ты не думай, мы тут решили – с тобой пойдем. Куда ты, туда и мы. Живыми им не дадимся!

– Стой, – перебил его Учай. – Не гомони. Сейчас мы идем собирать цветы.

– Куда? – с недоумением переспросил его ближайший друг.

– Собирать цветы, – раздраженно повторил Учай. – Вон у соседей под окном растут. Белые такие, вонючие, с острыми листьями и колючками. Сами цветы уже отошли, но остались колючки. Они-то мне и нужны.

Дети Грома недоверчиво глядели на своего хитроумного предводителя. Конечно, они знали, о каких колючках идет речь. Но зачем они могли понадобиться? Разве что кидаться ими в вождей…

– Скорее! – подгонял их Учай. – Уже за полночь, а нам еще много надо сделать!

* * *

Поутру общинная изба вновь стала заполняться вождями, прибывшими на пиршество. Учай глядел на них – судя по жестким лицам, по взглядам, бросаемым исподлобья, пировать они нынче были не расположены. Сегодня вождей было даже больше, чем вчера. Учай ждал гостей, расположившись во главе стола.

– Эй, недомерок, ты чего там уселся? – прикрикнул один из только что прибывших бородачей. – Твое место у двери! Радуйся еще, что за общий стол пустили. И то не твоя заслуга, а лишь из почтения к твоему отцу, славному Толмаю…

– Погоди, – остановил его Иллем, вождь рода Матери-Лягушки. – Хоть ты, Учай, там без спросу и права сидишь, хоть ты

не ровня – но сперва ответь. Вчера был уговор, что ты нам явишь арьяльцев, от которых вроде бы как спасаешь свой народ. Каждому из нас любопытно повидать их. А то языком молоть – не камни ворочать. Ну, что скажешь? Где они?

– Будут вам арьяльцы, – хмуро глядя на вопрошающего, ответил Учай. – Здесь мое место. Сейчас я – старший среди вержан! Если желаете сразиться со мной и моими союзниками, за воротами нам места хватит. А если пожаловали с миром, то вам – поклон и почет. Но прежде чем решите, со мной ли идти или против меня, восславим богов, даровавших нам жизнь, и помянем моего отца, славного вождя Толмая…

Учай сделал знак, и Сыны Грома, ожидавшие у дверей, осторожно, чтобы не расплескать, внесли и водрузили на стол огромный жбан, почти доверху полный священного пива. Будто лодка посреди озера, на пивной глади плавал резной ковшик. Вечка, следовавший за собратьями, расставил перед вождями липовые чаши. – Дабы изъявить почтение гостям, я, как самый молодой среди вас, выпью последним, – скромно произнес Учай. – Могучий Тума, не желаешь ли, как мой ближний родич, первым отведать дара богов?

Вождь обжан, довольно хекнув, одобрительно поглядел на юношу и наполнил свою чашу священным напитком. Затем передал ковш соседу, тот следующему, пока все чаши собравшихся не были заполнены до края.

Последним, как и обещал, налил себе пива Учай. Сердце его колотилось от волнения. Он с трудом сдерживал дрожь в руках, чтобы не расплескать янтарную жидкость и не выдать себя. Чтобы немного отвлечься, он перевел взгляд на резные изваяния богов в священном углу – точнее, не столько на них, сколько на восседавшего подле них безногого песнопевца. Зарни сидел на устеленном шкурами помосте, который загодя притащили туда крепкие молодцы, одетые как ингри, но говорившие между собой на чужом языке. Оделся сказитель богато, обрубки ног накрыл пятнистой рысьей шкурой. Две рыжеватые с проседью косы свисали ему на грудь. На лбу между бровей у гусляра краснело маленькое солнечное колесо. Учай поймал себя на том, что ждет от слепца какого-то знака одобрения, но тот лишь рассеянно улыбался, глядя перед собой белыми глазами.

– Во славу пращуров! – диким вепрем рявкнул Тума, вставая и поднимая чашу. – Почтим Хирву, праотца вержан!

И в три глотка осушил чашу до дна. Все прочие вожди последовали за ним. Учай тоже пригубил хмельной напиток. Но он старался не спешить.

– Ну что? – насмешливо обратился к нему Иллем, который

уже спрашивал про арьяльцев. – Где же твои чужеземцы? Что-то они не торопятся к нам на пир! Уж не растаяли ли с утренним туманом?

Стоявшие вокруг стола вожди захохотали, поддерживая его незамысловатую шутку. На лице Учая не отразилось ничего.

– Скоро будут, – холодно пообещал он, не сводя взгляда с разгоряченных выпитым лиц вождей. – Я уже слышу их шаги.

«Но когда же, когда?!» – стучало у него в голове.

Ему припомнилось, как ночью он осторожно разрезал принесенные собратьями колючие плоды, вытряхивал из них черные семена, растирал их между камнями… Неужели Зарни обманул его? Но зачем?

Будто подслушав его мысли, песнопевец начал легонько перебирать струны и что-то напевать едва слышно себе под нос.

– Спой нам о моем отце! – попросил его Учай, чтобы выиграть хоть немного времени. – О нем и об арьяльцах!

Зарни кивнул. Голос его вдруг усилился, и слова зазвенели так, что сыну Толмая вдруг показалось, будто они ударяются о крышу, разбиваются на множество тонких звуков, пронзающих воздух, и падают на сидящих дождем из звонких искр. Учай глядел на знакомые лица, с удивлением осознавая, как они меняются прямо у него на глазах. Сначала расширились глаза – да что там расширились, они теперь были вполлица и горели подобно кострам!

А голос звучал все громче, все яснее призывал отца Учая прийти, вернуться к сыну и защитить всех людей Ингри-маа от близкого врага!

Учай вдруг осознал, что стоит посреди широкой безлесной равнины. И вожди тоже явно осознали это. Учай видел, как они крутят головой, хватаются кто за столешницу, кто за нож… Да только что там нож, когда на горстку ингри мчится неисчислимое множество чего-то ужасного, увлекаемого конями. Впереди, меж коней, торчит бревно с оскаленной хищной мордой, а по бокам вращаются длинные ножи. На каждой странной повозке, натянув тетивы до уха, едут золотоволосые арьяльцы. Лица их страшны, рты вымазаны кровью, и за каждым арьяльцем стоит воин в черном с уже знакомой Учаю лунной косой наготове.

Вожди завыли от ужаса. Кто-то полез под стол, кто-то вскочил – а кони были все ближе, все быстрее вращались отточенные лезвия. И вот на ингри дождем посыпались оперенные стрелы. Сквозь рев, крики и конское ржание до Учая доносились слова песни. Он не разбирал ни звука, но слышал, что голос Зарни чего-то требует, взывая к отцу…

И вдруг небо распахнулось, будто дверь под напором

осеннего ветра. И человеческая фигура явилась среди вскипающих молниями низких туч. Она приближалась, становясь все явственней. Страшные синие глаза смотрят прямо в душу, вынимая ее живьем. Воздух вокруг начинает звенеть от напряжения…

Учай ощутил, что его будто встряхнули, как старый мешок, из которого вытряхивают прошлогодние сухие листья. А затем все его естество наполнилось неизведанной раньше силой – такой невероятной, что ей просто не хватало места в человеческом теле. Учай захохотал, и смех его прокатился раскатами грома над полем. Он выставил вперед руки, и длинные извивающиеся молнии огненными змеями вырвались из каждого пальца. Он видел, как вспыхивают, превращаясь в легкий пепел, кони, повозки и люди на них. Как исчезают стрелы, пронзившие тела вождей. И сами они, еще мгновение тому назад скрюченные предсмертной мукой, вдруг оживают и начинают тихо-тихо, ползком, двигаться к нему, силясь подняться на ноги…

Музыка смолкла, и слова больше не рассыпались искрами под крышей. Учай вдруг снова осознал, что находится в четырех стенах, а вокруг перевернутого длинного стола ползают обессиленные, ошеломленные вожди.

– Вставайте! – крикнул Учай, все еще чувствуя в себе отголоски новой, прежде неведомой силы.

«Так вот оно что! – думалось ему. – Значит, вовсе не Толмай мой отец! Значит, я и впрямь теперь сын Шкая, если он пришел на зов песнопевца! Но ведь я всегда чуял – не родня мне эти бестолковые, трусливые вержане… Их счастье, что я пришел в этот мир именно здесь!»

Тут его внезапно обожгло: «Но ведь если я не человек, если я сын бога, его земное воплощение, то, стало быть, и *она*… – Ему вспомнилась грозная дева в ночном небе, окруженная черными воронами. – *Она* мне ровня! Неспроста она подала мне знак, что я люб ей!»

Он вновь глянул на беспомощных вождей, на Иллема, который утратил все свое ехидство и выглядел в точности как его прародительница, вытащенная из болота и брошенная кверху пузом на песок.

– Вставайте! – приказал он. – Я победил их! Идите и расскажите своим людям о том, что видели своими глазами. Те из вас, кто хочет и дальше жить и править своими родами, должен встать под мою руку. Остальных я покараю, как возводящих хулу на божью волю!

Часть 3. Рожденные заново

Глава 1.Длань Афайи

Той ночью на площади перед башней накхов из-за бесчисленных факелов и разведенных костров было светло как днем. Казалось, пожар готовился охватить Верхний город. Под стенами на разгоряченном коне гарцевал ясноликий Киран. По щекам его струились слезы.

– Слушайте меня, жители Аратты! Сегодня ночью во дворце случилось ужасное! – надрывно кричал он в тишине перед умолкнувшим в страхе войском и затаившимися на стенах осажденными. – Воспользовавшись перемирием, накхи тайно проникли в Лазурный дворец, в самое его сердце – опочивальню государя, – и удушили его! Они убили воплощение Солнца на земле, дарителя всех благ и хранителя Аратты! Удавили подло, трусливо избежав открытого боя с великим воином! Все их слова, все их заверения были ложными! Ширам похитил дочь государя Аюну, захватил его сына Аюра, так доверявшего ему. И вот этим куском веревки его люди прервали благословенную жизнь государя!

Зять Ардвана потряс в воздухе над головой узловатой веревкой с двумя петлями на концах.

– Никто, кроме накхов, не пользуется таким подлым оружием! Теперь мы, арьи, не должны знать покоя, пока не свершится праведная месть!

Ширам не отрываясь следил за происходящим на площади. Сказать, что он был потрясен, значило не сказать ничего. Он готов был поклясться собственной косой, что никто из его людей не посягал на повелителя. Но там, за стенами, не поверили бы клятвам саарсана. Неужели же это правда и Ардван мертв?!

– Я знаю самое меньшее одного человека, слабо похожего на накха, который не прочь воспользоваться этакой штукой, – раздался рядом с ним голос Хасты.

– Ты о девице с постоялого двора?

– Конечно.

– Стало быть, похитив Аюра, она отправилась во дворец, где ее уже, несомненно, ждали…

– Вероятно, так и есть. Но доказать это, не выходя из башни, будет невозможно. Да и слушать нас никто не станет. Похоже, государев зять все уже решил… – Огнехранитель, хмурясь, слушал выкрики Кирана. – А знаешь, я, кажется, узнаю этот голос! Это же он – тот вельможа в садовом домике!

– Каком еще домике?

– Послушай! Когда мы расстались у ворот и я направлялся к

храму, городские стражи попытались меня схватить. Мне удалось сбежать и отсидеться в саду некоего вельможи, где я имел, возможно, счастье – а возможно, и несчастье – подслушать его беседу со жрецом из Белазоры, который прятался в потайном убежище. Тамошний Северный храм почти открыто поддержал мятежников…

– Что мне за дело до склок между жрецами Исвархи?! – с досадой оборвал его Ширам. – Меня только что обвинили в убийстве государя!

Но Хаста, не слушая его, быстро говорил, стараясь успеть за собственными мелькающими мыслями:

– Ну конечно! Если я прав и это Киран укрывал у себя жреца, то можно не сомневаться – он не просто знал о заговоре Артанака, но, возможно, сам его и устроил. Помнится, я как раз был у Тулума, когда Артанак силился втянуть его в свой заговор. Конечно же, святейший Тулум не преминул приставить к заговорщикам своих людей. Все, что они задумывали, и впрямь было весьма опасно. Но Ардван узнал их замыслы в канун восстания – и любезный зять государя оказался тут как тут вместе со своими людьми. Схватили множество заговорщиков – однако жрецов с севера среди них не было, ведь их укрывал Киран! – Хаста воздел к небу палец. – А когда люди Артанака были казнены, на их смену пришли люди Кирана. Артанак лишь хотел избавиться от накхов, считая вас ненадежными и опасными. Он был верен государю, хоть и считал его чересчур мягким. Новые же люди будут преданы тому, кто их поставил, – ясноликому Кирану…

Ширам слушал его молча, с сомнением поглядывая на всадника с хаташем в руках. Кирана он знал давно и был о нем весьма невысокого мнения. В прежние времена, возглавляя Жезлоносцев Полуночи, Ширам почти ежедневно встречал молодого ария при дворе. Тот непременно присутствовал и при священной церемонии отхода государя ко сну, и в час пробуждения земного Солнца. Царский зять был всегда мил и тошнотворно-сладок – но лишь с теми, кого почитал значимыми. На всех прочих он глядел, не замечая. Или же, как это бывало в случае с Ширамом, морщился, не скрывая презрительного раздражения. Неужели раскрашенный красавчик затеял всю игру? Но зачем ему все это?

– Если Киран не врет и Ардван мертв, – продолжал тем временем Хаста, – значит Аюр нам нужен воистину как солнечный свет. Иначе мы все пропали. О, послушай, это он тебе…

– Ширам, сын Гауранга! – продолжал кричать всадник,

потрясая удавкой. – Твое предательство обрекает всех накхов на позорную гибель. Но ради Исвархи Златоликого и милости его я готов пощадить всех прочих накхов, если ты сдашься и выйдешь ко мне. Я клянусь дневным светом, что все прочие смогут уйти беспрепятственно, вернуться в горы и жить там до конца своих дней…

Ширам выхватил лук у ближайшего накха, вскинул его и выстрелил. Остальные последовали его примеру, и через миг сухие щелчки тетив послужили ответом на предложение Кирана. К удивлению саарсана, всадник, словно опытный воин, тут же поднял коня на дыбы, закрываясь им от стрел. Несчастное животное пронзительно заржало и рухнуло на землю. Стоящие наготове щитоносцы ринулись вперед, закрывая едва успевшего соскочить военачальника. Дождь стрел застучал по бронзовым пластинам, заставляя воинов пятиться и искать укрытия в ближайших улочках.

– Не стоило торопиться, – с досадой в голосе проговорил Хаста. – Можно было начать переговоры.

– Зачем? Он все сказал. Я ему ответил.

– Ты что же, не понимаешь? Он этого и добивался. Он и под стенами гарцевал, чтобы ты попытался его подстрелить. Теперь все, кто был там, внизу, разнесут весть, что ты разорвал перемирие, признал свое участие в убийстве государя и вдобавок закрылся собственным народом, когда тебе благородно предлагали пожертвовать собой… Ах да, и еще взял в заложники высокопоставленного жреца Исвархи, то есть меня.

Хаста запустил пятерню в волосы, сдвинув набок двенадцатилучевой венец.

– От лица Тулума я могу потребовать перемирия. Но как бы тогда Киран не заявил, что храм в сговоре с накхами…

Саарсан спокойно поглядел на друга:

– Все это ни к чему. Я делаю то, что должен, и мне все равно, кто и что будет заявлять.

Хаста горестно вздохнул и возвел глаза к небу.

– Тащите хворост! – донеслось с площади. – Весь хворост, какой найдется в Верхнем городе. Тащите дрова, масло, прелую солому! Мы выкурим порождения Змея из их норы!

– Похоже, Кирану нет дела до захваченного жреца Исвархи, – заметил Ширам. – Он даже не вспомнил о заложнике и явно готов сжечь тебя вместе с нами.

– Это еще полбеды… – Хаста, стараясь не высовываться из-за каменного зубца, разглядывал площадь. – Хуже, что Киран не вспомнил и об Аюне. А ведь она – младшая сестра его собственной жены… Ха! Похоже, он сам метит занять престол!

– Тащите сено! – орали внизу. – Пусть лошади сегодня поголодают!

– Ночью они на приступ не пойдут, – произнес Ширам. – Ночью мы видим лучше, чем арьи. А вот с рассветом, пожалуй, начнут… До рассвета тут может набраться изрядная куча всего, что может гореть, включая навоз…

– Ты что-то задумал?

– Если Ардван мертв, все, о чем мы с ним вчера договорились, весит не больше комариного чиха. Если накхи останутся в столице, то скоро все погибнут. Конечно, перед смертью мы заберем немало чужих жизней, но что с того? Что это нам даст? И уж конечно, как ты верно сказал, сидя тут, Аюра нам не отыскать.

– Ты собираешься прорываться? – с сомнением произнес Хаста. – Не забывай – даже если твои люди сметут всех, кто сейчас ждет на площади, коридор смерти удерживают лучники-арьи. Мало кому удастся выйти из этой ловушки. Может, у вас тут есть подземный ход?

– Я смотрю, ты кое-что смыслишь в военном деле. Нет, мы не будем прорываться. – Ширам усмехнулся и закричал: – Трубить полный сбор! Лучникам – не подпускать поджигателей. Всем остальным – собирать Длань Афайи!

Воины без промедления бросились исполнять приказы саарсана. Каждый из них сейчас видел и ощущал, что их вождь ничуть не испуган. Его возбуждение и жажда схватки передавались последнему из накхов. И каждый в этот миг понимал, что теперь-то и начнется то, к чему они готовились всю жизнь, закаляя дух и тело, – настоящий бой, а не жалкое прозябание во дворце с оружием в руках.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – пробормотал Хаста. – Во всяком случае, если вы уходите, мне тут тоже лучше не оставаться. Не то как бы завтра поутру здесь не обнаружилось тело жреца Исвархи, принесенного накхами в жертву Первородному Змею…

– Разве ты не думал идти со мной?

– Да уж куда я теперь денусь?!

– Что ж, мои люди скоро управятся. А до того у меня есть кое-какие дела.

– Какие еще дела?

– Хаста, если бы ты был накхом, знал бы, что дом каждого из нас – тоже воин. И когда мы уйдем, он будет продолжать воевать, покуда стоит.

* * *

Хаста выпучил глаза:

– Исварха всемогущий! Что это?!

– Сюда ты поднимался подобно свежим хлебам в корзине. Отсюда спустишься куда быстрее.

Жрец глядел, как могучие накхи упираются ногами в плиты каменного пола, толкая вперед толстенные балки, вырубленные из цельных дубовых стволов.

– Крепи груз! – командовал один из накхов, и другие воины ловко, явно делая это не в первый раз, вбивали в дыры между плитами длинные железные клинья. Затем укрепляли их тяжеленными валунами. Когда за стеной над Нижним городом, подобно двум прямым рогам, нависли две огромные дубовые балки, накхи так же быстро собрали из загодя подготовленных досок просторный помост с оградой, способной закрыть лучника. Затем помост выдвинули вперед по приставленным к дубовым балкам полозьям. Жезлоносцы Полуночи и все прочие накхи, – Хасте в темноте показалось, что их было несколько сот, – быстро и без суеты перебрались на этот помост.

– А теперь держись, – посоветовал Ширам, оглядываясь на Хасту. – Сейчас будет немного страшно.

– Насколько немного? – опасливо глядя вокруг, спросил рыжий жрец.

– Главное, не смотри вниз и ни о чем не беспокойся. Веревки крепкие. Быстрее, быстрее! – крикнул саарсан последним отступающим лучникам.

Хаста ухватился за доску ограждения и, не слушая совета друга, глянул вниз.

Домишки Нижнего города сейчас казались совсем игрушечными, а земля была так далеко, что не всякая птица поднялась бы на такую высоту.

– На всякий случай предупреждаю, что у меня нет крыльев, – пробормотал жрец. – Ширам, ты точно знаешь, что де…

В этот миг саарсан, не слушая его, велел поднять борт и с силой нажал на деревянный рычаг.

Послышался громкий хруст, и помост рухнул в бездну.

Хаста заорал от ужаса, и тут же чей-то локоть закрыл ему рот. А в следующий миг падение резко замедлилось и тут же прекратилось. Помост дернулся, покачиваясь на толстых веревках. Дощатые борта вывалились наружу, из темноты послышались приветственные возгласы на языке накхов.

– Это ты называешь «немного страшно»?! – заметив поблизости Ширама, прохрипел Хаста.

– Вперед! Нет времени для разговоров.

– Ну вот, теперь нет времени для разговоров! – Жрец

остановился и глубоко вздохнул, стараясь унять бешено колотящееся сердце. Он облизнул разбитые губы и почувствовал привкус крови. «Хорошо, что жреческое одеяние достаточно длинное, и эти головорезы не заметят, что дальше я поеду без штанов…»

Будто черная волна пронеслась над Нижним городом в предрассветный час. Городская стража, которой не посчастливилось оказаться на пути, была сметена ею бесследно. Все пригнанные на торжище конские табуны без спроса и согласия перешли во владение накхов. В городских воротах накхам попытались оказать сопротивление, но те, кто шел сзади, даже не узнали об этом. Затоптав растерзанные трупы, конная лавина накхов вырвалась из столицы.

Глава 2. Аюр и невидимка

«Размышлять в тишине» пришлось куда дольше, чем предполагал Аюр. Ему все казалось, что вот-вот двери его темницы откроются и войдут жезлоносцы, чтобы отвести его к отцу. Но время тянулось и тянулось, и никто не приходил. В конце концов царевич заснул на жесткой лежанке, несмотря на одолевавшие его злость и нетерпение. Когда дверь все же отворилась, впустив полосу бледного света, оказалось, что это всего лишь охранник, принесший скудную пищу.

Когда тот вышел, не ответив ни на единый вопрос царевича, и грубо оттолкнул его, захлопнув дверь прямо у него перед носом, Аюр впал в бешенство. Он орал и ругался, грозя сторожам карами и колотя в дверь. Утомившись бесплодными попытками, он упал на лежанку и погрузился в мрачное молчание.

«Да что ж это такое? Неужели отец совсем забыл обо мне? Что за непонятная кара? Я должен быть рядом с Ширамом! Они же поубивают друг друга ни за что! Если бы меня тут не заперли, я бы давно помирил их!»

Время во мраке тянулось бесконечно долго. Аюр не пытался больше препираться со стражей и на еду не глядел. Он сидел и думал.

– Эй, старик! – мрачно позвал он в темноту.

– Что? – тут же отозвался тот, будто только того и ждал.

– Ты так и не сказал, как тебя зовут.

– Я и не собирался.

– Я буду звать тебя Невид.

– Почему? – В голосе старца прозвучало искреннее удивление.

– Потому что я тебя не вижу.

– Ну, в этом есть смысл, – признал сосед, усмехнувшись.

– Мне же надо как-то к тебе обращаться, – объяснил Аюр.

– А ты хочешь ко мне обратиться?

– Да. Я хочу поговорить.

– Ты не спросил, хочу ли я с тобой разговаривать, – проворчал старик. – Ну ладно. Говори, что хотел?

Аюр сел за ложе, стиснув голову руками:

– Послушай, Невид, я думаю, что это не отец меня захватил и держит тут.

– Какая глубокая мысль! Что навело тебя на нее?

– Смеешься? Ну смейся.

– Ничего подобного, я слушаю тебя со вниманием! Неужели ты наконец начал думать?

– Я только и делаю, что думаю! – вспылил Аюр. – Да я в этом гнусном подземелье думал столько, сколько не передумал за всю жизнь!

– Очень хорошо, – одобрительно отозвался Невид. – Так почему не отец?

– Он бы не стал держать меня в каменном мешке. Он меня любит…

Старец был явно разочарован:

– Я думал, ты начал мыслить, а ты, как малое дите, ждешь, что отец сменит гнев на милость…

– Нет, послушай… Отец наказывал меня и раньше. Но он… словом, он боится за меня. Я только недавно понял, как сильно он за меня всегда боялся. Он и на Охоту Силы отпустил меня только потому, что дольше тянуть было уже непристойно – сам-то он поехал на нее в тринадцать лет! А до того я вообще нигде не бывал – он постоянно держал меня при себе. И вдруг сейчас запихнул в какое-то подземелье, да еще не навестил ни разу, чтобы сказать хоть что-нибудь…

– Может, он занят подавлением мятежа? – вкрадчиво спросил старец.

– Какого еще мятежа?! Ему ли не знать, как верен Ширам?

– Так ты считаешь, что он не верит в измену накхов?

– Конечно нет.

– Почему же он так обошелся с саарсаном?

– Да потому, что глупая Аюна… – Царевич осекся и с подозрением поглядел в темноту. – В общем, это тебя не касается. Это семейное дело.

– Как скажешь.

Несколько мгновений они оба молчали. Потом Аюр заговорил снова:

– Нет уж, дослушай. Ты знаешь о заговоре? Отца давно хотят погубить. От народа это скрывают, но он пережил несколько покушений. И я так скажу – никаких накхов или чего-то подобного. Это всегда были арьи.

– Продолжай.

– Подъезжая к городу, я видел головы изменников – и даже старого Артанака, который был отцу почти как брат. Но может, отец казнил не всех? Я думаю, отец совершил большую ошибку, круто обойдясь с Ширамом, и кто-то хочет, чтобы они рассорились окончательно. И для этого меня и украли… – Аюр подумал еще миг и воскликнул: – Они могли даже сказать ему, что меня похитил Ширам!

– Вот теперь ты рассуждаешь здраво, – довольно проговорил Невид. – А теперь скажи, почему тебя попросту не убили?

– Кто посмеет меня убить? – изумился царевич. – Я – сын бога!

Из темноты раздался хриплый глумливый хохот.

– Прекрати! – рявкнул Аюр, сжимая кулаки. – Наглец!

– Ты скоро кое-что увидишь, мальчик. Увидишь, как умирают и падают боги. Как бессмертные превращаются в прах! Скоро в Аратте начнется великое моровое поветрие среди богов!

– Ты говоришь, как сам Первородный Змей! – закричал Аюр. – Умолкни! Ты богохульник!

– Меня так частенько называют, – не стал спорить старец. – Но все же запомни мои слова. Ну так что – ты готов ответить, кто тебя похитил и какова твоя дальнейшая судьба?

– А я откуда знаю! – огрызнулся царевич.

– А ты все ж попробуй. Встряхни свою память. Доставай из нее воспоминания, как картинки из шкатулки, – бережно, не стараясь приукрасить или объяснить непонятное понятным.

Аюр слушал размеренный голос старца, и ему казалось, что он околдовывает его, овладевает его волей. Что это за странный старик? Почему он ведет такие удивительные речи?

– Когда лицедей на площади заставляет камешек исчезать и появляться, он не применяет чары. Он просто отвлекает внимание. Камешек на самом деле все время на виду. Но твой разум запоминает все. Ты просто не умеешь с ним общаться.

– Да ты о чем вообще?

– Я о двери.

– О двери? – в замешательстве повторил Аюр.

Из темноты донеслось хихиканье. Аюр еще немного подумал, встал, подошел к двери и толкнул ее. И невольно отпрянул, когда та беспрепятственно приоткрылась.

– Она что, была не заперта?! – Царевич осторожно выглянул наружу. – На лестнице никого! Они забыли запереть дверь и ушли! – Радостно улыбаясь, он развернулся в темноту. – Почему ты сразу не сказал?

– А зачем? – спокойно ответил Невид. – Мне было любопытно, когда ты сам заметишь. И что будешь делать дальше.

– Как что?! Я немедля иду во дворец! А ты, Невид, что сидишь?

– Куда я пойду, старый и больной! Уж лучше останусь тут…

– Ну и зря. Убегай!

– Зачем бегать понапрасну? Ты помнишь, что я тебе сказал о гибели богов?

Аюр махнул рукой, открыл дверь и устремился по ступенькам наверх.

Царевич взбежал по ступенькам и оказался в саду, должно быть, богатой городской усадьбы. Снаружи была уже глубокая ночь – даже ближе к утру, судя по чуть светлеющему на востоке небу. Юноша притаился под сводом арки, оглядываясь, но стражи и тут не заметил. Дом и сад были темными и тихими и выглядели необитаемыми, трава в саду намокла от ночной росы. Но из-за высокой стены, со стороны улицы, доносились голоса, крики, топот и лязганье оружия. Аюр поднял голову, удивленно глядя на багровые отсветы на крышах соседних зданий и в отдалении – поднимающийся в небо подсвеченный пламенем дым. Что такое? Где-то в городе пожар? Ему стало тревожно – пламя явно полыхало возле городских ворот, как раз там, где располагался квартал накхов.

Оглядев выбеленную стену, Аюр нашел взглядом калитку, беспрепятственно открыл ее, откинув щеколду, и оказался на улице. Святое Солнце, что там творилось! В этот предутренний час улица богатого квартала была битком набита народом. Толпы горожан – причем, судя по их жалкому виду, обитателей Нижнего города – потоком валили куда-то вверх, по направлению к главному храму Исвархи, завывая, стеная, вырывая волосы и оглашая воздух пронзительными воплями. В другом направлении, расталкивая народ, один за другим проходили отряды вооруженных людей. Аюр прижался к стене и глубоко вздохнул. Воздух пах горьким дымом.

«Что тут происходит?» – ошеломленно вертя головой, подумал он. На него никто не обращал внимания и, очевидно, никто не узнавал. Царевич отошел от места своего пленения, свернул в увитый плющом переулок, подальше от воняющей и шумной толпы, остановился там и задумался. Никто за ним, кажется, не следил – но все это было очень подозрительно. Почему была открыта дверь? Где стража?

«А! Уж не хотели ли *они*, чтобы я убежал? А зачем?»

Аюру в голову тут же полезли неприятные намеки старика по поводу гибели богов.

«Все это чепуха! Но во дворец все-таки не пойду. Если дверь оставили открытой нарочно, то, конечно, ждали, что именно туда-то я сразу и побегу. Может, на пути ждет ловушка? Куда б пойти?»

Тут Аюру пришла на ум другая мысль.

«А может, *они* ожидают, что я пойду к накхам и меня там случайно подстрелят со стен? Гм… О! – Царевича посетила наилучшая идея из возможных. – Я пойду к дяде, в храм!»

Он вышел из переулка и тут же был подхвачен стенающей толпой, которая понесла его наверх, к храму Исвархи. Несколько

теней в отдалении беззвучно следовали за ним. Но Аюр их не видел. Тем вечером в Верхнем городе было слишком много теней.

Еще издалека он услышал нечто вроде долгого многоголосого рыдания или протяжного стона. Мурашки побежали по коже царевича, хоть он и не знал, что ждет его впереди. Он увидел, как толпы движутся вдоль стен храма, огибая его сзади, и там толпа замедляется. Там наконец Аюр понял, куда стекаются люди, и ему стало жутко. На площади позади храма находилась крада – четырехугольное каменное возвышение для сожжения трупов, с ведущими к ней с трех сторон ступенями. С четвертой стороны была пропасть, черная и непроглядная. Лишь огоньки Нижнего города слабо мерцали в отдалении.

На площадке было светло как днем. Вокруг крады цепью стояли стражники с факелами. Внутри возвышение окружало второе кольцо, из Жезлоносцев Полудня. На краде была сложена поленница высотой в человеческий рост, накрытая сверху расшитым золотом пологом. Ее обступили жрецы храма Исвархи с сосудами масла в руках. По очереди они подходили и поливали маслом бревна. Один из них стоял с горящим факелом чуть в отдалении и чего-то ждал.

– Что это? – Аюр пихнул в бок соседа. – Кто умер?

– Как – кто? Государь Ардван!

– Государь…

Юноша рванулся вперед, расталкивая простолюдинов и пытаясь рассмотреть тело, лежащее на краде. Нет, это не отец! Еще вчера он был жив и здоров! Но кто еще может лежать на костре в подобном месте? Седеющая борода, золотые одеяния…

Аюр схватил кого-то за плечо – судя по одежде, то ли слугу из богатого дома, то ли торговца.

– Там, на костре, государь Ардван?

– Увы, он самый. Солнце Аратты закатилось!

– Когда он умер?

– Этой ночью его убили враги…

Мир потемнел в глазах Аюра.

«Как же так, отец?! Так вот почему ты не посылал за мной! Ты уже ни за кем не пошлешь… Что же теперь со всеми нами будет?!»

Аюр ощутил себя совершенно одиноким и беспомощным, ярость и горе обуяли его. Он взвыл, рухнул на колени, зачерпнул обеими руками горсти пыли и размазал по лицу, а потом вцепился в свои волосы и уткнулся лицом в землю, давясь рыданиями.

– Да, пришло время горевать! – участливо сказал сосед,

глядя, как убивается молодой арий. – Загубили нашего отца злобные накхи! Чтоб их душам не знать покоя ни в этом мире, ни в том! Чтоб их клятый Змей подавился этими гнусными предателями!

– Как это случилось? – еле выговаривая слова, спросил Аюр. – Как они убили его?

– А ты не знаешь? Вчера их главарь Ширам вышел государю навстречу и притворился, что договаривается с ним. Дескать, они заключили мир и решили вместе искать пропавшего царевича. Но все это было лишь обманом! Той же ночью накхи подослали убийцу прямо в государеву спальню!

– Откуда ты знаешь?

– Да весь город уж знает. Задушили государя удавкой. И удавку там же рядом нашли…

Аюр поднял вымазанное пылью и слезами лицо:

– Это не накхи.

– А кто? – удивился горожанин.

– Ты сам сказал – Ширам заключил договор. Он бы никогда не нарушил его так подло!

– Это накх-то не нарушил бы договора? О-хо-хо… Они же дети Змея, ложь – их сущность…

– Нет! – крикнул Аюр, вставая. – Это не Ширам! Кто угодно, но не он! Он бы никогда не отдал такого приказа, даже если бы не договорился с отцом… Он был самым преданным…

Горожанин недоуменно поглядел на юного ария, то ли одуревшего от горя, то ли пьяного, пожал плечами и отвернулся, не желая спорить. Аюр, мгновенно забыв о нем, принялся проталкиваться вперед. Его пускали неохотно – на возвышении как раз начиналось действо. Как только край неба на востоке окрасился алым, раздалось слаженное пение жрецов, поющих древний грозный гимн вечному пламени, дарующему жизнь и пожирающему ее. По ступеням со стороны храма на краду поднялся дядя Тулум. Аюр его сперва даже не узнал – таким согбенным и постаревшим он выглядел. Взяв факел из рук помощника, верховный жрец поднес его к костру. Высушенные дрова, пропитанные маслом, затрещали и мгновенно вспыхнули. Пламя рванулось в светлеющие небеса, поглощая земное тело государя и унося его душу в выси, где ей было суждено соединиться с вечным светом Исвархи. Толпа то ли застонала, то ли ахнула. Жрецы продолжали петь гимн, заглушая вой пламени. Тулум стоял неподвижно, как статуя, с факелом в руках, и смотрел в огонь.

«Я должен быть там! – думал Аюр, распихивая толпу. – Это я должен был зажечь погребальный костер!»

Наконец он добрался до цепи городских стражников, но его отпихнули так, что он едва удержался на ногах.

– Пропустите!

– Пошел вон!

– Я прикажу казнить тебя, невежа!

– Иди проспись, пока цел! – рявкнул стражник, отталкивая перепачканного, взлохмаченного юнца, явно пребывающего не в себе.

Аюр в бешенстве кинулся вперед.

Потасовка привлекла к себе внимание стоявшей за цепью стражников группы придворных. Несколько человек оглянулись, недовольно поглядев вниз, и Аюр вдруг встретился глазами с мужем своей старшей сестры Кираном.

– Киран! – закричал он, махая рукой. – Это я!

Родич прищурился, вглядываясь в зовущего, и вдруг на его лице отразился неподдельный ужас.

– Киран! – крикнул еще раз Аюр.

Но тот отвернулся и сделал вид, что ничего не слышит.

Царевич, решив, что зять не узнал его, снова рванулся вперед, но тут что-то обрушилось ему на голову, и больше он уже ничего не видел и не слышал.

Глава 3. Стена колесниц

Жители ближних к столице поселений, невесть как прознавшие о гибели государя, мятеже накхов и исчезновении царевича, спешили покинуть свои дома и бежать куда глаза глядят, прихватив лишь самое ценное и еду на ближайшие дни. Без малого восемь сотен накхов – Жезлоносцы Полуночи, свита вождей двенадцати великих родов, наемные стражи караванов и мастерских, телохранители знатных арьев – двигались в сторону родных гор, по пути врываясь в мирные селения и унося с собой все съестное, до чего могли дотянуться. Малейшая попытка сопротивления грозила неминуемой смертью – накхи спешили. Это спасало одних и обрывало жизнь другим.

Вытянувшаяся змеей колонна рысью двигалась к югу вдоль берега одного из притоков великой Ратхи. Здесь уже начинались бесконечные травянистые степи, которые тянулись до самых полуденных пределов Аратты и дальше. Позади конных воинов, стараясь не отставать, но все же не поспевая, тащились возы обоза с немногими жившими в столице домочадцами и старыми воинами, более неспособными долго сидеть в седле. Высокие травы заливных лугов прорезались едва заметной дорогой, прежде не видевшей столь грозного войска – путь в Накхаран никогда не считался особо проезжим.

Ширам с застывшим лицом ехал впереди отряда, стараясь осмыслить произошедшее и отыскать наилучший выход из той западни, в которую угодил и он, и все накхи. Теперь его вдобавок обвиняют в цареубийстве, и возможности опровергнуть мерзкое обвинение нет. Значит, впереди война. Конечно, Хаста прав, говоря, что нужно отыскать Аюра. Но как это сделать? Тот союз с храмом, о котором говорил Хаста, был бы весьма полезен, но только одна беда – он запоздал. Неизвестно, предусмотрел ли Киран такой поворот или же обладал способностью мгновенно принимать верные решения, но приходилось признать – здесь враг победил. Но бой не закончен…

– За нами погоня.

Один из бывших наемных стражей на взмыленном коне подлетел к саарсану. Ширам не стал его расспрашивать, попросту развернул коня и пристально глянул назад. Край неба заволокло облако пыли – столь широкое, что сомнений быть не могло. За накхами двигалась стена колесниц.

– Похоже, Киран не успокоился, – процедил Ширам. – Что ж, придется ему в этом помочь.

Он вспомнил мужа старшей сестры своей беглой невесты,

стараясь понять, чего от него ожидать. Каково его прошлое, есть ли у него военный опыт? Кажется, Ардван возвысил его за успешные походы в земли болотных вендов… Но кто знает? В столице поговаривали, будто Киран нарочно нанимал старых воинов, чтобы те разносили о нем звонкие небылицы. Ширама это не удивило бы. Как и все, он видел в государевом зяте лишь раскрашенного царедворца и никогда не стремился заглянуть за личину.

Однако ночью под стенами башни накхов саарсан увидел другого Кирана – расчетливого, бесстрашного и коварного. Совсем не похожего на изысканного вельможу с подведенными глазами, к которому привык. Но все же ввязываться в открытую схватку с восьмисотенным отрядом накхов было для царедворца очевидной глупостью.

Ширам поманил к себе одного из юнцов-посыльных:

– Скачи в обоз. Пусть развернутся и выставят стену. Их задача – задержать колесницы арьев. Как только арьи остановятся – они наши. Пусть стоят сколько смогут и еще немного.

Посыльный ударил пятками по конским бокам и умчался прочь.

Едва тот исчез из виду, как Ширам повернулся к знаменосцу с приказом поднять знак Афайи. Длинная змеиная кожа затрепетала, наполняясь ветром, сообщая каждому, кто мог понять, что отряд готовится вступить в бой.

* * *

Дувший от реки ветер развевал завитые кудри, выбивающиеся из-под шлема. Стоящий на передней колеснице Киран был доволен собой. Даже если бы саарсан накхов заранее советовался с ним, как ему лучше угодить в западню, то, пожалуй, не сделал бы все так искусно. Конечно же, брать приступом башню накхов в Верхнем городе столицы было бы совершенным безумием. Кто знает, на чьей стороне оказалась бы победа? Нужно было выманить противника в поле, и он это сделал.

«Кажется, я предусмотрел все, – удовлетворенно размышлял государев зять, глядя на плещущие по ветру гривы коней, запряженных в колесницы. Возницы настегивали их, и слитный топот копыт сотрясал степь. – Мы настигли их там, где должно. Осталось только затянуть удавку на шее самодовольного накха…»

Киран вспомнил, как презрительно кривилось лицо Ширама всякий раз, как они встречались в коридорах Лазурного дворца.

Казалось, темнолицый накх вовсе не считал его за мужчину. Нет, этого змеиного выползня нельзя было и близко подпускать к власти! Киран с содроганием представил себе, что саарсан и впрямь мог бы стать мужем Аюны и тем самым встать вровень с ним – арием царской крови! И мало того, за саарсаном во дворец непременно потянулись бы его родичи, такие же лютые, как он сам. Что бы тогда осталось от возвеличенного Исвархой народа арьев? Пожалуй, именно когда Киран впервые узнал о намерении государя породниться с саарсаном, тогда он и утвердился окончательно в своих собственных замыслах относительно их обоих…

Что ж, сегодняшний день станет великим днем. Потомки будут воспевать его на пирах. И те, кто вернется домой, будут рассказывать о славной, решительной победе Кирана и о неслыханном позоре накхов…

Возница резко натянул вожжи, так что замечтавшийся Киран едва не вылетел из колесницы. Он дернулся вперед, хватаясь за борт. Это спасло ему жизнь. Если бы он по-прежнему гордо стоял на своем месте, жало стрелы воткнулось бы ему прямо в горло, а так оно лишь звякнуло по налобнику шлема. Киран, получив сильный удар, не удержавшись, упал на дно колесницы.

– Берегись! – послышалось рядом.

Но было уже поздно. Сквозь узкие смотровые щели Киран увидел, как обогнавшая его колесница вдруг начинает переворачиваться. Почти из-под колес, откинув присыпанный землей щит, выскочил человек в черном. Возница взмахнул кнутом и тут же рухнул рядом с наместником, хрипя и зажимая рукой кровавую рану на животе. А человек в черном, словно вообще не беспокоясь о своей безопасности, взмахнул лунной косой, отрубая ноги одного из коней. В тот же миг полдюжины стрел воткнулось в накха. Падая, он успел раскроить грудь ближайшему из телохранителей Кирана.

Не спеша подниматься из-за надежных щитов, Киран оторопело наблюдал, как накхи, словно грибы из-под земли, вырастают то там, то сям. Вот кто-то из них на ходу вскочил на колесницу – пара движений, и два мертвеца падают наземь. А накх подхватил выпавший из руки убитого витой бич и хлестнул коней, стараясь развернуть захваченную колесницу поперек строя. Через миг в нее врезалась следующая колесница. Накх вылетел от удара и покатился по земле. Черная ткань распахнулась, обнажая немолодое женское тело.

Старуха?! Киран спрыгнул наземь, окруженный телохранителями, подбежал к ближайшему, утыканному стрелами мертвецу и сорвал повязку с его лица. Его взгляду

открылись резкие морщинистые черты и седые волосы. Но на сведенных от боли губах наместнику привиделась торжествующая ухмылка.

Бой быстро затих, да и вряд ли это можно было назвать боем.

– Сколько их тут было? – резко бросил Киран главному колесничему.

– Мы насчитали восемнадцать трупов. Две колесницы поломано. Убито три десятка воинов и двенадцать коней.

– Ну что ж… – процедил Киран. – Полагаю, это все, что мог придумать Ширам!

Он вспомнил стрелу, ударившую в налобник, и его начало трясти, то ли от запоздалого страха, то ли от злости.

– Перевяжите раненых и оставьте у поврежденных колесниц – мы заберем их на обратном пути. А сейчас вперед!

Однако Киран ошибался – это было не все. Едва колесницы выровняли линию и снова начали брать разбег, как перед ними, полускрытые метелками высокой травы, показались снятые с колес возы, перекрывающие путь. За ними, уже не скрывая лиц, стояли накхи с луками в руках. Рядом с каждым виднелась прислоненная к возу лунная коса.

– Накхи оставили обоз, а сами поскакали вперед, – опасливо глядя на лучников, проговорил главный колесничий. – Тут, похоже, полно женщин и детишек. Прикажете взять их живьем?

Киран неторопливо поправил шитый золотом плащ, сбившийся на сторону после падения, отряхнул налипшие пушинки. Дувший с реки ветер больше не радовал его. Он видел десятки зеленых глаз, пристально следящих за ним из-под шлемов. Несмотря на то что накхов было совсем мало, они не выказывали страха, а как будто лишь выбирали миг для нападения. На что они рассчитывают? Наместник снова вспомнил, как ему в шлем ударила стрела, – голова болела до сих пор! – и его охватило кровожадное желание убить их, растоптать это змеиное кубло.

Киран приказал себе успокоиться и мыслить здраво. Здесь нет воинов, только семьи накхов – их жены и дети. Заложники ему пригодятся.

– Стоит попробовать, – медленно сказал он. – Пошли туда всадников. А колесницы мы пустим в объезд.

Главный колесничий молча поклонился и подал рукой знак. Конники устремились к преграде. К их удивлению, защитники не спешили стрелять. Но едва всадники приблизились, перед возами обнаружились заточенные колья рогаток. Воины натянули поводья, останавливая коней, – и тут-то из-за преграды вылетел рой стрел.

– Назад, назад! – закричал Киран. – Обойдем их – пусть охраняют свои возы, сколько пожелают. Расправимся с ними позже.

– В обход нельзя, – услышал он голос одного из сотников. – Эти твари успели наставить вокруг силков. Если погоним сейчас – кони поломают ноги.

Киран яростно скрипнул зубами. Как посмела эта жалкая кучка стариков и женщин задержать его?! А что, если Ширам уйдет? Нет, этого не будет!

– Отведите колесницы ближе к реке, – холодно приказал наместник. – Всех лучников – на колесницы за щиты. Я сам буду указывать цели.

– Но, господин, это опасно…

– Накхи – скверные стрелки, ветер наверняка будет относить их стрелы в сторону. Действуйте.

Наместник взял было тяжелый лук, затем отложил, поднял жезл. Его зоркий взгляд неторопливо скользил по возам, высматривая бреши. Заметив в просвете между возов черноволосую голову, Киран ткнул в ее сторону и закричал:

– Цель!

И с упоением увидел, как, повинуясь его указующему жесту, туча стрел взвилась над колесницами и обрушилась на укрепление накхов.

– Цель! Цель!

Из-за возов старались отвечать, но с каждым залпом арьев все слабее.

Когда ответные выстрелы совсем прекратились, Киран вновь послал всадников вперед. Те приблизились без помех и развалили щетинившиеся кольями рогатки. Лишь после этого наместник прошел за возы. Десятки трупов лежали перед ним, густо истыканные стрелами. Кирана радовал их вид. Да что там радовал – он чувствовал странное опьянение, от которого бурлила кровь. Ему хотелось петь.

Первый раз ему довелось лично участвовать в этаком деле. Да, там у вендов, сидя в крепости, он неоднократно посылал своих людей захватить, истребить, покарать… Но здесь, сегодня, вокруг него свистели стрелы. И сам он мог бы погибнуть в самом начале схватки!

«Я жив, я победил! – ликовало все внутри его. – Но показывать радость нельзя. Нужно быть бесстрастным, чтобы никто не догадался, как мне было страшно и как стало легко и весело. Полководцу не пристало вести себя подобно новобранцу…»

Киран неспешно шел, разглядывая трупы. Пожалуй, он

впервые увидел столько открытых накхских лиц. Ни одного зрелого мужчины – старичье, женщины… Наместник остановился около двух молодых, неожиданно привлекательных девушек. Обе они были ранены стрелами, однако умерли не от них. Обнявшись, они пронзили друг друга длинными кривыми кинжалами. Киран наклонился проверить, не бьется ли на шее тонкая жилка, – нет, тела, казавшиеся еще совсем живыми, были уже холодны. «Зачем? – с тягостным недоумением подумал государев зять. – Исварха всемогущий, зачем они сделали это? Разве обо мне ходят слухи, что я поедаю детей и запрягаю в колесницу старух? Эта схватка с самого начала была безнадежна. Почему они не вступили в переговоры? Я бы никого из них не тронул…»

Губы Кирана скривились от отвращения.

«Безумцы, бешеные звери! Таким не место под нашим священным солнцем! Я сделаю благо для всех, очистив мир от них…»

Он выпрямился, шагнув вперед, и едва не споткнулся о мальчишку лет семи. Тот лежал, держась рукой за грудь. Из-под пальцев растекалось кровавое пятно. Между пальцами торчала стрела.

«Еще один змееныш». Киран пихнул тело носком сапога. Мальчишка вдруг распахнул глаза, отбросил зажатую меж пальцев стрелу, вскочил. В другой руке его наместник увидел обнаженный кинжал.

– Берегись!

Один из телохранителей с силой оттолкнул Кирана, и в тот же миг острое лезвие вонзилось воину в бедро. А еще через мгновение десяток мечей искрошили мальчишку в кровавые ошметки.

Киран застыл на месте, забыв о том, что нужно изображать бесстрастное величие. Им полностью завладело позорное чувство беззащитности. Только что он мог нелепо и бессмысленно погибнуть! И все его великие замыслы развеялись бы, словно и не существовали…

«Никому нельзя показывать испуг», – вспомнил наконец Киран, пересилил себя и скривился, будто от брезгливости:

– Раскидайте возы. Мы пройдем здесь. Я сам поведу колесницы.

Змеиная шкура трепетала на ветру, созывая воинов. Ширам смотрел на своих всадников, и его наполняло радостное предвкушение схватки. Значит, этот красавчик-придворный решил потягаться с ним в умении воевать? Похоже, он возомнил себя кем-то из тех грозных древних арьев, которые некогда

завоевали земли его предков. Но как гласит старинная поговорка – тень волка не кусается.

– Все за мной! – приказал он и устремился впереди отряда, заворачивая его вправо, чтобы по широкой дуге обойти преследователей. Пока арьи стоят и обстреливают обоз, он подберется к ним с тыла. Саарсан уже будто видел, как, выскочив из высокой травы подобно охотящемуся саблезубцу, он в мгновение ока превратится из добычи в охотника…

Но едва отряд начал свой разворот, тянувшийся до горизонта луг сбоку от них наполнился пронзительным воем сигнальных труб, звоном гонгов и рокотом тимпанов. Плохо объезженные кони, уведенные накхами с торжища Нижнего города, испуганные резким шумом, понесли кто куда, не слушаясь узды и ударов плети.

– В строй! Все в строй! – орал Ширам. – Вперед, обойдем их!

Но было поздно. Еще несколько мгновений назад грозный отряд превратился в сборище мечущихся по лугу конников, пытающихся управиться с перепуганными лошадьми. А между тем рокот и рев труб доносились все ближе. И сколько видел глаз, к берегу, как молот к наковальне, одна за другой выезжали из степи снаряженные косами боевые колесницы – гордость арьев, не раз приносившая им победу. За каждой из них мчалось по дюжине конных лучников. За ними бежали воины с сетями и длинными зазубренными копьями.

– Похоже, это засада! – крикнул Хаста. Всю дорогу он упрямо держался неподалеку от саарсана, невзирая на все попытки того отправить приятеля-жреца в обоз. – Они уже ждали нас здесь! Нас поймали, как хорька в силки!

Ширам метнул на приятеля полный гнева взгляд. Уж точно его замечания были не к месту. В сравнении с тем, что происходило сейчас, Битва Позора казалась героической схваткой.

– Проваливай! – рявкнул он, бросаясь в бой. – Спасайся!

В воздухе засвистели сотни стрел, валя потерявших строй всадников. Ширам с горечью видел, как под стрелами арьев гибнут его друзья и соратники, цвет войска Накхарана. Едва кто-то оказывался на земле, к упавшему бросались наемники, спеша опутать его сетями, ранить боевыми острогами, чтобы взять в плен. Должно быть, за каждого живого накха была назначена хорошая награда.

Сердце Ширама разрывалось на части от этого зрелища. Он мучительно пытался собрать вокруг знамени Афайи сколько-нибудь значимый отряд и обратить его в атаку – пусть последнюю и самоубийственную, но атаку. Он рыскал загнанным волком по

полю боя, ища, с кем сразиться. Не отстававшие от него воины рода Афайи бросались то в одну, то в другую схватку, не щадя ни себя, ни врага. Всадники, охранявшие колесницы, спешили броситься врассыпную при одном приближении саарсана со свитой, но, развернувшись напоследок, посылали в сторону облаченных в черное всадников стрелы с граненными остриями.

Ширам понимал, что так долго не продержаться. То один, то другой всадник падал наземь, сраженный стрелами. Но хуже всего были колесницы. Длинные железные косы сносили коней, как ячменный колос. Животные с подрубленными ногами кувыркались с предсмертным ржанием, давя не успевших соскочить всадников. Но те, кто успел скатиться наземь, едва поднявшись, получали стрелу или дротик. Каждая колесница, что останавливалась под стрелами накхов, наполняла сердце Ширама ликованием, но лишь на миг. Что толку, если он не мог прорваться и вывести за собой войско? А войска не осталось, сотни накхов были рассеяны по полю. Каждый вел свой бой и умирал в одиночку.

Ширам и сам искал гибели, не желая пережить позора этого дня. Нечто, грохоча и лязгая, надвигалось на него – он повернул голову и увидел колесницу. Ширам перехватил поудобнее лунную косу и погнал коня прямо на нее, разя всех, кто заступал ему путь. Лунная коса вдоволь напилась крови, пока не застряла в шее одного из запряженных в колесницу коней. Ширам успел бросить ее, обнажить меч и вонзить его прямо в горло обезумевшего от ужаса колесничего, внезапно оказавшегося совсем рядом. Падая, тот дернул поводья, колесница резко накренилась и, вонзившись острием косы в землю, выкинула лучника прямо под длинные ножи соседней колесницы.

Стрелы часто защелкали по чешуе доспеха Ширама. Удар каждой отдавался болезненным тычком в ребра, но пробить небесное железо им было не под силу. Саарсан рывком развернул коня, успев рассечь затылок лучнику со второй колесницы, и хищно огляделся по сторонам. Вот сейчас бы хоть сотню воинов, спаянных в единый кулак! Здесь можно прорваться!

– Ко мне! – закричал он. – Все ко мне!

Но среди воплей, стонов, конского ржания и рева труб его зов был не слышен. А то, что он увидел затем, мигом лишило его едва пробудившейся надежды – со стороны брошенного обоза двигалась новая стена колесниц и новые всадники. Ширам разглядел среди них вытканный золотом плащ Кирана. Ему показалось, что он сейчас видит его довольное лицо. Враг радовался удачному завершению своего замысла.

В голове саарсана мелькнула манящая мысль броситься

прямо на подлого врага, сразиться с ним и пусть даже сложить голову, но в честной схватке, о которой выжившие смогут рассказать на родине. Он развернул коня, но вдруг сообразил, что из затеи красиво умереть ничего не выйдет – Киран не примет вызов. Хуже того, он попросту не даст ему погибнуть. Израненного, полуживого, он постарается взять его в плен, чтобы потом с позором, обрезав косу, публично казнить. Ибо тот, кто разгромил накхов и пленил их вождя, может в дальнейшем не опасаться мятежей.

Остатки недавно еще грозного войска теснили к густо заросшему камышом и осокой берегу реки. Сражение было проиграно окончательно и бесповоротно. Это необходимо было признать и либо сложить голову, либо спасаться, чтобы найти в себе новые силы и отомстить за позорный разгром. Ширам недооценил противника – и теперь расплачивался за собственное высокомерие.

– В реку! Все, кто жив, – в реку! – закричал он и погнал коня в густые заросли.

Тот с хлюпаньем погрузился в мутную жижу и, с трудом продвигаясь среди густых плотных стеблей, протестующе заржал. То, что еще мгновение назад казалось спасением, грозило обернуться новой западней, но другого выхода не было. Те из накхов, кому удалось дожить до этого мига, устремились за своим предводителем. А на берегу, точно состязаясь в охоте на уток, собрались конные арьи и с хохотом и насмешливыми выкриками принялись осыпать прибрежный плес стрелами.

– Рубите рогоз, делайте вязанки – они хоть как-то защитят от стрел…

Ширам огляделся, пытаясь сосчитать уцелевших воинов, и вдруг с болью осознал, что не видит среди них Хасты. Он не видел его и на поле боя. Да и что мог делать там безоружный жрец? Неужели где-то подвернулся под удар и сложил голову?

Стрела, может быть уже сотая за короткую схватку, дзынькнула о чешую его доспеха. Драгоценное сокровище саконских оружейников оправдало все потраченное на него золото, но только был ли в том смысл…

«Неужели проклятие бьярского оборотня настигло меня?» – страдая, думал Ширам, оглядывая яростные, окровавленные лица соратников, сквозь стиснутые зубы цедящих ругательства, поспешно сооружающих защитную изгородь из вязанок камыша. Конечно, не всякое сражение можно выиграть – это известно каждому воину. Но проиграть его вот так… Похоже, еще никто из накхов до сих пор не смог осознать весь ужас произошедшего.

«Я повел отряд царевича на Великую Охоту… Никто не

обвинит меня, что я струсил или на миг забыл о своем долге! Но в столицу вернулись лишь мы трое – и то почти чудом. Я был телохранителем Аюра и отдавался этому весь до последнего вздоха. Но будто в насмешку, его похитили прямо у меня из-под носа. Я был верен государю – а теперь меня обвиняют в мятеже и убийстве повелителя. Я всю жизнь провел, сражаясь, – и сегодня попал в западню, устроенную придворным лицемером. Могу ли я теперь быть саарсаном? Дед был прав – из меня никудышный вождь…»

– Эй, Ширам… – услышал он рядом голос Хасты. Тот дергал его за рукав. – Если ваши кони уже достаточно напились, то, думаю, отсюда пора убираться. Там ниже – перекат. Идти будет непросто, течение быстрое. Но если связать веревки, то брод вполне проходимый – человеку по грудь.

– С чего ты взял, что там может быть брод? – недоверчиво спросил Ширам, не смея поверить добрым вестям.

– Здесь уже почти болото, течение едва заметное. Но выше и ниже по реке оно довольно быстрое. Значит, не так давно река проложила себе новое русло. Ниже – излучина, вода не смогла пробить себе дорогу по прямой. Так всегда бывает, если на ее пути много камней. Погляди на тот берег – понизу там сплошной камень. Я знал, что искать. И слава Исвархе, открывающему путь, нашел…

– Осталась самая малость, – процедил Ширам, с невольной радостью оглядывая соратников, которые почти вслепую посылали стрелы во врагов. – Не стрелять! Ломайте головки рогоза, крепите к стрелам, поджигайте! Трава сухая, ветер вдоль реки – сейчас мы им устроим тризну! – Он повернулся к рыжему жрецу. – Хаста, пока я буду жив, я не забуду того, что ты сделал для всех нас. Ты будешь мне братом, и каждый из них теперь твоя родня. Так говорю и повелеваю я, Ширам, сын Гауранга. А в столицу мы еще вернемся, я тебе обещаю!

Глава 4. Девушка из леса

Киран появился на женской половине своего особняка так быстро, что надзиравшая за порядком служанка едва успела сообщить госпоже о возвращении из похода ее дорогого супруга. Он лишь сбросил плащ на руки рабу и прошел к царевне Джаяли как был – небритый, с въевшимся запахом конского пота и пожарища и, что уж совсем неприлично, без малейшего следа белил на лице.

Дочери покойного государя сидели в комнате с завешенными окнами, в полумраке, и тихо разговаривали, вспоминая и оплакивая отца. Никаких сластей не было им подано, только травяной напиток, такой же горький, как слезы отчаяния. Обе царевны в знак скорби сняли все свои украшения и надели белые одежды – цвета зимы и смерти. Ни единой золотой вышивки не украшало их, ибо Солнце Аратты закатилось и все его отблески погасли.

Джаяли сперва изумленно отпрянула, не узнав мужа. Но вовремя спохватилась и привстала, приветствуя его.

– Дражайший мой супруг, что все это значит?

– Похоже, удача все-таки отвернулась от меня, – буркнул Киран, падая в низкое кресло.

– Но посланный вами гонец сообщил, что вы разгромили душегубов-накхов? – с недоумением глядя на мужа, произнесла старшая царевна. – Столица готовится праздновать вашу победу…

– Я поторопился. Глупая самонадеянность!

– О Исварха! Неужели они победили? – вскочила Аюна.

– Нет, – скривился Киран. – Мы наголову разбили их. Они попались в мою западню. Мы уничтожили их обоз и бóльшую часть войска. Удалось захватить живьем даже нескольких воинов, хотя почти все они по пути сюда умерли от ран… И когда я загнал их недобитков в заросший камышом плес, мне показалось, что дело решено – им некуда деваться. Но твой любезный жених, – язвительно обратился он к Аюне, – сумел ускользнуть от меня. Уж не знаю, какие дивы помогли им переправиться через реку – течение там сносит коня, не то что человека. Но они это сделали. – Наместник скрипнул зубами. – А напоследок подожгли степь. У нас большие потери, сгорело много колесниц. Словом, огонь сделал то, что не смогли накхи… Но и они постарались! Я поставил на противоположном берегу отряд, чтобы добивать тех, кто ухитрится переплыть реку. Но эти ублюдки, увидев, что мы побеждаем, устроились обедать. Когда из реки появились накхи, они не успели даже схватиться за оружие. Их там вырезали всех

до одного. И поделом!

– Но Ширам жив или мертв? – хмурясь, спросила Аюна.

– Он метался по полю боя, ища смерти, но среди мертвых его не нашли. Судя по тому, как слаженно ушли змеиные дети, он все еще жив. И сейчас, вероятно, уже на пути в Накхаран. Значит, вскорости нас ждут беды.

– Но разве ты не показал им нашу силу? – спросила его жена. – Разве они не сбежали, как побитые псы?

– Джаяли, прошу тебя, помолчи, – досадливо оборвал ее Киран, будто только сейчас замечая, что говорит с женщинами. – Накхи – мстительные твари. Да, мы напомнили этим выползням, что такое сила арьев. Но теперь, усвоив этот урок на собственной шкуре, они примутся воевать по-своему – бить исподтишка, жалить из-под каждого пня… Эх… Я мог закончить все одним ударом!

– Если бы я могла что-то сделать! – Аюна сжала кулаки. – Это ведь все из-за меня… – На глазах младшей царевны заблестели слезы бессильного гнева. – Я одна во всем виновата!

Раздражение Кирана куда-то вдруг улетучилось. Он молча уставился на Аюну, будто изучая ее.

«А ведь это может быть как раз то, что надо, – подумалось ему. – Как волчья стая идет на стон раненого оленя, так и Ширам может прийти на зов этой девчонки. Должно быть, он питает к ней сильные чувства – иначе с чего бы вдруг впал в такую ярость, поднял мятеж, пролил кровь арьев…»

– Свет очей моих, – обернулся он к супруге, – оставь нас ненадолго. Мне нужно поговорить с Аюной о государственных делах.

– Но я тоже…

– Я велел тебе оставить нас. – В ласковом голосе Кирана звякнул металл.

– Я покоряюсь, – скрывая гнев, склонила голову Джаяли.

Она поднялась и вышла, всем своим видом являя величественное смирение. Киран встал и подошел к свояцениице.

– Да, Аюна, – заговорил он жестко. – Ты виновата. Твоя неподобающая благосклонность к мохначу стала камешком, сорвавшим лавину. Когда бы не ты, Ширам бы по-прежнему верно служил твоему отцу, а наш добрый государь был бы жив и здоров. И множество воинов, погибших в степи, сгоревших заживо и задохнувшихся в дыму, сейчас были бы живы! А теперь в стране назревает смута, равной которой не было с первого дня Аратты… Ты – сестра моей жены, а стало быть, моя близкая родственница. А еще ты – дочь покойного государя, и, быть может, никто, кроме меня, не осмелится сказать тебе правду. Но мы сейчас не в том

положении, чтобы я услаждал твой слух. Именно твои нелепые шашни привели державу на край гибели! – Киран прервался, глядя на жестоко страдающую девушку. – Но возможно, лишь ты теперь можешь спасти нас.

– Я? – Аюна поперхнулась собственными невысказанными словами. Но, взяв себя в руки, пылко воскликнула: – Я готова сделать все, что угодно, только бы искупить свою вину!

– Это слова истиннной дочери Солнца!

Киран церемонно склонил голову.

– Но что я должна сделать?

– Ты отправишься в Двару, нашу крепость на южном тракте. Это совсем недалеко от земель накхов. Я дам тебе стражу и свиту. Возможно, освобожу пару накхов – ты сможешь привезти их в знак доброй воли…

– Ты хочешь, чтобы я возглавила посольство к накхам? – с жаром спросила Аюна. – Я готова!

– Из Двары, – продолжал Киран, – ты пошлешь гонцов к Ширaму. Скажешь ему, что мы желаем мира. И если саарсан согласится присягнуть нашему повелителю Аюру…

– Вы нашли его? – радостно перебила его царевна.

– Я полагаю, что царевич в плену у Ширама.

– Полагаю, нет, – возразила Аюна, весьма удивив зятя. – Я терпеть не могу Ширама, но вряд ли он похитил брата. Они очень сдружились за время Великой Охоты. Едва прибыв в столицу, Аюр помчался к нашему отцу, да пребудет он вечно в солнечном сиянии. – Девушка всхлипнула. – Когда Аюр прискакал под стены накхской башни, я была там же, подле Ширама. Саарсан просто не успел бы…

– Девочка, ты не представляешь себе их коварства… – начал было Киран, но осекся. – Впрочем, может быть, ты и права. Но тогда я могу предположить только одно – его украли недобитые мятежники. Если так, они захотят торговаться. Либо с нами, либо с Ширамом. Аюр сам по себе им не нужен… Тем более нам как можно скорее нужны надежные глаза и уши возле Ширама…

– А если саарсан не пожелает со мной встречаться и говорить?

– Тогда это будет объявлением войны.

– Но… Ширам кровожаден, как дикий зверь, но он не глуп. Отец не раз говорил мне об этом! Он же понимает – после того, что случилось в столице, он не поверит, что мы все забудем. Что все опять будет по-прежнему.

– По-прежнему и не будет. Накхи будут сидеть у себя в Накхаране. Мы не будем ходить туда, они не будут появляться здесь. А в случае нападения на Аратту они выставят оговоренное

войско. Таково наше предложение. И ты должна будешь склонить мужа к принятию условий договора.

Лицо Аюны приобрело такой вид, будто она съела жабу, причем целиком и не разделывая.

– Да, царевна, – мужа. К сожалению, ни на каких иных условиях саарсан даже разговаривать с нами не станет. – Киран склонился над ней, постаравшись вложить в свои слова как можно больше сочувствия: – Я знаю, что ты любишь другого. Но и для него, и для тебя, и для всех нас будет лучше, если ты навсегда забудешь об этом. Лучше помни, что уже произошло по твоей вине и что еще может произойти. Твоя жизнь и судьба напрямую связаны с жизнью и судьбой Аратты. Брак с саарсаном накхов – это жертва, которую ты обязана принести без страха и сомнений, как истинная дочь Солнца.

– Я все сделаю, – тихо сказала Аюна, еле сдерживаясь, чтобы не зарыдать в голос.

* * *

Джаяли шагала по галерее, пылая гневом. С первого дня ее замужества еще не бывало случая, чтобы супруг вел с ней себя так грубо. Можно подумать, будто она вовсе не дочь государя, а невесть кто! Впрочем, царевна вздрогнула, не желая верить кольнувшему ее сомнению, теперь она и впрямь лишь дочь *покойного* государя…

Конечно, престол должен наследовать Аюр, но где-то он сейчас? А если он уже мертв? Если вдруг не найдется? Кто займет трон? Мудрейший Тулум вряд ли согласится. Он всецело погружен в служение Исвархе и свои малопонятные исследования, да и детей у него нет…

Тогда выходит…

Джаяли невольно остановилась, глядя с галереи в золотисто-багровый осенний сад, пораженная открытием, дотоле лежавшим на поверхности.

Конечно же! Она – царская дочь, Киран – наследник младшей линии рода, идущего от первого государя Артаха Достославного. В нем тоже течет священная кровь древних арьев. Значит, он и сам может претендовать на престол! Наверняка ее супруг об этом знает. И очень может быть, что уже видит себя повелителем Аратты.

Тонкие пальцы Джаяли стиснули мраморные перила. Она не могла решить для себя, плохо это или хорошо. Конечно, новое положение государыни польстило бы ей – но как же Аюр? Она

вспомнила, как нянчилась с большеглазым малышом, едва научившимся ходить, как таскала его на руках и наряжала, будто куклу. Разве можно так просто отодвинуть его от трона? Нет, никак нельзя! Его право свято от начала времен!

Но ведь он исчез…

И в такое тяжелое время во главе страны должен встать никак не мальчик, но взрослый человек, имеющий опыт управления страной и войском.

«Все это надо немедленно обсудить с Кираном!» – взволнованно подумала старшая царевна.

И, забыв, что совсем недавно собиралась уединиться в своих покоях и наказать обидчика гордым молчанием, Джаяли развернулась и устремилась обратно в зал, где оставила беседовать мужа и Аюну.

Приблизившись к двери, она властным жестом отослала стоящих у дверей стражников, подошла поближе и прислушалась. Закончен ли разговор? Или еще беседуют? Джаяли протянула руку к двери, но застыла на месте. Из комнаты доносился голос ее мужа, которому отвечал женский, негромкий и мелодичный, словно пение струн. И этот голос принадлежал не Аюне.

* * *

Киран глядел на свою собеседницу, невольно любуясь ею. За годы их знакомства она ничуть не утратила цветущей красоты и необычайной, манящей привлекательности. Пожалуй, лишь похорошела. Все так же ясны ее большие зеленые глаза, и волосы в длинной русой косе тяжелы и шелковисты.

Ему припомнилась их первая встреча. Тогда он лишь совсем недавно получил должность наместника в землях болотных вендов. Не ахти какое положение – дикие края, леса да трясины. Но всегда нужно с чего-то начинать! И вот однажды она пришла в жалкий острожек, который вокруг почтительно именовали дворцом наместника, – пришла средь бела дня как ни в чем не бывало. И, поклонившись, сообщила, что желает наняться на службу.

– Кем? – вскидывая брови, тогда спросил он.

– Я буду убивать для тебя людей.

В ее голосе совсем юной девушки, почти подростка, звучала спокойная уверенность. Но при взгляде на незваную гостью Кирана невольно разобрал смех. Судя по наряду, девчонка была дочерью какого-нибудь мелкого племенного вождя. Лишь здешняя болотная знать могла себе позволить крашеные ткани и

литые бронзовые кольца на висках. Лента в ее русой косе явно была привезена из Аратты.

– Ты? Убивать? – хохоча, повторил молодой наместник, хлопая себя по бедрам. – Скорее петушок с крыши клюнет меня в затылок, чем ты кого-то убьешь. – Он остановился и бросил на девушку оценивающий взгляд. – Но если ты хочешь мне послужить, сегодня ночью я жду тебя в своей опочивальне.

Она молча повернулась и ушла, сопровождаемая его смехом.

До самого вечера Киран хмыкал и кривил губы в усмешке, вспоминая этот случай. А когда собрался отправляться ко сну, заметил у двери опочивальни сидящих возле стенки часовых. Было похоже, что они бессовестно дрыхнут, положив голову на колени. Но когда он попытался растолкать мерзавцев, то выяснилось, что они давно уже мертвы.

Тут в острожке поднялся шум и гам, каких прежде никогда не бывало. Смерть безмолвно стояла рядом, и казалось, Киран слышит ее дыхание, но не видит, не может ухватить след.

Не то чтобы поиски ничего не дали. В крепости было обнаружено еще два мертвеца. Еще два стражника, судя по их лицам, даже не успели сообразить, что происходит. Но их убийцы и след простыл.

Под самое утро измученный и взбешенный неудачей Киран вернулся в опочивальню, которую до него уже трижды проверяли. Бормоча проклятия, он сбросил на пол одежду, и вдруг что-то твердое ударило его по затылку. Совсем легко, едва коснулось – но все же он в ужасе развернулся, примеряясь, успеет ли выхватить лежащий в изголовье кинжал.

Она стояла рядом и держала в руке снятого с крыши петушка.

– Как видишь, он тебя клюнул, – нежным голосом проговорила девушка.

Страшная догадка заставила подогнуться его колени.

– Так это ты убила моих людей?

– Я. Ты же велел мне послужить тебе в постели. Я пришла, а они не хотели меня пускать.

Он смотрел на нее, понимая, что с той же легкостью, с какой она прикончила четверых стражников, она могла бы убить и его самого. Но она не сделала этого – стояла и глядела, и ее тело притягивало, заставляя учащенно биться сердце и кровь быстрее струиться по жилам. Киран протянул к ней руки, она подалась вперед и без стеснения прижалась к нему, обжигая горячим дыханием…

Это был безумный день, превратившийся в столь же безумную ночь. Обладая ею, он будто побеждал собственную гибель, и безжалостная смерть билась в его объятиях, страстная и

послушная, предупреждая любое его желание. С тех пор прошло уже десять лет. И каждый раз Киран глядел на нее, как в тот рассветный час, когда кровавая заря освещала место убийства.

– Дозволь задать один вопрос, чтобы я вернее поняла твои пожелания, – нежным голосом попросила Янди, глядя в упор на Кирана. – Зачем тебе смерть Ширама? Ты полагаешь, что другой накх на его месте будет сговорчивее?

– Сговорчивый накх! – Наместник горько усмехнулся. – О чем ты? Накхаран мы уже потеряли. Скоро нам предстоит искать пути, как обезопасить себя от него. Но тут вопрос в другом. Ширам объявил царевича Аюра своим другом и сказал, что будет искать его, пока не найдет. И скорее всего, он его найдет – даже если ему понадобится замостить дорогу к нему черепами арьев…

– А другому саарсану не будет до царевича никакого дела, – продолжила Янди.

– Вот именно.

– К тому же если постараться, то накхи изрядно пустят кровь друг другу, прежде чем изберут себе нового вождя.

Киран одобрительно кивнул:

– Угу. Действуй. Только смотри, чтобы не было такого провала, как в лесной веже.

– Это была не моя задумка! – ощетинилась Янди. – Я говорила – чем больше случайностей, тем меньше успеха. Надо было просто убить его там. Если бы Ширам знал, что мальчишка уже в земле, он бы не стал попусту клясться…

Киран помрачнел, будто девушка ненароком коснулась его больного места, и жестко бросил:

– Мне не нужны твои советы. Я сам решу, сколько ему жить и когда ему умереть!

– Не обманывай себя, – промурлыкала та. – Судьбы людей не в нашей власти. Мы срезаем лишь те ветви, до которых можем дотянуться. Но ты все усложняешь. Ты запутываешься в своих же сетях.

Киран взглянул на нее холодно:

– Ты слишком много себе позволяешь, Янди! Помни, кто ты и кто я!

– Я помню, мой господин, – сладко улыбнулась девушка. – У меня хорошая память. Надеюсь, и у тебя тоже.

– Не смей со мной так разговаривать! – резко оборвал ее собеседник. – Бери своих бородачей-саконов и отправляйся.

– Непременно. Хотя, увы, после недавней встречи на дороге остался лишь один сакон.

– Как, их же было трое?

– Когда-то и я была девочкой… Все меняется в этом мире.

– Ну что ж, один так один. Не медли.

Янди задумчиво кивнула:

– Итак, я отправляюсь в Двару с царевной Аюной. Там передаю ей тайное письмо от тебя и обучаю смертоносной игре. И если у нее не получится, делаю все сама. Но так, чтобы это можно было свалить на Аюну. В крайнем случае мой человек расправится с ней, чтобы она не распустила язык. Так?

– Все верно, – ухмыльнулся Киран. – Ширам никогда не заподозрит ее в чем-то подобном.

– Но если у нее не выйдет, саарсан убьет ее…

– Значит, убьет. Это тоже нам на руку. В любом случае Аюна никогда не вернется домой. Желаешь узнать что-то еще?

Янди склонила голову, обдумывая это непростое, тонкое поручение. И вдруг тихо, не меняя позы, произнесла:

– Нас подслушивают.

– Там стража, – возразил Киран. – Да и кто бы посмел?

– Женщина. Она пользуется ароматическими притираниями. Я чувствую запах жасмина…

Киран нахмурился, подошел к двери, распахнул ее и выглянул наружу.

– Там никого нет.

– Там кто-то был, – возразила Янди.

Киран ее уже не слушал. Снова помрачнев, он думал о том, что ему сегодня предстояло сделать.

* * *

Киран глядел не отрываясь на вызолоченный купол храма, блистающий в лучах заходящего солнца. В открытое оконце его комнаты врывался прохладный вечерний ветер, подхватывающий тяжелый, расшитый золотом плащ наместника Аратты. Поблизости молча стоял командир его личных телохранителей и ждал приказа господина.

«Все идет как следует, – размышлял Киран. – Накхи опорочены, изгнаны и разбиты. Пусть Ширам сбежал – это его не спасет. Уже завтра Аюна, утерев слезы, нарядится в лучшее платье и отправится прочь из столицы на заклание – и, что само приятное, по своей собственной воле…»

Что еще? Святейший Тулум, первый в ряду наследников престола? Но младший брат государя менее всего занимал мысли заговорщика. Ученый старец вполне оправдал его ожидания – оказался достаточно умен, чтобы сразу и решительно

отстраниться от власти. Киран даже собирался оставить его на должности верховного жреца, разумеется – под надзором.

В целом все шло наилучшим образом.

Вот только царевич…

Остался только царевич.

– Пошли троих надежных воинов в особняк Артанака, – заговорил Киран, отводя взгляд от пламенеющего купола. – Там сейчас только стража, преданные мне люди. В подземелье особняка находится мальчишка. Лучше, если твои люди не будут знать, кто это.

– Я возьму вурсов, – понимающе кивнул глава телохранителей. – Эти парни недавно в столице и никогда прежде не видели царевича.

– Вот и славно. Пусть убьют его. – Киран на миг задумался. – И стражу тоже.

– Стражу? – озадаченно повторил воин.

– Они знают больше, чем нужно для жизни. За то, что они его упустили и царевич едва не забрался на краду своего отца, они уже должны быть казнены. Убейте там всех.

Воин молча поклонился.

– А потом обожгите тело мальчишки, но так, чтобы можно было опознать. Ночью, когда стемнеет, пусть лесовики оттащат тело в крепость накхов и бросят там в укромном месте – чтобы завтра его нашли при разборе завалов.

– Все будет исполнено, мой господин, – вновь поклонился глава телохранителей.

– И вот еще… В особняке твои люди найдут старого жреца. Пусть со всем почтением сопроводят его ко мне.

Глава 5. Пусть он умрет

Аюр открыл глаза. Его окружала промозглая, холодная темнота.

«Что случилось? Где я?»

Он протянул руки, и его пальцы наткнулись на влажную каменную стену.

– Где я?!

– Там же, где и раньше, – раздался поблизости ехидный скрипучий голос.

– Невид?

Аюр сел на своей жесткой лежанке.

– Я что, опять здесь? Или…

«А может, я и не выходил отсюда? – вдруг подумалось ему. – Может, все, что было потом, мне просто приснилось? И непонятно почему открытая дверь, и стенающие толпы в городе, пропахшем гарью, и погребальный костер… Отец!»

Он вскинул руку к голове и нащупал на затылке болезненную шишку. Ужас охватил его, на глазах выступили слезы. «Святое Солнце, пожалуйста, пусть мне все это приснилось! Смерть отца, перекошенное лицо Кирана, когда он меня увидал и сделал вид, что не знает…»

Юноша утер слезы резким движением руки.

– Эй, старик! Я давно тут?

– Да уж изрядно. Голова у тебя крепкая. Хочешь водички?

– Ты как будто и не удивлен…

– Не удивлен, – спокойно подтвердил товарищ по заключению.

– Когда я уходил, ты сказал что-то вроде – к чему бегать понапрасну…

– Так ясно было, что тебя скоро притащат обратно. Была, правда, и другая вероятность…

– Что меня убьют? – мрачным голосом спросил Аюр. – Устроят гибель наследника на глазах у всех? И выпустили нарочно для этого, да?

– Хе-хе… Одно ты угадал правильно, а другое – преждевременно…

Аюр вскочил с лежанки, быстро подошел к старику, нашарил в темноте костлявое плечо и сжал пальцы.

– Слушай, хватит говорить загадками! Быстро выкладывай, что тут происходит, не то… Ай!

Царевич вскрикнул и отдернул руку – его обожгло так, будто он схватился за раскаленный металл. Он подул на пальцы и

поглядел в темноту, как будто ожидая увидеть, что плечо старца рдеет, как неостывшее бронзовое литье. Но ничего там не светилось.

– Кто ты такой? – прошептал он, пятясь.

– Я – искатель истины из Северного храма, – скромно ответил старец. – Тебя интересует истина?

– Да что ты несешь?!

– Или ты готов бездумно поклоняться Исвархе, как принято тут в столице? Лить масло на алтарях и приносить жертвы, бессмысленные и никому не нужные, в том числе и самому Исвархе?

– Как это жертвы не нужны? – Аюр был так потрясен, что даже забыл про свою скорбь. – Да на них стоит весь миропорядок! Исварха – наш отец, а тот, кто не кормит отца, и сам недостоин вкушать радости земной жизни!

– То-то вы его кормите, аж закормили, а ему хочется все больше, – ядовито ответил Невид. – Мы, северяне, это видим собственными глазами. Сколько уже земли отожрал Первородный Змей при полном попустительстве Исвархи! А иные считают, – добавил он, – что это сам Исварха хочет затопить Аратту. Разве не его лучи заставляют таять ледники, питающие море? Может, ему не хватает жертвенного дыма?

– Какое ужасное богохульство! – Аюр даже побледнел от услышанного. – Теперь я понимаю, почему тебя заточили в подземелье! Если не уймешься, Исварха тебя поразит…

– Да? Пока он поразил твоего отца – хотя лично я считаю, что это был кое-кто поближе, – а скоро поразит тебя. И знаешь, я бы и жалеть не стал! – В голосе старика вдруг прорвалась непонятная Аюру злоба. – Солнечная династия совершенно выродилась! Арьи забыли все! Боги не слушают вас. Им не нужны ваши жертвы. А вы перестали слышать их. В вашем существовании больше нет смысла…

Невозможные речи старого жреца привели Аюра в полнейшее смятение. Какие страшные вещи говорит Невид! Да его казнить мало!

– Я не желаю слушать, замолчи! Мой отец был живым богом на земле. А теперь я…

– И как тебе быть богом? Чувствуешь себя всемогущим?

– Я? Пока нет, но…

– О! – прервал его старик. – Прислушайся.

Сверху, из-за двери, слышались голоса и звук шагов. Потом разговор оборвался на полуслове, и что-то тяжело упало.

– Что это?

– Это твоя смерть.

* * *

Лесовики-вурсы в войсках Аратты ценились не слишком высоко, несмотря на рост, силу и стать. Как ни силились командиры, вурсы не могли держать строй и норовили пуститься наутек, едва сообразив, что противник превосходит их числом. Нет, трусами они не были – добежав до ближайшего леса, они растворялись среди деревьев и тут же готовы были нападать из засады. Но на равнинах они чувствовали себя потерянными и просто не могли понять, как можно воевать там, где негде укрыться. Вместе с тем лесовики отличались мощью, выносливостью и полным пренебрежением к чьим бы то ни было жизням. Вурсы жили в лесистых горах восточной Бьярмы уединенно, спускаясь в долины только пограбить и украсть себе женщин. Соседние племена боялись их, утверждали, что у них по семь пальцев на руках, и старались не иметь с ними дела.

Трое плечистых узкоглазых бородачей постучались в ворота недавно опустевшего особняка Хранителя Покоя. Назвав условное слово, они вошли в калитку, после чего старший из них кивнул в ответ на приветствие и воткнул кинжал в печень изумленного привратника. Его спутники поспешили разделаться с опешившей стражей. Схватив последнего, они спокойно, будто ничего особенного не произошло, спросили, где вход в подземелье. И, получив ответ, без каких-либо воинственных криков свернули ему шею, словно утенку.

Услышав на лестнице тяжелые шаги и лязг оружия, Аюр насторожился. Это еще кто? Стражник, приносивший еду, обычно спускался один. Можно было, конечно, предположить, что грядет долгожданное освобождение, но царевич уже понял, что лучше лишний раз насторожиться, чем лишний раз обмануться. Так что он соскочил с лежанки, отошел к дальней от двери стене и притаился там.

Тяжелый засов лязгнул, дверь отворилась.

– Ну и темень, – донеслось с порога. – Хоть бы плошку зажгли, что ли!

– Где он тут? – спросил другой голос.

Привыкшими к темноте глазами Аюр насчитал троих незнакомцев с длинными кинжалами в руках.

– Там, кажись, у стены что-то шевелится! – воскликнул третий «гость».

– Давай кончай его, и пойдем. Не нравится мне эта лисья нора. Тесно, свод нависает…

– Сейчас пойдем, – обнадежил старший и направился в сторону лежанки Аюра. – Прибьем лисенка, и ходу…

«Они что, в самом деле хотят меня заколоть?» – в ужасе подумал царевич, вжимаясь в стену и закусив губу, чтоб не заорать. Трое убийц казались дурным сном, который внезапно стал явью. Ему, наследнику престола Аратты, сыну живого бога, – и так нелепо умереть? Он шарил впотьмах рукой по стенке, стараясь нащупать хоть что-нибудь пригодное для боя. Но что можно найти в темнице?

Ему вспомнился бой на Лосиных Рогах – там он держался как должно. Но как ни крути, схватка вот так, когда враг ищет тебя во тьме, как хищный зверь, совсем не то же самое, что перебрасываться стрелами из укрытия. Даже тогда, на Холодной Спине, когда ингри преследовали их и едва не схватили, он не испытывал такого страха. Ну, честно говоря, тогда он просто не успел ничего почувствовать – так быстро все закончилось. А сейчас царевичу было жутко. Ему вспомнился Ширам – сам чуть живой, но без колебаний вставший на его защиту. Как же сейчас его не хватало!

Рука царевича наткнулась на глиняную плошку, в которой стражник приносил еду. А что, если кинуть миску в голову ближайшего бородача, который медленно шел на него во тьме, и стремглав броситься к лестнице? Нет, не получится! Двое торчат неподалеку от выхода и не дадут ему проскочить.

Лесовик двигался на ощупь, выставив вперед пустую руку и держа кинжал у бедра. «Сейчас, еще несколько шагов, и он меня отыщет, – думал Аюр. Пятиться ему было уже некуда. – Единственное, что сейчас за меня, – это темнота. Я их хорошо вижу, а они меня нет…» Что бы в такой ситуации сделал Ширам? Он уж точно не растерялся бы, с оружием или без. А что, если…

Аюр с силой метнул глиняную посудину в дальнюю стену. Бородач развернулся на звук. В тот же миг царевич вскочил ему на спину и воткнул большой палец в глазницу. Вурс заорал, выронил кинжал и упал на колени, закрывая лицо ладонями. Но его вой тут же прервался – мигом подобрав оброненное оружие, Аюр вогнал клинок в основание черепа. Спутники лесовика бросились на помощь. Окрыленный первой удачей, сын Ардвана лихо вскочил на ноги и развернулся, вскидывая оружие. Тело само вспоминало, чему его учили, и кровь бурлила в жилах.

Но схватиться с двумя врагами не на жизнь, а на смерть ему не довелось. За спиной лесовиков неведомо откуда возник тощий низкорослый старец, еще недавно стращавший Аюра гибелью Аратты. Он вскинул обе руки и коротко хлопнул лесовиков между лопаток – кажется, совсем легко, будто окликнул. Он и впрямь что-то сказал, но Аюр не успел понять что. В тот же миг чужаки повернулись и яростно набросились друг на друга. Спустя

несколько мгновений все было кончено. Оба лесовика лежали на полу в луже крови.

У Аюра бешено колотилось сердце. Он все еще был готов сражаться до потери дыхания, наносить и отражать удары, вновь и вновь чувствовать, как входит острый металл в податливое человеческое тело…

– Уходим, – тихо, но повелительно проговорил старец.

– А если там…

– Дорога открыта.

Снаружи, у ведущей в подвал двери, валялись еще три окровавленных тела. Старик обошел их с полным безразличием, даже не убедившись, что они мертвы.

– Смотри, это же те, кто сторожил меня в подземелье! – изумленно произнес Аюр, узнав их.

– Да. Никто не должен был узнать, как умер царевич Аюр.

– Но почему меня пытались убить? Почему, Невид, за что?! Как они посмели покуситься на священную особу… – Юноша перехватил пренебрежительный взгляд старца и резко оборвал свои причитания. – Прости, я хотел лишь узнать… как ты заставил тех, внизу, убить друг друга? Что ты им сказал?

– Тем? – Старец кивнул в сторону подвала. – Я лишь открыл им глаза. Показал, какие они чудовища. Они же сами поторопились закрыть их друг другу.

Аюр глядел на него, щурясь и моргая, – хоть снаружи и вечерело, но он отвык от света. Старичок выглядел именно так, как он его и представлял: маленького роста, лысый, худой, с редкой седой бороденкой, в обтрепанном буром рубище, со взглядом жгучим, как огонь или змеиный яд. Подобных жрецов Аюр в храме Исвархи не встречал. Знакомые ему жрецы были величавыми хранителями тайного знания, этот же напоминал то ли нищего бродягу-проповедника, то ли дива в человеческом обличье. «Может, они в Северном храме все такие?» – подумал он. И спросил, отводя взгляд от мертвых стражников:

– Как ты думаешь, кто послал убийц?

– Ну наконец-то сто́ящий вопрос, а не хлопанье крыльями, хе-хе. Пошли поговорим в доме. Хочется уже погреть старые кости в тепле, а то они совсем разнылись в этом сыром подвале.

Они зашли в дом, который показался Аюру довольно странным. Он явно принадлежал очень богатому человеку. Но не было видно ни слуг, ни охраны, откуда-то заметно тянуло гнильцой, и в целом особняк выглядел так, будто его бросили и ушли.

– Что это за дом? – спросил он с любопытством. – Кто тут живет?

– Я тут живу.

– Но…

Аюр огляделся.

– Что-то не так? – спросил старец, с удовольствием усаживаясь на расшитых подушках в увитой цветущими лозами комнате. Багровые гроздья цветов на длинных ветвях, за которыми никто не ухаживал, поникли и уже начинали осыпаться на мраморные полы.

– Если это твой дом, а мы сидели в его подвале… – Аюр смахнул увядшие цветы с толстого ковра и сел рядом. – Так, выходит, это ты держал меня в заточении?

– Нет, не я, – покачал головой старый жрец. – Я присоединился к тебе по двум причинам. Первое – я хотел спокойно побеседовать с тобой в тишине и уединении. Здесь, в столице, повсюду ужасный шум и суета! Разве что в тюрьме и можно узнать друг друга поближе…

Царевич пожал плечами и оглядел комнату. Резную арку, ведущую в соседнюю залу, охраняли два вздыбленных льва с солнцем в лапах, которых Аюр вдруг узнал. «Да это же городской дворец Артанака!» – сообразил он.

Теперь он и вовсе ничего не понимал. Артанак казнен как изменник. Почему же Невид развалился тут на подушках, словно хозяин?

– А во-вторых, – продолжал тот, – я тебя охранял. Я ожидал, что тебя рано или поздно придут убивать. Ты нужен был Кирану, пока был жив твой отец. Если бы он вернул тебя, то заслужил бы полное доверие государя, да и твое тоже. Киран умеет обставить свои дела. Наверняка он бы отбил тебя у тех, кого назначил бы похитителями. Но Ардван решил поверить накхам – и тем обрек себя на смерть, после которой твоя жизнь также не стоит ничего. Он бы сразу убил тебя у погребального костра, когда б это было ему выгодно. Ты ему помеха на пути к трону.

– Кирану? – недоверчиво протянул царевич.

– А кому еще? Кто ближайший наследник Ардвана после тебя? Тулум? Верховному жрецу никогда не нужна была царская власть – ему хватает власти над душами. Следующий наследник – Киран.

Аюр нахмурился. Он вспомнил, как увидел мужа сестры на погребальном обряде и как перекосилось его лицо. И после этого – удар по голове…

Но Киран никогда не подавал повода заподозрить его! Он всегда был так предан, так ласков и приветлив…

– Твои обвинения очень тяжелы, – подумав, произнес он. – Если все это так и у тебя есть доказательства, что Киран злоумышлял против меня, – его нужно судить…

– Кто этим займется?

– Я, кто же еще!

– А кто ты?

Аюр озадаченно посмотрел на старца:

– Как это – кто? Я – царевич…

– Изуродованное тело царевича Аюра найдут завтра… – Невид на миг задумался, – ну, скажем, в сожженной крепости накхов. Кто бы еще осмелился пойти на такое страшное преступление против сына живого бога, кроме змеепоклонников? Ведь всем уже известно, что они убили государя…

– Они его не убивали… – убежденно заговорил было Аюр, но старик перебил его самым непочтительным образом:

– Кто ты такой? Почему тебя должны слушать? Тебя никто не знает. Ты – мальчик, просто мальчик. А если придешь во дворец и начнешь дерзко называть себя Аюром, что будет дальше, ну-ка?

– Ты намекаешь, что меня не станут слушать?

– Ну почему же? Выслушают со всем вниманием. В пыточной слушать умеют.

– Что?!

– Скоро сам признаешься, что ты – самозванец. Будешь кричать это во весь голос! А в награду тебя убьют, может, даже без особых мучений. Наместник Киран лично проследит, чтобы всякие проходимцы не лезли во власть. Ведь он отныне отвечает за безопасность Аратты…

Аюр слушал Невида и стискивал кулаки, изо всех сил пытаясь задушить в себе гнев. Не время злиться, время мыслить хладнокровно!

Старик умолк, насмешливо на него поглядывая.

– И что, у меня совсем нет союзников? – выдохнув, спросил Аюр. – Все арьи в столице за Кирана? Все поверили ему, когда он объявил накхов убийцами государя?

– И похитителями царевича Аюра. Да, считай, все. Киран недаром столько лет кормил, поил и развлекал младших сыновей вельмож. Он свой, он ближайший родич и доверенное лицо покойного государя, а накхов никто не любит. И знать, и простолюдины охотно поверили в их преступления. После той резни, которую они, убегая, устроили в Нижнем городе, это было несложно…

– Только не я! – У царевича внезапно словно пелена спала с глаз, и стало ясно, что делать. – Киран вынудил их! А я верю Шираму – и отправлюсь к нему!

– На месте твердыни накхов – лишь обугленные стены, – напомнил старец. – Путь до Накхарана неблизкий. И уж поверь мне, Киран постарается сделать так, чтобы ты навсегда исчез в степях.

Аюр угрюмо нахмурился и промолчал.

– К тому же твой милый родич позаботился устроить накхам засаду. Даже если они выскользнули из нее – подумай сам, захотят ли теперь дети Змея повиноваться власти Аратты? С ними обошлись весьма несправедливо…

– Я все же рискну, – подумав, заявил Аюр. – Я проберусь к Шираму, где бы он ни был. Он – мой друг.

– Что ж, если Исварха будет к тебе благосклонен, ты проберешься. Если его благосклонность будет безмерна, то накхи поднимут за тебя оружие. И вы зальете Аратту кровью, чтобы вернуть Лазурный дворец. Но ты забыл, что навстречу потокам крови скоро придут потоки воды. Покуда ты будешь отвоевывать свое право на престол у мужа своей сестры, великая держава превратится в гряду островов, между которыми много дней нужно будет плыть на лодке. Подумай, стоит ли золотой венец такой цены?

– Но я сын царя! Это мой долг!

В голосе Аюра вдруг послышалось сомнение. Как будто его вера в собственное предназначение поколебалась.

– Твой долг – забота о людях.

– Мой долг – быть воплощением Исвархи на земле! – возмутился Аюр. – Это и есть забота о людях!

Невид вдруг рассмеялся:

– Ты даже сам не представляешь, насколько верные слова сейчас сказал. Именно так – правитель защищает своих, но солнце освещает и согревает каждого. Именно для этого и ты, и все твои предки приходили в этот мир. Но уже твой дед не помнил об этом.

– Не помнил о чем?

– А отец так и вовсе не помышлял. И вот из-за них тебе сегодня надлежит сделать выбор. Вспомнить то, о чем они забыли, и спасти народы от гибели – или ввязаться в войну, истребить народы, чтобы в награду получить кусок металла в доме с высокими потолками.

– Я не понимаю тебя. Ты предлагаешь мне некий выбор? Но в чем он состоит?

В глазах старика мелькнуло скрытое торжество.

– Ты скоро узнаешь.

Глава 6. Воля Исвархи

Тулум почувствовал, как откуда-то из глубин души вновь рвется наружу рыдание и слезы подступают к глазам. Давно позабытые и даже постыдные слезы. Не он ли учил, что смерть так же естественна, как жизнь, что солнце восходит и заходит и нет нужды беспокоиться о закате, ибо восход неизбежен! Но сегодня он вдруг почувствовал, что осиротел. Тонкая ниточка, соединявшая его воспоминания с миром, где все было хорошо, где они с Ардваном бегали детьми в цветущих дворцовых садах, играя в прятки, оборвалась – и будто не было того мира…

– Святейший! – раздался рядом раздраженный молодой голос. – Тебе снова нехорошо? Не желаешь ли опереться о мою руку? Этак мы не дойдем до твоих покоев и к полудню!

Тулум отодвинулся от стены, на которую оперся, и бросил болезненный взгляд на молодого жреца в одежде северянина.

– Подожди, – сказал он. – Я пойду сам.

Неужели прошли всего день и ночь с этого мига, когда его любимый старший брат с огнем и дымом вознесся к небу, чтобы воссоединиться с вечным сиянием Исвархи! Он вспомнил, как вчера среди ночи был срочно вызван во дворец. Как вбежал в царскую опочивальню, полную рыдающих и вопящих слуг, и увидел мертвое тело брата. Оно лежало на смертном ложе, совершенно ненужное, как обноски некогда пышного одеяния, выброшенные за порог. Тулум подошел к брату, склонился над ним и заплакал – впервые за много лет. Не в состоянии сдержать накатывавших слез, он украдкой вытирал их тыльной стороной ладони, чтобы никто не увидел. Пришедшие с ним жрецы молча стояли поодаль, ожидая распоряжений. Обряд воссоединения богоданного государя с Отцом-Солнцем должен был состояться не позднее чем на рассвете следующего дня, а значит, начинать следовало как можно раньше.

– Твоя боль и скорбь – моя боль и скорбь, – раздалось с порога опочивальни.

Зять властителя Аратты, ясноликий Киран, сбросил плащ на руки сопровождавшего его воина и подошел к смертному ложу.

– Я знаю, что мои слова не вернут тебе брата, а нам государя, святейший Тулум. Могу сказать лишь одно – коварные мерзавцы накхи, совершившие это преступление, понесут справедливое наказание. И мы не остановимся, покуда не расквитаемся с ними сполна…

Верховный жрец чуть помедлил, стараясь унять слезы и восстановить дыхание. Он хотел было повернуться к

пришедшему, но в последний миг решил этого не делать.

– Почему ты решил, что это были именно накхи?

– Рядом с убиенным Ардваном, да сольется воедино сияние его мудрости с сиянием Исвархи, была найдена двойная петля с узлами – удавка накхов.

Киран говорил громче обычного – должно быть, желая, чтобы его слышали все присутствующие.

– Если рядом с моей пустой миской положить твою ложку, будет ли считаться, что ты уже отобедал? – возразил Тулум.

– Кому же еще, кроме накхов, нужна была смерть нашего обожаемого государя? – воскликнул Киран. – Прости, я возвысил голос… Но боль утраты разрывает мое сердце!

Тулум все же повернулся и поглядел на собеседника. Лицо государева зятя было, по придворному обыкновению, выбелено, глаза подведены и губы накрашены кармином, будто начальник столичного воинства только что напился крови. Но зоркий глаз верховного жреца отметил в этом некую небрежность, будто лицедей опаздывал на подмостки и, торопясь, решил, что издали сойдет и так.

– Быть может, ты и прав. Но что, если, кроме накхов, здесь, во дворце, притаился еще какой-то враг? – предположил Тулум. – И, зная, что нынче мы враждуем с накхами, он подбросил сюда удавку, чтобы отвести от себя подозрения? Что, если во дворце еще остались заговорщики, причастные к мятежу Артанака? – Он также возвысил голос, чтобы его слышали все присутствующие. – И они тщательно таятся, желая истребить всех, кто имеет хотя бы самые малые права на престол? В таком случае и я, и ты в опасности! Значит, нам следует принять меры, чтобы обезопасить себя и покарать врага, кем бы он ни был!

Тулум говорил медленно, внимательно наблюдая за раскрашенным арием. Лицо того и впрямь напоминало застывшую маску, но взгляд был напряжен, точно Киран опасался, не выхватит ли святейший Тулум что-нибудь острое и не поразит ли его прямо на месте.

Молчание длилось, пожалуй, чуть дольше, чем было необходимо. Но ответ царского зятя прозвучал спокойно и уверенно:

– Твои слова неизменно полны мудрости. Я не подумал о том. Что ж, если это и впрямь возможно, прошу тебя, возложи себе на плечи хлопоты, связанные с церемонией Воссоединения, ибо это главное и самое срочное из дел. Я же позабочусь об остальном. Увы, на сегодня лишь мы с тобой остались ближними к покойному государю. Однако, ежели ты умолишь Исварху позаботиться о его детях, я сделаю все, что в человеческих силах,

дабы защитить престол от любых врагов…

Убедившись, что святейший не намеревается ему возражать, Киран воодушевленно продолжил:

– И вот еще – чтобы единство наше было незыблемо, я прошу, чтобы сей человек, – он хлопнул в ладоши, и в опочивальню из соседней залы вошел жрец в рыжеватом одеянии, какое обычно носили служители в храмах севера, – всегда был рядом с тобой. Он сможет в любой час отыскать меня и передать твои слова. Он примет на себя все хлопоты, оставив тебе лишь служение господу Исвархе и занятие высокими науками во славу нашей державы. И поверь, святейший Тулум, я не пожалею ни жизни для защиты трона, ни золота для величия твоего храма!

Киран закончил говорить и почтительно склонил голову – то ли для того, чтобы показать свое преклонение перед мудростью верховного жреца, толи для того, чтобы спрятать глаза. Тулуму показалось, что второе. Он прислушался – из-за стены доносились приглушенные голоса и тихое бряцание оружия. Должно быть, царский зять прибыл сюда не один.

«И вероятно, если я ему откажу, – подумал Тулум, – если напомню, что, в отсутствие сыновей у Ардвана, именно я должен взойти на престол, – очень может быть, что я умру от непереносимой скорби прямо сейчас, над телом старшего брата… А сопровождавшие меня жрецы – вполне может быть, что потом окажется, что со мной сюда приходили такие же северяне, как этот. Жрецы, которые не знают толком ни одной молитвы и только распускают слухи о своем необыкновенном Светоче Исвархи… Да уж – и брат, и я недооценили этого красавчика. К счастью, и он меня недооценивает, вероятно полагая, что он может просто откупиться, оставить мне занятия наукой и храм и забраться на престол, получив мое благословение… Что ж, пусть и дальше так считает. А сейчас надо выбираться из этой западни…»

– Благодарю тебя за заботу.

Тулум смахнул последние слезы и поднялся на ноги.

– Я незамедлительно займусь церемонией. Вы, – повернулся он к своим жрецам, – перенесите тело в храмовую усыпальницу и начинайте готовить царскую краду. И огласите по городу, что до первых лучей солнца, когда мы зажжем погребальный костер, всякий может прийти и проститься с государем. – Он поглядел на приставленного к нему соглядатая. – Ступай за мной, юноша. Мы возвращаемся в храм. И да будешь ты угоден Исвархе!

* * *

Молодой жрец в блекло-рыжем рубище исподтишка презрительно смотрел на Тулума и недовольно кривился, вынужденно смиряя шаг. Положим, обряд Воссоединения верховный жрец кое-как провел, но потом силы как будто совсем оставили его. Вот он – бредет в свои покои, ссутулившись, шаркая ногами, будто и не видя ничего впереди себя, временами даже опираясь о стену. Поистине Южный храм одряхлел и выродился, если им до сих пор правит такой немощный старец! Ну ничего, скоро это изменится…

– Братец Ардван, зачем ты нас покинул? – тяжело вздохнув, пробормотал святейший Тулум, в очередной раз останавливаясь передохнуть. – Как же все это не вовремя… – Он повернул голову к северянину. – Я не ропщу на мудрость Исвархи. Я лишь силюсь постичь его волю. А ты – желаешь ли ты постичь его волю?

Молодой жрец озадаченно поглядел на верховного жреца. Уж не начал ли тот выживать из ума?

– Да, я знаю, что ты хочешь, – не дождавшись ответа, со вздохом произнес Тулум, и добавил: – Нынче же будет тебе откровение. Так бывает, мальчик, поверь мне…

Они повернули в полутемный коридор.

– Сюда мало кто приходит, – продолжал согбенный горем брат государя. – Здесь я разбираю древние свитки, провожу опыты, здесь постигаю значение звезд, открывающих мне судьбы людей…

Молодой жрец едва скрывал насмешливое превосходство над этой живой развалиной. Но ему было велено оставаться рядом, смотреть и слушать, чтобы потом, когда наступит час, занять его место.

– Постой тут. Мне нужно кое-что взять.

Верховый жрец прошаркал вперед к двери, возле которой, угрожающе оскалив пасти, стояли литые бронзовые псы.

– Они знают меня. – Тулум положил левую руку на ухо безмолвного стража, как показалось его спутнику, погладив изваяние, как живую собаку. – И потому всегда пропускают без спроса. А ты подожди тут.

Он с кряхтением отворил тяжелую дверь и скрылся за ней.

Молодой жрец остался стоять, слушая удаляющиеся шаркающие шаги и глядя, как догорает масло в стоящей на выступе стены светильне.

– Да что же он там мешкает? – процедил он наконец, барабаня пальцами по стене. – Не заснул ли старик от усталости?

Он сделал несколько шагов к двери, желая проверить, чем там занят святейший.

Что-то глухо загудело глубоко под каменным полом. Псы

угрожающе взревели и повернули головы в сторону незваного гостя. Жрецу показалось, что они даже открыли глаза. Он поморщился. Детские забавы! Они способны напугать только дикаря!

Еще шаг – и две струи липкого пламени ударили ему навстречу.

Молодой жрец с истошным воплем рухнул на пол и начал кататься по нему, пытаясь сбить пламя. Через несколько мгновений крик сменился хрипом, а потом и вовсе затих.

– Ну вот и все, – проговорил Тулум, задумчиво глядя на скрюченное обгорелое тело, которое довольно ясно отражалось на полированной серебряной пластине.

Сложная система зеркал позволяла ему увидеть, что происходит за дверью, не поднимаясь из-за стола. Он сел поудобнее, нажал спрятанный под столешницей рычаг. Плита, на которой лежал жрец, тяжело повернулась, сбрасывая вниз мертвеца, и бесшумно встала на место.

– Начальника стражи ко мне, – произнес верховный жрец в металлический раструб, и спустя некоторое время за дверью послышалось:

– Дзагай, к святейшему Тулуму!

Верховный жрец повернул рычаг, и огнедышащие псы опустили морды, сообщая входящему, что путь свободен.

* * *

Тулум легким шагом вышел навстречу начальнику храмовой стражи.

– Есть ли новости от Хасты? – едва ответив на приветствие, спросил он.

– Нет, – поклонился тот. – Но один из наших людей видел его, когда накхи покидали Нижний город. Он сидел на коне за спиной у одного из воинов из свиты саарсана.

– Из свиты саарсана, – задумчиво повторил Тулум. – Занятно… В Нижнем городе много погибших?

– Да. И, как сообщают, в ближних селениях тоже. Накхи запасались продовольствием для дальнего похода, забирали все, до чего могли дотянуться. Если кто-то противился, убивали.

Лицо верховного жреца было темно, как туча, но от недавней старческой немощи не осталось и следа.

– Видел ли кто-нибудь Аюну рядом с саарсаном после его ухода из крепости?

– Нет. Ни рядом, ни вообще среди накхов ее не видели.

– Ты спрашивал?

– Я расспросил всех уцелевших свидетелей, мой господин.

– Значит, ее там и не было, – пробормотал Тулум. – Почти наверняка не было… Неужели и здесь Киран приложил руку?

– Не мне о том судить, – промолвил Дзагай. – Но едва завершился обряд Воссоединения, Киран бросился к войску, которое в большой спешке покинуло город. И хочу отметить, что колесницы были запряжены с вечера. А еще вчера начали проверять, нет ли поломок и в порядке ли сбруя. Вчера же колесничие получили запас стрел.

– Вот как? Еще ничего не началось, а Киран уже готовился к походу? Очень интересно… Что ж, мой дорогой родич нанес удар. Сейчас наша очередь. Скажи, ты выяснил, где Аоранг?

– Да, он в дворцовой темнице.

– Позаботься, чтобы его выпустили, и проводи сюда.

Дзагай чуть замешкался с ответом.

– Есть одна трудность, святейший. Ты знаешь, что вокруг стен храма по приказу Кирана стоят воины. Они пропускают только жрецов и очень внимательно смотрят на лица. А недавно к городской страже прибавились вурсы – лесовики из Бьярмы…

– Вот оно как! – усмехнулся Тулум. – Заботливый Киран продолжает печься о моей безопасности. Тогда сделаем следующее – забери в яме труп жреца, выставь его на всеобщее обозрение во внешнем дворе и скажи, что он был неугоден Исвархе и тот испепелил его. И так будет с каждым, кто не почитает величие храма.

Дзагай поклонился.

– Далее – если появятся хоть какие-то сведения об Аюне или Аюре, сообщать мне незамедлительно, днем или ночью. И пусть всякий жрец, где бы он ни был, поспешит сообщить мне, если что-то узнает об их судьбе. Надеюсь, они еще живы… Далее – немедля следует разослать гонцов во все города Аратты. Каждый старший жрец обязан исполнять только мои приказы – или же приказы того, кто предъявит мою личную печать. Как, например, Хаста.

– Будет сделано, святейший.

– И вот еще что – до часа, когда новый государь взойдет на престол, солнце закатилось над Араттой. Храм Исвархи будет закрыт.

– Приготовить храмовое подворье к осаде? – уточнил Дзагай.

– А разве мои слова могут быть истолкованы иначе? Непременно приготовить. – Тулум подумал и добавил: – Городскую стражу за стенами щедро кормить и, главное, поить. Мы не воюем, а лишь скорбим.

Глава 7. На чужих тропах

Он лежал, не открывая глаз, – впрочем, для того, чтобы видеть, ему не обязательно было открывать глаза. Тело отзывалось болью при малейшей попытке пошевелиться. В голове шумело так, что казалось, не понять, где верх, где низ – совсем как в тот раз… Аоранг не любил вспоминать об этом и старательно отгонял невесть откуда взявшиеся образы. Но сейчас, будто воспользовавшись его слабостью, они подкрались вновь.

Когда Киран ушел и оставил его в подземелье одного, в темноте, да еще кинув напоследок несколько туманных слов о похищенной Аюне, – для молодого мохнача это оказалось уже слишком. Но отчаянная попытка вырваться на волю была пресечена быстро и жестоко. Здешние стражи имели большой опыт усмирения буйных узников. Били его умело – и после каждой яркой вспышки перед глазами ему отчего-то виделось плоскогорье, метелки травы, что безмятежно покачивались над ним, и презрительно уходящие от него мамонты.

Сколько зим минуло с тех пор – пять, шесть? Сколько всего уложилось в эти годы! С поручениями верховного жреца Аоранг побывал во многих пределах Аратты. Но возвращаться к родному племени его больше не тянуло. И о том походе он рассказывал немногим и неохотно.

А ведь прежде, в детстве, когда он только начал осознавать себя, это было его затаенной мечтой. Аоранг не раз заводил с учителем беседы о своих предках, подробно расспрашивал о жизни мохначей… Ему казалось, он знает о них все, что доступно арию. Да что таить – он поражался дикости сородичей. Втайне он желал облагодетельствовать их, научить грамоте и счету, поделиться знаниями о мире и открыть их глаза свету Исвархи…

Как-то он рассказал о своем дерзком замысле приемному отцу. Тот лишь покачал головой и сказал, что это плохая затея. Но идти искать их стойбище не запретил. Лишь попросил беречь себя и поскорее возвращаться.

Стоянку мохначей Аоранг нашел без труда. Должно быть, и впрямь кровь подсказала ему направление. Отмахнувшись от предложенного коня, он шел пешком куда глаза глядят, не спрашивая дороги, и вышел точно к стойбищу своего рода.

Соплеменники, казалось, даже не особо удивились, увидев его. Но и не обрадовались – лишь покивали косматыми головами, ткнули, где ему надлежит разводить свой огонь, и будто позабыли о нем. Аоранг хотел говорить с матерями рода, но сморщенные хозяйки очагов глядели на него и никак не могли

взять в толк, зачем им, а уж тем более детям учить буквы. Под конец беседы они настолько увлеклись разговором между собой, что и вовсе позабыли об Аоранге. Тот обиделся, встал и ушел. Но кажется, и этого они не заметили.

«Почему? Почему? – думал он тогда с горечью, не находя ответа. – Отчего сородичи не понимают таких очевидных разумному человеку вещей?» Он шел, погруженный в задумчивость, чувствуя себя таким одиноким, никому не нужным чужаком, как никогда прежде в храме Исвархи. Вдруг он услышал над головой окрик:

– С дороги!

Он поднял взгляд и увидел маленькую рыжую Айху на белом мамонте.

Аоранг отпрянул, и мамонт гордо прошествовал мимо.

– Пошли со мной к водопою, там весело! – крикнула она. – Держись за хвост!

Любому арию ее слова показались бы чем-то вроде урчания, но Аоранг хорошо понимал их. И главное, сейчас он понял другое. Конечно же, ведь это очевидно! Как он сразу не догадался!

Те мохначи, у которых отчего-то нет своего мамонта, живут в роду из милости. Их не гонят, но и не привечают. Они будто тени, утратившие плоть. Больные, старики… Вот почему такие необыкновенные способности Аоранга, как дар чуять воду под землей или никогда не терять направление, которые восхищали его сотоварищей по храму, тут вызывают полное безразличие. Просто для них человек без побратима – ущербный, считай – пустое место!

«Мне тоже нужен мамонт, – немедля решил Аоранг. – И я его добуду».

Не откладывая исполнение принятого решения, он собрался и отправился к большому озеру, к которому приходили не только мохначи со своими косматыми побратимами, но и дикие мамонты.

Три раза солнце менялось с луной на небосклоне, пока наконец из высокой травы в утреннем тумане не появились они – огромный вожак, трое молодых зверей, пять мамонтих и их серые пушистые детеныши.

Аоранг присмотрел себе вожака. Тот и впрямь был несказанно хорош – громадная гора темно-рыжей шерсти на неохватных ногах, подобных стволам дерева, с длинными бивнями – не изогнутыми, как у мамонта Айхи, а почти прямыми. «Так даже еще красивее, – подумал юноша. – Ни у кого не будет такого грозного побратима!»

Он поднялся из травы, вышел им навстречу и встал перед вожаком, разведя в стороны открытые руки.

– Здравствуй! Я Аоранг, – заговорил он. – Я не причиню тебе зла…

И вдруг он почувствовал в голове резкий, словно удар, отклик:

«Убирайся прочь. Я иду к воде».

Аоранг остановился, насупившись. В другое время он, скорее всего, послушался и отступил бы. Но тут на него нахлынули все обиды разом.

Нет, ему нужен этот мамонт! Только тогда дом его предков станет ему по-настоящему родным!

– Мы слышим и понимаем друг друга, а значит, мы можем быть друзьями, – заговорил он снова. – Успокойся и послушай меня…

Его слова остались без ответа. Громко протрубив, мамонт стремительно напал на него. Аоранг почувствовал, как его обхватывает хобот, как он взлетает над землей…

«Вот и конец… Но почему? – мелькнуло в голове Аоранга. – Сейчас он бросит меня оземь и затопчет!»

Однако бросать с размаху оземь мамонт не стал. Крутанул головой, развернул хобот, и Аоранг птицей полетел над травой и кустами.

Ветки смягчили падение. Он кубарем скатился в траву, вскочил и тут же увидел рядом второго мамонта, чуть поменьше вожака. Тот с разбегу ударил его хоботом, так что сбил с ног. Аоранг быстро откатился в сторону, чтобы не попасть под ноги огромного зверя. Но стоило ему приподняться на колени, сзади прилетел еще один пинок.

Вожак стоял по колено в воде и пил. А его молодые собратья развлекались, не давая Аорангу спастись бегством или сказать слово. Под конец мохнач уже не понимал ни где он, ни что происходит… Мир вращался перед ним, будто небо и земля были привязаны к тележному колесу и то крутилось и крутилось… Каждый раз, услышав рядом тяжелую поступь мамонта, он невольно вздрагивал – вот сейчас наступит! Хрустнет хребет, и жизнь закончится. Как же глупо! Но вдруг где-то поблизости послышался новый рев вожака. И, точно позабыв о своей игре, молодь дружно отправилась вдаль, в свои холодные степи.

Уже потом его нашла Айха. Ее совсем юный белый мамонт окатил его водой из хобота, а Айха, приговаривая что-то утешающее, стала отпаивать бедняжку Аоранга целебным отваром. Затем, услышав его рассказ о мамонтах с необычными бивнями, хмыкнула:

– Какой же ты глупый! Рыжие степняки нам не родичи, они сами по себе – всякий это знает.

– Я же не хотел ничего плохого, – бормотал юный воспитанник Тулума. – Знаешь, при храме Солнца есть зверинец, и там не было ни единого зверя, с которым я не смог бы подружиться…

– Ты думал, все звери тебе друзья? – захихикала девочка. – Какой ты смешной, Аоранг! Вы в Аратте все такие? У всех зверей свои пастбища, свои охотничьи тропы, разве не знаешь? Ходи по своим тропинкам, перейдешь чужую – добра не жди. Степняки не хотели тебя убивать, они просто наказали тебя за то, что ты заступил им дорогу. А вот если бы ты встретил саблезубца…

Где-то лязгнуло железо, над головой мелькнул свет.

– Эй, ты, урод! Благородный Киран велел передать тебе этот узелок с едой. Славь его доброту!

Рядом с ним упал на пол небольшой сверток, и решетка снова с лязгом затворилась. Аоранг пошевелился, повернулся на бок и со стоном приподнялся на локте. Хвала Исвархе, мучители ему, кажется, ничего не сломали. Он с подозрением поглядел на узелок. Прежде весьма малознакомый ему Киран был для мохнача лишь мужем сестры Аюны – а значит, родичем, которому он мог доверять. Но последний их разговор не способствовал укреплению доверия…

Перед мысленным взором юноши встало лицо Кирана, раскрашенное, будто маска с нарисованной поверх нее улыбкой. За время той краткой беседы государев родич не сказал вроде бы ни слова лжи – но каким-то удивительным образом из правдивых слов и притворной заботы сплелась отвратительная, угрожающая его любимому наставнику клевета.

Настороженно, точно опасаясь спрятанной в узелке змеи, Аоранг развязал сверток, внутри которого обнаружилась лубяная корзинка с теплыми боками. Конечно же, змеи там не было, он бы почувствовал ее присутствие. Но было что-то смертоносное и неприветливое. Юный мохнач чуял это, как псы ощущают старый, почти выветрившийся запах.

В корзинке одна на другой лежали свежие лепешки с козьим сыром – целая увесистая стопка. Аоранг взял одну и начал обнюхивать. Определенно яда нет. Он куснул теплый подрумяненный бок – и чуть не сломал себе зуб. В лепешке был запечен твердый металлический предмет. Аоранг переломил подарок Кирана и замер от удивления. Кроме сыра, лепешка имела весьма своеобразную начинку – короткий бронзовый кинжал.

«Он хочет, чтобы я убежал? – с недоумением подумал мохнач. – Почему? Уж точно не потому, что числит меня своим другом или хочет помочь Тулуму. Тогда бы он не стал ловить меня на слове, желая возвести на святейшего напраслину. Он положил сюда кинжал, должно быть, чтобы я убил охранников. Он задумал нечто хитрое, нечто очень гадкое…»

Аоранг проглотил кусок лепешки.

«Да! – сообразил он. – Побег подтвердит мою вину, а значит, и любую его клевету».

Юноша с оханьем сел, затем встал и медленно прошелся от стены до стены. В самом деле, кости были целы, он мог двигаться.

«Киран хочет, чтобы я сбежал, – но ведь и я хочу выйти отсюда. Нельзя допустить, чтобы Ширам обидел Аюну! Если он в ярости и ему нужно кого-то покарать – пусть убьет меня. Мужчина в таком деле стоит против мужчины…»

Не выпуская лепешки, Аоранг начал ходить туда-сюда по темнице, временами яростно вгрызаясь в уменьшающийся кусок и мотая головой, чтобы отогнать ненужные мысли.

«Как бы то ни было, нужно бежать, – в конце концов решил он. – Надо непременно предупредить наставника! И спасти Аюну!»

Чувства боролись в его груди, тянули в разные стороны, будто собаки, вцепившиеся в кость. Аоранг поглядел в продушину под сводом. Над толстыми дубовыми решетинами виднелся клочок черного неба. Оконце явно над землей. Конечно, оно слишком мало, чтобы он мог протиснуться… А что, если по-другому?

Он поглядел на подаренный ему кинжал, отложил его в сторону, снял с себя оборванную рубаху и скрутил из нее жгут. Затем, кое-как дотянувшись, продел жгут между деревянными решетинами, завязал и потянул на себя. Дерево затрещало и начало медленно поддаваться. Еще рывок и еще, и обмазанные глиной дубовые бруски вылетели из своих гнезд.

Окрыленный удачей, Аоранг ухватился за край продушины, подтянулся и попробовал выбраться – но лаз оказался слишком узок. Юноше захотелось взреветь, треснуть в стену кулаком, но он привычно мотнул головой, давя ярость, взял кинжал и начал медленно втыкать его в щель между двумя большими камнями. Наконец один из них чуть пошевелился. Аоранг вцепился в край тяжеленного камня и принялся раскачивать его, как раскачивают больной зуб. Сначала тот держался крепко, потом начал потихоньку поддаваться, и в конце концов мохнач едва удержался на месте, поймав выпавшую из стены глыбу. «Теперь протиснусь!» – радостно улыбнулся он и полез наружу.

Ему повезло – во дворе никого не было. Где-то вдали слышались крики и звон оружия. Озираясь, стараясь казаться меньше, Аоранг бросился к воротам. Возле них, опираясь лбом на копье, сидел пожилой стражник и уютно похрапывал во сне. Юноша тихо проскользнул мимо и, выбравшись на волю, бегом устремился к храму.

На улице, неподалеку от главных ворот храма, стоял отряд городской стражи. Аоранг, пользуясь тем, что отлично видел в темноте, насчитал больше тридцати человек. Можно было предположить, что они охраняют святилище, но, судя по рогаткам, выставленным поперек дороги, приказ звучал коротко и четко: никого не впускать, никого не выпускать.

«Как это странно, – подумал Аоранг, чувствуя, как растет его тревога. – Неужели государь Аратты отдал приказ осадить собственного брата? Быть такого не может!»

Он еще некоторое время следил из темноты за сидевшими у костра городскими стражами. Они подходили, отходили, обмениваясь пустыми фразами… «Здесь так просто не пройти, – раздумывал воспитанник Тулума. – Если они ни с того ни с сего задержали меня и без всякой причины бросили в темницу, то уж после того, как я сбежал оттуда…»

Словом, надо искать другой путь.

«А что, если попробовать через зверинец? Наверняка там тоже выставили охрану, но едва ли столько человек, сколько здесь. Да и…»

Аоранг ухмыльнулся, глядя на сидящих у костров стражников. Можно с ними поиграть. Он тихо двинулся в обход храма, стараясь держаться в тени.

Главный храм Исвархи целиком занимал одну из возвышенностей столицы – место разве что самую малость поменьше, чем городок где-нибудь в глубинке. Аоранг шел быстро и размашисто, постоянно оборачиваясь, чтобы не пропустить ночной дозор. Однако улицы Верхнего города были настораживающе пусты. Конечно, ночь есть ночь, и арьям в такую пору не пристало бодрствовать. Но нет-нет да встретишь спешащих по делам слуг, бьяров-метельщиков, убирающих улицы, да и тех же стражников, будь они неладны. Сейчас же улицы будто вымерли. Лишь вдали со стороны городских ворот слышались невнятные крики и в воздухе пахло гарью. «Надо будет узнать у святейшего Тулума, что вообще происходит, – подумал мохнач. – Уж не осаждают ли люди государя крепость накхов, чтобы отнять у безумца Ширама Аюну?»

Ему до боли захотелось сейчас броситься туда, к твердыне детей Змея, чтобы самому вырвать из их лап любимую. Он остановился. Может, так и сделать? И снова внутри его будто схлестнулись в драке два зверя. «Первым делом я должен предупредить учителя об опасности, – подумал он, запрещая себе сомневаться. – Против него готовится заговор, и кто ему расскажет, если не я?! А если меня увидят у крепости накхов, то сразу же схватят. Ни Аюну не спасу, ни святейшего, и сам без головы останусь…»

Он глянул на темное небо. Скоро будет светать. Надо поспешить.

Он успел как раз вовремя, притаившись в кустах неподалеку от задних ворот, ведущих к зверинцу. Рядом с ними на широком каменном мостике, скучая, топтались трое стражников. Пожалуй, мохначу бы не составило труда скрутить их и завязать узлом, но дело требовало скрытности, и сейчас представлялся очень удобный случай. Ворота зверинца отворились, и на повозке, запряженной парой быков, выехал пожилой возница, до глаз замотанный тканью, пропитанной кислым вином. Стражники, у которых подобной защиты не было, с проклятиями шарахнулись в стороны. Полная навоза телега ароматом слабо напоминала цветущий сад.

– Куда ты прешь со своим дерьмом? – заорал старший из стражников. – Приказа не слышал? Храм покидать запрещено!

– С позволения сказать, – почтительно откликнулся раб, – это не мое дерьмо, а звериное…

Аоранг замер в кустах. Как бы привлечь внимание возницы? Он вздохнул и прикрыл глаза, мысленно обращаясь к быкам. Вскоре, отвечая на его зов, они замедлили шаг и медленно повернули тяжелые головы в его сторону. Возница поглядел туда же – и, остановив телегу, принялся обстоятельно рассказывать стражникам:

– Вот это, к примеру, бычье, а вон там ослиное. Тут, извольте заметить, козье, – указывал он, разворачивая быков так, чтобы те оказались между стражниками и Аорангом.

Тот стремглав кинулся в его сторону и спрятался за деревянным бортом телеги.

– Ты что же, издеваешься?!

– Как можно? Я думал, вы для себя интересуетесь. У нас многие для полей и огородов навоз берут. Полагают, что ежели из храмового зверинца, то с особой благодатью. А как по мне… – возчик скосил глаза на Аоранга и продолжил тише, будто открывая страшную тайну, – дерьмо, оно и есть дерьмо.

– Да какая разница? – рявкнул командир заставы. – Вся

Аратта скорбит по государю!

– Ой не говорите! Мне и самому его так жаль, что и не пересказать. Да только быки когда в грусти, они лишь пуще…

– Ладно, кати уже отсюда, чего встал!

– Ну как скажете.

Возчик хлестнул быков.

– А то, может, себе наберете?

Аоранг тем временем уже проскочил внутрь двора и успел спрятаться за ближайшей клеткой. Привратники, затворив ворота, бросились к нему со всех ног.

– Аоранг?! Тут все говорят, что тебя обвинили в измене и кинули в подземелье! Как ты спасся?

Мохнач поглядел на светлеющее небо:

– Потом расскажу. А сейчас время созывать куниц.

Служители зверинца побежали за клетками. И в самом деле, наступало время заканчивать ночную охоту этих юрких зверьков. Куниц в храме Исвархи было великое множество. Каждую ночь служители запускали их в храм, и взращенные на крысином мясе хищники пускались истреблять серых хвостатых вредителей, которые грызли и портили все, до чего добирались. Но к рассвету, когда начиналась первая служба, куницы должны были снова находиться в клетках, дабы не крутиться под ногами жрецов и не отвлекать их от обрядов и гимнов.

Конечно, с этим делом служители справились бы и сами. Но только воспитанник Тулума мог войти в храм, поманить первую попавшуюся на глаза куничку, и все они радостной гурьбой устремлялись к нему. Разевая зубастые пасти, они наперебой хвастались Аорангу удачной охотой, и для каждой у него находилось доброе слово и угощение. Если Аоранга не было, служителям приходилось выискивать стремительных зверьков по всему храму, приманивая их лакомствами. А те все норовили улизнуть, забиться в какую-нибудь щель, чтобы потом, нагло распушив хвост, разгуливать по алтарю Исвархи прямо во время богослужения. Это место им почему-то нравилось больше всего.

Аоранг считался хранителем храмового зверинца, хотя никто никогда не назначал его таковым. Даже без оглашения воли святейшего Тулума всякий и сам понимал, чье слово здесь будет решающим и окончательным. Аоранг долго мог о чем-то беседовать с медведем, и как казалось прочим служителям – не просто разговаривать, а спорить, вызывая у матерого зверя то веселье, то негодование. Даже угрюмые злобные туры, завидев Аоранга, поднимали рогатые головы и приветственно фыркали, когда он подходил к ним и заботливо спрашивал о здоровье.

Аоранг прошел мимо длинного ряда с клетками для

жертвенных животных и птиц. Все они были обречены, но воспитанник верховного жреца знал, что как только их дух расстанется с плотью на жертвеннике, то сразу соединится с духом Исвархи в небесном сиянии, наполняя радостью все живое, – в отличие от прочих зверей, которым предстояло снова и снова рождаться заново.

В дальней трети зверинца обитали особые звери, которым порой открывалась воля Исвархи. Бóльшую часть времени они проводили без клеток. Лишь когда храмовые слуги привозили еду, звери возвращались к кормушкам, чтобы отобедать, а заодно и пообщаться со своими вожатыми-жрецами. Первым и лучшим из них был сам Аоранг. Звери – псы, от совсем мелких гадательных собачек до огромных, почти с теленка, уханов, каких в старые времена лесовики использовали для охоты на медведя, а сейчас для боя; черные вóроны, подозрительно глядящие на всякого, кто смел подойти близко; священные белые кони – все они, завидев мохнача, спешили к нему без всякого зова.

Чаще всего обитатели этой части зверинца тосковали по родине, жаловались Аорангу на тесноту и обилие чужих запахов. Мохнач как мог подбадривал их, выслушивал долгие сетования, давал советы и следил, чтобы никто из доставленных сюда животных не страдал.

Дальше тянулись загоны всевозможных диковинных зверей, редко встречавшихся в самой Аратте и привезенных из-за ее пределов. Обычным смертным их старались не показывать, чтобы не смущать их величием непостижимого замысла Исвархи, невесть зачем сотворившего подобные существа. Особенно привлекал молодых жрецов странный длинноногий зверь со змеиной шеей, увенчанной рогатой головой. Судя по тому, как гордо выступало это животное, оно наверняка считало себя неописуемо красивым. Как утверждали знающие люди, ударом копыта это существо могло сломать спину степному льву, однако миролюбивее и ласковее его было поискать – не найдешь.

И наконец, в отдельной клетке жил любимец Аоранга – котенок саблезубца, прозванный им Рыкун. И впрямь, грозно рычать он начал едва ли не сызмальства. А теперь он был уже больше самого крупного ухана – медвежьего пса. Проходя мимо его клетки, Аоранг не удержался – остановился и почесал за ухом приникнувшего к прутьям детеныша. Тот терся о его руку, блаженно урча и тычась носом в ладонь.

– Потом, потом угощу, – пообещал мохнач. – Не до тебя сейчас.

Саблезубец огорченно вздохнул и, укоризненно глядя на Аоранга, улегся ожидать его возвращения.

Глава 8. «Я сам его накажу»

В предутренние часы храм был почти пуст. Те, кому надлежало стоять на посту, не смыкали глаз. Те, кто подливал масла в лампады, неспешно ходили от светильни к светильне с длинноносой медной лейкой, привычно заклиная Исварху благословить свет, в который обратится масло. Метельщики убирали залы и дворы храма. Молодые жрецы готовили к обряду встречи солнца жертвенных птиц. Остальные спали крепким сном.

Тулуму в ту ночь не спалось. Он лежал, отбросив медвежью шкуру. Под боком у него свернулась куничка, время от времени тычущаяся головой в его ладонь, требуя немедленно ее погладить. Прикрыв глаза, верховный жрец старался представить, что будет дальше. Какова воля Исвархи? Неужели и впрямь Господь Солнце решил погубить свой мир и Аратта доживает последние дни?

Ему представлялось море, пожирающее земную твердь, как засохший сухарь. Годы трудов лишь незначительно замедлили бедственное опустошение. Что будет теперь, неужели все пойдет прахом? Все его расчеты, начатое на севере строительство отводящего гибельные воды канала в рукотворные озера – все насмарку?

Конечно, Киран не станет всем этим заниматься. Он и прежде отговаривал государя, убеждая его, что золото, которое уходит на попытки спасения скудной и холодной Бьярмы, можно было употребить с куда большей пользой. Что эти средства стоит вложить в усиление армии и направить ее на завоевание южных земель… Тулуму показалось, что он воочию сейчас видит мужа своей племянницы, рассуждающего о государственных делах, как о видах на охоту.

Что и говорить – Киран был выскочкой. Конечно, он был знатен. Род его именовали повелителями юга. Выросший на лесистых плоскогорьях, где даже древний язык арьев звучал иначе, дальний родич государя никогда, должно быть, и не помышлял о столь высоком уделе. В незапамятные времена, еще до Битвы Позора, одна из меньших ветвей царского рода свила себе гнездо на обрывистой скале над морем. За много поколений, сменивших друг друга на троне Аратты, властители больше не роднились с потомками той ветви. Но в тех местах о высоком родстве не забывали…

Киран прибыл ко двору на службу и очень быстро очаровал всех – и Ардвана, и его старшую дочь, и придворных красавиц.

Вскоре Киран был направлен с войском в земли вендов и вел там с ними настолько упорные и победоносные бои, что у Тулума невольно закралось подозрение, откуда в болотистом лесном краю взялись такие несметные полчища врагов? Но Ардван лишь отмахнулся от его подозрений. Джаяли уже души не чаяла в красавце-южанине, а сам государь обожал дочерей превыше всего на свете.

Покорив полудиких обитателей болот, Киран получил звание наместника в их землях, а дальше начались весьма любопытные вещи. Писавшие Тулуму жрецы-наблюдатели, не сговариваясь, сообщали – после Кирана и без того не слишком многолюдный край почти вымер. Всех вендов, которых Кирану удавалось поймать, он отправлял в южные степные пределы Аратты, утверждая, что там они куда нужнее, чем в родных болотах, – и после этого тех переселенцев больше никто не видел. Тулум подозревал, что все они угодили в рабство к накхам и их соседям, и это для них была куда лучшая судьба, чем белеющие в степи кости…

Все это, однако, не мешало Кирану год за годом собирать в болотном краю богатую дань и отправлять ее в столицу, радуя дарами государя. Кому другому такое могло показаться чудом. Но у Тулума имелись точные сведения, что все эти богатства Киран добывает в набегах на соседние, еще не покоренные вендские земли, унося все, что мог урвать, а заодно продавая в неволю пленников, в том числе, как поговаривали, – и собственных новых подданных. И об этом Тулум рассказывал брату, но тот вновь отмахивался и ставил прочим в пример расторопного наместника.

И вот теперь этот ловкий южанин взошел на ступени священного трона. А там, глядишь, коварством усядется на него и украсит свое чело солнечным золотым венцом. Но там ему уже некого будет обманывать. Небеса одинаково чужды и коварству, и жалости. Горе, горе Аратте под рукой такого государя!

Дверь тихо приоткрылась, и нежившаяся под боком верховного жреца куничка вскочила. Потянула крошечным носом и, радостно заверещав, со всех лап бросилась к двери. Тулум удивленно поглядел на хвостатую изменщицу – вот только что она ластилась, и вдруг этакая прыть! Прежде такое бывало лишь в одном случае – когда храмовых куниц созывал Аоранг. Но сейчас…

Тулум прислушался – из-за приоткрытой двери доносилось радостное куничье верещание.

– Аоранг? – не веря себе, крикнул он.

– Ты не спишь, учитель? Я боялся потревожить тебя.

– Нет-нет, уже не сплю, – слукавил Тулум, за всю ночь не

сомкнувший глаз. – Откуда ты здесь?

Аоранг вошел. Верховный жрец с недоумением взглянул на него – в кровоподтеках, голого по пояс, – и его лицо потемнело. Он поднялся с постели, накинул хламиду и подошел вплотную к своему воспитаннику.

– Что с тобой? Ты весь в ссадинах, спина распухла… Тебя били?

– Да, в темнице, – кивнул Аоранг.

– Давай-ка садись сюда. Да отгони всех этих куниц, они не дают к тебе подойти…

Тулум протер влажной тряпицей ссадины мохнача и принялся смазывать их пахучей мазью.

– Рассказывай!

– Меня бросили в темницу. Я сбежал, – простодушно разъяснил мохнач.

– Как тебе это удалось? Тебя видели?

– Полагаю, нет. Но мне кажется, это не важно…

Аоранг торопливо рассказал наставнику о разговоре с Кираном в подземелье и поделился своими подозрениями. Тулум, слушая его, только кивал. Попытка связать его с накхами через Хасту – это было вполне ожидаемо. Отправляя Хасту на переговоры к Ширaму, верховный жрец прекрасно понимал, чем рискует. Как же не воспользоваться таким удобным обстоятельством? Вот Киран и воспользовался. Пожалуй, на его месте жрец рассуждал бы точно так же.

Одного только Тулум пока не понимал. Зачем Киран подстроил Аорангу побег? Какую выгоду это давало хитрому вельможе?

– Учитель, я прошу отпустить меня.

– Отпустить? – Задумавшийся верховный жрец удивленно посмотрел на воспитанника. – О чем ты говоришь?

Он наконец заметил, что Аоранг словно и не рад встрече – сидит понурив голову. Лишь куницы вились у его ног, норовя вскарабкаться на колени и запрыгнуть на плечи.

– Ширам похитил царевну Аюну и удерживает ее в своей крепости. Одна мысль об этом сводит меня с ума. Теперь, когда я предупредил тебя, я должен быть там…

– А теперь молчи! – оборвал его верховный жрец. – Молчи и слушай. Ширам и впрямь сделал то, что ему приписывают. Виной тому ваша пагубная страсть с моей племянницей и глупость моего покойного брата. Я бы никогда не сказал такого о государе, а уж тем более мертвом…

– Мертвом?! – Глаза Аоранга округлились.

– Я приказал тебе молчать. Да, его убили и обвинили в этом

накхов. Хотя я уверен, что они к этому непричастны.

– Но ничего подобного не было в моей голове…

– В твоей голове, как и в голове Аюны, вообще ничего не было. Любовь – род заболеваний, лишающий разума.

– Позволь, я пойду к накхам! – взмолился Аоранг. – Пусть Ширам убьет меня, если ему нужна кровь, но отпустит Аюну!

Верховный жрец скривил губы:

– Не сомневаюсь, саарсан с удовольствием убьет тебя. Но ты не дослушал. Ширама больше нет в столице. Он и все накхи выбрались из западни и сейчас направляются к себе в Накхаран. И что примечательно, Аюны рядом с Ширамом мои люди не видели.

– Неужели он убил ее?!

Лицо Аоранга побледнело, огромные кулаки сжались.

– Это вряд ли. Мертвая царевна – камень на его шее. У накхов не принято убивать женщин, если только они не относятся к числу воинов.

– Тогда где же она?

– Я не знаю, – вздохнул верховный жрец. – Возможно, она все же у Ширама. Может быть, он велел спрятать ее в надежном месте. Или нет. На самом деле никто не знает, где царевна Аюна…

– Нет, – перебил его вдруг мохнач. – Киран знает!

– Почему ты так думаешь? – удивился его наставник.

– Уверен! Там, в темнице, когда он говорил мне, что царевна у Ширама, – он лгал. Его скорбь была ненастоящей. Тогда я был не в себе. Но сейчас вспоминаю и ясно это вижу. Киран лгал о царевне и не беспокоился о ней…

– Может, ты и прав. Если бы он считал, что она у накхов – не стал бы так запросто жечь их крепость. Значит, она или уже мертва, или у него, – заключил Тулум.

«Да и Аюр, скорее всего, тоже, – мысленно добавил он про себя. – Именно Кирану было выгоднее всего исчезновение наследника. Гм… Боюсь, в таком случае дела Аюра плохи…»

– Я его спрошу, – решительно заявил Аоранг.

– Кого?

– Пойду и спрошу Кирана. Прямо сейчас! И если это он… – В этот миг Аоранг напрочь забыл, что он почти жрец, и свирепо рявкнул: – Я сам его накажу!

– Тогда ты пойдешь и умрешь! – не скрывая раздражения, бросил верховный жрец. – Послушай меня. Тебе надо скрыться из столицы.

– Но…

– Я много думал над этим. В нынешнем положении я не смогу поддерживать и защищать тебя. А больше никто и не захочет.

Остаться тебе сейчас одному – подобно смерти. Выход один – тебе нужно вернуться к своему народу…

– Что?

– Покинуть Аратту и вернуться в Ползучие горы.

Слова наставника неприятно поразили Аоранга. Ничего подобного он не ожидал. И уж конечно, не желал!

– Нет! Прошу тебя, учитель! Мой дом…

– Замолчи! – прикрикнул Тулум. – Ты что, не понимаешь, кто ты?

– Да, я мохнач, – прошипел Аоранг. – Но…

– Ты – беглый преступник. А судя по тому, что ты мне рассказал, на твоем свидетельстве теперь строится обвинение храма Исвархи в сговоре с накхами. В нужное время Киран вытащит из рукава и его, уж поверь…

– Тем более! Как я могу уйти, когда тебе грозит опасность? Я должен защищать тебя, а не ты меня!

Тулум усмехнулся, но улыбка вышла невеселой.

– Сейчас можешь мне только навредить – благодари Кирана! Ты поможешь мне тем, что исчезнешь из столицы. Не навсегда, – ласково добавил он, – только пока все это не закончится.

Верховный жрец положил руку ему на плечо и легко подтолкнул в сторону двери.

– Ступай. Не спеши, отдохни, поешь, переоденься… Потом подойти к Дзагаю, он выведет тебя из города одним из наших тайных ходов…

Аоранг уныло кивнул. Слова учителя чрезвычайно расстроили его.

«Я должен тебя слушаться, и я послушаюсь, но это неправильно!» – говорил весь его вид.

– Ступай, мальчик, ступай. Я бы мог спрятать тебя в храме, но кто-нибудь непременно донесет, и тогда Киран вдобавок будет повсюду кричать, что я устроил твой побег. Иди к своим родичам, поживи пока у них. Им ведь тоже может понадобиться помощь.

Раздумывая над услышанным, Аоранг вернулся в зверинец. Куницы облепили его со всех сторон и радостно голосили, наполняя сводчатые помещения громким верещанием. Но лицо молодого воспитанника жрецов было мрачно.

Прислуга зверинца встречала Аоранга у дверей и рассаживала негодующих куниц по клеткам. Тот кратко простился с ними на наречии мохначей – оно как нельзя лучше подходило для разговоров со зверями, – и пушистые зверьки наперебой заверещали в ответ. Но, уже не обращая на них внимания, он пошел в другой конец зверинца, к клетке, где ждал

его возвращения Рыкун. Тот бросился грудью на толстые деревянные прутья и заурчал, желая немедленно забраться на колени к Аорангу. Тот откинул щеколду, вошел внутрь. Юный саблезубец кинулся к нему, обнял передними лапами за шею и принялся облизывать ему лицо и руки. Служители зверинца, хоть и видели это зрелище не раз, не могли не содрогнуться.

– Видишь, какая беда! – вздохнул Аоранг. – Только пришел, и уже уходить нужно…

Гнев в нем боролся с печалью.

«Мои родичи – это ты! – мысленно продолжал он спорить с учителем. – Храм Исвархи – единственный дом, какой я знаю. Мои звери… Моя Аюна…»

Нет, отчетливо понял вдруг Аоранг. Он не может, не имеет права все бросить и уйти. Он должен найти царевну, узнать, что с ней!

– Я пойду к Кирану, – твердо повторил он, гладя Рыкуна. – Теперь мой черед задавать ему вопросы!

* * *

Изысканный сад городского дворца Кирана, увитый темно-багровым плющом, окруженный висячей галереей, таинственно подсвеченный расставленными среди поздних цветов большими каменными светильниками, был необычайно красив. Казалось, в нем сосредоточилось все очарование осени. Но ни владельцу сада, ни тому, кто подстерегал его, не было до красоты никакого дела.

Киран медленно шел по садовой дорожке, понурившись и не глядя по сторонам. Он выглядел усталым, и даже под обычными белилами и сурьмой было видно, как осунулось его лицо. Похоже, он действительно выбился из сил.

«То, что нужно», – с хищной радостью подумал Аоранг и, подобно дикому зверю, припал к земле, готовый к прыжку.

Едва усталый вельможа поравнялся с ним, Аоранг выскочил на выложенную фигурными плитками дорожку, схватил Кирана за горло и швырнул на землю.

– Поговорим? – процедил он, борясь с искушением сжать пальцы чуть сильнее, чтобы хрустнул позвоночник.

Но вдруг правая рука Кирана взметнулась и будто клещами ухватила запястье, сжимавшее его горло. Рывок, поворот – и Киран с размаха саданул юношу сапогом в лицо. Будто шаровая молния взорвалась в голове Аоранга, и, не успев понять, что случилось, он рухнул на спину, теряя сознание.

Пришел в себя он от глухого низкого рычания. Оно слышалось с растущего неподалеку раскидистого дерева. Аоранг открыл глаза и увидел на одной из толстых ветвей приготовившегося к прыжку Рыкуна. Мохнач скосил взгляд в другую сторону – над ним, стоя на колене с кинжалом в руке, застыл Киран. Вельможа не шевелился и, кажется, даже старался не дышать.

– Твой? – не меняясь в лице, спросил Киран.

– Да.

– Я так и подумал. Отзови его. Тогда поговорим.

– Сперва отойди, – хрипло ответил Аоранг.

Киран очень медленно вложил в ножны кинжал, занесенный над головой юного мохнача, и еще медленнее встал и отступил на пару шагов. Рычание смолкло, но саблезубец никуда не ушел. Было хорошо заметно, как его глаза посверкивают среди листвы.

И откуда он тут взялся? Аоранг мог предположить только одно – Рыкун каким-то образом понял, что его хозяин уходит и не собирается больше возвращаться, сломал клетку и побежал вслед за ним. Он уже давно порывался это сделать и вот наконец преуспел. «Надо будет отвести его обратно в зверинец, пока его не заметили и не убили городские стражники», – подумал мохнач, глядя на детеныша одновременно и с благодарностью, и с досадой.

– Я мог бы убить тебя еще до того, как он появился, – заметил Киран, не сводя глаз с хищника. – Ты зачем сюда пришел?

– Мы не договорили там, в подземелье!

– И много ты видел людей, способных разговаривать с передавленным горлом?

Накрашенные губы царедворца изогнулись в насмешливой ухмылке.

– Ладно, я слушаю тебя.

Аоранг поднялся с дорожки, не сводя глаз с хозяина дворца. Право, он и предположить не мог, что их встреча пойдет именно так! Но странно было и другое – над головой разодетого неженки Кирана скалился саблезубец, а тот как будто и не глядел на него. «Я не знал его прежде, – признался себе воспитанник жрецов. – И похоже, никто здесь его не знал…»

– Ну, о чем ты хотел спросить? – заговорил Киран. – Виновен ли Тулум в сговоре с накхами и смерти государя? Вероятно, нет. Но в ней виновен ты!

– Я?! – возмутился Аоранг, забыв от такой несправедливости даже про Аюну.

– И ко всем бедам, постигшим Аратту, ты тоже причастен напрямую.

– Я ни в чем не виновен! К тому же я был в темнице и просто не мог бы…

– Хватит нести ерунду. Да, конечно, ты не убивал царственного Ардвана. Но, желая того или нет – впрочем, я думаю, желая, – добился любви его дочери. Влюбленность помутила ей разум, и она расторгла помолвку с саарсаном, сулящую Аратте большие выгоды. Ты знаешь об этом?

– Нет… Я не знал, что она сама это сделала, – сказал Аоранг, не сумев скрыть невольную радость в голосе.

– Тебя это радует?! – тут же вскинулся Киран. – Ты – мохнач, ты думаешь лишь о себе. А она царевна – ей следовало думать о державе! Но она отвергла и оскорбила Ширама – а дальше полилась кровь. Это ты виновен в том, что Аюна угодила в лапы обезумевшего накха! А теперь он покинул столицу вместе со всем отрядом. Ты ведь знаешь, на что способны накхи, не так ли? Что теперь они могут устроить в землях Аратты?

– Могу представить, – неохотно подтвердил Аоранг.

В глубине души он не мог не понимать, что Киран во многом прав. Что же такое? Все пошло не так, как он ожидал! Спеша сюда, юноша пылал от ярости и желания выпытать у подлого Кирана всю правду. Но вельможа вовсе не запирался и не юлил. Он сам обвинял Аоранга!

– Ты – чужак, тебе нет дела до всех тех, кто сложит голову, защищая свой дом, – продолжал стыдить его Киран. – Раз уж ты захотел обладать той, на кого не смели бросать взор знатнейшие арьи, какое тебе дело до нашей разрушенной страны? Ты поднял на меня руку – ты что же, полагал, что я испугаюсь? О нет! Мне доводилось сражаться и видеть смерть куда ближе, чем тебе. Нас всех впереди ждет война. Мой долг – остановить Ширама и спасти Аратту от рек крови, которые он прольет… А ты, мохнач, рассказывай своей кошке, как дорога тебе Аюна! – Киран повернулся к своему противнику спиной и презрительно бросил: – Ступай отсюда.

Пораженный до глубины души, Аоранг глядел в спину государева зятя. Таким он никогда его не видал.

Главное же, он ясно понимал – Киран не сказал ему сейчас ни слова лжи. Более того, все его чаяния были справедливы и благородны. А его, Аоранга, помыслы – мелкие и себялюбивые…

– Погоди! – выкрикнул он. – Да, я виноват и не отрекаюсь от своей вины. Но что мне делать?

– Искупить вину, что же еще? – хладнокровно ответил Киран.

– Как ее искупить? Как спасти ту, которая мне дороже жизни?

– Ты спрашиваешь как? – Киран резко повернулся к нему. – Мне удалось перекинуться несколькими словами с царевной,

прежде чем ее увезли в Накхаран. Она сказала, что даст согласие стать женой Ширама, если он не поведет свое войско на Аратту. Но никто не знает, как обстоит дело сейчас. Ширам жив, это известно. И Аюна жива. Могу сказать одно, – он наклонился к юноше, – если он будет мертв…

– Можешь не продолжать! – воскликнул Аоранг. – Я с ним расправлюсь!

– Ты сделал хороший выбор, – склонил голову вельможа. – Я помогу тебе в этом. Мои люди дадут тебе еду и оружие и выведут из города незамеченным.

Аоранг несколько растерянно побрел к выходу из сада. Вот только что он собирался свернуть шею Кирану, а теперь тот предлагает ему еду и оружие… Какое оружие? Он попытался себе представить, как вступает в схватку с Ширамом, как побеждает его… Бессмыслица. Святейший Тулум не позаботился обучить его владению оружием.

Он почувствовал, как большая лохматая голова трется о его бедро. Саблезубец, чувствуя тревогу своего единственного друга, пытался успокоить его и напомнить о себе. Аоранг на миг отвлекся от мрачных раздумий.

«Ты все еще здесь?» – мысленно обратился он к детенышу.

Саблезубец вместо ответа водрузил могучие передние лапы к нему на плечи и щедро лизнул шероховатым, как терка, языком его лицо.

– Я уйду далеко, и, может, навсегда, – тихо заговорил Аоранг. – А ты возвращайся в зверинец. Там будет хорошо. Там много еды…

Саблезубец вновь лизнул его прямо в нос.

– Нет, я говорю – возвращайся! Со мной ты не пойдешь. Сначала ты всех распугаешь, а потом за нами начнут охотиться. Ты понимаешь, что такое «охотиться»?

Об этом Рыкун не имел никакого представления. Но опустился на четыре лапы и уставился на друга, удивленно склонив голову. Аоранг сделал несколько шагов. Сзади раздалось гневное мяуканье.

– Да пойми же!

Мохнач повернулся, но зверя на месте уже не было. Лишь в кустах возле каменной изгороди мелькнула желтая пятнистая спина.

Глава 9. Разговор с огнем

Аоранг шагал по южному тракту. Широкая, ухоженная, прямая как стрела дорога тянулась среди полей и перелесков. Путь предстоял далекий, но молодого мохнача это не смущало. Он шел неутомимо и быстро и мог так идти очень долго – сколько сам желал. Время от времени он начинал разговаривать вслух сам с собой или тихо напевать. На душе у Аоранга было легко – впервые с того дня, как он возвратился в столицу и был схвачен городской стражей. У него появилась цель. Сам себе он не хотел признаваться, что был благодарен Кирану. Разумеется, не за то, что тот подстрекал его убить Ширама, а за то, что направил юношу туда, куда ему самому больше всего на свете хотелось, – вслед за Аюной.

Когда начало вечереть, Аоранг увидел семью косарей, отдыхавшую после дневных трудов на краю наполовину убранного поля. Он подошел к ним, поздоровался и спросил, не проходил ли сегодня мимо них царский поезд – всадники, свита на мулах, груженые повозки и крытые конные носилки, в каких путешествуют статуи богов и знатные персоны.

– Да, еще днем проехали, – подтвердили те.

Но смотрели на молодого путника недоверчиво и разделить трапезу, как велел обычай, не позвали. Аоранг не обиделся, он к такому давно привык. В любом из пределов Аратты он выглядел чужаком. Мохнача в нем опознавали не так уж часто – да оно и к лучшему. Жителей Змеиного Языка в Аратте видели редко, боялись и придумывали о них всякие небылицы. Мохнач же в человеческой одежде, да при этом без мамонта, – явление и вовсе непонятное, а потому вдвойне подозрительное.

Поэтому Аоранг поблагодарил косарей и отправился дальше. Он шел, пока совсем не стемнело, а царского поезда все не было видно. Но Аоранг не унывал. Если он и не догонит Аюну сегодня – то завтра-то уж наверняка! До Накхарана еще очень далеко, много дней пути, можно не спешить.

Поля понемногу сменялись пологими, заросшими редким лесом холмами. Пару лет назад Аоранг уже проезжал этим трактом. Он с удовольствием вспоминал, какими яркими станут через несколько дней звезды, как рощицы сменятся степями, как ночами начнет дуть теплый, пахнущий терпкой полынью ветер, а не прохватывать холодом подступающей с севера зимы. Но еще задолго до того он увидит Аюну!

Когда густо-синее небо усыпали звезды, он сошел с дороги и устроился в уютном, защищенном от ветра распадке между двумя

холмами. Развел огонь, угостил священное пламя кусочком снеди, которую ему перед выходом собрали слуги Кирана, затем поел сам и с удовольствием растянулся на своем меховом дорожном плаще, расстеленном на земле.

Наконец можно было отдохнуть. Аоранг закрыл глаза, думая о том, что где-то совсем близко отдыхает его любимая. Завтра они встретятся.

Но что делать дальше?

«Похоже, кончилось мое житье при храме, – раздумывал Аоранг. – Кто я теперь? Учитель сказал – беглый преступник… Вернуться в племя, к мохначам? А как же Аюна?»

Ясно одно – жрецом ему теперь не бывать. Аорангу представилось, как он день за днем призывает на рассвете храмовых куниц, ухаживает за священными быками… Он покачал головой. Все то, что раньше составляло его жизнь, поблекло и потеряло смысл. Как будто он умер и родился заново – неизвестно кто и какого рода, один-одинешенек в чужом мире.

«Жрец приносит жертвы богу, и сама его жизнь посвящена Исвархе, – размышлял воспитанник Тулума. – Прежде я ни о чем ином и не мечтал. Но теперь я хочу искать Аюну и бороться за нее!»

Вызвать на бой Ширама, отнять у него невесту… Так бы поступил арий, воин. Мохнач вообразил себя в золоченых бронзовых латах, гордо стоящим на колеснице с луком в руках, вновь потряс головой и смущенно усмехнулся.

Нет, все не то!

«Не тому меня учили. Тулум надеялся, что когда-нибудь я тоже стану светочем тайных наук и докажу всем, что мохначи ничем не отличаются от прочих жителей Аратты. Что среди народов нет худших и лучших, есть лишь добрые и злые люди. Не разочарую ли я его? Кто даст ответ?»

Аоранг приоткрыл глаза и устремил взгляд в огонь. Потом резко сел и расположился перед костром, подогнув ноги и сложив руки перед грудью. Он низко склонил голову, приветствуя божество, – ибо Исварха вечно присутствовал в каждом пламени и всякий огонь был воплощением его силы.

– Святой огонь, прошу, помоги мне, – обратился к нему Аоранг. – Я на распутье и не знаю, куда идти. Мир изменился, и все, чему я учился прежде, оказалось напрасным. Что мне делать?

Пламя потрескивало, поедая сухие ветки. Воспитанник жрецов прислушивался долго, но божество молчало.

– Святой огонь, – вновь заговорил он, – прости меня за упрямство, но мне очень нужен ответ… Впереди мне, похоже, предстоит сражаться. Но разве в Ясна-Веде не сказано: оружие

верного – добрые дела? «Благие мысли, благие слова, благие деяния» – мне это твердили с первого дня, как я появился в храме, раньше, чем я выучил данное мне учителем имя…

Он долго сидел неподвижно, глядя в пламя немигающим взглядом, пока оно не расширилось и не заполнило собой всю Вселенную. И тогда огонь ответил ему священными словами Ясна-Веды:

Каждый верный ежедневно вновь выбирает путь блага и следует ему до конца своих дней.

– Выбирать благо? Но я и так стараюсь это делать! – воскликнул Аоранг. – Вот теперь мне нужно спасти любимую, и ради этого, возможно, придется убивать людей. Но я не хочу превращаться в зверя! Вся моя жизнь была посвящена тому, чтобы перестать им быть…

И огонь вновь ответил ему:

Просто выбирать благо недостаточно. Выбор надо отстаивать. Если откажешься сражаться – тебя принудят те, кто не отказался…

Аоранг моргнул, и огонь, охвативший Вселенную, тут же рассыпался на мириады звезд.

– Благодарю тебя, божественное пламя, – ответил он и вновь поклонился, складывая ладони перед лбом. – Я буду думать…

Что-то со страшной силой ударило его в спину и подмяло под себя.

– Святое Солнце, опять ты?!

Аоранг злился; кроме того, ему было стыдно. Не заметить саблезубца, который вплотную подкрался к нему со спины и наверняка долго сидел в засаде, выбирая миг для броска! Только то, что с ним в это время говорил сам Исварха, извиняло его слепоту. А теперь Рыкун терся о него крутым лбом, хрипло мяукая от радости.

– Зачем ты за мной увязался? Раз убежал из зверинца, так и беги на свободу! Вон там – лес! Кыш отсюда!

Рыкун лениво отошел шагов на пять, развалился неподалеку и громко заурчал, поглядывая желтыми глазами на Аоранга.

– Ты что, так и собираешься со мной идти? Ну конечно, как же иначе! Куда ты теперь денешься, если с младенчества рос в зверинце? Как будешь добывать себе еду? Ну ты сам подумай, как мы пойдем по южному тракту? На меня и так-то смотрят косо, а тут еще зверюга с вот такенными зубами! Тебя убьют, дружок…

Аоранг махнул рукой, сел рядом с огромным детенышем и запустил пальцы в его густую шерсть на загривке.

– Зачем я только возился с тобой? – принялся рассуждать

он. – Почему не дал тебе помереть от голода, как это непременно случилось бы, останься ты на Ползучих горах? Теперь я уже не могу бросить тебя, теперь наши судьбы связаны, хотя я этого вовсе не хотел… Терпеть не могу саблезубцев! Вы – исконные враги людей и мамонтов. Таких, как ты, мохначи убивают копьями, снимают шкуру и приносят ее женщине, чтобы показать свою силу и доблесть. Если она готова ответить на любовь, она сядет на эту шкуру и посадит рядом с собой того, кто ее добыл… Ну прости, – спохватился он. – Тебе, наверно, неприятно это слушать… Хочешь, я расскажу тебе сказку про саблезубцев? Я когда-то слышал ее от Айхи – вот уж кто любит разные истории…

Аоранг невольно улыбнулся, вспоминая младшую родственницу – одну из немногих в его племени, кто был к нему по-настоящему добр.

– Ну, слушай! – обратился он к Рыкуну. – Пошел раз охотник на холодные равнины добыть оленя. Шел-шел – нет добычи. Начался буран, охотник заблудился, весь день ходил, настала ночь, а метель все не кончается. Охотник устал до смерти, лег в сугроб, начал было замерзать… Уж думал, что все, пропал. Вдруг видит – где-то вдалеке свет мигает и как будто поют.

Он обрадовался, выполз кое-как из сугроба и побрел на голоса. Вышел к незнакомому стойбищу. Котты там высоченные, цельными шкурами мамонтов крыты, а из самой большой слышно пение и стук бубна.

Вошел туда и обомлел. Глядь, вокруг очага сидят саблезубцы – целая стая! Старший из них бьет в бубен и поет, а остальные подхватывают. Ну, сел охотник тихонько у порога, слушает. Песня окончилась, и тут старший саблезубец как заревет:

– Внесите его!

Звери повскакали, охотник уж думал – конец ему пришел! Но они выскочили за дверь и вскоре внесли мертвеца. Охотник смотрит – человек. Копье к рукам примерзло, – видно, пошел охотиться и погиб в буране.

А саблезубцы завернули его в пятнистую шкуру, положили у огня и давай снова петь и плясать, дружно лапами топать – аж земля трясется. Тут мертвец встал, покачиваясь, и начал ходить вокруг костра. Обошел круг, другой – все увереннее ходил, уж не качался, и вдруг зарычал и начал плясать вместе с прочими. Охотник глядит – а мертвец больше не человек, он тоже саблезубец!

Тогда главный зверь посмотрел наконец на охотника, притаившегося у дверей, и говорит ему:

– Теперь ты знаешь, что делается с теми, кто погиб на охоте

или в набеге. Мы превращаем их в саблезубцев.

* * *

Крытые конные носилки неспешно двигались в полуденную землю. Дорога вилась между холмами, заросшими лесом. Потом они поедут степями. А затем, как обещал царевне Аюне провожатый, вдали покажутся горы – настоящие горы, в сравнении с которыми все эти холмы – лишь мозоли на теле земли. Вот как раз там, у подножия этих гор, начинались владения ее треклятого «нареченного».

Идти до них было еще очень неблизко. Царевна тосковала. Дорога казалась ей унылой, совсем как ее будущность. Аюна, чуть приоткрыв тканый полог, рассматривала однообразные холмы, вздымавшиеся то слева, то справа. «Когда я буду бежать отсюда, надо запомнить путь…»

Она резко одернула себя. Нет, разумеется, бежать она не будет!

«Я сама вызвалась принести эту жертву. Отступать и уж тем более бежать мне не годится. Я дочь Ардвана. Кровь взывает сохранять величие даже в беде…»

Она вздохнула, прикрыла глаза, убегая мыслями в прошлое. Перед ней вставала ее последняя встреча с Аорангом, когда он уезжал в горы мохначей искать Аюра. Тогда они и предположить не могли, что расстаются навсегда!

Сердце Аюны разрывалось от любви и боли. Если бы они только знали, что все так пойдет! Если бы Аоранг сказал тогда – бросай все, бежим… Но что-то внутри будто ожгло ее пощечиной. «Не сметь! – твердило это нечто. – Ты уже как-то уступила порыву чувства, и вот теперь смерть расправила крылья над державой отца. И сам повелитель Аратты был убит – по твоей вине!»

– Ты лучшее, что было в моей жизни, но я не могу, я должна забыть тебя, – шептала Аюна, не в силах больше удерживать слезы. – Я царевна! Если бы я только родилась в простой семье, у нас все было бы иначе… Уверена, я не проживу долго в Накхаране. Я умру от тоски, и моя тень вернется к тебе…

Аюна мотнула головой, стараясь отогнать привязчивое воспоминание. Позади слышались негромкие голоса слуг, бредущих рядом с возами. Дюжина воинов охраняла растянувшуюся вереницу людей, упряжных и вьючных быков и мулов. Киран не расщедрился даже на то, чтобы приставить к дочери покойного государя жезлоносцев – заявил, что те

понадобятся ему в столице.

– А ты все грустишь, моя госпожа?

Янди на тонконогом муле подъехала к носилкам. Аюна посмотрела на девушку с невольной завистью. Хорошо Янди – пусть у нее ничего нет, зато она может выбрать себе такого мужа, какого пожелает!

Новую служанку приставил к ней Киран, заявив, что юная вендка не только смышлена, но и обучена сражаться и в случае необходимости сумеет защитить ее. Смелая и веселая девушка понравилась Аюне; они часто болтали о том о сем, и незаметно для себя царевна начала относиться к ней как подруге.

– Не думаю, что высокородный Ширам будет доволен, увидев заплаканными твои прекрасные глаза!

Аюна фыркнула и резким движением утерла слезы:

– Он может получить мое тело, но…

– Ну да, конечно. Но искру твоей души он не получит, верно?

Янди криво ухмыльнулась, отчего ее тонкое лицо приобрело очень недоброе выражение.

– Если ты и впрямь желаешь победить своего победителя, не давай ему знать, что поражение тяготит тебя.

– Это как?

– Очень просто, моя госпожа. Ты говоришь о душе? У накхов тебя не поймут. У них мечи имеют души и змеи имеют души, а вот у людей дело обстоит иначе. Так что Ширам не будет посягать на твою душу. Полагаю, что и тело твое ему не очень-то нужно…

– Как ты смеешь? – нахмурилась Аюна. – Я дочь государя!

– Мертвого государя.

– Какая разница? Или от этого потускнела моя божественная сущность? Или честь, оказанная Шираму, стала меньше?

Янди усмехнулась еще неприятнее. Она помедлила с ответом, явно подбирая слова, но ответить царевне она не успела. Из-за кустов, тянущихся по склону ближнего холма, вылетело три дюжины легких оперенных стрел. Затем позади растянувшейся вереницы послышался оглушительный дикий вой и перекрывающий его боевой клич.

– Венды! – крикнула Янди, натягивая поводья и выхватывая один из дротиков, закрепленных у луки седла.

И тут же со всех сторон, будто муравьи из нор, полезли бородачи с топорами и копьями в руках. Один из них, рослый, широкоплечий силач, сразу бросился к конным носилкам, легко оттолкнул загораживающую их девушку и протянул руку к Аюне.

Янди не сопротивлялась. Она будто сама порхнула в сторону, быстро ухватила врага за волосы, собранные в пучок, резко подняла их и как ни в чем не бывало вогнала в затылок воина

длинную граненую бронзовую заколку.

– Спасайся, царевна! – воскликнула она, разворачивая мула навстречу неприятелям.

Аюна замерла, пытаясь нащупать лежавшие где-то тут лук и колчан со стрелами. Вот миг назад она видела их, а сейчас они будто пропали! Она шарила ладонями по стенам. Вдруг носилки резко накренились. Сзади послышалось беспомощное ржание. «Коня убили», – обреченно поняла Аюна, падая на бок. Краем глаза она видела, как пара вендов, стянув Янди с седла, тащат пленницу в кусты.

«Ну вот и конец», – подумала она.

В этот миг над ее головой прозвучало резкое, как удар доской:

– Эту к вождю!

Глава 10. Золотое дитя

Всю дорогу, с самого начала пути, Аюр размышлял, не совершил ли он большую ошибку. Не напрасно ли он поверил словам Невида, не зря ли согласился ехать с ним на север?

«Мое место в столице. Мой долг – спасать страну, а не бросать ее на растерзание заговорщикам!» – эта мысль точила его, не давая покоя. Но воспоминание об убийцах-вурсах и почему-то особенно – о взгляде Кирана у погребального костра остужало царевича. Что он может против врагов? Один, почти без поддержки?

«Спасение Аратты – не здесь, – твердил ему Невид. – Если хочешь найти верный путь, следуй за мной. Здесь, в столице, тебя ждет только смерть».

Разве он был не прав?

«Прав, – мысленно соглашался с ним Аюр, трясясь в крытом возке по бесконечно длинной северной дороге. – И я не хочу умирать напрасно… Но я еще вернусь – во главе войска, с верным Ширамом по правую руку!»

Вслух он, конечно, ничего подобного Невиду не говорил. У Северного храма явно были свои замыслы на его счет. Об этом ему еще расскажут, когда они прибудут в главный храм Белазоры, – так говорил Невид. Дескать, только там Аюр сможет обрести нечто такое, что поможет ему спасти Аратту.

«Что ж, послушаем, что они предложат и что захотят взамен», – думал Аюр, стараясь мыслить как государь. Северный храм был влиятельной силой, особенно в Бьярме и сопредельных землях. В столице его, однако, называли оплотом богохульников, и, судя по возмутительным речам старца, – ой не зря. Но сейчас царевичу было не из кого выбирать союзников. Порой ему казалось, что он умер тогда вместе с отцом и вознесся к Исвархе в священном пламени погребального костра. А тот, кто едет сейчас в возке вместе с этим многознающим, но, кажется, немного безумным жрецом, – какой-то совсем другой Аюр…

«Пусть северные жрецы мне помогают, хоть они и искажают веру Исвархи, – решил он в конце концов. – А уж потом, когда я доберусь до накхов и у меня будет войско…»

Ну и, кроме того, путешествие было весьма занимательно. Великая Охота, несмотря на все неудачи и несчастья, пробудила в царевиче любознательность, о которой он прежде и не подозревал. За каждым холмом или рощей ждали новые открытия. Даже несмотря на то, что поначалу, когда небольшой отряд то и дело проходил через городки и селения, Невид и Аюр

прятались в возке. Царевич целыми днями смотрел по сторонам из-за полуопущенных занавесей, и скучать ему было некогда.

Уже на третий день путешествия отряд вышел на берег великой реки Ратхи, что рождалась на восточных горах и, вбирая в себя притоки, текла к морю на далеком юге. Дальше они не мешкая двинулись вдоль ее гористого берега по хорошей дороге с плотной, набитой множеством повозок колеей к северу – в лесной край, называемый Бьярмой.

Аюр в этих местах никогда не бывал. Да и вообще до своей Великой Охоты он весьма мало что повидал, кроме окрестностей столицы и летнего дворца. Государь все время держал его при себе, как недавно осознал Аюр, из страха за него – ведь оба старших царевича погибли не своей смертью. А теперь умер и сам отец. «Лучше бы отец не прятал меня от бед, а готовил к ним, – раздумывал Аюр с досадой. – Я бы тогда не чувствовал себя чужаком в собственной стране!»

Здешние земли были очень похожи на земли ингри, но тут все было как-то просторнее и мощнее. Невообразимо широкая водяная гладь Ратхи, где рыбачьи челны казались березовыми листочками, изумила царевича. А уж Змеево море, говорили ему воины храмовой стражи, – так у него и вовсе дальнего берега не видать, и никому не известно, есть ли он вообще. Аюру не очень-то верилось, но он молчал. Великая Аратта, живым богом которой он теперь стал, весьма сильно отличалась от окрестностей Лазурного дворца и садов Верхнего города, и с этим приходилось мириться.

Северная дорога была так же хороша, как и та, по которой Аюр ехал на Охоту Силы, – прямая как стрела, ухоженная, с постоялыми дворами на пути. То и дело встречались отряды стражи, оберегающие путников от лихих людей. Правда, как сказал Невид, эта дорога была и единственной в Белазору. Еще одна подобная шла в Ратхан, третья – в Майхор, ну а между ними раскинулся дикий лесной край, где странствовать можно было разве что по рекам и звериным тропам.

– Мы зовем нашу землю Бьярмой, а ее жителей – бьярами, по одному из наибольших племен, – рассказывал по пути Невид. – Но на самом деле в лесах живет великое множество народностей из одного корня, говорящих на одном языке. Виндры, что зовут себя поморянами; горные вурсы; восточнее, ближе к горам, – арсури, южнее – маурема…

И перечислял, пока у Аюра голова не начинала идти кругом от незнакомых имен.

– Ну хорошо, значит, мы едем к морю, в земли виндров. Самый большой город там – Белазора, так?

– Да, наша столица. Даже теперь, когда море наполовину затопило ее, она остается главным городом Бьярмы. Змеево море медленно убивает север, но оно же и кормит его. Зимы у нас очень суровы, но волею богов море не замерзает даже в самые сильные холода…

– Удивительно, – заметил Аюр.

– Так и есть. – Старик задумчиво покачал головой. – Как будто что-то греет его изнутри! Многие считают, что именно там, в пучине вод, находится логово Первородного Змея. Море очень богато рыбой, а также полно чудовищ, которых порой и представить невозможно…

– Я слышал об огромных морских змеях! А кто там водится еще?

– Сам наверняка увидишь, если сходишь на рыбный рынок в Белазоре. Там и сейчас есть на что посмотреть, а уж раньше! Рыбаки-поморяне ловили неописуемых страшилищ и даже имели наглость предлагать на продажу для еды! Отчаянный люд были эти поморяне!

– Почему «были»?

– Сейчас их земли по большей части под водой.

Невид вздохнул и призадумался.

– А что на востоке, за рекой?

– Там леса, а за ними – снежные горы. Предела им никто не знает. И жить там невозможно. Они – ледяная стена вокруг мира…

Наконец северный тракт свернул от реки, уклонившейся к востоку, и вокруг как будто сразу стало темнее. Дорогу с обеих сторон стиснули непролазные еловые леса. Время от времени, когда дорога взбегала на какую-нибудь горку, леса расступались и путешественники видели деревянную крепостицу, огороженную частоколом, – вроде той, что Ширам приказал возвести на высоком берегу Вержи, – и городок с торжищем вокруг нее.

Дома бьяров заметно отличались от приземистых полуземлянок ингри. Кто побогаче, ставил себе высокие срубные избы, крытые еловой дранкой. Невид сказал, что этот обычай новый и бьяры повсеместно перенимают его у лесных вендов. Но еще встречались остроконечные, врытые в землю дымники, что местные жители называли саонами. Некоторые из них были почти неотличимы от поросших жухлой травой холмиков, затерявшихся среди желтеющих деревьев. Порой попадались и хлипкие берестяные шатры-котты.

– Это самое древнее жилище на свете, – сообщил Невид. – «Первой чашей были ладони, а первым домом – котта». Так

говорят бьяры.

Сами бьяры тоже весьма занимали царевича. Были среди них и пепельноволосые, с раскосыми светло-голубыми глазами, очень похожие на бледнокожих ингри, и темноволосые, и нечто среднее. Все они носили разукрашенную одежду из выделанной кожи и странной ткани, которую изготавливали из крапивы. Все как один ходили с луками за спиной. «Это, верно, потому, что они охотники», – думал Аюр, не привыкший к виду вооруженных простолюдинов.

А уж их женщины! Приближающуюся богатую бьярскую женщину было слышно издалека по бряканью и звону. И вот появлялось лесное диво, подобное диковинной птице или воину в пестрой броне. Бесчисленные бронзовые подвески болтаются на кожаном поясе. Кошели, расшитые ярким бисером, гребни, обереги – уточки, кони, лоси… Из-под тяжелой, подобной воинскому шлему нарядной шапочки свисают накладные косы из переплетенных красных, синих и бурых лент, почти закрывая лицо. Но местные красавицы носили все это великолепие, будто и вовсе не замечая его тяжести и неудобства. А порой даже лихо ездили во всем этом верхом на лосях.

Пока Аюр разглядывал местных жителей, Невид и ему раздобыл добротный кожух и сапоги на меху, чтобы тот не мерз. Кончалась пора листопада, и все чаще по ночам на землю ложился иней.

– Осталось нацепить глупую шапку с бронзовыми ушами, и можно не прятаться в возок, – ворчал царевич. – Все равно меня от бьяра уже никто не отличит…

Крепостицы и остроконечные дымники оставались позади, дорога снова ныряла в леса. Потом появилось кое-что еще. Чем дальше, тем чаще у дороги встречались раскидистые деревья, увитые разноцветными лентами и лоскутками. А то и стоячие камни, на которых были высечены некие божества, определенно не имеющие ничего общего с Исвархой. Проезжая мимо очередного, заваленного приношениями идола, Аюр не выдержал.

– Вот это кто? – обличительно простер он руку в сторону изваяния. – Что это за чудовище? Обожравшийся паук?

– Это владычица Тарэн в своем старшем, темном обличье, – безразлично ответил Невид.

– Ах, Тарэн?!

Аюр вспыхнул от возмущения. С жуткой богиней бьяров царевич уже познакомился, и знакомство было не из приятных. А проклявшего его оборотня из заповедного леса он и подавно запомнил надолго.

– Что эта уродина тут делает?

– Охраняет дорогу, – невозмутимо объяснил жрец. – Видишь, сколько у нее глаз и ног? Это означает, что она всеведуща, а также способна мгновенно попадать в любые пределы земли и неба…

– И это говоришь ты, жрец Исвархи?! Ушам не верю! Может, вы тут еще и жертвы ей приносите?

Невид усмехнулся:

– Ты не прав, Аюр. Тут почитают Исварху, но по-другому. Его тут славят под именем Сол. Но бьяры считают, что, кроме него, миром правят и другие могущественные силы…

– Но это кощунство, – уже привычно вздохнул Аюр. – Почему Северный храм не просвещает дикарей?

– У Северного храма есть дела поважнее, – отмахнулся Невид.

Однажды вечером они встали на ночевку в березовой рощице на пологом холме неподалеку от дороги. Жрецы разожгли костер и столпились вокруг него, чтобы согреться, – несмотря на холод, они оставались в своих мешковатых одеяниях, крашенных луковой шелухой. Пока варилась похлебка, Аюр накинул кожух и потихоньку ушел в рощу. После дня в пути ему просто хотелось размять ноги и пройтись в одиночестве. Он шагал в сумерках среди белеющих во мраке стволов, а вокруг с тихим шорохом осыпались листья. Откуда-то сверху порывами задувал ледяной ветер, как будто им веяло прямо с холодных и колючих звезд.

Поднявшись на вершину холма, Аюр разглядел внизу, в стороне от дороги, острые крыши бьярских саон. Над ними поднимались дымки. Подле каждого дымника торчали лаавы-кладовые на высоких столбах для защиты припасов от зверья – царевич такие уже видел у ингри. Где-то была откинута шкура, служившая дверью, и внутри уютно подмигивал огонь очага. В воздухе заманчиво пахло грибной похлебкой. «Хотелось бы знать, они так же гостеприимны, как ингри? – подумал Аюр, начиная спускаться с холма. – Я бы, пожалуй, поел…»

Неожиданно он угодил в высокую крапиву – целое поле, как будто нарочно тут высаженное. Обжегшись, Аюр выругался, выскочил из зарослей, поскользнулся на влажной от росы траве, съехал вниз по склону и свалился прямо на ближайший дымник. Берестяная, крытая дерном крыша с треском проломилась, и Аюр мигом оказался внутри.

В сумраке заверещали дети, кинувшись к матери. Повалил дым из очага, куда упал опрокинутый Аюром котелок с похлебкой. Мать первым делом быстро подхватила котелок, пока еда вся не выплеснулась, поставила на плоский камень у очага и лишь потом взглянула на нежданного гостя.

– Прости, – смущенно проговорил царевич. – Я сломал вам крышу. Я не хотел, просто упал…

– Гость в дом – бог в дом! – отозвалась женщина, глядя на него во все глаза без всякого признака страха.

Аюр отряхнулся, сел и огляделся с любопытством. Никогда прежде он не бывал в таких темных, тесных и душных домишках. Больше всего это жалкое жилище напоминало скверный, прокопченный походный шатер, поставленный поверх неглубокой ямы. Земляной пол был закидан еловыми лапами и устелен вытертыми шкурами, и все равно от него пробирало холодом. Видно, потому хозяйка жилища была в такой плотной юбке, что та напоминала войлочный ковер. Сперва из-за этого странного одеяния женщина показалась Аюру толстой, но потом он разглядел, что она худенькая, чтоб не сказать тощая, молодая, с усталыми глазами и приветливой улыбкой на бледном лице.

– Садись к очагу, господин, погрейся, пока я починю крышу, – предложила она и встала, бренча оберегами.

Она ловко вытащила сломанную слегу, поставила новую, заложила крышу кусками бересты и мхом. Все было сделано так быстро, что Аюр даже не успел отогреть у очага озябшие за время прогулки руки.

В избе пахло вареными грибами. Аюр сглотнул слюну. Ему вспомнилось, как во время путешествия в землях ингри его повар часто добавлял собранные слугами грибы в разные блюда. Там он привык их есть, хоть сперва и брезговал.

Дети, видя, что мать спокойно чинит крышу, выглянули из-под вороха облезлых шкур и с любопытством уставились на Аюра. Он насчитал троих, один другого младше.

– Ты прилетел с неба? – пропищал самый смелый.

– Вроде того, – ухмыльнулся царевич.

– А где твой шестиногий лось?

– Что?

Тем временем вернулась женщина и с улыбкой опустилась на колени перед очагом.

– Раздели с нами пищу, господин!

Она вытащила из расшитой поясной сумки деревянную ложку и протянула Аюру. Ложка сплошь была покрыта затейливой резьбой.

– Ее вырезал мой муж, – гордо сообщила женщина.

– А где он? На охоте?

– Его забрали строить Великий Ров, как и всех мужчин в селении. Еще в начале лета. И ничего о нем с тех пор не слышно.

– Гм… – промычал Аюр, первым запуская ложку в котелок. – Как – всех мужчин? А кто добывает вам пищу?

– Сами, – пожала плечами женщина. – Собираем грибы, ягоды, ловим рыбу. Сейчас сытая пора, лес прокормит, а вот зимой будет худо. Если не отпустят мужчин домой, не все доживут до весны.

– Это неправильно, – чуть подумав, сказал Аюр. – Почему забрали всех? О чем думает наместник вашего удела? Он собирается устроить тут голод?

– Должны были кидать жребий. Ну ты сам понимаешь, господин, как делаются такие дела. Вытянули его все бедняки, за которых заступиться некому. И везде так.

– А пожаловаться?

– Кому? – всплеснула руками бьярка. – Тут в одном селении уже пожаловались – так пришел отряд накхов, забрали всех мужчин, даже подростков, и угнали на строительство, и правых, и виноватых. А кто сопротивлялся – развесили на березах… – Она оглянулась на детей и шепотом добавила: – По частям… Нет уж, светлый господин, мы лучше сами как-нибудь.

– Да что «сами»?

– Наши боги защитят нас!

Аюр пожал плечами и принялся молча есть дальше. Выскребая ложкой дно котелка, он вдруг сообразил, что ел только он и дети, а женщина не ела. Значит, она отдала ему свою долю? Поняв это, он смутился.

«Ну ничего, – подумал он. – Теперь ваши беды кончились. Вам повезло встретить сына государя, а он непременно вознаградит вас за гостеприимство…»

Облизав ложку, он отдал ее бьярке и скинул кожух. Теперь царевич наслаждался теплом и сытостью, сонно рассматривая небольшого деревянного идола, что стоял у поддерживающего крышу столба. Перед ним лежали костяные зверьки-обереги и плошка с медом. Идол был трехликий, страхолюдный донельзя.

– Эту богиню я знаю…

– Как не знать! – засмеялась женщина. – Это же благая мать Тарэн!

– Благая? – скривился Аюр. – А как насчет оборотней, которым она покровительствует?

– Что поделать! – пожала плечами бьярка. – Мать людей и зверей добра, но гневлива. А в гневе она себя не помнит, как многие женщины. Когда шаманом овладевает Ярость Тарэн, он впадает в безумие и может убивать и убивать, пока рядом не останется больше живых…

– Но зачем поклоняться всякой злой нечисти? Есть один бог – Господь Солнце…

Бьярка в ужасе замотала головой:

– Что ты, господин! Мы, разумеется, чтим Сола, небесного супруга нашей Матери, – вон видишь? – Она показала на небольшой круг в правой руке Тарэн, в котором смутно угадывалось солнечное колесо. – Но дело в том, что небесным богам нет до нас дела. А благая Мать Тарэн – она всегда смотрит за своими детьми…

– А что это у нее в левой руке – не змея ли? – приглядевшись, спросил Аюр.

– Да, это знак Хула, ее второго мужа.

– Кто такой Хул?

– Ты смеешься, господин? Хул – это враг! Тот, кто живет под землей и под водой, кто насылает потопы и болезни…

– Погоди! Так эта ваша Тарэн замужем и за Исвархой, и за Первородным Змеем?! – Аюр, не удержавшись, расхохотался. – О Святое Солнце!

– Но она ненавидит Хула и стремится его убить, – уточнила бьярка. – Впрочем, Сола она тоже больше не любит. Ведь он прогнал ее и отверг Зарни!

Она произнесла это имя с особым придыханием. Дети снова высунулись из-под шкур и уставились на Аюра, как будто чего-то от него ожидая.

– Кто это – Зарни?

Видимо, отклик ожидался явно не такой – семейство бьяров опешило, услышав его слова.

– Сын Тарэн, сын солнца и мрака, Золотое Дитя – Зарни Зьен, – пылко проговорила женщина. – Наш защитник и заступник перед людьми и богами, Рожденный в полете!

Аюр нахмурился, вспоминая. Кажется, про Зарни он что-то слышал – в детстве, от старой няньки.

– Это же сказки! О волшебном парне, который летает по небу на золотом шестиногом лосе и сражается с чудовищами…

– Это не сказки! – наперебой завопили дети.

– Тихо вы! – прикрикнула на них мать. – Давай, господин, я расскажу тебе о Зарни. Эти истории мы любим и можем рассказывать их ночи напролет…

Дети тут же вылезли из-под шкур. Набравшись смелости, они окружили Аюра и сели рядом с ним, украдкой прикасаясь к его длинным темно-золотистым волосам.

– В незапамятные времена было на небе два бога, два брата-близнеца, Сол и Хул. Раз поспорили они, кто из них будет главным, подрались, и Сол спихнул Хула вниз. Тот обиделся, забрался под землю, а потом решил, что и там ему неплохо.

Так и стали они жить – Сол озарял небо, Хул повелевал подземными водами. А на земле правила богиня Тарэн, благая и

свирепая.

Хул, хоть и прижился под землей, держал обиду на брата и во всем старался портить ему жизнь. Как они человека создавали, это история особая, а я расскажу другое. Вот раз Сол и Тарэн решили пожениться, а что устроил Хул? Принял облик брата и пришел ночью к его жене. А когда Тарэн забеременела, взял да все брату и рассказал, веселясь и радуясь своей пакости.

– Ну теперь женись на мне, – сказала Тарэн.

– Не могу, ты ведь жена моего брата! – заявил Хул.

И спрятался к себе под землю. Тогда Тарэн отправилась на небо, но Сол ее туда не пустил.

– Иди, – говорит, – к брату, теперь он твой муж, а не я!

Тарэн разгневалась и сказала:

– Никто из вас мне не нужен, и даже не суйтесь в мой серединный мир!

И полетела на землю. А в воздухе у нее родился сын, сияющий, как солнце, озорной, как Хул, и добрый – сам по себе.

Старые люди говорят – раз увидели, как падает звезда. Пала прямо на крышу бедной котты, и та вспыхнула, будто в нее ударила молния! Люди сперва убежали. Потом набрались смелости, вернулись, глядь – нет пожара! Только крыша пробита, а на полу лежит новорожденное золотоволосое дитя и смеется.

– Вот такой он, Зарни, Рожденный в полете, – закончила молодая бьярка. – Поскольку он родился между небом и землей, он стал богом нашего мира. Он любит людей и защищает их перед всеми богами, в том числе и перед своей матерью Тарэн. Он побеждает чудовищ и змеев, он научил бьяров сажать ячмень, ставить ловушки на зверей, варить пиво… У него нет капищ, ему не поклоняются в кереметях – но он бродит где угодно и может войти в любой дом…

И все семейство восторженно уставилось на царевича.

«Да они думают, что я – это он!» – сообразил ошеломленный Аюр.

– Вы думаете, что я – Зарни Зьен?!

– А разве нет? Ты упал с неба. И разве бывают у людей такие волосы – золотые, как солнечное сияние?

Все посмотрели на него с глубоким и почтительным восхищением.

– Ты ведь сын бога?

– Это правда, я сын бога, – со вздохом подтвердил Аюр. – Но…

Женщина низко поклонилась ему. Дети с воодушевлением повторили ее движение.

– Это очень большая честь – принимать тебя, сын Солнца! – говорила хозяйка, неотрывно глядя на него. – Жизнь стала тяжела, и твоя мать жестока к нам. Ясный Сол от нас совсем отвернулся, ему нет до бьяров никакого дела. А Хул, пользуясь этим, собирается сожрать весь мир. Господа сгоняют людей копать Великий Ров, но разве им по силам противиться ему? Только на тебя вся надежда! Может, ты уговоришь своих отцов смилостивиться над нами? Люди всего севера надеются только на тебя, добрый Зарни…

«Я не Зарни», – хотел заявить Аюр.

Но промолчал. Ему было их жалко, и он не хотел разочаровывать детей.

– Оставайся у нас, Зарни, – попросил старший мальчик, трогая его за руку. – Там снаружи холодно и темно. А завтра взойдет солнце, и твой шестиногий лось прилетит за тобой. Мы очень хотим на него посмотреть!

Шестиногий лось! Аюр едва не расхохотался. Но его уже разморило, и в самом деле никуда не хотелось идти. «Приду утром, – сонно подумал он. – Надо будет им что-то дать…»

Ему постелили на лучшем, самом дальнем от выхода месте, у очага. Аюр укрылся шкурой и мгновенно уснул.

Проснулся Аюр под ясным небом, в совершенно незнакомом месте. Над его головой раскачивались сосны, свистел ветер, а где-то поблизости слышался равномерный накатывающий рокот. Аюр приподнялся на локтях:

– Где я?

– Мы уже полдня как в пути, – раздался рядом голос Невида. – Ты все утро проспал в возке.

– Но я уснул в дымнике…

Аюр сразу вспомнил все – ночь, поле крапивы, голодное семейство, грибную похлебку и сказки о Зарни.

– Что ты с ними сделал?! – подскочил он.

– Да ничего, – хмыкнул старый жрец. – Они проснутся и увидят, что тебя нет. И окончательно убедятся, что ночью их посетил Зарни Зьен.

«И это он знает!» – с досадой подумал Аюр.

– Послушай, ты можешь смеяться, следить за мной, подслушивать, – сердито заговорил он, поднимаясь с расстеленного на земле мехового плаща. – Но я сам буду решать! Ты знаешь про строительство этого Великого Рва?

– Да. Бессмысленная затея твоего дяди Тулума. Я ему об этом не раз писал, но он не желает слушать.

– Они забрали на строительство всех мужчин в этом селении!

– И не только в этом. Не хватает рук, а вода наступает.

Аюр принялся ходить туда-сюда, как всегда, когда его что-то волновало. Старый жрец наблюдал за ним с любопытством.

– Они в столице просто не знают, что тут творится, даже не представляют! – воскликнул царевич, резко останавливаясь. – Надо это немедленно прекратить! Надо переселять отсюда людей на юг, а не морить их голодом и развешивать на березах! Все, дай мне охрану и припасы. Я возвращаюсь.

– Куда?

– В столицу. Пойду к дяде, к Тулуму. Как я сразу об этом не подумал?! Мне надо спасать Аратту!

– Именно для этого я и везу тебя в Белазору. Не забыл?

– Нет, – буркнул Аюр. – Но смотри не обмани меня!

Глава 11. Город костей

В последний день путешествия Невид всех разбудил и поднял в дорогу еще затемно. Они ехали под звездами, по высеребренной сверкающим инеем дороге, в облаках пара, который вырывался изо рта людей и упряжных быков. Вокруг стоял неподвижный, словно скованный заморозками, хвойный лес. Аюр, пользуясь темнотой, шагал вместе с прочими, даже радуясь этому. «Хоть согреюсь, а то в возке околел бы от этакого мороза! – размышлял он. – В столице, когда наступает луна холодов, добрые люди сидят у жаровен и пьют горячее вино! Но эти жрецы – да люди ли они вообще? Даже сандалии на сапоги не поменяли!»

– Не спорю, рановато выступили, но тому есть причина, – раздался бодрый голос Невида, шагавшего рядом в своем мешкообразном потрепанном рубище. Ему, кажется, вообще никогда не бывало холодно. Но Аюр, помня, как старик обжег его одним прикосновением, уже вообще ничему не удивлялся.

– К рассвету мы будем в Белазоре, а это большой город. Чем меньше народу нас увидит, тем лучше.

Но прежде чем войти в столицу Бьярмы и отплыть оттуда на остров, где находился Северный храм, Аюр впервые в жизни увидел море. Еще накануне, после того как он проснулся на пригорке, они вышли на крутой берег, и вдруг откуда-то налетел сильный ветер, пропитанный непривычными запахами гниющих водорослей и рыбы, и снова послышался глухой равномерный грохот. Юноша невольно прикрыл глаза ладонью – перед ним простирался сияющий серо-голубой простор, однообразный и непрерывно движущийся, ближе к берегу покрытый беловатыми барашками.

– Вот и оно, наше Змеево море, – сказал Невид. Царевич с удивлением услышал теплоту и чуть ли не нежность в его голосе. – Его называют так еще и потому, что его длинные извилистые заливы-языки глубоко врезаются в тело Бьярмы. Вот первый из таких языков…

Аюр, щурясь от вспыхивающих на волнах солнечных бликов, смотрел вдаль. Море лениво накатывало на берег, над волнами носились и пронзительно кричали белые чайки.

– Нынче славный день, – сказал Невид. – В небе ни облачка, и ветра почти нет. Если бы тут настоящий ветер поднялся да набежали тучи – ты бы увидел совсем другое море!

Скоро сосновые рощи скрыли море из виду, но его терпкое дыхание еще долго следовало за ними, пока не растворилось в запахах мхов, грибов и еловой смолы.

К тому времени, как ночное небо стало едва заметно светлеть, лес отступил от обочин и остался позади. По сторонам все чаще начали встречаться дома, окруженные небольшими полями. Аюр спросил жреца, что тут сеют, – ему казалось невероятным, чтобы что-то полезное могло вырасти в таком суровом краю. Однако тут растили многое – овес, ячмень, лен. И даже крапиву – на веревки и ткани.

Потом деревянные – островерхие и двухскатные – дома сменились каменными, и Аюр понял, что они вступают в Белазору. Теперь строения вокруг были привычного ему вида – каменные дома в два-три крова, с лестницами, башенками и подвесными галереями.

– Ого! – воскликнул он, вертя головой по сторонам и разглядывая ряды еще спящих городских особняков за высокими стенами. – Да тут у вас в самом деле как в столице. И не скажешь, что мы на краю света!

– Это когда-то построили арьи, – ответил Невид.

Они проехали через большую, явно торговую площадь, где уже ходили люди, мычали быки и ставились шатры, – как и на любом торгу, жизнь тут пробуждалась с рассветом. Невид велел Аюру снова забраться в возок и спустить занавеси, а прочим сердито крикнул не задерживаться. По обе стороны снова потянулись дома, еще площадь, совершенно пустая…

Аюр, во все глаза смотревший по сторонам из возка, вдруг заметил, что они едут вдоль необитаемых домов с заколоченными дверями и окнами, закрытыми ставнями.

– Они что, все брошенные? – удивленно спросил он.

– Здесь – да. Можешь тут поднять занавесь и смотреть…

Аюр так и сделал. И вскоре, к своему ужасу, понял, что едет по мертвому городу.

Все здания тут были брошены и разрушены. Дома без крыш, с поломанными стенами, словно их разнесла рука какого-то безумного великана. На стенах кое-где еще виднелись следы краски, но бóльшая часть выглядела так, как будто ее всю смыло.

Чем дальше, тем страшнее выглядели разрушения. Уже не дома, а просто утопающие в грязи и гниющих водорослях кучи камней. Из этого месива торчала то уцелевшая колонна, то лестница, ведущая в никуда, делая эти развалины еще более жуткими. Все вокруг было серым – и предутреннее небо, и руины. Серые, мертвые деревья без листвы рядами торчали вдоль дороги из… воды?

– Что тут произошло? – прошептал Аюр, невольно стискивая руками край возка.

– Сюда пришло море, – ответил Невид. – Большая волна в одну ночь затопила полгорода. Тут была гавань Белазоры, торжища, склады… Сейчас это место называется Городом Костей, а сам город сдвинулся к югу. Здесь – лишь развалины, которые порой накрывает вода, а когда она уходит, они утопают в жидкой грязи и зыбучем песке. И не приведи тебя Исварха сойти с дороги – засосет вмиг…

Они ехали по дороге, которая теперь больше напоминала плотину. По обеим ее сторонам тихо плескалась вода. Развалины теперь торчали прямо из моря и попадались все реже – по мере того, как вода становилась глубже…

Наконец возок остановился.

– Вылезай, – велел старый жрец. – Дорога кончилась.

Аюр выбрался наружу и увидел перед собой конец плотины, в который с мерным грохотом били пенистые валы. У хлипких причалов качались на волнах несколько низких лодок, и весельных, и с торчащими мачтами. Из лодок поспешно выбирались, глядя на них, какие-то люди. А вдалеке, в тумане, устремлялось в небо нечто огромное, острое…

– Что это?

– Это и есть Северный храм, – торжественно объявил Невид, указывая туда, где из моря поднималась темно-серая скала с остроконечной вершиной.

Приглядевшись, Аюр увидел, что вся верхняя часть скалы – это рукотворная крепость. Он видел стены, башенки, ведущие на вершину дороги, вырубленные прямо в камне. Где-то в вышине чуть розовели купола, похожие на облака. Они выглядели так, будто именно там рождалась заря нового дня.

– Как красиво, – пробормотал Аюр.

– Самый высокий – это храм Тысячи Звезд. Оттуда мудрецы столетиями наблюдают за ночным небом, стараясь понять, описать и предугадать движение светил.

– Там и живет этот ваш великий Светоч Исвархи?

– Да, там он и живет, – подтвердил Невид, с явным удовольствием вдыхая пахнущий водорослями морской воздух.

Подбежали лодочники и, низко кланяясь, помогли прибывшим перебраться в пляшущие на волнах лодки. Ветер наполнил паруса и понес их в море. Это было совсем не похоже на хождения по реке, которые порой устраивал для развлечения отец Аюра. У царевича перехватывало дух от качки, и в первый миг казалось, что утлая лодка вот-вот перевернется или зачерпнет воды и тут же пойдет на дно. Но перевозчики знали свое дело, и остроносая лодка скользила между накатывающих валов, как бегущая лисица меж кустов.

Удивительная крепость становилась все ближе. Аюр только поражался, до чего же она огромна. Как люди могли построить этакое чудо на скале среди моря?

Когда лодка подошла к причалу, навстречу Невиду кинулась толпа жрецов, подхватила и повлекла его наверх. Видя, как он распоряжается, а все кланяются ему, чуть не падая ниц, Аюр что-то заподозрил. А когда старика принялись усаживать в великолепные носилки, чтобы нести наверх, в храм, до царевича наконец дошло.

– Это ты – Светоч! – воскликнул он, обвиняюще ткнув в него пальцем. – Ты – верховный жрец Северного храма!

– Так и есть, – невозмутимо подтвердил Невид.

– Почему ты сразу не сказал?! Зачем столько времени морочил мне голову?

– Некоторые вещи можно лишь прожить самому. Это все равно что съесть за тебя обед.

– Ах вот как!

Аюр резко остановился.

– Признавайся, зачем ты меня сюда заманил?!

– Ты сам решил сюда ехать – или забыл? Пойдем со мной. Жрецы отведут тебя туда, где ты сможешь омыться и переодеться в чистое. Дорога была долгой, нам нужно отдохнуть. Мы сегодня почти не спали, и лично меня клонит в сон.

Окруженные восторженной толпой жрецов носилки отправились наверх по узкой извилистой дороге. Аюр проводил их злобным взглядом. «Он же не рассчитывает, что я потащусь наверх пешком? А, нет, вот несут еще одни…»

Когда царевич забрался в удобные носилки, его гнев несколько остыл. Покачиваясь на ходу, он зевнул и подумал, что ему в самом деле не помешает отдохнуть. А потом наконец поговорить с Невидом не так, как прежде, а так, как следует. Не как преследуемый убийцами мальчишка и ехидный старый жрец, а как законный властелин Аратты и глава второго – а может, на самом деле и первого по могуществу – храма страны.

* * *

Аюр и Невид стояли на огороженной каменной площадке, глядя на беспредельный простор Змеева моря. Над ними, совсем близко, нависал огромный купол, уже не розовый, как на заре, а золотистый, отражающий солнечные лучи и заливающий пространство потоками света. С такой высоты была очень далеко видна иззубренная заливами линия побережья, леса Бьярмы в

голубоватой дымке, бесчисленные крыши Белазоры, рассеченные прямыми линиями улиц. Сверху особенно удобно было разглядывать очертания затопленной части города, с новой гаванью, словно белые ребра кита, торчащие из воды в жутковатом порядке.

– Погляди, – указывая туда, произнес Невид. – Не правда ли, Белазора чем-то похожа на дерево, попавшее под удар жестокой бури? Одной частью она мертва, а другой еще пока зеленеет. Причем живая часть растет себе, не желая знать о мертвой… То же самое сейчас можно сказать обо всей Аратте.

– Но что мы можем сделать? – с досадой отозвался Аюр. – Наводнения, бури и прочее – предотвратить их не в человеческих силах. Я – сын царя. Я рожден, чтобы править, я воспитан для этого. Так дай мне править! Я обещаю, что всегда буду поддерживать Северный храм. Я дам вам любые преимущества…

– Оставь эти речи. Не это мне сейчас от тебя нужно.

– А что? Знаешь, мне уже надоели твои притчи! Ты зачем-то выманил меня из столицы и привез сюда. Ну так говори, что тебе от меня нужно!

Невид посмотрел на него искоса:

– Ты знаешь, чего я хочу. Чтобы ты спас всех нас – от этого.

Старый жрец указал на безмятежное синее море, которое раскинулось до самого окоема.

– От моря? – Аюр расхохотался. – Я, по-твоему, Исварха? Ну то есть я, конечно, земное воплощение Исвархи – вернее, стану им, когда пройду обряд, – но даже тогда я не смогу приказывать морю!

– Как знать? – загадочно ответил Невид. – Пошли со мной. Покажу тебе кое-что.

Они спустились по винтовой лестнице и оказались в круглом зале с потолком-куполом. Зал был совершенно пуст, а свет в нем был устроен так искусно, что мягко рассеивался, не ослепляя.

Пестрый и красочный мозаичный узор на полу, как вскоре понял Аюр, изображал Аратту и окружающие ее земли, степи и леса, реки и города, ледяные горы и омывающие ее границы моря. Аюр поглядел наверх и совершенно не удивился, обнаружив там звездное небо со всеми созвездиями, выполненными из стекла и бронзы. В центре купола сияло золотое солнце с привычным милостивым ликом Исвархи, что невольно порадовало царевича. После разговоров в пути с Невидом он временами думал, что в Северном храме поклоняются Змею, если не кому похуже.

– Погляди… – Невид прошел по мозаичной Аратте, встал примерно посередине – как раз там, где находилась столица, – и

широко обвел вокруг себя руками. – Погляди на север и юг, на запад и восток от наших границ. Что ты видишь?

Аюр пожал плечами:

– Ничего.

– Именно. Куда бы ты ни обратил свой взор – ты увидишь только дикость. Аратта в мире такая одна. Племена, будь то ингри на западе или венды на востоке, не говоря уж о мохначах, живут в берестяных хижинах, избах из бревен или кожаных шатрах, и цель их жизни – добыть немного еды и чтобы их самих не сожрали дикие звери… И так – повсюду, кроме Аратты.

– Это правда? – с невольным любопытством прислушиваясь к речам жреца, спросил Аюр. – Я никогда не задумывался об этом. Разве в мире нет ничего подобного Аратте? А как же те древние города на юге, за теплым морем? Мне о них рассказывал дядя Тулум. Кажется, они весьма велики…

– Города! – презрительно фыркнул Невид. – Они, по сути, ничем не отличаются от непомерно огромных селений народа Великой Матери, которые во всем подобны обычным муравейникам. Иные дикари любят жить вместе всей своей огромной семьей – вот и строят себе хижины размером с холм…

– Вот как! Но почему бы им не построить себе правильный город, как у арьев, если уж они хотят жить вместе?

Невид воздел палец к рукотворному небу:

– Они не могут! И не желают. Их сознание еще не проснулось… Я искал проблески. Твой дядя тоже, но он явно не понимал сути своего поиска. А все потому, что он смотрел вширь, а не вглубь.

– Как это – вглубь?

– В глубины времени. Понимаешь, дикие племена этого мира понемногу растут. Очень, очень медленно. Где-то умеют делать изумительные глиняные горшки, где-то поют прекрасные песни. Некоторые ходят по кругу, как тот удивительный народ Великой Матери, который давно остановился в росте и понемногу умирает, не сознавая этого. Но пройдут тысячи лет, прежде чем хоть кто-то из них – во всем обитаемом мире! – станет таким, как мы.

Аюр удивленно молчал, слушая слова Невида. Старик говорил весьма необычные вещи. Сказать по правде, царевич ни о чем подобном никогда даже не задумывался. К чему это он ведет? Одно ясно – не просто так.

– Знаешь ли ты, царевич, что ни один народ в мире, кроме нас, не имеет письменности? – продолжал глава Северного храма. – Жрецы порубежных вендов, когда их попытались обучить, так ничего и не поняли – лишь приспособили наши

буквы для своих колдовских обрядов. Вырезать «Ард» на ясеневой доске, полить кровью и повторить три раза, чтобы в три раза сильнее подействовало!

Царевич хмыкнул, подумав: «И все же к чему он клонит?»

– А вот такого никто в мире изготовить не может.

Невид достал откуда-то из рукава своего одеяния небольшой нож. Аюр сразу обратил внимание на его необычный холодный блеск. Ножен не было, – должно быть, они крепились к предплечью.

– Покажи! – сразу оживился царевич.

При виде оружия он невольно обрадовался. Голова его уже гудела от обилия новых знаний и непривычных мыслей. Но, разглядев толком нож, Аюр был ошеломлен.

– Я не понимаю, что это за металл, – проговорил он, поднося клинок к глазам. – Я не вижу следов точила… Но он невероятно острый!

– Его создали таким сразу, – объяснил Невид. – Не сковали, а отлили, словно бронзу.

– Но это не бронза! Где, кто их делает? Я хочу такой себе!

Невид хмыкнул и забрал нож у царевича.

– Как ты думаешь, сколько лет этому ножу?

– Он совершенно новый! Видно, что им никогда не пользовались.

– Ему самое меньшее полтысячи лет. И я им пользуюсь уже лет десять.

– И он не тупится? – недоверчиво спросил Аюр.

– Не тупится, я пробовал. Он оставляет насечки на бронзе. А что до того, кто его сделал, – это были арьи. Видишь вытравленную надпись? Так вот – сейчас мы подобный клинок изготовить не можем.

– Арьи забыли, как делать такие ножи? – проговорил царевич, пораженный, каким мрачным внезапно стал голос верховного жреца.

– Вот именно – забыли. Ты понимаешь, что это значит? Племена, окружающие и населяющие Аратту, понемногу растут – а мы забываем. Они дикари, но они движутся вперед, мы же – назад, как народ Великой Матери. Время его давно прошло, он застыл в нем, как муха в смоле. А мы? Что мы такое? Или мы когда-то тоже остановились и медленно умираем? Пройдут века, и когда нынешние дикари станут великими народами – от арьев не останется ни следа… – Невид внезапно оборвал сам себя и уставился на царевича. – Так что ты думаешь? Аратта – благословение богов или что-то чуждое для этого мира?

– Конечно благословение, как иначе?! – не задумываясь,

возмущенно ответил Аюр. – Аратта – светоч мира! От нее все благо!

– Хе-хе… А далеко не все так думают. Есть племена на юге, которые считают, что это они – настоящие арьи, а мы лишь украли себе их имя и землю…

На губах Аюра мелькнула насмешливая улыбка.

– Чумазые дикари, которые кочуют в степях Десятиградия? Что нам до них?

– Как тебе сказать… Кое-кто из их вождей считает, что Аратта – проклятие мира и должна быть уничтожена.

– Они говорят об этом вслух и подбивают дикарей на бунт? – нахмурился царевич. – Почему эти люди еще живы?

– Их не так просто поймать… Несколько лет назад твоему дяде удалось схватить нескольких смутьянов. Однако эти речи не прекратились. Вся степь твердит, что ложные арьи, то есть ты и я, – это лишь дивы в человеческом обличье, а никакие не люди. А потому если Аратта не исчезнет, то гневные боги уничтожат и весь мир вместе с ней.

Аюр задумался.

– Эти речи опасны, их нужно прекратить. Как только я верну власть, то немедленно пошлю накхов разобраться с этими степными мятежниками…

Верховный жрец слушал царевича с нарастающим разочарованием на лице.

– Ты говоришь, как сын этого мира. Как маленький вождь дикарского племени.

– Как ты смеешь…

– Нет, это как ты смеешь рассуждать подобным образом?! Я жду от тебя совершенно иного!

– Но что я сказал неправильно? – Царевич так удивился, что забыл даже оскорбиться.

– Так же рассуждал и Ардван, и за это небо отвернулось от него, – гневно сказал Невид. – То же самое ждет тебя, если ты не откроешь глаза и не перестанешь быть дикарем, забывшим все, что знали его предки…

– О чем ты? – воскликнул Аюр, отчаявшись понять слова старца. – Я хочу услышать тебя, но не могу. Я готов вспоминать, если это так важно для Аратты, – но что я должен вспомнить?!

В глазах Невида промелькнуло удовлетворение.

– Что вспомнить? Я тебе скажу. Ты – сын вечных богов, сын Исвархи. Вспомни об этом, отыщи в себе бога – или мы все умрем.

– Но я и так знаю, что я сын бога… – с недоумением начал Аюр.

Невид поднял руку, останавливая его:

– С завтрашнего утра мы начнем заново изучать Ясна-Веду. Как боги сошли на землю. Как они завоевали ее. Как они сражались друг с другом и как они одолели в битве Первородного Змея.

– А мне-то это зачем?

– Если все это могли твои предки – значит сможешь и ты.

Глава 12. Жертва Змею

Проснувшись, Аюр вскочил с заваленного мехами ложа, встряхнулся, встал на руки и прошелся в сторону окна по холодным каменным плитам пола. Радуясь невесть чему, он вернулся в прежнее положение и уставился на волны, плескавшиеся внизу, насколько достигал взор. Погода нынче стояла редкостная, солнечная, и море казалось спокойным, словно и не бурлило никогда, и не поглощало берег, как голодный зверь добычу. Тут царевич вспомнил вчерашние слова Невида о том, что им предстоит весь день читать Ясна-Веду, и сразу приуныл.

«Священные тексты подождут. Сперва надо здесь все изучить, – без колебаний решил царевич и начал одеваться. – Там, внизу, столько всего интересного…»

Он вспомнил полузатопленный город, который не успел толком рассмотреть вчера в сумерках. Неужели в этих развалинах еще живут люди? А рынок, на котором продают морских чудовищ!

«Я должен во что бы то ни стало взглянуть на них!»

Убедившись, что Невида поблизости нет, Аюр сбежал по длинным винтовым лестницам, спустился в нижний двор храма и решительным шагом направился к воротам. Встречные служители молча склоняли перед ним голову. Он лишь кивал в ответ, раздумывая, что скажет там, на пристани, за воротами.

Однако, к его удивлению, все обошлось на редкость просто. Завидев его, главный из лодочников, как и все прочие, начал кланяться и спрашивать, чего угодно молодому господину.

– Я желаю осмотреть город, – не знающим сомнения тоном объявил Аюр.

– Как скажешь, молодой господин, как скажешь…

Начальник переправы жестом указал двоим верзилам браться за весла и отвязывать одну из лодок от причала.

– На той стороне, в храмовой сторожевой башне, ты можешь подобрать себе достойное оружие и коня.

Как и обещал глава лодочников, в башне нашлись вполне приличные лук, стрелы, копье и все, что подобает настоящему воину. Конечно, их было не сравнить с теми, которые хранились в оружейной палате Лазурного дворца. И все же с таким оружием не стыдно было бы выйти на бой.

Отряд храмовой стражи, стоявший здесь, был невелик – всего-то пара дюжин. Узнав о намерениях царевича, командир отряда

кивнул четверке снаряженных воинов, отдыхавших поблизости. Те, схватив оружие, бросились к своим коням. В первый миг Аюр собрался было возразить, но, вспомнив о недавнем происшествии у стен башни накхов, благодарно согласился на охрану.

Кони неспешно шли по мощеной улице. Аюр с нескрываемым любопытством разглядывал все, что только мог увидеть. Дома несколько разочаровали его – точно таких же было полно в Нижнем городе столицы. Пожалуй, только окна, закрытые тяжелыми деревянными ставнями, отличали их от привычных царевичу. Да и сами оконные проемы были поменьше, чтобы хранить жителей от лютых северных ветров. Стоило ехать так далеко, чтобы чувствовать себя будто на окраине столицы!

Аюр повернулся к старшему из храмовых стражников, могучему бьяру с узкими глазами и висячими русыми усами, державшегося по правую руку от него.

– Как тебя зовут?

– Называй меня Туоли, юный господин, – степенно ответил воин.

Аюр невольно усмехнулся. С детства к нему обращались не иначе как «солнцеликий». А сейчас – так, будто он был простым мальчишкой-арием из хорошей семьи.

– Мне говорили, что здесь на рыбном торжище можно увидеть множество диковинных морских гадов.

Стражник пожал плечами:

– Я вырос в Белазоре и всех обитающих в нашем море рыб видел с детства. Но, по правде говоря, водятся тут такие, что на них лучше даже не глядеть.

– Да?

Аюр подбоченился и, будто не расслышав последней фразы, объявил:

– Я желаю их увидеть. Отведи меня туда.

– Как скажешь, юный господин, – без особой радости согласился Туоли. Он ткнул рукой в узкий проезд между домами. – Тогда нам сюда. Только осторожнее, на дороге рытвины.

Мощеная улочка и впрямь была неказиста. Если развести руками во всю ширь, то кончиками пальцев можно было коснуться стен. Сначала она взбиралась на холм, потом спускалась вниз к самому морю. Однако, чуть не доезжая до него, длинная прибрежная полоса была заставлена торговыми лабазами и лавками, между которыми толпился народ. От людей остро разило рыбой, но это был не тот запах, который появлялся, когда жители великой Ратхи целый день везли свой улов в столицу. Совсем нет. Эта рыба пахла морем, пожалуй, даже

сильнее, чем само море.

Подъехав к первому лабазу, Аюр спешился. Стражники последовали его примеру.

– Нет, я хочу пойти один, – сказал он. – Хочу поглядеть на здешний люд, поговорить с ними. А увидев вас, они решат, что я желаю у них что-то выпытать. Так что ждите меня здесь.

– Я не могу этого сделать, юный господин, – возразил Туоли. – Мне приказано охранять тебя.

– Тогда держитесь поодаль. Если что, я сумею продержаться до вашего прихода.

Туоли поглядел сверху вниз на Аюра. Макушка того едва достигала его носа. Впрочем, и трое остальных храмовых стражей мало уступали ему ростом и шириной плеч. За спиной каждого из них царевича было просто не видать.

– Как скажешь. Но все же будь осторожен.

Аюр небрежно кивнул и направился вперед, разглядывая выложенную на прилавки свежую добычу. В этот ранний час торговля была в разгаре. Местные хозяйки толпились, перебирая рыбин, оживленно споря с торговцами, расхваливающими необычайные достоинства утреннего улова. Аюр глазел на обитателей морских глубин, совершенно не обращая внимания, как местные обитатели изумленно глазеют на него.

Туоли не кривил душой, говоря, что далеко не все дары пучины приятны на вид. Одна рыба – толстенная, как надутый бычий пузырь, с выпученными красными глазами и острым, будто шило, хвостом – билась на прилавке, хватая ртом воздух.

– А вот пожалуйте! – заметив любопытство приезжего, бодрой скороговоркой начал торговец. – Отличный товар! Лучшего не найдете! Нынче такую редко поймаешь!

– Ее что же, едят? – покачал головой Аюр.

– Это когда как! Если она на суше, то вы ее – а если в воде, то она вас! Как повезет! А вот еще, погляди-ка, господин…

Торговец вытащил бадейку, на дне которой под водой лежало три странного вида замшелых камня. Вот только камни эти были покрыты слоем бородавок и угрюмо глядели на царевича бессмысленными круглыми глазами.

– Святое Солнце! Что это за твари?

– Рыба-камень! Мясо нежнейшее…

На лице говорившего появилось мечтательное выражение.

– Сам бы ел, да слишком дорого! А так и пожарить, и в вине потушить… Так и самому государю Ардвану не стыдно на стол подать!

Лицо царевича вдруг омрачилось. Ему вспомнился погребальный костер отца и торжествующий Киран над его телом.

– А если не желаешь, то вот еще, – по-своему оценив смену настроений юного ария, затараторил рыбник. Он потянул к прилавку другую бадью, заполненную уродливыми существами со множеством лап, пара которых заканчивалась клешнями. Совсем как у раков, есть которых Аюр брезговал, – но, говорят, в Нижнем городе они пользовались большим успехом. Бадья была заполнена этим существами, и казалось, ничто не мешает им расползтись, но не тут-то было – каждый из них норовил схватить собрата, стащить вниз, не дать выбраться.

– Наилучшие крабы, поверь, наилучшие…

Торговец вдруг осекся и молча уставился куда-то за плечо Аюра. Уязвленный невниманием царевич было собрался его резко окликнуть, но ощутил, что над торжищем внезапно повисла гнетущая тишина – лишь морские волны мерно накатывали на берег где-то в отдалении. Казалось, даже обожравшиеся рыбьей требухой чайки опасливо умолкли. Позади раздался скрип колес.

Аюр оглянулся. Пара запряженных в повозку крепких мулов тащила неведомое огромное существо. Оно было похоже на черную змею, но такую толстенную, что Аюр едва бы смог обхватить ее. В длину существо было не меньше восьми шагов, так что хвост его, заканчивающийся острым плавником, волочился по земле. Круглые желтые глаза змея были каждый с чашу величиной. Распахнутая пасть ощетинилась рядами загнутых внутрь острейших зубов.

– Что это? – завороженно спросил Аюр.

– Плохой знак… Очень плохой знак, – почти шепотом ответил рыбник. – Вода придет. Скоро придет…

– Говори толком!

Торговец поглядел на юного ария с нескрываемой досадой. Чужак был хорошо одет, не по годам властен и, уж конечно, не знал, что такое убиваться день-деньской, чтобы прокормить семью. Но кто он, чтобы кричать на вольного жителя Белазоры?

– Малек Первородного Змея, – прошептал торговец. – Тот их завсегда перед собой вперед высылает. А потом уж и сам является…

Царевич недоверчиво поглядел на него. Он что, всерьез?

– Прогневили его чем-то. Жертву готовить надо.

– Какую еще жертву? – возмутился Аюр.

Рыбника в этот миг было не узнать. Куда делась услужливая широкая улыбка? Его скуластое лицо будто вытянулось и побелело.

– Ясное дело какую. Тот, кто Змея прогневил, – тот к нему и отправится ответ держать…

– Прогневил Змея?!

– Может, именем его поклялся, да слово не сдержал. Может, в набегающую волну плюнул…

Торговец умолк и вдруг взялся за широкий разделочный нож.

– Да только из наших, – глядя долгим взглядом на молодого ария, проговорил он, – такого никто делать не стал был. Вот чужак – иное дело…

Аюр попятился, осознавая, к чему клонит торговец рыбой.

– Эй, эй! – закричал тот. – Сюда! Тут он!

Никто из торгующих не удосужился даже спросить, о чем это горланит их собрат. Все разом выскочили из-за своих прилавков, схватившись за ножи и топоры, и двинулись к чужаку. Но прежде чем кто-то успел приблизиться к царевичу, Туоли со своими людьми оказался рядом.

Вид храмовой стражи с обнаженными клинками быстро успокоил толпу. О чем-то тихо переговариваясь, местные разом отхлынули. Тут же послышались голоса:

– Нет, не он это!

– Ничего, сейчас отыщем!

– Это малец Тойну, я видела, он с причала в море дохлую крысу бросил! – раздался пронзительный голос где-то поблизости.

– Тойну! – загомонили вокруг. – Мальчишка Тойну! Идем за ним!

– Да, жалко мальчонку, – глядя вслед удаляющейся толпе, вздохнул Туоли. – Ему, поди, всего шесть зим, никак не больше…

– Что здесь происходит? – рявкнул Аюр.

– Кто-то прогневил Первородного Змея. Того, кто это сделал, найдут и принесут в жертву. Иначе снова придет большая волна и накроет город…

– Ты же служитель храма! Как можешь ты так говорить об этом?! Этого нельзя допустить!

– Так здесь всегда делали, – развел руками десятник.

– А теперь я запрещаю! Слышишь – я, Аюр, сын Ардвана, государя Аратты! Мой отец погиб, но я жив, и я велю остановить это кощунство!

Туоли с сомнением посмотрел на раскрасневшегося юношу, сжимающего кулаки. На умалишенного тот был, пожалуй, не похож. Может, правду говорит?

– Мне и самому это не по нутру, – виновато проговорил он. – Да только нас тут при храме и трех десятков не наберется. Городская стража и того менее. Как с этакими силами управиться, ежели весь город восстанет? Щитов и доспехов у них нет, но метать острогу здесь учатся тогда же, когда и ходить…

– И все равно я не допущу этого. Ты знаешь, где будут

приносить жертву?

– Знаю, да только ходить туда не надо…

– Не смей указывать мне, что делать, а что нет! – гневно выкрикнул Аюр. – Пошли одного человека в храм – рассказать верховному жрецу о происходящем. А вы втроем идите со мной. Ты укажешь дорогу!

* * *

Мокрая брусчатка длинной кривой улицы была густо покрыта притоптанной тиной. На стенах покинутых домов гроздьями висели серо-зеленые раковины, так густо облепляя их, что порой и камень под ними не был виден. От пустых окон, как от глазниц черепов, веяло застарелым ужасом. Они точно навсегда запомнили тот день, когда большая волна ворвалась в город и вломилась в дома, круша все на своем пути.

В прилив тут и доныне стояла вода. Однако сейчас по улочке можно было ходить.

– Там, у самой воды, – пояснил Туоли, – был рыбацкий храм. Рыбаки тут приносили благодарения за богатый улов, за то, что Первородный Змей не забрал их жизни, за добрую погоду и попутный ветер. Что уж, им всегда было за что благодарить! А потом эта часть города ушла под воду. В тот день многие спаслись в храме, под самой крышей. Но потом к храму явился сам Первородный Змей.

– Сам? – недоверчиво спросил Аюр.

Нет, в его существовании царевич, конечно, не сомневался. Но представить, что Первородный Змей, враг всего сущего, пожирающий Солнце, просто так выныривает из моря…

– Те, кто видел, говорили, что он куда больше того малька, которого нынче привезли на торжище. Ну вот как мизинец и рука. Все плавал у стен. Трупы, что вода несла, жрал. Целый день, говорят, глотал их и все никак насытиться не мог… А потом старики, которые в храме прятались, меж собой подумали и решили, что не просто так Змей явился. Что сильно он на людей осерчал. Подумали, что его так раздразнило, нашли виновного и у ворот храма привязали. Чудище вскоре явилось и жертву приняло. И ушло восвояси. Даже вода потом отступила, хоть и не совсем – то уходит, то снова возвращается. А как мальков его к берегу прибивает, так сразу ясно – Змей вновь гневается и скоро опять тут будет…

– Если бы это услышал мой дядя Тулум, – свирепея, заговорил Аюр, – он приказал бы заковать тебя в цепи и

отправить копать свой великий канал!

– Так я что? Я ж ничего, – развел руками Туоли. – Это здешние жители так говорят! Их отсюда куда пошлешь? Дальше-то, поди, некуда… О, вот и добрались.

Улица закончилась, и они выехали на просторный, пустой песчаный берег. Остатки домов, чуть торчащие из дюн, были здесь совсем сглажены волнами. По обе стороны дороги там и сям виднелись жители Белазоры. На этот раз на Аюра никто не обратил внимания – все пристально глядели в сторону моря, оживленно переговариваясь.

– Тут прежде дорога была, но ее совсем илом да песком занесло, – сказал Туоли, натягивая поводья. – Вон там, видишь, обломки стен торчат? Это храм и есть.

Десятник указал на два каменных столба с частично разрушенной резной аркой между ними. Они торчали из воды шагах в ста. В столбах виднелись ниши, где стояли изваяния Исвархи Рассветного и Закатного. По центру арка была увенчана полным солнечным диском, однако ныне на его месте остались лишь обломки.

Чуть выше, на плоской скале, виднелись развалины заброшенного храма.

– Там люди, – пробормотал Аюр. – Что они делают? – Брови царевича сдвинулись к переносице. – Я вижу ребенка.

В самом деле, к одному из столбов был привязан мальчик. Возле назначенной Змею жертвы стояла пара рыбаков с острогами в руках.

– А ну прочь от него! – крикнул Аюр, выхватил лук из налуча и наложил стрелу на тетиву.

Заметив это движение, рыбаки с острогами спрыгнули в мелкую воду и кинулись наутек.

– Если в городе узнают, что мы отбили жертву… – озабоченно заговорил Туоли.

– Так пусть твои люди догонят их и скрутят.

Десятник отдал приказ.

– Да побыстрее, – добавил он. – Начинается прилив!

Всадники поскакали вслед за улепетывающими к городским развалинам рыбаками, а царевич послал коня вперед, по засыпанной песком дороге.

Когда Аюр с охранником приблизились к разрушенным воротам, мальчишка висел на удерживавших его веревках, будто мертвый.

– Что с ним? – встревоженно спросил царевич.

– Спит. Его опоили сонным зельем, чтобы бедолага не мучился.

Туоли спешился, вытащил кинжал и начал перерезать веревки.

В этот миг кони испуганно захрапели. Скакун, на котором сидел Аюр, взвился на дыбы так, что чуть не выкинул его из седла. Конь Туоли, лишенный седока, с громким ржанием унесся по дороге к берегу.

Вода неподалеку от разрушенных ворот вспенилась. Над волнами появилась длинная треугольная морда на толстой, как дубовый ствол, змеиной шее. На миг Аюр обомлел. Чудовище, должно быть не обращая внимания на него, дернуло головой к столбу, у которого была привязана жертва. Но в тот же миг Туоли отскочил с мальчиком в руках. А царевич выпустил стрелу, целя страшилищу в глаз.

Будь на месте огромного змея земное существо, он непременно бы попал в круглую желтую плошку. Однако шея твари двигалась непривычно, странными рывками, и стрела вонзилась чуть выше глаза. Морское чудовище распахнуло многозубую пасть и издало странный звук, одновременно похожий на кряхтение и скрежет.

На тетиве Аюра уже лежала новая стрела. Конь под ним метался, пытаясь броситься наутек. Однако Аюр был весьма ловким наездником. Но даже это не могло его спасти. Длинный острый хвост появился из воды позади до смерти перепуганного скакуна и с силой ударил его по ногам, так что конь немедля опрокинулся на спину, едва не придавив царевича. Тот перекатился через голову, схватил с земли одну из выпавших стрел – и в тот же миг распахнутая пасть оказалась прямо над его головой.

Пущенная стрела полетела наугад, однако промахнуться сейчас было сложно. Наконечник вонзился в нёбо чудовища. То с возмущенным клекотом замотало головой и вновь забило хвостом, стараясь сбить врага с ног.

Аюр отпрыгнул и оказался в полуразрушенной воротной арке. Тут же запустил руку в колчан и с ужасом обнаружил, что там нет ни одной стрелы. Все они уныло плавали в подступающей уже к коленям воде. А чудище с открытой пастью вновь готовилось к броску. Едва успел Аюр метнуться в одну из ниш, как столбы сотряс ужасающий удар. Змей в ярости пытался разнести остатки ворот. Еще удар – и камни арки посыпались вниз. Чтобы не оказаться погребенным под развалинами, Аюр выскочил наружу и оказался прямо перед змеем.

Царевичу вдруг вспомнился день его Охоты Силы. Как он тогда досадовал на Ширама, отобравшего у него честь победы над лесным чудовищем! А теперь Аюр глядел на змея, понимая, что

ничего, кроме кинжала на поясе, у него не осталось, никого не было рядом с ним. Силился передавить взглядом бессмысленно яростные глаза. Весь мир вокруг перестал существовать. Остались только он и чудовище. Казалось, он чувствует, как стремительно начинают сокращаться мышцы морского змея и его зубастая голова, почти как стрела из лука, выстреливает ему в грудь.

Время замедлилось, а потом и вовсе остановилось. Падающие с рукавов капли застыли в воздухе… Аюр отбросил лук, схватился за изваяние Исвархи Рассветного, невероятным усилием вытащил его из ниши и прыгнул в сторону. Зубастая голова оказалась прямо перед ним. Удар, еще удар! Царевич тяжело, будто стараясь растолочь в пыль череп страшилища, несколько раз опустил статую на его голову.

Зубы твари лязгнули совсем рядом, сорвали налуч… И в тот же миг Аюр вонзил двенадцатилучевой каменный венец Исвархи прямо змею в глаз. Тот вмиг отпрянул, высоко взвившись над водой и показав длинное бочкообразное тело с ластами по бокам, заскрежетал и, развернувшись, устремился в морскую пучину.

– Я же кричал, чтобы ты прятался! – Рядом появился Туоли. Не веря глазам, он ошеломленно поглядел вслед уплывающему чудищу. – Исварха Всевеликий! Ты победил его! Ты одолел его в одиночку! Ты и впрямь настоящий повелитель Аратты!

Глава 13. Кольцо лучника

Аюр сидел на постели в своих покоях, завернутый в меховую накидку, силясь унять бьющую его дрожь. Он не мог понять отчего – ведь он победил! Мальчонка спасен; морской змей, один вид которого способен был заледенить кровь человека, изгнан.

«И главное, теперь никто не посмеет усомниться в моей доблести, – вдруг подумалось царевичу. – Множество глаз, пусть и издали, наблюдали за моей схваткой…»

Ему вспомнилось недавнее возвращение в храм. Жители Белазоры с топорами, ножами и острогами молча глядели на него, не смея отвести глаз. Они провожали каждый его шаг, будто стараясь навсегда запечатлеть его в своей памяти, чтобы когда-нибудь потом поведать о нем внукам и правнукам. Подведенный Туоли конь неспешно шел, цокая копытами по брусчатке. А люди, будто завороженные, роняли наземь оружие, склоняли голову и прижимали к лицу сложенные ладони.

– Зарни! – летело над толпой уже знакомое ему имя. – Зарни Зьен!

Тогда Аюр чувствовал невероятный подъем сил. Его распирало от гордости. Хотелось кричать что-то грозное и радостное. Но слова крутились в голове, не выстраиваясь в стройные фразы. А теперь слов и фраз было множество – но его почему-то трясло, и зубы цокали друг о друга, не желая останавливать нелепый перестук.

Местный лекарь почтительно смазал его ушибы и ссадины. Царевичу все помнился его взгляд – лекарь, один из младших жрецов, старался держаться как обычно, но смотрел на него так, будто видел перед собой живого бога…

– Что ты делал в городе? – раздался с порога резкий старческий голос Невида. – Разве я позволял тебе уходить?

– Разве я спрашивал твоего дозволения? – тут же вскинулся Аюр. – Ты, должно быть, забыл – несмотря ни на что, я государь Аратты!

Сын Ардвана почувствовал, что дрожь и зубовный стук куда-то разом пропали. Он отбросил накидку и встал, снова ощущая себя гибким и полным сил, подобно виноградной лозе.

– Да, пожалуй, теперь ты и впрямь мог бы стать государем…

– *Мог бы* стать?!

– Что бы ты ни искал сегодня в городе, ты нашел судьбу. Рыбаки, торговцы, хозяева лодок и харчевен бросились восстанавливать старый храм. Теперь там будет святилище в честь твоей победы над Змеем. Они видят в тебе куда больше, чем

просто молодого государя, прибывшего защитить свой народ… Ты для них уже тот, кем должен стать…

– Что я должен, старик? Что и кому?

Аюр подошел вплотную к верховному жрецу. Невзирая на долгий путь сюда, проделанный вместе, казалось, он впервые так четко и ясно увидел лицо Светоча Исвархи. Оно все было покрыто морщинами, лишь только яркие, медового цвета глаза глядели неожиданно молодо. А еще в них чувствовалась какая-то невероятная сила, точно глаза и впрямь были из драгоценных камней, но внутри их горел живой огонь.

– В первую очередь ты должен себе. И своим предкам-арьям, забывшим, для чего небо избрало их вождями. Для чего оно дало им силу покорить все остальные народы и мудрость править столько поколений кряду. А еще ты должен всем тем, кто уверовал в тебя. Можешь, конечно, сказать, что не хотел этого, что тебе не нужна их вера, но перед небом эти слова – тлен. Ты сделал то, что тебе надлежало сделать. И все последующее – лишь следствие этого.

– Опять загадки! – недовольно скривился Аюр. – Если в самом деле что-то знаешь, так говори – я слушаю! Ты много твердишь о предначертании, когда я спрашиваю, в чем оно…

– Потому что это твое предначертание.

Глава Северного храма будто клещами вцепился в плечо царевича:

– Пошли, я тебе кое-что покажу.

– Что на этот раз? – хмыкнул царевич.

– Увидишь сам.

И он потащил его, будто лодку волоком против течения.

– Куда мы идем?

– Ты хотел знать о предназначении? Скоро узнаешь.

Они шли долго. Наконец, проплутав по вырубленным в скале извилистым коридорам, они оказались возле двери, которую охраняла пара плечистых угрюмых стражников. Верховный жрец сделал им знак расступиться. Те безмолвно повиновались. Старик быстро склонился над дверью, что-то пошептал, поглаживая доски кончиками пальцев, затем толкнул дверь, и та легко подалась.

– Это темница? – настороженно спросил Аюр.

– Ну что ты! Смотри. Разве что-либо здесь напоминает тебе о месте нашего знакомства?

Старец выхватил из кольца над входом один из факелов, зашел внутрь, обвел пламенем стены, и на ней вдруг вспыхнул ряд огней – неярких, но вполне достаточных, чтобы осветить тайный чертог. Аюр усмехнулся – в этом не было чуда. В стенах

были выдолблены чаши, в которые заблаговременно залили горючее масло и вставили фитили. Но кажется, верховный жрец и не думал поражать этим рукотворным чудом своего гостя.

– Войди, – пригласил он.

В вырубленном в скальной толще небольшом чертоге и впрямь не было ни лежанок, ни каменных приступок. Ничего – лишь небольшая каменная подставка в середине, на которой лежало обгорелое запястье человеческой руки. На сморщенном, обугленном большом пальце блестело золотистое кольцо с выступом-когтем.

– Что это? – удивленно спросил Аюр.

– Я думал, ты знаешь. Это кольцо лучника. Если желаешь выстрелить далеко и точно…

– Нет, для чего здесь рука? Чья она?

– Зачем тебе знать? – прищурился жрец. – Когда-нибудь узнаешь. Сейчас куда важнее другое. Тот, кто надел кольцо до тебя, полагал, что имеет на него право…

– Погоди, ты сказал, до меня? – перебил его царевич.

– Да, потому что теперь оно твое.

– И ты полагаешь, я стану им пользоваться? – Аюр брезгливо отвернулся от обгорелой пясти. – Если мне понадобится, у меня будут сотни, тысячи подобных колец.

– Конечно. Но лишь это позволит тебе сразить Первородного Змея. Лишь с ним ты сможешь натянуть солнечный лук.

– Тот, о котором говорит Ясна-Веда? – Аюр недоверчиво поглядел на кольцо. – Солнечный лук Исвархи?

Конечно, он знал и это сказание. Похоже, здесь, в Бьярме, писания древности одно за другим воплощались в жизнь…

– Но разве сегодня я не победил Змея?

– Ты ранил его и отогнал, это правда. Однако неведомо, был ли это тот самый Первородный Змей или кто-то из его детей. Неведомо, испуган ли он или разозлен. Уйдет в пучину или вернется? А если вернется – сам или с родней? Как написано в Ясна-Веде, лишь с этим оружием ты сможешь победить.

– Но здесь нет оружия!

– Нет, – согласился Невид. – Но есть ты. Видя звено цепи, ты можешь потянуть и вытянуть всю цепь. А можешь смотреть и ждать, когда цепь вытянется сама. Но человеческий век слишком краток для этого. Если ты решишь и сумеешь взять кольцо, то, видимо, сможешь добыть и все остальное.

– Что ж, пусть так и будет, – согласился Аюр и шагнул к обугленной руке.

– Но помни о судьбе предшественника! Он тоже думал, что вправе обладать…

– Да, ты говорил, – отмахнулся царевич. – Я уже решил сделать это. Все остальное не имеет значения.

Невид застыл на пороге, не сводя с него глаз. Аюр стянул тяжелое кольцо с засохшего пальца. Рука была небольшая, отметил он про себя, и надвинул кольцо себе на большой палец правой руки.

В тот же миг его пронзила острая боль. Царевич пошатнулся, едва не вскрикнув, попытался быстро стащить кольцо, но оно будто вцепилось ему в палец. Оно жглось так, будто металл был раскаленным и с каждым мигом накалялся все больше. Аюр стиснул зубы, чтобы не выдать себя и не заорать. «Я все равно сильнее! – стучало у него в голове. – Я победил Змея! И тебя осилю!» В нем закипала неизвестная ему прежде злоба, превращавшаяся в решимость победить. Страха не было – только ясное осознание: «Вот еще немного… И я осилю!»

В глазах его потемнело. Перед ним замелькали видения каких-то странных теней, невиданных прежде людей, зверей и существ, вид которых бросал в дрожь… И в этой полной призраков темноте вдруг вспыхнуло море огней.

То ли видение, то ли воспоминание – темная волна вздымалась, колыхая звезды, а может, это качались тысячи плывущих по воде светильников. На гребне волны, окруженный пеной, едва касаясь ее килем, парил золотой корабль. Впервые за все время своих видений Аюр рассмотрел его так хорошо и близко…

А затем он услышал звуки, будто кто-то играл на диковинном, неизвестном ему инструменте. Таких не было в столице, да и у ингри Аюр ничего подобного не слышал. Будто теплый весенний ветер звенел натянутыми струнами паутинок. Звуки становились все явственней, и постепенно Аюра охватил глубокий покой. Он осознал, что ничего прекраснее никогда не слышал. Казалось, он весь целиком наполнен этой нечеловеческой музыкой.

Жгущая боль начала исчезать. Нет, она не прошла совсем – она будто обратилась в некий внутренний пламень, горячащий кровь, дающий незнакомую прежде силу, побуждающую действовать. Казалось, вделай сейчас кольца в небо и в землю – и он притянет одно к другому…

Огромная волна подняла корабль к небесам, а затем обрушилась на Аюра. В последний миг он успел заметить, как корабль, как пух одуванчика, оторвался от пены и полетел дальше, превращаясь в горящую на черном небосклоне звезду.

Аюр с силой выдохнул и резко открыл глаза. Тьма рассеялась. Пылающие звезды превратились в светильники на стенах. На

большом пальце у него поблескивало тяжелое кольцо лучника, и никаких ожогов он не увидел.

– Что ж, ты жив, – услышал он голос Невида. – Это прекрасно…

Голос жреца слегка дрожал.

– Конечно жив!

Аюр рассмеялся. Сама мысль о том, что с ним могло случиться нечто ужасное, сейчас его забавляла.

– Как видишь, я не собираюсь превращаться в головешку!

– Твой старший брат тоже не собирался, – сухо ответил глава храма.

– Старший брат? – ошеломленно уставился на него Аюр. – Но он же утонул в Майхоре десять лет назад!

– Ты все услышал верно. Попозже я поведаю тебе эту историю. Говори, что ты видел?

– Разное… – Царевич вдруг почувствовал себя бесконечно усталым, провел рукой по лбу и опустил голову. – Много, я все не запомнил…

– А лук? Ты видел, где солнечный лук?!

– Никакого лука я не видел. Но там была музыка. Необыкновенная, чудесная музыка!

За дверью вдруг послышался шум – громкие голоса, топот бегущих ног, резкий стук. Аюр быстро повернулся, уже привычно кладя руку на рукоять кинжала. Дверь распахнулась, и в тайный чертог, запыхавшись, вбежал молодой жрец – тот самый лекарь, который еще недавно врачевал раны царевича.

– Беда, святейший! – закричал он. – На город идет большая волна!

Эпилог

На высоком берегу южного притока Ратхи арьев ждала удачная охота. Целые стада большущих голоногих птиц преспокойно ходили в густой траве, даже не думая улетать. Воины со смехом били их палками, перекидываясь между собой фразами о том, что на этакую живность даже стрелы жалко тратить. За рекой ревели трубы. Накхские всадники тщетно пытались прорвать строй колесниц и, словно сжатые колосья, падали под копыта коней и шипастые колеса. Вначале бойцы отряда, оставленного Кираном на случай, если кому-то из змеиных выродков удастся перебраться через реку, внимательно следили за сражением. Но затем, когда аромат жарящегося мяса позвал их к кострам, бросили это бестолковое дело. Что там следить? Загнанные в камыши накхи оказались в западне, из которой не было выхода. Рассевшись у костров, арьи обсуждали меж собой произошедшую битву, говоря, что в столицу им придется вернуться без славы, но зато сытыми и хорошо отдохнувшими.

Уже смеркалось, когда появились они. Полыхавший на низком берегу реки пожар бросал на всадников багровые отблески, делая их и без того ужасные закопченные лица и вовсе нечеловеческими. Они появились будто из-под земли. Первый увидевший их воин быстро вскочил, ткнул в приближающихся наездников пальцем, да так и остался стоять с открытым для крика ртом. А спустя мгновение его голова отлетела в сторону, снесенная лунной косой саарсана. Арьи в суматохе хватались за мечи и луки, некоторые бросились к стоящим в отдалении косящим колесницам. Но добежать не успел никто.

Поле схватки оглашалось лишь ржанием коней и криками ужаса. Да и сколько там было этой схватки? Вырвавшиеся из западни накхи пронеслись по незащищенному стану, рубя все живое. Полторы сотни человек расстались с жизнью так же быстро, как и забитые ими птицы. Когда же с этим было покончено, саарсан отер кровь с клинка и спрыгнул наземь. Он был мокрый с головы до ног – речная вода и вражья кровь пропитали его черное одеяние, – но ему не было до того дела. Лицо Ширама пылало таким жаром, что казалось, даже над одеждой поднимался пар.

– Отрубить им всем головы и сложить их глазами к реке. – Он кивнул в сторону противоположного берега, над которым бушевало пламя степного пожара. – Пусть хоть после смерти смотрят, куда должны были смотреть при жизни… Постойте. Если

найдется хоть один живой, тащите сюда.

Вскоре к ногам саарсана рухнул раненый арий.

– Я ничего не сделал! – умолял он. – Я никогда не замышлял ничего дурного против накхов! Я простой колесничий…

При слове «колесничий» глаза Ширама полыхнули и кулаки сжались.

– Отрубите ему руки и ноги. Да сразу прижгите, чтобы не истек кровью и не впал в горячку. – Он склонился над пленником. – Когда тебя отыщет Киран – я думаю, это будет скоро, – передай ему мои слова. Я уничтожу Аратту! Я не буду знать покоя до тех пор, пока гора из черепов арьев не сравняется с нашими горами! Первородный Змей давно не получал кровавой жертвы, и отныне я обещаю кормить его, не скупясь…

– Друг, что ты такое говоришь? – запинающимся голосом произнес Хаста, бледный даже в сгущающихся потемках. – Зачем тебе это все? Вспомни Аюра…

– Молчи! Не смей говорить, пока я тебе не позволю! – Ширам метнул на рыжего жреца яростный взгляд. – Ты мне брат, но я повелитель накхов. – Он вновь обернулся к ждущим его приказа воинам. – Рубите головы! Забирайте оружие, коней и еду. Сожгите колесницы. И поскорее. Нас заждались в Накхаране.